МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

Юго-Западного государственного университета

Серия
Экономика. Социология. Менеджмент

№ 3 (16)
2015

Курск

№3(16) 2015
Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-44617 от 15.04.11).

Журнал «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент» включен в перечень ведущих научных журналов ВАК Минобрнауки России

Редакционная коллегия

С. Г. Емельянов (главный редактор), д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ;
Ю. В. Вертакова (заместитель главного редактора), д-р экон. наук, профессор, ЮЗГУ;
И. А. Асеева, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Бабкин, д-р экон. наук, профессор;
Н. Г. Багаутдинова, д-р экон. наук, профессор;
Б. Д. Беспарточный, д-р социол. наук, профессор;
В. Г. Буданов, д-р филос. наук, профессор;
Е. Г. Гребенщикова, д-р филос. наук, профессор;

ИЗВЕСТИЯ

ЮГО-ЗАПАДНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Серия Экономика. Социология. Менеджмент

СОДЕРЖАНИЕ

Уважаемые коллеги! 8

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ 11

Шманев С. В., Шманева Л. В., Егорова Т. Н.
Институционально-синергетический подход к решению проблем управления инновационно-инвестиционной деятельностью как системой 11

Курбанов Т. Х.
Развитие инновационной модели с учетом импортозамещения и содействия кластерной политике.....18

Харченко Е. В., Бухсаев Ш. М.
Направления структурно-динамических преобразований промышленности России с целью эффективного импортозамещения.....26

Реутов С. В.
Стратегия расширенного воспроизводства отечественных производителей в современных условиях.....37

Федорова М. А., Радюкова Я. Ю., Кулик Ю. П.
Европейский опыт регулирования теневой экономики 42

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ 48

Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С.
Оценка инвестиционной активности регионов в условиях введения экономических ограничений.....48

Аюшеева А. О., Халтаева С. Р.
Развитие интеграционных процессов в АПК Республики Бурятия в условиях приграничного сотрудничества 56

Цыренова А. А., Ванчикова Е. Н., Бадмаев З. В.
Анализ уровня потребления продовольственных товаров в Республике Бурятия.....62

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОТРАСЛЯМИ 67

Барзыкина Г. А.
Методика расчета индекса прохождения кризиса предприятием 67

Барбышева Г. И.
Построение многофакторной модели рентабельности производства 73

В. М. Давыдов, д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН;
В. В. Зотов, д-р социол. наук, профессор;
И. В. Минакова, д-р экон. наук, профессор;
В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор;
Б. Г. Преображенский, д-р экон. наук, профессор;
И. Е. Рисин, д-р экон. наук, профессор;
О. А. Степичева, д-р экон. наук, профессор;
М. Л. Титаренко, академик РАН, д-р филос. наук, профессор;
И. А. Халий, д-р социол. наук, профессор;
А. В. **Харламов**, д-р экон. наук, профессор;
Е. В. Харченко, д-р экон. наук, профессор

Адрес редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.
Телефоны: (4712) 22-25-26
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен О.А. Леоновой

Подписано в печать 25.09.15. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,3.
Тираж 1000 экз. Заказ 57. Цена свободная.
Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Подписной индекс журнала «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент» 44284 в объединенном каталоге «Пресса России»

Греченюк А. В., Греченюк О. Н.
Анализ современного состояния внеоборотных активов российских акционерных обществ 77

Домхокова Т. В., Шумакова Л. И.
Проблемы внедрения и применения контроллинга на российских предприятиях пищевой промышленности 91

ФИНАНСОВАЯ, НАЛОГОВАЯ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА..... 100

Третьякова И. Н.
Современные тенденции развития и роль кредитования населения в экономике страны..... 100

Казаренкова Н. П., Обухова А. С.
Конвергенция в развитии банковского и реального секторов экономики..... 106

Алексеева В. В.
Внутренний контроль в системе бухгалтерского учета экономических субъектов..... 113

Беляева Е. С.
Критерии оценки государственного финансового контроля..... 118

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ И ОБРАЗОВАНИЕМ..... 125

Плотников В. А., Иваненко М. Г., Тимашов Е. П.
Риски управления человеческими ресурсами в условиях перехода к постиндустриальной экономике..... 125

Некрасова Н. А.
Понятие и сущность инвестиций в человеческий капитал 133

Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О., Алексеенко А. И.
Социокультурные условия формирования и принципы функционирования единого образовательного пространства России и Беларуси в области высшего профессионального образования. 137

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА..... 143

Каменский Е. Г.
Репликация коррупционных деструкций социальных институтов (на примере высшего образования)..... 143

Абрамов А. П., Костерина И. В., Сапронов А. В.
Социологическое осмысление проблемы безопасности дорожного движения..... 150

Романов В. В., Потапенко А. М., Кравцов А. А.
Бизнес: особенности конкурентной разведки в России..... 156

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА..... 161

Волохова Н. В.
Проблема смерти в контексте биоэтики (на основе анализа философского наследия Л. Н. Толстого) 161

Плохова М. А.
Научное творчество и духовные практики 166

Москалев И. Е.
Социально-управленческое измерение конвергентных технологий 172

Курасбедиани З. В., Черкашин М. Д.
Особенности духовно-интеллектуальной элиты и ее деятельностного потенциала.....176

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ 184

Блинова М. С., Григорян А. Р., Хорьков А. В.
Определение инновационного потенциала регионов на основе комплексной оценки.....184

Бедакова М. С., Растопчинова И. Л.
Теоретико-методические аспекты интеграционных и дезинтеграционных процессов в промышленной сфере.....188

Кондратова Е. С., Шевченко А. А., Рушкова А. В.
Эколого-энергетические проблемы развития промышленного комплекса регионА.....196

Кулакова А. Е., Морозова Н. С., Нестерова Н. Н.
Методические аспекты формирования федеральной политики территориального развития.....202

Протасевич Б. Г.
Эволюционные истоки «экономического ренессанса» кооперативного движения в период осуществления нэпа.....211

Севцова Е. Ю.
Концепции социологического исследования социокультурной динамики.....213

Баскакова Д. Ю.
Диагностика управленческих проблем реализации направлений молодежной политики.....217

Теляк Г. Г.
Формирование ресурсного потенциала туристско-рекреационной сферы Калининградской области.....223

Каллас А. Л.
Проектирование кадровой политики предприятий сферы услуг в условиях социально-экономической нестабильности.....226

К сведению авторов.....232

© Юго-Западный государственный университет, 2015

№3(16) 2015
Scientific reviewed journal

Published four times a year

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE
UNIVERSITY
Economy. Sociology. Management

CONTENT

Respected Collegues! 8

MODERNIZATION OF ECONOMY 11

Shmanev S. V., Shmaneva L. V., Egorova T. N.
Institutsional-Synergetic Approach to the Solution of Problems of Innovative-Investment Activity as a System 11

Kurbanov T. H.
Development of Innovative Models Based on Import Substitution and the Promotion of Cluster Policy 18

Kharchenko E. V., Buhsaev Sh. M.
Directions Structural and Dynamic Converting Industry Russia Ments to Effectively Import Substitution 26

Reutov S. V.
Strategy Expanded Reproduction in Modern Conditions of the Country's Economy 37

Radukova Y. Y., Fedorova M. A., Kulik Y. P.
The European Experience of Regulation of the Shadow Economy 42

ACTUAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS 48

Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S.
Evaluation of Investment Activity in the Regions in the Conditions of Economic Restrictions 48

Ayusheeva A. O., Khaltaeva S. R.
Developments of Integration Processes in Agrarian and Industrial Complex of the Republic of Buryatia in the Conditions of Border Cooperation 56

Tsyrenova A. A., Vanchikova E. N., Badmaev Z. V.
Analysis of the Level of Food Consumption in the Republic of Buryatia 62

PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF MANAGEMENT BY THE ENTERPRISES AND BRANCHES 67

Barzykina G. A.
The Index Calculation Method of Passing the Crisis Enterprise 67

Barbysheva G. I.
Building a Multifactor Model of Production Profitability 73

Grechenyuk A. V., Grechenyuk O. N.
The Analysis of Modern Condition of Noncurrent Assets of Russian Joint Stock Companies 77

Domhokova T. V., Shumakova L. I.
Problems of Introduction and Controlling Application at the Russian Enterprises of the Food-Processing Industry 91

FINANCIAL, TAX AND MONETARY POLICY 100

Tretyakova I. N.
Current trends of Development and Role of Crediting of the Population in National Economy.....100

Kazarenkova N. P., Овикhова A. S.
Convergence in Development of Bank and Real Sectors of Economy.....106

Alekseeva V. V.
Internal Controls in the Accounting System of Economic Subjects.....113

Belyaeva E. S.
Evaluation Criteria of the State Financial Control.....118

MANAGEMENT BY LABOUR RESOURCES AND EDUCATION 125

Plotnikov V. A., Ivanenko M. G., Timashov E. P.
Risks of Management of Human Resources in the Conditions of Transition to Post-Industrial Economy 125

Nekrasova N. A.
Concept and Essence of Investment in Human Capital.....133

Vetrova O. A., Nishnianidze O. O., Alekseenko A. I.
Sociocultural Conditions Formation and Operation of a Common Educational Space Russia and Belarus in the Field of Higher Education 137

SOCIAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF THE MODERN SOCIETY 143

Kamensky E. G.
Replication Corruption Destruction of the Social Institutions.....143

Abramov A. P., Kosterin I. V., Sapronov A. V.
Sociological Understanding of the Problem of Road Safety.....150

Romanov V. V., Potapenko A. M., Kravcov A. A.
Business: the Competitive Intelligence Features in Russia.....156

PHILOSOPHICAL RESEARCHES OF NATURE, SOCIETY, MAN 161

Volokhova N. V.
The Problem of Death in the Context of Bioethics (Based on the Analysis of the Philosophical Heritage of I. N. Tolstoy) 161

Plokhova M. A.
Scientific Creativity and Mental and Spiritual Practice.....166

Moskalev I. E.
The Social Dimension of Convergent Technologies.....172

Kurasbediani Z. V., Cherkashyn M. D.
Features spirItual and Intellectual Elite of Activity and its Potential.....176

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS 184

Grigoryan A. R., Horkov A. V., Blinova M. S.
Determination of Innovative Capacity of Regions on the Basis of the Complex Assessment 184

Bedakova M. S., Rastopchinova I. L.
The Theoretic-Methodical Aspects of Integration and Dezintegration Processes in the Industrial 188

Kondratova E. S., Shevchenko A. A., Rushkova A. V.
Ekologo-Power Problems of Development of the Region's Industrial Complex 196

Kulakova A. E., Morozova N. S., Nesterov N. N.
Methodical Aspects of Formation of Federal Policy for Territorial Development 202

Protasiewicz B. G.
Evolutionary Sources of "the Economic Renaissance" of the Cooperative Movement During Implementation of the New Economic Policy 211

Sevtsova E. Y.
The Concept of Social Research Social and Cultural Dynamics 213

Baskakova D. Y.
Diagnostics of Administrative Problems in Realization of the Directions in Youth Policy 217

Telyak G. G.
Formation of Resource Potential of Tourism and Recreational Services in Kaliningrad Region 223

Callas A. L.
Design Personnel Policy of Services in Conditions of Social and Economic Instability 226

Information for Authors 232

© Southwest State University, 2015

Уважаемые коллеги!

Представляем Вашему вниманию очередной номер научного журнала «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент», в котором представлены статьи, отражающие результаты научных исследований ученых Юго-Западного государственного университета и наших партнеров по научно-образовательной деятельности. Уровень этих публикаций подтверждается высоким научным статусом нашего издания: в соответствии с Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России от 25 мая 2012 г. № 22/49 научный журнал «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Российская экономика в 2015 г. переживает сложный период развития. Существующее кризисное состояние и наблюдающиеся негативные тенденции порождают повышенный уровень неопределенности в социально-экономичес-кой среде, что делает слабо предсказуемыми последствия принимаемых на всех уровнях хозяйственной системы, государственного и муниципального управления решений. Современную ситуацию в России можно сравнить лишь с трансформационным кризисом экономики России 1990-х гг. Такие оценки делают многие отечественные и зарубежные эксперты, аналогичные выводы содержатся и в докладе, подготовленном Высшей школой экономики.

Эксперты Института экономики переходного периода им. Е. Гайдара пересмотрели основные макроэкономические показатели и ухудшили прогноз развития экономики России на 2016 год. Сокращение инвестиций в основной капитал составляет в оптимистичном сценарии 0,6%, в базовом – 2,4%, в пессимистичном – 3,3%. Инфляция ожидается на уровне 7,7%. Падение реальных денежных доходов населения оценивается в диапазоне от 0,1% (базовый прогноз) до 3,7% (пессимистичный). Не ожидается и кардинального изменения тенденций в сфере внешней торговли. Международное рейтинговое агентство Standard & Poors в своем последнем прогнозе предсказывало, что экономика России в 2015 году сократится на 3,6%. МВФ прогнозирует спад на 3,8%.

Тем не менее официальная точка зрения не столь пессимистична. Так, по мнению главы Минэкономразвития России А. Улюкаева, спад российской экономики в IV квартале 2015 г. замедлится до 3,7% в годовом выражении, по сравнению с оценкой спада в 4,1% в III квартале. Рост или замедление спада ВВП, как ожидается, будут связаны с приростом выпуска в добывающих отраслях, в частности в добыче нефти и газа; кроме того, существенный вклад в преодоление негативных тенденций вносит сельское хозяйство. Однако есть и проблемные зоны. «Беспокойство есть: это, например, сфера строительства, особенно не жилищного строительства, а инвестиционного строительства, промышленного строительства, инфраструктурного строительства, где довольно глубокий спад, и его, в отличие от спада в промышленном производстве, мы пока не преодолеваем. Нижняя точка инвестиционного спада, видимо, еще впереди», – полагает А. Улюкаев.

По оценке многих экспертов, текущие тенденции в экономике РФ во многом связаны с ослаблением рыночных и правовых институтов, разрастанием государственного сектора, хроническим оттоком капитала из страны, недоверием бизнеса и низкой деловой активностью, спадом инвестиций и, конечно, неблагоприятным «внешним» политико-экономичес-ким фоном.

Научные исследования, представленные на страницах нашего издания, содержат не только описание теоретико-методических аспектов проблем социально-экономического развития, но и критический анализ ситуаций, мнения ведущих ученых и специалистов различных отрас-

лей хозяйствования, конкретные практические рекомендации, внедрение которых позволит достичь поставленных целей, вывести экономику России и отдельных ее субъектов на качественно иной уровень развития.

Вопросам модернизации экономики посвящены исследования *С. В. Шманева*, *Л. В. Шманевой*, *Т. Н. Егоровой* (институционально-синергетический подход к решению проблем управления инновационно-инвестиционной деятельностью как системой), *Т. Х. Курбанова* (развитие инновационной модели с учетом импортозамещения и содействия кластерной политике), *Е. В. Харченко*, *Ш. М. Бухсаева* (направления структурно-динамических преобразований промышленности России с целью эффективного импортозамещения), *С. В. Реутова* (стратегия расширенного воспроизводства отечественных производителей в современных условиях), а также *М. А. Федоровой*, *Я. Ю. Радюковой*, *Ю. П. Кулик* (европейский опыт регулирования теневой экономики).

Пристальное внимание исследователей приковано к решению актуальных проблем развития региональных социально-экономических систем. Интересен подход *Ю. В. Вертаковой* и *Ю. С. Положенцевой* при оценке инвестиционной активности регионов в условиях введения экономических ограничений. *А. О. Аюшеева* и *С. Р. Халтаева* рассматривают развитие интеграционных процессов в АПК Республики Бурятия в условиях приграничного сотрудничества. *А. А. Цыренова*, *Е. Н. Ванчикова*, *З. В. Бадмаев* проводят анализ уровня потребления продовольственных товаров в Республике Бурятия.

Не остаются не решенными проблемы теории и практики управления предприятиями и отраслями. Авторские исследования выполнены в таких актуальных направлениях, как «Методика расчета индекса прохождения кризиса предприятием» (*Г. А. Барзыкина*), «Построение многофакторной модели рентабельности производства» (*Г. И. Барбышева*), «Анализ современного состояния внеоборотных активов российских акционерных обществ» (*А. В. Греченюк*, *О. Н. Греченюк*), «Проблемы внедрения и применения контроллинга на российских предприятиях пищевой промышленности» (*Т. В. Домхокова*, *Л. И. Шумакова*).

Особенности финансовой, налоговой и денежно-кредитной политики исследованы *И. Н. Третьяковой* в статье «Современные тенденции развития и роль кредитования населения в экономике страны», *Н. П. Казаренковой*, *А. С. Обуховой* в работе «Конвергенция в развитии банковского и реального секторов экономики», *В. В. Алексеевой* в статье «Внутренний контроль в системе бухгалтерского учета экономических субъектов», а также *Е. С. Беляевой* при определении критериев оценки государственного финансового контроля.

Определенный вклад в решение задач управления трудовыми ресурсами и образованием внесли *В. А. Плотников*, *М. Г. Иваненко*, *Е. П. Тимашов* (ими исследованы риски управления человеческими ресурсами в условиях перехода к постиндустриальной экономике), *Н. А. Некрасова* (этот автор уточняет понятие и сущность инвестиций в человеческий капитал), *О. А. Ветрова*, *О. О. Нишнианидзе*, *А. И. Алексеенко* (рассматривают социокультурные условия формирования и принципы функционирования единого образовательного пространства России и Беларуси в области высшего профессионального образования).

Пристальное внимание авторов приковано к социально-экономическим проблемам современного общества. Авторы затронули такие важные аспекты, как репликация коррупционных деструкций социальных институтов (на примере высшего образования) (*Е. Г. Каменский*), социологическое осмысление проблемы безопасности дорожного движения (*А. П. Абрамов*, *И. В. Костерина*, *А. В. Сапронов*), бизнес: особенности конкурентной разведки в России (*В. В. Романов*, *А. М. Потапенко*, *А. А. Кравцов*).

Представленные в журнале исследования носят комплексный всесторонний характер и отражают не только экономические аспекты решения актуальных проблем, но и затрагивают философские ис-

следования природы, общества, человека. *Н. В. Волохова* рассматривает проблему смерти в контексте биоэтики (на основе анализа философского наследия Л. Н. Толстого), *М. А. Плохова* рассматривает научное творчество и духовные практики, *И. Е. Москалев* проводит социально-управленческое измерение конвергентных технологий, *З. В. Курасбедиани*, *М. Д. Черкашин* выявляют особенности духовно-интеллектуальной элиты и ее деятельностного потенциала.

Достаточно интересен свежий взгляд на решение актуальных проблем социально-экономического развития, поэтому научным исследованиям молодых учёных отводится особая роль. Определением инновационного потенциала регионов на основе комплексной оценки занимаются *М. С. Блинова*, *А. Р. Григорян*, *А. В. Хорьков*, изучением теоретико-методических аспектов интеграционных и дезинтеграционных процессов в промышленной сфере интересуются *М. С. Бедакова*, *И. Л. Растопчинова.* Решение эколого-энергетических проблем развития промышленного комплекса региона ищут *Е. С. Кондратова*, *А. А. Шевченко*, *А. В. Рушкова*, методическим аспектам формирования федеральной политики территориального развития посвящено исследование *А. Е. Кулаковой*, *Н. С. Морозовой*, *Н. Н. Нестеровой* Эволюционные истоки «экономического ренессанса» кооперативного движения в период осуществления нэпа отражены в статье *Б. Г. Протасевич*, а концепции социологического исследования социокультурной динамики представляют интерес для *Е. Ю. Севцовой*. Диагностику управленческих проблем реализации направлений молодежной политики осуществляет *Д. Ю. Баскакова*, формирование ресурсного потенциала туристско-рекреационной сферы Калининградской области изучает *Г. Г. Теляк*, проектированию кадровой политики предприятий сферы услуг в условиях социально-экономической нестабильности особое внимание уделяет *А. Л. Каллас.*

Большое внимание редакционная коллегия уделяет не только расширению круга авторов, которые представляют различные научные школы как России, так и зарубежных стран, но и аудитории распространения издания. Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования и доступен в онлайн-режиме для зарегистрированных читателей.

Предусмотрена свободная подписка на журнал. В «Известиях Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент» будут размещаться наиболее актуальные материалы, освещающие разностороннюю научную деятельность ученых и специалистов Юго-Западного государственного университета, а также высших учебных заведений, научно-исследовательских центров и институтов, органов власти, предприятий и организаций, с которыми у университета имеются партнерские связи.

Мы приглашаем к сотрудничеству новых авторов (требования к статьям приведены на последней странице этого номера журнала) и выражаем надежду на интересное и продуктивное развитие отношений, направленных на совершенствование научного рецензируемого журнала «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент».

С. Г. Емельянов, д-р техн. наук, профессор, ректор ЮЗГУ, главный редактор журнала

Ю. В. Вертакова, д-р экон. наук, профессор, завкафедрой региональной экономики и менеджмента ЮЗГУ, зам. главного редактора журнала

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

УДК 338

С. В. Шманев, д-р экон. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: shmanev_s_v@mail.ru)

Л. В. Шманева, канд. филос. наук, доцент, Орловский государственный институт экономики и торговли (e-mail: shmaneva_luda@mail.ru)

Т. Н. Егорова, канд. экон. наук, доцент, Орловский государственный институт экономики и торговли (e-mail: tategorova01@yandex.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КАК СИСТЕМОЙ

Учитывая, что инновационно-инвестиционная деятельность, как любая система, подвержена смене таких состояний, как порядок и хаос, способна к такому явлению, как самоорганизация, на которые в то же время накладываются институциональные ограничения, применение институционально-синергетического подхода оправдано и позволяет моделировать процессы динамики вложения инвестиций в инновации, протекающие на предприятиях в условиях неопределенности и риска под действием нелинейных взаимодействий внешних и внутренних факторов.

***Ключевые слова**: институционально-синергетический подход, управление, инновации, инвестиции, инновационно-инвестиционная деятельность, система.*

***

Экономическая наука последние десятилетия развивается на базе слияния различных концепций. Причиной этого служит признание многими экономистами того факта, что сложность и многогранность экономических процессов не позволяет в рамках какой-то одной экономической теории разработать модели, адекватно отражающие механизмы их функционирования. Этим объясняется стремление все большего числа ученых искать общие закономерности в развитии экономических систем и открытых сложноорганизованных систем, изучаемых в других областях науки.

Синергетика связывает процесс развития системы с все большим отклонением ее от равновесного состояния, что вызывает такие структурные изменения, которые приводят к усложнению и оптимизации. В свою очередь, усложнение приводит к росту числа и частоты фиксирования неустойчивых состояний, программирующих систему на проявление неопределенности в поведении, связанном с путями совершенствования. Дальнейшее её развитие и самоорганизация случайным образом задаются в точках бифуркации, которые переводят систему в качественно новое состояние.

Экономические, как и все открытые, системы имеют ряд общих свойств, отражающих их имманентное подобие, и характеризуются неравновесностью, эмерджентностью, необратимостью, способностью к самоорганизации и саморазвитию. Так как для любой сложной открытой системы характерна высокая степень неопределенности, их удобно и целесообразно рассматривать с позиции синергетики. В отличие от традиционных подходов синергетика прогнозирует пути развития экономических систем, исходя не из начальных условий и предшествующих тенденций, а из возможных путей её развития в будущем, которые определяются в точке бифуркации и связаны с конкретными областями притяжения (аттракторами). Таким образом, с эффективностью процесса управления инновациями тесным образом связано качество целеполагания, под которым подразумевается то, насколько полно выражены интересы и потребности всего предприятия,

а также его подразделений, лежащие в основе мотивов поведения людей.

Синергетическая модель инновационного процесса – это модель нелинейной, неравновесной системы, которая в процессе своей эволюции подвержена флуктуационным процессам. В момент перехода фазы состояния отличаются друг от друга столь незначительно, что малейшие колебания в системе приводят к их смене, при этом очень сложно дать прогноз дальнейшему её развитию: перейдет ли она на следующий, более высокий уровень своего развития или произойдет деструктуризация и она попадет в область хаоса. Это характерно для любых открытых систем, в том числе и экономических. Они также подвержены влиянию множества внешних и внутренних факторов, интегральное действие которых может привести к одному из описанных выше эффекту. И. Пригожин назвал структуры, возникающие в результате совместного воздействия множества факторов, диссипативными (они образуются с уменьшением энтропии). В своих исследованиях он показал, что для поддержания порядка в системе с более сложной структурой требуется больше энергии, чем в простой, и величина потенциальной энтропии в ней выше, что делает ее чувствительнее к внешним воздействиям [1–5].

При этом энергия активации фазовых переходов системы с одного уровня на другой падает, что способствует уменьшению временных интервалов смены относительно устойчивых ее состояний.

В традиционном подходе к процессу моделирования социально-экономических систем доминирующими принципами построения организационных структур являются:

1) жесткая бюрократизация как внутренних, так и внешних отношений;

2) централизованный тип институциональных построений;

3) четко обозначенная иерархия организационных схем с детальной прописью уровня свободы нижестоящих звеньев системы.

На практике такой подход привел к тому, что жестко прописанные схемы и модели управления не смогли адекватно реагировать вследствие закрепления на подсознательном уровне выработанных стереотипов на происходящие изменения в социально-экономической и политической жизни России и привели к проявлению ряда негативных явлений, преодоление которых потребовало коренным образом пересмотреть былые взгляды и ценности. Эти проблемы коснулись не только экономики страны на макроуровне, но каждого отдельного предприятия и организации. Для преодоления негативных явлений, возникающих при управлении инновационно-инвестиционной деятельностью, необходимо разработать качественно иной подход к процессу формирования и анализу организаций, институтов, предприятий. Требуется понять суть протекающих в них процессов. Это позволит в условиях неопределенности внешней и внутренней среды провести их адаптацию к быстро меняющимся условиям и тем самым обеспечить эффективное выполнение возложенных на них функций. При этом следует помнить, что любая экономическая система содержит в себе некоторый уровень дисфункциональности. Это связано с тем, что каждая созданная система выполняет определенные функции в заложенном в неё необходимом объеме и должного качества. Если по какой-то причине эти функции не выполняются или выполняются не на должном уровне либо случается сбой в работе отдельных подсистем, то мы сталкиваемся с проявлением дисфункциональности, выраженной в низкой эффективности ее функционирования [2; 6–8]. Такие явления могут происходить независимо от того, ориентируемся мы на консервативные или инновационные модели поведения. Исходя из этой предпосылки, приходится признать, что разрушение экономических систем является

имманентным свойством эволюции хозяйственной системы, которую нельзя не учитывать при разработке экономической политики.

Изменения функций системы – это фактор, стимулирующий развитие социально-экономической системы. Но и развитие её самой, специфика отношений между агентами, в свою очередь, определяет совокупность функций, которые с течением времени испытывают трансформацию. Поэтому при разработке математических моделей социально-экономического (инновационно-инвестиционного) процесса на базе синергетического подхода следует использовать хорошо зарекомендовавшие себя методы институционального планирования и управления, рассматривая при этом в качестве объекта исследования процессы, реализующиеся на надсознательном уровне спонтанно и нелинейно. Экономическое развитие при этом воспринимается как циклический процесс, представляющий собой спирально закрученное фазовое пространство.

Разрыв цикла осуществляется за счет бифуркации и определяет непредсказуемость вектора очередного витка процесса развития, хотя он происходит в рамках конкретного набора аттракторов, т. к. сам выбор ограничен предопределенными прошлым опытом возможностями. Такой подход к структурированию развития экономической системы предполагает отсутствие единого, или, как говорят, универсального порядка. В данном контексте правильнее рассуждать о существовании таких закономерностей, которые задают траекторию развития системы и тем самым определяют характер их структурирования, саморазвития или разрушения. Не следует забывать, что зарождение, развитие и эффективность организации, представляемые в виде модели ее жизненного цикла (волнового процесса), определяется несколькими причинами: во-первых, параметрами внешней и внутренней среды и, во-вторых, действием временного фактора. Жизнедеятельность организаций варьируется в широких временных интервалах. Чем быстрее и легче происходит их адаптация, тем выше вероятность успешного функционирования длительное время, но несмотря на это без изменений существовать ни одна организация не в состоянии. Оптимальный стиль руководства, стратегия и тактика управления обусловлены этапом её развития.

Поэтому моделируя экономические процессы, исследователи используют концепцию жизненного цикла организации (предприятия, производственного процесса), рассматривая его как ряд прогнозируемых изменений возможных состояний в определенные моменты времени, что дает основание для выделения этапов жизненного цикла, выявления и прогнозирования закономерностей перехода между ними.

При рассмотрении вопроса, связанного с использованием синергетического подхода к экономическим процессам, мы обратили внимание, что проблема изменчивости институтов не только игнорируется исследователями, но и вообще отрицается их роль в развитии социально-экономических отношений. Результаты инновационных процессов, проходящих на предприятии, с позиций синергетики не всегда можно точно предсказать, и это объясняется тем, что в точках бифуркации незначительные изменения параметров порядка могут привести исследуемую систему (процессы) либо к усложнению системы и повышению эффективности ее функционирования, либо к разрушению, хаосу и кризису. При этом траектория развития задается случайным образом и развитие системы (процесса) попадает в область того или иного аттрактора.

Это не только ограничивает возможности синергетики, но и способствует искажению прогнозной оценки динамики экономического развития организации. В то же время исследования показали, что институты играют немаловажную роль и в определении направления экономиче-

ского развития, и в оценке эффективности экономической деятельности.

В институционализме постепенно накапливается все лучшее, что было достигнуто в различных школах экономической теории. В качестве доказательства можно привести маржинализм неоклассики и его математический аппарат, методологическую базу и инструментарий немецкой исторической школы, теорию рент Д. Рикардо и К. Маркса.

В институционализме теория ограниченной информации и институтов, а также экономика ожиданий коллективного действия дополнили базу или, как еще говорят, «ядро» классической и неоклассической экономических теорий.

Большую роль в становлении институциональной теории сыграли работы Р. Коуза (транзакционные издержки) [9], Г. Саймона (ограниченная рациональность) [8], Дж. Стиглера (неполнота информации), Г. Беккера (принцип неопределенности выбора) [11]. Один из основоположников институционализма Д. Норт [12] трактовал институты как «правила игры» в обществе, которые формируют отношения между людьми. Нормы и правила поведения подразделяются на формальные (правила, законы) и неформальные (нормы, определенные особенностями культуры и традиций, условности и принятые кодексы поведения). В совокупности с механизмами обеспечения их выполнения они образуют состав и структуру поведенческих стимулов в обществах и их экономиках.

Логика институциональных изменений, предложенная Д. Нортом, была дополнена рядом весьма важных моментов, позволивших объяснить наблюдаемые изменения и сформировать прогнозы возможных институциональных изменений. Одним из основных дополнений такого рода следует считать возможность проявления наведенного (или, как говорят физики, индуцированного) эффекта, когда институциональные изменения и корректировка внешних факторов протекают в разных сферах. Мотивация к изменению правил возникает обычно у лиц, которые являются главными получателями выгод от возможных их трансформаций.

Ключевым понятием институциональной теории считают понятие транзакционных издержек, в связи с чем ее часто рассматривают в качестве экономической теории транзакционных издержек.

Выразить смысловую нагрузку понятия «транзакция», выявить соотношение ее с правилами и нормами как ключевыми понятиями института – значит выявить одну из острых проблем экономической теории – проблему транзакционных издержек.

О. Уильямсон и еще целый ряд экономистов, развивая теорию транзакционных издержек Р. Коуза, применили ее к анализу фирм. О. Уильямсон, например, провел анализ транзакционных издержек и попытался выявить эффективные формы проведения каждой транзакции. Нередко согласно упрощенному подходу в институциональной теории рассматривают только те институты, которые при данном уровне технологий способствуют минимизации транзакционных издержек. Упуская при этом изучение зависимости их уровня от технологических изменений, а также трансформационных издержек от институциональных. Включение в анализ таких зависимостей позволило бы преодолеть ограниченность описанного подхода. Следует также особо подчеркнуть, что тезис о препятствии экономическому развитию транзакционных издержек имеет право быть только в тех случаях, когда мы сравниваем ситуации с нулевыми и положительными транзакционными издержками. Однако при этом решающую роль играет скорее не сам их уровень, а структура, что, в свою очередь, отражает специфику действующих институтов.

Новый толчок к развитию институционализм получил в 1970-х г., когда ли-

дирующие к тому времени такие направления научной мысли, как кейнсианство и неоклассика, не смогли объяснить причин кризисов в экономике. Вторая половина XX – начало XXI в. характеризуются глобальными изменениями в обществе: и высокий темп экономического развития на базе новых технологий, и победа рыночной экономики и демократических преобразований, и ориентация экономики на ресурсо-энергосбережение и экологизацию экономической и социальной жизнедеятельности. В эти годы в экономической теории возникла идея междисциплинарности и единства законов экономического, социального и естественно-научного развития, что привело к необходимости пересмотра базовых экономических индикаторов и методов измерения.

Вопрос о влиянии институтов на экономический рост, а также на эффективность инновационной деятельности неоднократно затрагивается в работах ученых. Надо отметить, что одним из первых исследователей инноваций и инновационных процессов был И. Шумпетер [11], который связывал нововведения с новыми комбинациями использования ресурсов и изменением технологий и процессов управления, подчеркивая при этом особенную роль новатора. Он рассматривал экономические инновации в качестве экономических воздействий технических изменений.

Инновационная экономика рассматривает кроме экономических факторов еще и такие, как традиции, культура, проблема отчуждения и т. д. Они в совокупности определяют не только динамику инвестиционных и инновационных процессов, но и развитие общественных отношений, ввиду чего даже проблемы оптимизации использования ресурсов и технологий на предприятиях связываются с проблемами защиты окружающей среды и уровнем использования знаний в обществе.

В настоящее время общепризнанным фактом стало существование связи между экономическим ростом и качеством функционирования институтов. Установлено, что чем он выше у последнего, тем более устойчивы показатели его экономического роста [1; 3; 14–16].

Подводя итог вышесказанному, мы имеем возможность отметить специфику развития институционального подхода в России:

1. Институциональный подход к анализу экономических процессов развивается на основе нового мышления, предполагающего наличие неравновесных процессов в экономических системах и способности изменений, протекающих в ней, к кумулятивному эффекту. Данный поход в корне отличается от стандартных схем, базирующихся на положениях о равновесности и оптимальности.

2. Такой подход позволяет под новым углом взглянуть на экономические процессы, а следовательно, расширяет инструментарий анализа проблем эффективного развития народного хозяйства и позволяет своевременно и адекватно оказывать корректирующее воздействие.

3. Развитие новой техники и технологий на базе имеющегося в России человеческого потенциала составляют основу динамики хозяйственной жизни общества и обусловливают возникновение новых организационных форм и институтов.

4. Институты, создаваемые человеком, задавая правила игры, в дальнейшем определяют рамки его поведения, в связи с чем трансформация институтов осуществляется тогда, когда происходят изменения с самим человеком. Данный процесс продолжителен по времени, что и объясняет длительность процесса институциональных изменений.

5. Эффективность экономического развития во многом определяется качеством существующих и вновь создаваемых институтов, при этом необходимо различать формальные законы, правила и нормы, задающие экономический рост в долгосрочной перспективе, и неформаль-

ные нормы и правила поведения, обеспечивающие экономическое развитие только на коротких промежутках времени [5; 10; 17].

6. Трансплантация институтов из одной социально-экономической среды в другую сопровождается потерей их качества. Это связано с тем, что институт, выполняющий определенные функции в конкретной социально-экономической среде, при переносе его в другие в силу объективных условий теряет часть своих функций, т. е. проявляет разную степень дисфункциональности. Концепция экономической дисфункции, предложенная О. С. Сухаревым, дает возможность понять, что нужно делать, чтобы предотвратить подобный сценарий развития событий.

Таким образом, институциональная экономика представляет собой синтез экономических процессов и явлений общественной жизни, описываемых гуманитарными науками: политологией, правом, социологией, математикой, историей, психологией, философией.

Поэтому для создания жизнеспособной прогнозной модели развития организации мы предлагаем объединить синергетическую концепцию с институциональной. Новым институционально-синергетическим методологическим подходом к процессу управления (в том числе инновационно-инвестиционной деятельности) можно назвать такой, в основе которого лежит концепция системной сложности и развития. С позиций данной методологии мы будем рассматривать любую экономическую структуру (как многоаспектное и многомерное образование), которая определяет и отражает как устройство общества в целом, так и его отдельные составляющие – организации, предприятия или отдельные индивиды. Как любая структура, она имеет параметры, вступающие в противоречия с изменяющимся с течением времени внешними условиями. Эти противоречия приводят к дисфункциональности системы, к её структурному кризису, что вынуждает перестройку через фазовые переходы в точках бифуркации.

Несмотря на то, что процесс поиска оптимального решения и его практического выполнения (для наблюдателей внешнего уровня восприятия) представляется непрерывным процессом, он носит дискретный характер, т. е. развивается импульсно, что отражено в концепции многомерности экономического пространства. Поэтому математическое описание оптимизационных процессов должно учитывать внутренние алгоритмы возможных изменений целевых функций с учетом институциональных факторов, имманентно воздействующих как на степень восприятия институциональных изменений, так и на эффективность инвестиционной деятельности в целом.

Модели на базе институционально-синергетического подхода позволяют корректировать управляющее воздействие, принимая во внимание институциональные факторы таким образом, чтобы за счет контроля внешней и внутренней среды не допустить снижение качественных характеристик системы.

Характеристика институционально-синергетического подхода в свете изучения проблем управления инновационно-инвестиционной деятельностью позволила сделать следующие выводы:

1. Институционально-синергетический подход позволяет моделировать процессы динамики вложения инвестиций в инновации, которые протекают на предприятиях, в условиях неопределенности и риска под действием нелинейных взаимодействий внешних и внутренних факторов, с учетом влияния институциональных ограничений.

2. Слияние теории дисфункций в системе управления и синергетической модели расслоенности экономического пространства отражает цикличность экономических процессов, позволяет учитывать фазовые переходы, оценивать эффективность инновационно-инвестиционной де-

ятельности в условиях изменения влияния внешних и внутренних факторов, определять критерии оценки эффективности управляющего воздействия, а также разрабатывать алгоритмы стратегического управления, снижающие глубину дисфункциональных изменений.

3. Привлечение математического аппарата в рамках институционально-синергетического подхода расширяет инструментарий анализа проблем эффективного развития народного хозяйства, позволяет своевременно и адекватно оказывать корректирующее воздействие.

Список литературы

1. Егорова Т. Н., Шманев С. В. Дисфункция механизма привлечения инвестиций в инновационную деятельность промышленных предприятий // Вестник ОрелГИЭТ. – 2013. – №3(25). – С. 49–54.

2. Егорова Т. Н., Шманев С. В. Институциональные преобразования и их влияние на экономическое развитие // Транспортное дело России. – № 4(107). – 2013. С. 20.

3. Шманев С. В., Егорова Т. Н. Новый институциональный подход к проблемам управления на базе концепции расслоенности экономического пространства // Транспортное дело России. – 2012. – №6, ч. 2. – С. 25.

4. Шманев С. В. Инновационные процессы: институционально-синергетический подход // Транспортное дело России. – 2012. – №6, ч. 2. – С. 23.

5. Егорова Т. Н., Шманев С. В. Герасин О. Н. Институционально-синергетический подход к инновационно-инвестиционной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – №2. – С. 239–248.

6. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. – М.: Дело, 2003. – 360 с.

7. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение: пер. с англ. – М.: Наука, 1970. – 708 с.

8. Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995. – 375 с.

9. Коуз Р. Рынок. Фирма. Право. – М.: Дело, 1993. – 192 с.

10. Стиглер Дж. Экономическая теория информации // Вехи экономической мысли. Т. 2: Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – С. 507–529.

11. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

13. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

14. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, №2. – С. 44–62.

15. Шманев С. В. Синергетико-институциональный подход к управлению инвестиционными процессами: монография. – М.: Машиностроение, 2007. – 220 с.

16. Вертакова Ю. В., Согачева О. В. Исследование социально-экономических и политических процессов. – М.: Кнорус, 2009. – 336 с.

17. Нэш Дж. Реальные математические многообразия. Математика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952. – С. 405–421.

Получено 14.07.15

S. V. Shmanev, Doctor of Economic Sciences, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: shmanev_s_v@mail.ru)

L. V. Shmaneva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Orel State Institute of Economy and Trade (e-mail: shmaneva_luda@mail.ru)

T. N. Egorova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Orel State Institute of Economy and Trade (e-mail: tategorova01@yandex.ru)

INSTITUTIONAL-SYNERGETIC APPROACH TO THE SOLUTION OF PROBLEMS OF INNOVATIVE-INVESTMENT ACTIVITY AS A SYSTEM

Considering the fact that innovative-investment activity, as any system, is subjected to change such conditions as an order or chaos; capable to such phenomenon as self-organizing which institutional restrictions at the same time are imposed on, the usage of institutional-synergetic approach is justified and allows to simulate processes of dynamics of an investment into the innovations flowing at the enterprise under uncertainty and risk with an influence of nonlinear interactions of external and internal factors.

Key words: *institutional and synergetic approach, management, innovations, investments, innovative and investment activity, system.*

УДК 338

Т. Х. Курбанов, д-р экон. наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва) (e-mail: tohku@rambler.ru)

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ С УЧЕТОМ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И СОДЕЙСТВИЯ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассматриваются вопросы модернизации экономической системы перехода к инновационной экономике на основе развития региональных кластеров, этапов процесса реформ; методы оценки эффективности инноваций, науки, понятие «инновационный проект».

Ключевые слова*: кластерная политика, стратегия, инновационная экономика, инновационный проект, инвестиционное проектирование, венчурное финансирование, рисковый капитал, высокие технологии, риск, модель управления, модернизация экономики.*

***

Современная кластерная политика рассматривается в качестве одного из ключевых инструментов регионального развития. В методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах РФ [1, с. 3] отмечается, что основные направления содействия развитию кластеров, обеспечение формирования благоприятных условий их развития предполагают стимулирование инноваций, развитие кооперации внутри кластера в области НИОКР и развитие механизмов коммерциализации технологий.

Основными приоритетами кластерной политики в области развития инноваций являются:

– содействие проведению совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ предприятиями кластера, институтами и университетами, содействие разработке программ долгосрочных партнерских исследований, кооперации предприятий при финансировании и реализации НИОКР, в том числе в рамках формирования инновационных консорциумов;

– содействие созданию новых инновационных предприятий, включая предоставление консультационной помощи при создании новых инновационных предприятий, содействие в привлечении финансирования, в том числе со стороны индивидуальных инвесторов и венчурных фондов;

– развитие и обеспечение высокого качества услуг объектов инновационной инфраструктуры, в том числе бизнес-инкубаторов и технопарков, центров трансфера технологий, центров развития дизайна.

Следует отметить, что в научных исследованиях [2–5], посвященных приоритетам кластерной политики и ее реализации, поставлены и решены ряд задач методологического и практического характера.

Инновационные процессы в экономике давно обратили на себя внимание. Инновации являются мощным рычагом, способствующим разрешению возникающих противоречий и кризисов. Становится очевидным, что только от рациональной инновационной политики государства зависит качество структурных преобразований экономики, способных обеспечить динамичный экономический рост и конкурентоспособность страны на мировых рынках [6, с. 25].

На современном этапе развития особую значимость приобретает процесс формирования, разработки экономического механизма, алгоритмов, направленных на стимулирование и эффективное обоснование, управление приоритетных направлений развития региональных отраслевых и межотраслевых кластеров, а также вопросы взаимосвязи кластерных проектов и стратегий регионального развития, политика региона и ее модернизация в аспекте формирования стратегий импортозамещения, в ответ на современные вызовы политической и экономической ситуации в стране.

В последнее время на макроуровне, в программах по государственной поддержке и развитию инновационного предпринимательства предусматривается создание в регионах инфраструктуры поддержки инновационных компаний.

С нашей точки зрения, необходимо пойти дальше, глубже – разработать концепцию (не исключаем принятие национального проекта) стратегического развития инновационной системы импортозамещения высоких технологий и инновационного предпринимательства.

Таким образом, в Российской Федерации для создания современной социально-экономической системы перехода от воспроизводственного типа развития к инновационному, ориентированному на нововведения, необходимо создать свою концепцию (модель) инновационного развития, учитывающую специфические особенности российской экономики и науки на данный момент и передовые методы и модели коммерциализации инноваций, проверенные и хорошо зарекомендовавшие себя в мировой практике. Вместе с тем необходимо разработать концепцию динамичного инновационного развития экономики страны с применением системного анализа и взаимодействия различных уровней управления. С нашей точки зрения, она должна включать следующие элементы: модель и экономические этапы российской современной социально-экономической системы перехода от воспроизводственного типа развития к инновационному, ориентированному на нововведения; разработка и внедрение типовых моделей инновационного развития регионов страны (субъектов Федерации); формирование долгосрочной стратегии финансирования (инвестирования) инновационных проектов на макро-, мезо- и микроуровнях; создание системы госкорпораций (целевой инновационной направленности) для ускоренного решения проблем прорыва в инновационной экономике и занятия достойной ниши в высоких технологиях на основе венчурного финансирования мегапроектов; построение системы банков с государственным участием, направленных на финансирование (венчурное) инновационных проектов, способствующих реализации концепции динамичного инновационного развития (финансирование модернизации производства, импортозамещения, малых инновационных предприятий); внедрение инфраструктуры, способствующей привлечению капитала в инновационные проекты (создание благоприятного инвестиционного климата, налоговой системы, фондового рынка, решения организационных вопросов).

В нашем представлении модель (рис.) состоит из четырех блоков (этапов).

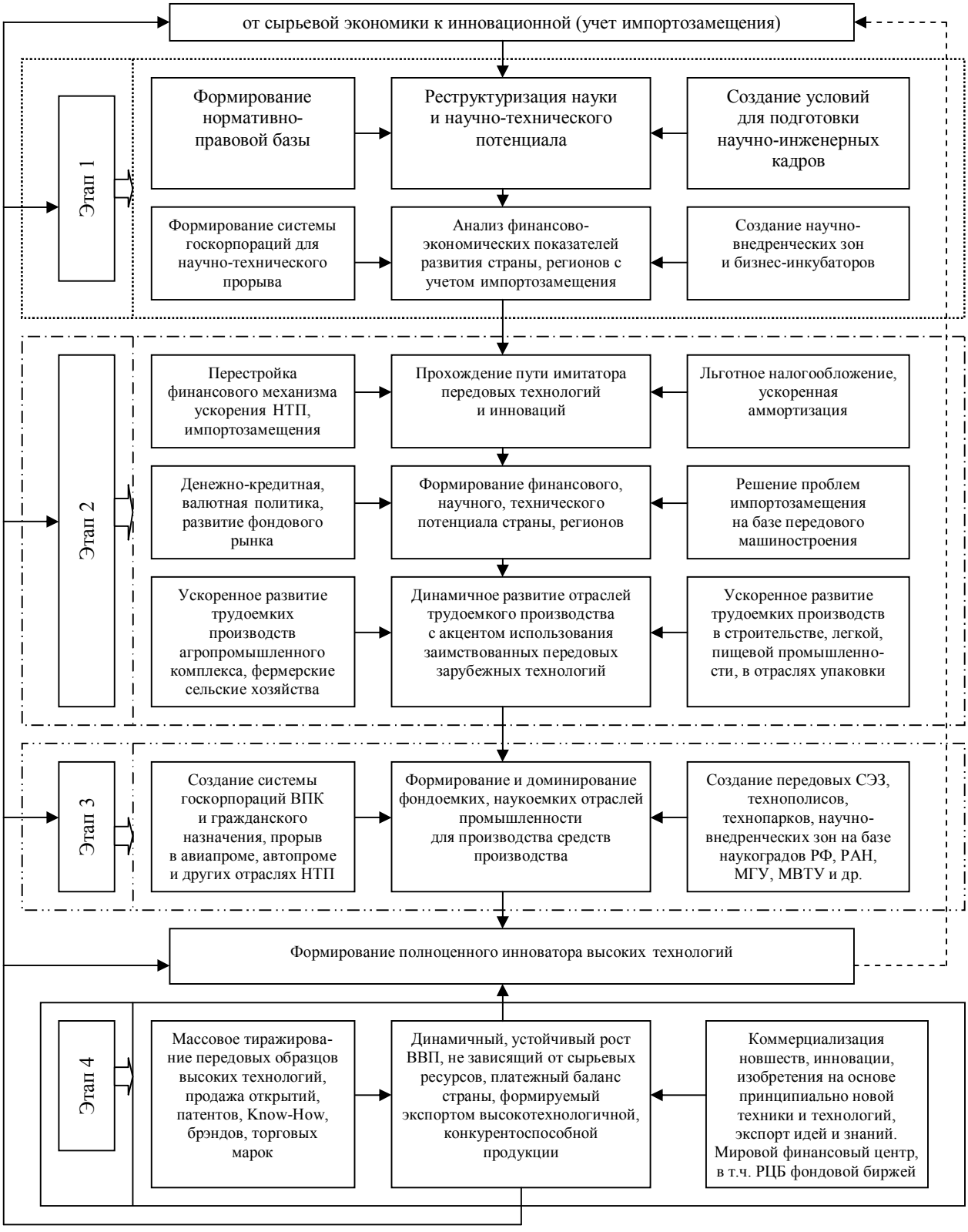


Рис. Модель модернизации страны с встраиванием элементов импортозамещения в условиях санкций и эмбарго

Учитывая современные тенденции, в модели инновационного развития важно предусмотреть, с учетом санкций по отношению к России, подэтап импортозамещения. Он должен включать необходимость построения базиса для долгосроч-

ной стратегии построения инновационной экономики, инновационного развития.

В связи с этим приоритетом на текущий момент (период 2015–2018 гг.) важно сформировать адекватную нормативно-правовую базу, провести реструктуризацию науки и научно-технического потенциала, определить направления, отрасли, регионы обеспечения импортозамещения, создать условия для подготовки научно-инженерных кадров, открыть научно-внедренческие зоны и бизнес-инкубаторы, способствующие стратегии импортозамещения [7].

Этап импортозамещения предполагает постепенный переход в этап прохождения пути имитатора передовых технологий и инноваций (2019–2020 гг.). На этом этапе финансово-хозяйственный механизм перестраивается на стимулирование и поощрение ускорения научно-технического прогресса, льготное налогообложение, прогрессивных норм амортизации, благоприятной валютной политики, развитие фондового рынка, завершение решения основных проблем импортозамещения, создание отраслей преимущественно трудоемкого производства с акцентом на использование заимствованных передовых зарубежных технологий в АПК, легкой промышленности, пищевой промышленности.

В модели содействия развития кластерной политики важно учесть, что Россия имеет феноменальную, уникальную научную базу, научно-технический потенциал. Вспомним о тех многочисленных наукоградах, академгородках по всей стране, которые уже созданы в условиях бывшего СССР, но не востребованы и не задействованы в настоящее время. В качестве примера могут быть наукограды Протвино, Дубна, Оболенск, Троицк, Пущино, Реутов и др. Для них первоочередной задачей является использование уже имеющейся инфраструктуры с высоким научно-техническим потенциалом и современного эффективного механизма венчурного финансирования затрат.

При этом необходимо учитывать особенности измерения затрат и результатов в кластерной политике. Исследование особенностей зависимости между затратами и результатами в венчурном финансировании и прикладной науке рассмотрено в статье [8, с. 115]. Интенсивный путь развития прикладной науки не может быть объяснен и измерен с помощью категорий и показателей самой науки, поскольку сама научная деятельность служит важнейшим средством интенсификации общественного производства, опережающего роста его результатов по отношению к затратам (включая затраты на развитие самой науки). Он включает, во-первых, наличие новации (новой идеи), а во-вторых, достижение положительного экономического результата за счет минимизации себестоимости производимой продукции от коммерциализации инновации.

Это очень сложный финансовый процесс, при котором принятие решения о вложении финансовых средств в инновации заметно усложняется. Финансовый менеджер, прежде чем принять решение, должен провести настолько сложные расчеты в условиях повышения значения фактора неопределенности и риска, с тем чтобы гарантировать в будущем спрос на инновацию и ее коммерческое использование и применение [9; 10].

В моделировании важно спрогнозировать и на начальной стадии спроектировать финансовые отношения между рискофирмой (наукой), рискоинвесторами (капитал), опытным производством. В основе этих отношений должен лежать хозрасчетный эффект науки, с помощью которого будут регулироваться отношения между научными организациями (коллективами), инвесторами в инновации и потребителями инноваций (нововведений).

Известно, что общехозяйственный эффект новой техники представляет собой интегральный результат деятельности всех участников процесса «исследование – производство – потребление – коммерциализация», схематическое деление которого на составляющие его компоненты – хозрасчетные эффекты можно показать:

$$Э_{н/х} = Э_{н} + Э_{о} + Э_{и} + Э_{п}, \qquad (1),$$

где $Э_{н/х}$ – интегральный общехозяйственный эффект инновации (высокие технологии, новая техника); $Э_{н}$ – эффект науки; $Э_{о}$ – эффект опытного производства; $Э_{и}$ – эффект изготовителя новой техники; $Э_{п}$ – эффект потребителя.

При этом он реализуется, как правило, в процессе использования инновации (новой техники). В связи с этим перед экономистами стоит задача научно обосновать принцип определения доли такого эффекта, который «вменяется» науке и материальному производству.

При всем значении критериев и показателей народно-хозяйственной экономической эффективности они недостаточны в управлении научно-техническим прогрессом, поскольку характер производственных отношений обусловливает необходимость хозрасчетной формы хозяйствования народно-хозяйственного эффекта новой техники между сферами производства и ее потребления, что осуществляется посредством цен.

Поскольку в существующем хозяйственном механизме отсутствует объективная основа для определения цены на научную продукцию, то, соответственно, нет аналогично материальному производству объективного распределения эффекта между наукой и производством.

Определение доли интегрального эффекта позволяет оценить вклад каждого участника в создании новой техники, ликвидировать повторный счет одной и той же экономии, что является условием развития хозяйственного расчета и рыночных отношений.

Вследствие того, что деление эффекта науки между его исполнителями не столь проблематично, этому вопросу не уделяется внимание.

Наиболее сложной и слабо разработанной проблемой измерения экономической эффективности научных исследований является проблема выделения эффекта науки в интегральном эффекте. Поэтому практические потребности побуждают к разработке методологических принципов, касающихся данной проблемы.

В экономической литературе и методиках рекомендуются различные методы выделения доли науки, которым, на наш взгляд, можно дать следующую классификацию:

– затратные методы, основывающиеся на том, что доля прикладной научно-исследовательской организации в интегральном эффекте новой техники становится в зависимость от соотношения затрат на НИОКР и затрат на внедрение новой техники;

– методы, основанные на постоянной, заранее детерминированной доле, установленной экспертным путем;

– методы, являющиеся синтезом методов на основе постоянной заранее детерминированной доли и результативного;

– результативные методы, при которых делаются попытки определить искомую величину непосредственно по вкладу научного исследования в результат производства через косвенную условную оценку.

На наш взгляд, наиболее объективными и правомерными являются результативные методы, т. е. на основе теоретических предпосылок формирования затрат и результатов в прикладной науке. Представляется, что методология выделения эффекта науки должна быть ориентирована на результат. Основная идея, заложенная в данном подходе, заключается в том, что доля науки увеличивается пропорционально научно-техническому уровню результатов научно-исследова-

тельских работ. Чем выше уровень новизны, значимости и достоверности научного результата, тем выше, при прочих равных условиях, вклад науки. Следует отнести к достоинствам то, что этот метод ориентирует разработчиков на результаты их деятельности и стимулирует рост научно-технического уровня разработок.

Для выбора объективного критерия выделения доли науки в интегральном эффекте необходимо рассмотрение науки как категории в экономической системе. Прикладная наука призвана непрерывно искать и находить новые источники для развития технологий, возможности и пути развития по сравнению с традиционными. Соответственно этому критерию эффективности науки и доля экономического эффекта, приписываемого сфере (науке), должна определяться ее вкладом в «тезаурус» (сокровищницу) научных и технических знаний, материализованных в технике.

Такому критерию соответствует метод присваивания науке доли общехозяйственного эффекта, определяемой сравнением научной разработки (инновации) с лучшим из имеющихся в мировой практике образцов. Остальная часть общехозяйственного эффекта, получаемая при сравнении лучшего из имеющихся в мировой практике образца с заменяемым, не считается вкладом сферы науки, т. е. интегральный общехозяйственный эффект разработки (инновации), рассчитанный сопоставлением с заменяемым оборудованием, состоит из двух частей, каждая из которых может быть определена использованием разных баз сравнения.

$$Э_н = (З_л - З_р) \cdot А_р =$$

$$= \left[\left(С_л + Е_н \cdot К_л \right) - \left(С_р + Е_н \cdot К_р \right) \right] \cdot А_р, \quad (2),$$

где $Э_н$ – годовой экономический эффект разработки; $З_л$ и $З_р$ – приведенные затраты единицы продукции (работы), производимой с помощью лучшей известной в мировой практике техники и по технике, полученной от данной разработки; $А_р$ – годовой объем производства продукции (работы) с помощью разработки в натуральных единицах; $С_л$ и $С_р$ – себестоимость единицы продукции (работы), производимой с помощью лучшей новой техники и разработки; $К_л$ и $К_р$ – удельные капитальные вложения в производственные фонды, руб.; $Е_н$ – нормативный коэффициент эффективности инвестиционных вложений.

Ценообразование научно-исследовательской разработки должно основываться на потребительной стоимости, в данном случае это способность экономить живой и овеществленный труд в сфере материального производства, количественной мерой которой является экономический эффект. Поскольку ценообразование находится в прямой зависимости от общехозяйственного эффекта, полученного от использования разработки, цена должна определяться не мерой вложенного труда, а мерой удовлетворения общественных потребностей.

Цена прикладной разработки (Ц), базирующейся на экономическом эффекте, может быть определена по формуле

$$Ц = Э \cdot a_1 \cdot a_2 \cdot \frac{I}{\left(I - Э_н \right)} \cdot Т, \quad (3)$$

где Э – ожидаемый общехозяйственный эффект от использования результатов разработки (инновации) за весь срок функционирования (с учетом фактора времени и затрат при производстве и эксплуатации); a_1 – доля науки в интегральном эффекте; a_2 – удельный вес организации-потребителя в общей массе эффекта; Т – период времени между датами получения знания (установления цены) и реализации эффекта; $Э_н$ – нормативный коэффициент эффективности.

Важно в инновационном процессе понимать различие между инновациями и инвестициями. Это связано с тем, что между этими понятиями имеется существенная зависимость и тесная связь. Инновационный процесс невозможен без

инвестиций, в то же время инвестиционный процесс игнорирующий инновации, не имеет экономического смысла, т. к. теряется основное назначение инвестиционных вложений – развитие на базе передовых технологий, методов и т. д. На практике часто допускают ошибку, исходя из взаимосвязи инвестиций и инноваций, используя одни и те же критерии и показатели при оценке их эффективности. В данном случае следует руководствоваться тем, что инвестиции и инвестиционный проект преследуют, прежде всего, обоснованный положительный экономический результат, а критерием инвестиционного проекта является рациональная экономическая эффективность с позиции инвестора.

Инновации и инновационный проект подразумевают несколько иные цели. Главное для инноваций – это новизна, новшество в виде новых технологий, новых товаров. Поэтому критерии оценки эффективности инновационного проекта несколько шире по сравнению с инвестиционным проектом. Он включает: во-первых, наличие новации (новой идеи), а во-вторых, достижение положительного экономического результата за счет минимизации себестоимости производимой продукции от коммерциализации инновации. Можно сформулировать краткое определение следующим образом: «инновационный проект – это инвестиционный проект, не имеющий аналога, в основе которого предусматривается коммерциализация инновации, т. е. выведение на рынок новой идеи (новация)».

В широком понимании инновационный проект представляет собой научно-экономическое обоснование экономической выгоды финансовых вложений, в коммерциализацию инновации, оценку периода продолжительности инновационного проекта, объемов финансирования на различных стадиях и этапах этого периода от зарождения научной идеи до ее воплощения в опытный образец; запуск в серийное производство, распространение на рынке передовых технологий, новых товаров, являющихся продуктом инновации, значительным количеством фирм, т. е. до момента, когда инновация перестает быть таковой, а также подготовка на вышеназванный период проектной документации (включающей научные исследования и опытно-конструкторские разработки), разработанная, утвержденная в соответствии с международной нормативно-правовой базой, и описание плана мероприятий по реализации инновационного проекта.

В имеющейся литературе для оценки эффективности инноваций применяют более обширную систему показателей по сравнению с оценкой эффективности инвестиций [11, с. 186].

Их можно объединить в две группы.

К первой группе относятся показатели, которые характеризуют производственный эффект инновации:

– прирост объема производства продукции

$$\Delta ВП = ВП_1 + ВП_0, \qquad (4)$$

где $ВП_1$, $ВП_0$ – валовой объем производства продукции соответственно после и до использования новшества;

– прирост добавленной стоимости

$$\Delta ДС = ДС_1 + ДС_0, \qquad (5)$$

где $ДС_1$, $ДС_0$ – добавленная стоимость соответственно после и до использования новшества.

Ко второй группе относятся показатели, характеризующие финансовую эффективность нововведений:

– прирост маржи покрытия, исчисленной как разность между чистой выручкой и суммой переменных затрат по реализованной продукции:

$$\Delta МП = МП_1 - МП_0, \qquad (6)$$

где $МП_1$, $МП_0$ – маржа покрытия соответственно после и до использования новшества;

– прирост чистого дохода за счет инновации:

$$\Delta ЧД = ЧД_1 - ЧД_0, \quad (7)$$

где $ЧД_1$, $ЧД_0$ – доход, включающий чистую прибыль и амортизацию, соответственно после и до использования новшества.

Также оцениваются показатели: прирост маржинальной рентабельности; прирост рентабельности затрат; прирост рентабельности оборота; прирост чистой нормы прибыльности продукции; прирост рентабельности совокупного капитала; прирост рентабельности собственного капитала и др.

Но эти оценки представляют собой фактическую эффективность. В данном случае инновационный проект уже реализован и по результатам внедрения в практику, точнее материальное производство, можно рассчитать по факту выгодности или, наоборот, убыточности реализованного проекта. Как правило, такие оценки необходимы в комплексном экономическом анализе финансовой деятельности предприятия. Они важны и помогают в управлении предприятия на основе финансовой отчетности за тот или иной период. Но на стадии прогнозирования, проектирования в условиях неопределенности они не применимы. Здесь должна использоваться система показателей с приведенным эффектом, дисконтированным сроком окупаемости. Особенность состоит в том, что в данном случае необходимо учитывать всю сумму инвестиционных затрат предприятия в коммерциализацию инновации, начиная с инвестиций на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки и заканчивая процессом запуска в производство и выхода на рынок.

Список литературы

1. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах РФ [Электронный ресурс]: [утв. Минэкономразвития Российской Федерации 26.12.2008 г. № 20636-АК/Д19]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Бабкин А. В., Мошков А. А., Новиков А. О. Анализ методов и моделей оценки инновационного потенциала промышленного кластера // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2012. – Т. 4, №151. – С. 84–90.

3. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Векторный анализ кластерных инициатив региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2015. – № 1 (211). – С. 43–50.

4. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Theoretical Aspects of Considering the Dynamic Characteristics of Socioeconomic Systems in the Management of Regional Development // Regional Research of Russia. – 2013. – Vol. 3, N 1. – P. 89–95.

5. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Хлынин М. Ю. Формирование и развитие промышленных кластеров // Технико-технологические проблемы сервиса. – 2014. – № 1 (27). – С. 92–99.

6. Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика: [итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года] / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. – Кн. 1. – 430 с.

7. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. – 2014. – № 11 (109). – С. 38–47.

8. Курбанов Т. Х. Основные направления и тенденции управления инновационной экономикой развития страны // Ученые записки РГСУ. – №11. – 2013. – С. 112–130.

9. Шарп У. Ф., Александер Г. Д., Бэйли Д. В. Инвестиции: пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 1028 с.

10. Сухарев О. С. Теория эффективности экономики. – 2-е изд., испр. – М.: КУРС: Инфра-М, 2014. – 368 с.

11. Савицкая Г. В. Методика комплексного анализа хозяйственной деятельности. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 384 с.

Получено 20.06.15

T. H. Kurbanov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian State Social University (Moscow) (e-mail: tohku@rambler.ru)

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE MODELS BASED ON IMPORT SUBSTITUTION AND THE PROMOTION OF CLUSTER POLICY

The modernization of the economic system transition to an innovation economy, through the development of regional clusters in the reform process, methods for evaluating the effectiveness of innovation, science, the concept of an innovative project.

***Key words**: cluster policy, strategy, innovative economy, innovative design, investment planning, venture financing, venture capital, technology, risk management model of economic modernization.*

УДК 338.1

Е. В. Харченко, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: samofalovae@mail.ru)

Ш. М. Бухсаев, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск)

НАПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ С ЦЕЛЬЮ ЭФФЕКТИВНОГО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

В статье систематизированы предпосылки, причины, потенциальные возможности и приоритетные направления структурно-динамических преобразований экономики России в сложившихся геополитических условиях. Проанализированы тенденции реализации политики импортозамещения на федеральном уровне. На статистических данных регионального хозяйственного комплекса Курской области приведены результаты количественного анализа внешнеэкономической деятельности региона РФ. Предложен комплекс мер по структурной трансформации экономики Курской области в свете геополитических трендов и необходимости импортозамещения.

***Ключевые слова**: преобразования промышленности, импортозамещение, экспорт, импорт, внешнеэкономическая деятельность, геополитические факторы, экономическая безопасность.*

***

Современная мирохозяйственная система переживает кризисный период развития. Нынешний экономический кризис, инициированный геополитическими факторами, далек от завершения. Его коренные причины – в сложноразрешимом противоречии между экспансионистским типом рыночного хозяйствования и ограниченностью ресурсов. Препятствия на пути к его разрешению обусловлены несовершенством системы глобального макрорегулирования. Попытки отказа от нее на страновом и региональном уровнях приводят не только к обострению кризиса, но и к военно-политическим конфликтам. В этих условиях наблюдается тенденция к автономизации социально-экономических систем, которой движет стремление субъектов (менеджмента корпораций, региональных и национальных властей) к снижению рисков неустойчивости внешней среды, повышению сбалансированности собственного развития. Эта глобальная тенденция находит выражение в необходимости разработки направлений структурно-динамических преобразований промышленности России с целью эффективного импортозамещения [1].

Сегодня в России, на фоне обострения геополитических и макроэкономических рисков, на первое место среди науч-

ных приоритетов в области экономики выходит разработка качественно нового механизма обеспечения и поддержания структурно-динамических преобразований промышленности России с целью эффективного импортозамещения. В связи с изложенным, разработка, апробация и поэтапное внедрение модели структурно-динамических преобразований промышленности России с целью эффективного импортозамещения становится первостепенной задачей для высшей школы, способствующей интеграции теоретических и прикладных знаний. В сложившейся ситуации ведущая роль отводится не только развитию теории управления, но и разработке практико-ориентированной методологии государственного регулирования трансформационных процессов в промышленности РФ с учетом нестабильности внешней среды и приоритета устойчивости развития [2].

Скоротечные изменения внешней среды также требуют совершенствования уже имеющихся методов управления развитием промышленного комплекса на национальном уровне в современных геополитических условиях. Требуется изменение их парадигмальной основы. Если традиционные методы по своей сути представляются реактивными, т. к. управление с их помощью направлено на ликвидацию последствий уже произошедших изменений, то упреждающее управление проактивно. Его главная идея заключается в том, чтобы объект и субъект управления модернизацией в промышленности России были сориентированы на внешнее окружение и могли заранее среагировать на предстоящие изменения, тем самым минимизируя издержки (не только в финансовом смысле, но и в широком социально-экономическом контексте). Именно методы упреждающего управления структурно-динамическими преобразованиями в промышленности России с целью эффективного импортозамещения отвечают современным условиям функционирования как экономики страны в целом, так и экономики отдельного хозяйственного комплекса.

Важным условием, требующим учета при организации и осуществлении государственного воздействия на экономику, является цикличность ее развития [3]. Фундаментом для создания комплексных программ планомерного структурно-динамического преобразования в промышленности является оценка совместной динамики структурных и объемных параметров функционирования отраслей промышленного комплекса РФ. Такая оценка позволяет выявить закономерности их развития и определить адресное упреждающее воздействие.

В современных неопределенных условиях внешнеэкономической деятельности России одной из наиболее актуальных проблем является поиск новых подходов и методов управления развитием промышленного комплекса с целью обеспечения экономической безопасности. Это связано с необходимостью согласования интересов общества, бизнеса и государства в целях повышения качества и уровня жизни населения, поиском оптимальных пропорций развития промышленного комплекса, обеспечивающих сбалансированность между различными технологическими группами производств. Ситуация, сложившаяся в промышленности России, во многом сформировалась под влиянием процесса радикальной трансформации экономической системы, связанной с переходом экономики к рыночным принципам хозяйствования, переориентацией хозяйственной деятельности субъектов на получение краткосрочного экономического эффекта и игнорированием проблем глобализации, что привело к резкому изменению структуры национального хозяйства и в конечном итоге к снижению конкурентоспособности отдельных отраслей промышленности [4].

На сегодняшний день промышленные предприятия, несмотря на определенные позитивные сдвиги и наблюдающиеся тенденции экономического развития, по-прежнему находятся в состоянии неустойчивого равновесия, осложняющегося последствиями мирового экономического кризиса и внешнеполитических рисков. В этой связи возникает объективная необходимость в фундаментальных исследованиях потенциальных возможностей реализации эффективной политики импортозамещения с учетом сложившихся структурных пропорций в производственных системах, роста инвестиционной привлекательности через формирование мобилизационных сценариев, что позволит дифференцированно воздействовать на элементы промышленного комплекса системы с целью обеспечения его эффективного развития и экономической безопасности России.

Разработка мер поддержки отечественного производителя, введение мер протекционизма и замещения иностранной продукции особенно актуализировались в момент присоединения России к ВТО. Неоднократно об этом говорили и президент, и председатель правительства. Но касалось это в основном стратегически важных отраслей, таких как авиа- и судостроение, что нашло свое отражение в майских указах Владимира Путина в 2012 году. Но тренд политики импортозамещения усилился после обострения отношений с Европой и США и введения санкций.

О фактическом курсе на импортозамещение объявил Владимир Путин на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме 2014 г. «Импортозамещение за счет модернизации промышленности и роста конкуренции поможет вернуть собственный рынок отечественным производителям», – сказал Президент, а также пообещал провести перевооружение всех предприятий и переоценку всех производственных фондов в стране. «Стране нужна научно-техническая революция», – заявил Путин.

Премьер-министр Дмитрий Медведев назвал развитие импортозамещающих производств одним из приоритетных направлений политики, т. к. страна «слишком подсела на импортную иголку». И добавил, что Россия может производить большой спектр товаров: «Всего делать невозможно, но очень многие вещи, которые покупаем, мы способны делать сами», – сказал Медведев [5].

Доля импортной продукции в станкостроении, по данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, составляет 89%, в производстве офисного оборудования – 83%, в одежде – 75%, мебели – 46%. А всего доля импорта во внутреннем спросе в последние годы стабильна на уровне 24% [6].

В станкостроении эта зависимость составляет 90%, в радиоэлектронной промышленности – 85%, в легкой промышленности – 80%, в фармацевтике и медицинской промышленности – 75% [7].

Министерство промышленности и торговли России поставило задачу снижения к 2020 году зависимости от импорта в 1,5 раза. В производстве вооружений и военной техники такая зависимость должна быть снижена практически к нулю.

Результатом заданного курса государственной политики в этом направлении стали антикризисный план правительства [8], в котором отмечается, что «в 2015–2016 годах будут реализованы меры, направленные на активизацию структурных изменений в российской экономике, стабилизацию работы системообразующих организаций в ключевых отраслях и достижение сбалансированности рынка труда, снижение инфляции и смягчение последствий роста цен на социально значимые товары и услуги для семей с низким уровнем доходов, достижение положительных темпов роста и макроэко-

номической стабильности в среднесрочной перспективе», и приказы Минпромторга № 645-663 от 31 марта 2015 г. [9]

Все страны, как развитые, так и развивающиеся, конечно, стремятся, несмотря на договоры о свободной торговле и членство в ВТО, поддерживать своих производителей. Но современное разделение труда в мире устроено таким образом, что у стран нет необходимости производить полную линейку всех товаров, а заодно и всего оборудования с комплектующими к нему, а с экономической точки зрения это неэффективно. При этом США не очень беспокоятся, что находятся в товарной зависимости от Китая (как и многие другие страны), т. к. Китай находится от США в технологической зависимости. Мир полон взаимных зависимостей, и компании конкурируют уже не на внутренних рынках, а на мировом. У каждой страны есть своя ниша в мировом разделении труда, секторы, в которых она конкурентоспособна. Но потребность в импортозамещении в современных условиях вызвана геополитическими факторами и потребностью в усилении национальной безопасности.

По нашему мнению, российская экономика может выйти из траектории сырьевой направленности, чему может и должна способствовать реструктуризация экономики, модернизация значительной части производств. И сейчас, благодаря неблагоприятным факторам внешней среды, санкциям и усилению внешнеполитической нестабильности, национальная экономика может развивать те «точки роста», благодаря инвестированию которых можно вывести страну на путь инновационного развития: усилить глубину переработки ресурсов, найти новые сферы, в которых Россия могла бы конкурировать с другими странами на открытом рынке [10].

Помимо финансовой поддержки отечественного производителя у органов государственного регулирования в арсенале есть и другие инструменты: от повышения пошлин на импортные товары до административных барьеров (прямых ограничений на закупку импорта государством и госкомпаниями). В планах Минпромторга запрет на госзакупки импортных товаров: к 2017 году 80% товаров, закупаемых государством и госкомпаниями, должны быть отечественного производства.

Украина разорвала с Россией сотрудничество в военно-технической сфере. На практике это означает, что поставка из Украины в Россию компонентов для ВПК прекратится. Проекты в этом секторе, которые должны реализоваться с целью импортозамещения: производство комплектующих для изготовления межконтинентальных баллистических ракет (ранее производимых Днепропетровским «Южмаш»), проект по производству систем наведения ракет «Тополь» (ранее разрабатывались и производились в Харькове), производство тормозных парашютов и гидравлических систем для истребителей «Сухого», реактивных двигателей для российских самолетов и т. д.

Если в ВПК и отраслях двойного назначения, как, например, в авиа- и судостроении, замещение будет идти за счет государства, то в других секторах власти необходимы частные капиталовложения.

Фармацевтический кластер (представленный в г. Курске) относится к стратегическим секторам, но в данный момент наибольший удельный вес на рынке занимают импортные товары. В настоящий момент в данной отрасли есть серьезная диспропорция. Если проанализировать структуру рынка в денежном выражении, то импортные лекарства составляют до 80% рынка. При резком ухудшении геополитической ситуации страна рискует остаться без средств для лечения большого перечня заболеваний, включая онкологические. Приоритет в развитии отечественных предприятий

фарминдустрии – взаимодействие с научным сообществом и активизация интеграции науки, бизнеса и власти. Только это позволит сформировать инновационную фармсреду. Кроме того, драйвером роста в современных условиях становятся кластеры, например фармацевтический кластер в Калужской области, ядром которого стала группа компаний STADA CIS [11].

В IT-сегменте на данный момент также преобладает продукция иностранного производства, особенно оборудование: компьютеры, серверы, вся вычислительная техника и т. д. То же относится и к сегменту мобильной связи. Понятие стратегической отрасли весьма широкое: это и производство телекоммуникационного оборудования, и разработка программного обеспечения, и онлайн-сервисов. Много отраслей реализуют не военные, но важные инфраструктурные проекты, которые должны функционировать внутри страны вне зависимости от политической и международной конъюнктуры. Например, в созданных с упреждением госкорпорациях существует огромный запрос на импортозамещение. Все, что конкурентоспособно иностранным аналогам, при прочих равных условиях должно получать приоритет. Это создаст огромные возможности для предпринимателей и будет стимулировать конкуренцию.

Многое в этом направлении уже сделано на федеральном уровне.

В рамках Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) начал работу Центр привлечения инвестиций в регионы России INVEST IN RUSSIA [12]. За счет применения наилучших мировых практик, а также опыта РФПИ по взаимодействию с зарубежными партнерами, Центр будет содействовать централизации информации об инвестиционных возможностях регионов РФ, продвижению перспективных инвестиционных проектов и поиску международных инвесторов.

В рамках Центра привлечения инвестиций РФПИ планируется запуск интернет-портала INVEST IN RUSSIA «Инвестируйте в Россию!», являющегося интерактивным ресурсом по инвестициям в регионы.

В июне 2015 года в Ленэкспо запущен проект Межотраслевого центра импортозамещения, в рамках которого будет инвестировано 50 млн рублей. Площадка-интегратор, призванная обеспечить условия для эффективного поиска спроса и предложения на продукцию и услуги промышленного сектора, – один из ключевых проектов компании «ЭкспоФорум-Интернэшнл», направленный на продвижение российских производителей и формирование новых рынков сбыта [7].

Проект призван снизить долю импорта оборудования и компонентов. На постоянной основе для участников центра будут работать конференц-залы, биржа деловых контактов, переговорные комнаты, что необходимо для формирования деловых отношений.

На начальном этапе трансформации национальной экономики необходимо пересмотреть кооперационные связи, замкнуть их на внутренний потенциал страны, который во многих сферах придется создать или обновить. В современных условиях эффективное импортозамещение требует не только средств, но и времени и компетентных кадров.

Российский платежный баланс устойчиво положителен, однако имеет волнообразную тенденцию к снижению – с 84389 млн долл. США в 2005 г. до 3414 млн долл. США в 2013 г. Дисбаланс выпуска и потребления товаров изменяется в сторону увеличения импорта вследствие «оздоровления» экономики РФ.

Основные показатели, характеризующие существенный рост стоимостных объёмов внешней торговли страны за 2000–2013 гг., приведены в таблице 1.

Таблица 1

Основные показатели внешней торговли в РФ, млрд долл. США [13]

Показатели	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Экспорт	103,1	241,5	467,6	301,7	397,1	516,7	524,7	526,4
Импорт	33,9	98,7	267,1	167,3	228,9	305,8	317,2	317,8
Внешнеторговый оборот	137	340,2	734,7	469	626	822,5	841,9	844,2
Сальдо внешнеторгового оборота	69,2	142,8	200,5	134,4	168,2	210,9	207,5	208,6

В 2013 г. внешнеторговый оборот вырос на 2,7% по сравнению с 2012 г. и составил 844,2 млрд долл. США. Экспорт увеличился на 3,2%, стоимостный объем составил 526,4 млрд долл. США. Импорт увеличился на 1,9%, стоимостный объем составил 317,8 млрд долл. США. В структуре внешнеторгового оборота наибольший удельный вес приходится на долю экспорта, но темпы роста экспорта значительно ниже аналогичного показателя по импорту.

Сальдо внешнеторгового баланса страны положительное и составило 208,6 млрд долл. США (в 2012 г. – 207,5 млрд долл. США), но показатель его невелик по сравнению с показателями прошлых лет за счет резкого роста объемов импортных операций.

Что касается Курской области, то, по данным Центрального таможенного управления [14] и Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации [15], внешнеторговый оборот Курской области по итогам 2013 г. увеличился к уровню 2012 г. на 252 млн долл. США, или на 1,8%, и составил 1359,3 млн долл. США, в том числе экспорт – 695,5 млн долл. США, импорт – 663,8 млн долл. США. Внешнеторговое сальдо положительное и представлено в таблице 2.

Таблица 2

Внешняя торговля Курской области [16]

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Миллионов долларов США								
Внешнеторговый оборот	790,5	1104,3	1512,0	826,9	1310,4	2098,5	1332,7	1359,3
Экспорт	377,4	658,1	923,8	411,5	710,0	1307,5	690,7	695,5
Импорт	413,1	446,2	588,2	415,4	600,4	791,0	645,0	663,8
Сальдо	–35,7	+211,9	+335,6	–3,9	+109,6	+516,5	+45,7	+31,7
В том числе:								
– со странами дальнего зарубежья, из них:								
экспорт	282,1	485,8	620,4	259,8	549,6	1137,9	486,3	466,7
импорт	130,5	104,0	164,4	126,9	187,2	184,5	192,2	203,2
сальдо	+151,6	+381,8	+456,0	+132,9	+362,4	+953,4	+294,1	+263,5
– со странами СНГ, из них:								
экспорт	95,3	172,3	303,4	151,7	160,4	169,7	204,4	228,7
импорт	282,6	342,1	423,8	288,5	413,2	606,5	452,8	460,6
сальдо	–187,3	–169,8	–120,4	–136,8	–252,8	–436,8	–248,4	–231,9

Окончание табл. 2

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
В процентах к предыдущему году								
Внешнеторговый оборот	118,1	139,7	136,9	54,7	158,5	160,1	63,7	101,8
Экспорт	100,6	174,4	140,4	44,5	172,5	184,2	52,8	100,7
Импорт	140,4	108,8	131,8	70,6	144,5	131,7	81,5	102,9
В том числе:								
– со странами дальнего зарубежья, из них:								
экспорт	98,8	172,2	127,7	41,9	2,1р.	2,1р.	42,7	96,0
импорт	2,8	79,7	158,1	77,2	147,5	98,6	104,2	105,7
– со странами СНГ, из них:								
экспорт	106,5	180,8	176,1	50,0	105,7	105,8	120,4	111,9
импорт	114,0	121,1	123,9	68,1	143,2	146,8	74,7	101,7

В структуре внешнеторгового оборота Курской области, как и страны в целом, наибольший удельный вес приходится на оборот со странами дальнего зарубежья – по 2013 г. в 2 раза (по РФ – на 80%) (рис.).

Тенденции в стоимостных объемах экспорта в страны дальнего зарубежья являются крайне неустойчивыми, в то время как динамика импорта является, наоборот, устойчивой (на графике тренд импорта в страны дальнего зарубежья образует практически прямую линию). Что касается экспорта в страны СНГ, то он последние 5 лет также занимает устойчивые позиции, а динамика импорта имеет видимые колебания.

В 2013 г. расширилась география внешнеторговых партнеров Курской области: хозяйствующие субъекты Курской области осуществляли внешнеторговую деятельность с партнерами из 85 стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тренды внешнеэкономической деятельности Курской области: увеличение внешнеторгового оборота Курской области со странами СНГ по итогам 2013 г. к 2012 г. на 34,1 млн долл. США, или на 4,7%, рост экспорта в страны СНГ – 107,0%, импорта из стран СНГ – 103,6%.

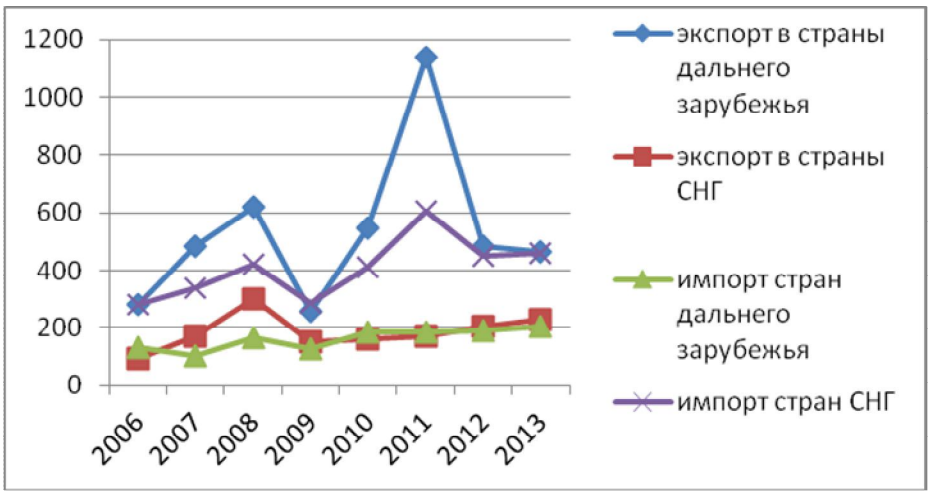


Рис. Динамика внешнеторговых операций Курской области за период 2006–2013 гг. [16]

Преобладающую долю в объеме экспорта Курской области в страны СНГ занимали поставки в Украину на общую сумму 99,6 млн долл. США, Беларусь – 62,2 млн долл. США, Казахстан – 54,8 млн долл. США, Азербайджан – 10,2 млн долл. США.

Эспортные поставки составляют: минеральные продукты (51,5% от общего объема импорта), продовольственные товары (19,4%), продукция химической промышленности, каучук (11,4%), машиностроительная продукция (6,3%), текстиль, текстильные изделия и обувь (5,7%), металлы и изделия из них (2,3%), кожевенное сырье (1,5%), древесина и изделия из нее (1,3%), прочие товары (0,6%).

Товарная структура экспортируемых товаров на 50% состоит из минеральных продуктов.

Импортные поставки составляют: продовольственные товары (30,3% от общего объема импорта), машиностроительная продукция (19,7%), продукция химической промышленности, каучук (18,5%), древесина и изделия из нее (10,2%), металлы и изделия из них (8,3%), текстиль, текстильные изделия и обувь (5,7%), минеральные продукты (5,3%), кожевенное сырье (0,1%) прочие товары (1,9%).

В товарной структуре импорта в 2013 г. наибольший удельный вес занимает статья «продовольственные товары и с/х сырье» (30,3%); приблизительно равные доли занимают статьи «машины, оборудование, транспортные средства» (19,7%) и «продукция химической промышленности» (18,5%).

Анализ товарной структуры импорта показал крайне негативные тенденции зависимости от импортной продукции машин, оборудования, транспортных средств, химической промышленности, продовольственных товаров, сельскохозяйственного сырья. Совокупная доля импорта этих трех групп отраслей более 68%, при этом треть доли импортируемых товаров составляет продовольственная и сельскохозяйственная продукция. Следовательно, имея богатую черноземом почву, регион продолжает импортировать продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, что ставит под угрозу обеспечение продовольственной безопасности Курской области.

Также весомую долю в товарной структуре импорта занимает статья «машины, оборудование и транспортные средства» (19,7%). Крупные предприятия вынуждены импортировать оборудование вследствие дефицита оборудования отечественного производства, в то время как малому и среднему бизнесу импортное оборудование зачастую «не по карману».

По итогам структурно-динамического анализа платежного баланса, товарной структуры и структуры экспорта-импорта услуг можно сделать следующие выводы:

1. Приоритетами развития экономики Курской области с целью снижения импортозависимости должны стать отрасли по производству машин, оборудования, транспортных средств, химической промышленности, продовольственных товаров, сельскохозяйственного сырья, т. к. их совокупная доля импорта более 68%.

2. Потенциал развития отраслей регионального хозяйственного комплекса также объясняется высокой степенью износа оборудования и эффективностью их использования.

3. Развитие этих групп отраслей неизменно повлечет синергетический эффект, т. к. они взаимозависимы. В настоящее время практически вся продукция сельского хозяйства обрабатывается с помощью импортных тракторов и оборудования, кроме того, весь посевной материал также импортируется. Развитие практически полностью прекратившей существование отрасли тракторостроения позволит реализовать спрос на оборудование и машины в сельском хозяйстве, обеспечение бесперебойной работы кото-

рых невозможно без продуктов нефтепереработки.

Курская область может стать регионом-«локомотивом» по производству семенного материала для сельского хозяйства всей России.

АПК Курской области может стать гарантом продовольственной безопасности региона. Курская область в 2014 г. заняла лидирующую позицию в ЦФО по темпам уборочных работ и находится на первом месте по валовому сбору зерна, а также занимает второе место по урожайности зерновых (48,4 ц/га) после Краснодарского края (55,4 ц/га).

Источником развития регионального хозяйственного комплекса Курской области должны стать частные инвестиции, стимулирование которых предполагается за счет создания Администрацией региона благоприятных условий для инвестирования и улучшения инвестиционного имиджа территории [17].

Приоритетом при оказании государственной поддержки инвесторам на конкурсной основе должны пользоваться виды деятельности, обеспечивающие получение высоких объемов добавленной стоимости, способствующие процессу диверсификации экономики области и снижению уровня зависимости от градообразующих предприятий. Применительно к Курской области это:

– пищевая и перерабатывающая промышленность;

– производство строительных материалов;

– производство продукции животноводства и растениеводства;

– химическая и нефтехимическая промышленность;

– машиностроение.

Необходимо расширить государственную поддержку субъектов инвестиционной деятельности за счет: увеличения средств областного бюджета, направляемых на предоставление мер поддержки инвесторам; предоставления инвесторам дополнительных налоговых льгот; привлечения средств федерального бюджета для реализации региональных проектов.

В рамках структурной трансформации экономики Курской области в свете геополитических трендов и необходимости импортозамещения можно предложить следующий комплекс мер:

1. Формирование площадок с готовой инфраструктурой для последующего предоставления их инвесторам. В Курской области работа по созданию индустриальных парков активно ведется, уже имеется 2 земельных участка под индустриальные парки различных типов, находящиеся в районах области. Агентством по привлечению инвестиций завершается работа над концепцией создания и развития индустриальных парков в Курской области.

2. Сокращение периода получения различных согласований и разрешений на стадии, предшествующей фактическому началу реализации инвестиционного проекта. При работе с инвестором необходимо постепенно внедрять принцип «одного окна» на базе деятельности областного государственного учреждения «Многофункциональный центр по предоставлению государственных и муниципальных услуг».

3. Совершенствование работы по проведению мониторинга инвестиционного процесса. Требуется разработка обновленной (с пролонгацией периода действия до 2030 года) Стратегии социально-экономического развития Курской области, а также Плана мероприятий по ее реализации.

4. Усиление инновационной направленности инвестиционной деятельности, способствующее формированию конкурентоспособных территориальных кластеров, в том числе в инновационно значимых секторах экономики. Необходимо создание «полюсов роста», генерирующих инновационное воздействие на территорию области совместными усилиями вузов города, бизнеса и органов исполни-

тельной власти. Среди приоритетных направлений инновационной деятельности – IT-проекты в ВПК, энергоэффективность и энергосбережение, информационные и космические технологии и коммуникации, медицинские технологии.

5. Развитие системы информационного обеспечения инвестиционной деятельности в целях подтверждения и укрепления позитивного инвестиционного имиджа региона. На федеральном и международном уровнях необходимо осуществлять:

– презентации экономического и инвестиционного потенциала региона;

– распространение информации о региональных и межрегиональных инвестиционных проектах на федеральном уровне;

– информационное содействие продвижению на глобальный рынок конкурентоспособных товаров и услуг, производимых предприятиями области;

– активное использование механизмов брендинга территории.

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что многие крупные региональные инвестиционные проекты получают серьезную поддержку на федеральном уровне. Свидетельством тому стал проведенный мониторинг сайта Минпромторга, на котором представлен перечень комплексных инвестиционных проектов по приоритетным направлениям гражданской промышленности, поддержанный субсидиями из федерального бюджета. Данный список не содержит ни одного инвестиционного проекта из Курской области. Необходимо активизировать информационную поддержку и организационное сопровождение хозяйствующих субъектов, у которых есть идеи и инвестиционный потенциал для реализации подобных проектов.

Таким образом, формирование методологических и концептуальных организационно-экономических основ структурно-динамических преобразований промышленности России с целью эффективного импортозамещения и соответствующих механизмов их инвестиционного обеспечения образует научную основу государственного регулирования всей совокупности секторов национальной промышленности, что и предопределяет проблемную ситуацию, сложившуюся в данном научном направлении.

Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ №26.2671.2014 «Теоретико-методологические основы разработки и реализации кластерной политики на региональном уровне и научно-методическое обоснование инструментария прогрессивных структурных преобразований региональных социально-экономических систем» на 2014–2016 годы.

Список литературы

1. Харченко Е. В. Системная трансформация хозяйства: переход к инновационному укладу развития региональной экономики // Инновационный Вестник Региона. – 2009. – №1. – С. 34–40.

2. Харченко Е. В., Вертакова Ю. В. Система государственного и муниципального управления. – М.: Кнорус, 2009. – 272 с.

3. Харченко Е. В. Совершенствование промышленной политики региона в условиях фрагментарности экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – №1 (40), ч. 2. – С. 142–146.

4. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Харченко Е. В. Исследование пространственных различий территориальных образований региона (на материалах Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – №2. – С. 26–34.

5. Сигал Е. Импортозамещение: какие возможны сценарии? [Электронный ресурс] // РБК Инновации. – 2014. – 3 июля. – URL: http://i.rbc.ru/publication/

analytic/importozameshchenie_kakie_vozmozhny_stsenarii (дата обращения: 22.05.2015).

6. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.forecast.ru/default.aspx (дата обращения: 22.05.2015).

7. Импортозамещение получит свой центр [Электронный ресурс] // Эксперт. – 2015. – 23 марта. – URL: http://expert.ru/northwest/2015/13/importozameschenie-poluchit-svoj-tsentr (дата обращения: 22.05.2015).

8. Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http://government.ru/media/files/7QoLbdOVNPc.pdf (дата обращения: 22.05.2015).

9. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http://minpromtorg.gov.ru (дата обращения: 22.05.2015).

10. Стратегические приоритеты регионального развития / А. Н Михайлов, А. С. Зубарев, С. Г. Емельянов [и др.]. – М.: Альфа-М, 2011. – 480 с.

11. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Векторный анализ кластерных инициатив региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2015. – № 1 (211). – С. 43–50.

12. Российский фонд прямых инвестиций [Электронный ресурс]: сайт. – URL: http://rdif.ru (дата обращения: 02.06.2015).

13. Внешняя торговля // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade (дата обращения: 02.06.2015).

14. Центральное таможенное управление [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http://ctu.customs.ru (дата обращения: 02.06.2015).

15. Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]: сайт. – URL: http://embassybel.ru (дата обращения: 02.06.2015).

16. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http:// kursk-stat.gks.ru (дата обращения: 02.06.2015).

17. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Реализация инновационного подхода к мониторингу траекторий социально-экономического развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 26–36.

Получено 29.07.15

E. V. Kharchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: samofalovae@mail.ru)

Sh. M. Buhsaev, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: dekanat46@mail.ru)

DIRECTIONS STRUCTURAL AND DYNAMIC CONVERTING INDUSTRY RUSSIA MENTS TO EFFECTIVELY IMPORT SUBSTITUTION

In the article the background, causes, and potential priority areas of structural and dynamic transformation of Russia's economy in the current geopolitical conditions. Analyzes trends in the policy of import substitution at the federal level. On the statistical data of the regional economic complex of the Kursk region shows the results of a quantitative analysis of foreign trade activities in the region of the Russian Federation. The complex of measures on the structural transformation of the economy of Kursk region in the light of geopolitical trends and the need to import.

***Key words**: transformation of industry, import substitution, exports, imports, foreign trade, geopolitical factors, economic security.*

УДК 338.436.33

С. В. Реутов, канд. экон. наук, доцент, Филиал ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» в г. Железногорске Курской области (e-mail: reut55@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Продемонстрированы контуры модели развития птицепродуктового подкомплекса, которая позволяет оптимизировать отношения между ее участниками и создать условия для расширенного воспроизводства отечественных производителей. Обоснована ключевая роль производителей мяса птицы в границах ассоциации.

***Ключевые слова**: расширенное воспроизводство, производитель, ассоциация (союз).*

***

Наиболее привлекательной для исследования и обоснования теории своего познания, которая объединяет государственный и рыночный подход в экономике, является теория Й. Шумпетера, основанная на разделении труда, собственности и конкуренции.

В условиях политики противодействия санкциям для многих предприятий экономики России встает вопрос ускоренного развития через расширенное воспроизводство. В современных исследованиях большое внимание уделяется совершенствованию такой категории, как воспроизводство (простое и расширенное). Расширенное воспроизводство – это возобновление производства в каждом следующем цикле в возрастающем масштабе по количеству и качеству изготовленного продукта [1, с. 56].

Исследуем возможности ведения расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве, в частности птицепродуктовом подкомплексе, в рамках такой интегрированной структуры, как ассоциация (союз). Ассоциация (союз) позволит сбалансировать экономически-технологические отношения звеньев птицепродуктового подкомплекса: производителей средств производства – производителей и переработчиков мяса птицы – торговых предприятий.

Развитие птицеводства необходимо рассматривать с учетом интересов государства, потребителей, производителей мяса птицы и производителей предметов и средств производства. Целесообразно создать условия для гармонического развития роста участников ассоциации, используя теоретические разработки Г. А. Фельдмана [2]. Для этого птицеводству необходим рост собственных объемов производства. Учитывая необходимость в росте объемов мяса птицы собственного производства, важно наличие на предприятиях по производству мяса птицы не просто новой стадии производства, в процессе которой производятся продукты в прежнем объеме (простое воспроизводство), но и в увеличенном объеме или когда производится обновленный или модернизированный продукт (расширенное воспроизводство). С точки зрения потребителя, это его экономическая выгода и увеличение объемов мяса птицы до уровня медицинских норм потребления. Интерес государства заключается в обеспечении продовольственной безопасности, экономичном расходовании природных и экономических ресурсов, а также пополнении государственного бюджета за счет налоговых отчислений.

С позиции производителей и переработчиков мяса птицы – эффективное ведение хозяйства, увеличение масштабов производства и качества продукции на основе изучения потребительского спроса и общей цели всех участников данного рынка. С позиции средств производства и делового окружения – стабильное эффективное развитие производства, снижение доли риска своего существования в конкурентной среде посредством долевого участия в распределении общей прибыли.

Ведению хозяйства на расширенной основе способствуют сбалансированные ценовые пропорции в пределах птицеводческой отрасли. Однако птицеводство, находясь в рамках воспроизводственного процесса, испытывает влияние других участников распределительных отношений. Исходя из этого развитие птицеводства трудно представить без сбалансированных ценовых пропорций всего межотраслевого потока распределительных отношений. Таким образом, необходимо совершенствовать механизм ценообразования в воспроизводственном процессе, ориентированного на экономическое благоприятствование всех участников распределительных отношений.

В условиях несовершенства и противоречивости отечественной законодательной базы, налоговой системы, нестабильности финансово-кредитной системы, неразвитости рыночных структур и институтов становится очевидной необходимость преодоления обособленности всех участников процесса экономического взаимодействия на всех этапах производства и реализации продукции. Без такого единения невозможна стабильность экономической и социальной сфер жизни общества, повышение жизненного уровня населения страны.

Механизм регулирования рынка мясной продукции, направленный на обеспечение прибылей товаропроизводителям для ведения расширенного воспроизводства, поддержание потребления населения высококачественной мясной продукцией на уровне медицинских норм по приемлемым ценам, создание условий для конкуренции и ограничения монополизма, не был создан, а саморегулирование, на которое возлагали столько надежд, привело к негативным результатам. Птицеводческая политика будет более результативной, если совокупность отраслей сельского хозяйства и промышленности, а также заготовительные и торговые организации, осуществляющие производство, транспортировку, хранение, переработку и реализацию мяса птицы и продуктов его переработки, будут представлять собой оптимально сбалансированную целостную систему, в которой птицеводческое производство станет важнейшим звеном в рамках государственного регулирования.

Выходом из создавшегося положения может стать формирование региональных ассоциаций (союзов) с учетом опыта корпоративного управления экономически развитых стран. В рамках этих корпораций необходимо развивать птицеводческие хозяйства на основе расширенного ведения хозяйства, причем расширенного воспроизводства, как на количественной, так и на качественной основе.

Источниками средств для расширенного воспроизводства будут финансовые ресурсы как заемного (внешнего), так и собственного (внутреннего) характера.

Важным внешним источником является государственное инвестиционное воздействие через предприятия перерабатывающей промышленности, которое сможет стимулировать развитие производителей средств производства. В дальнейшем это позволит перерабатывающим предприятиям самим развивать свои сырьевые зоны, т. е. выступать для них в качестве источника инвестиции. К другим внешним источникам можно отнести средства физических и юридических лиц, банковские и бюджетные кредиты, а также средства от продажи акций и облигаций.

Для этого должны быть обеспечены следующие составляющие поддержки птицеводческих хозяйств:

– адресный характер специальных бюджетных кредитов и льготных ссуд, льготные условия для инвесторов в производство;

– налоговые льготы, стимулирующие повышение эффективности производства на основе ускоренного освоения достижений научно-технического прогресса;

– дотации на поддержание относительно низких потребительских цен на основные продукты питания;

– стабильная финансовая поддержка из федеральных и региональных бюджетов, которая не должна препятствовать нормальному функционированию национального мясного рынка, достижение сравнительно равных условий конкуренции производителей мяса птицы;

– учет требований ВТО, не снижающих продовольственную безопасность страны и экономическое положение птицеводческих хозяйств.

В рамках такой поддержки рекомендовано на птицепредприятиях создавать фонд развития, средства которого можно использовать на ведение расширенного воспроизводства. Это, в свою очередь, позволит увеличить объемы производителей средств производства и обеспечить население необходимым по медицинским нормам количеством мяса птицы.

Расширенное воспроизводство птицеводческих хозяйств невозможно осуществлять без регулирования факторов внешнего и внутреннего окружения организации, влияющих на стоимостные показатели предприятий.

В рыночных условиях хозяйствования среди стоимостных показателей ведущее место занимает показатель прибыли. Именно прибыль выступает в качестве обобщающего критерия эффективности интенсификации, характеризующей количественную и качественную стороны хозяйственной деятельности и синтезирующегося в показателе рентабельности. В связи с этим приведена классификация факторов, влияющих на эффективность функционирования отрасли с учетом степени влияния менеджмента предприятий по производству мяса птицы на формирование прибыли.

К первой группе относятся внутренние факторы организации, зависящие от производителя (продуктивность, специализация и концентрация производства, технология производства, уровень производительности труда и издержки). Степень влияния менеджмента товаропроизводителя на внутреннюю среду практически 100%. Вследствие чего основным направлением в решении наиболее острых проблем – роста себестоимости продукции и ценового дисбаланса в распределительных отношениях – должно стать формирование межотраслевых корпораций, создающих условия, где учитываются интересы всех участников экономических отношений, в которых эффективное функционирование производителей мяса птицы будет обеспечиваться возможностью вести расширенное воспроизводство.

Ко второй группе относятся факторы делового окружения. Степень влияния товаропроизводителя на деловое окружение составляет 50%.

К третьей группе относятся факторы, не зависящие от производителя (экономические: инфляционные процессы, цены зарубежных производителей, экологическая ситуация, демографическая ситуация, правовая среда и др.). Воздействие менеджмента производителя мяса птицы на внешнюю среду практически равно нулю. Отсюда влияние факторов внешней среды на производителя мяса птицы может быть как активизирующим, так и разрушительным. Следовательно, для снижения риска существования предприятий данной отрасли и повышения их эффективности необходимо участие государства, которое находит отражение в совершенствовании бюджетной, таможенной, налоговой, денежно-кредитной политики.

Опыт экономически развитых стран, в первую очередь США, свидетельствует о необходимости установления тесных связей на кооперативной и интеграционной основе юридически самостоятельных предприятий производства и обращения продукции мяса птицы с целью создания крупных и высокоэффективных производственных структур. Этот процесс характеризуется концентрацией капитала, повышением уровня его монополизации,

объединением производственных, перерабатывающих предприятий, научных, финансово-кредитных учреждений, других организаций и рыночных структур.

Наибольшее развитие в производстве бройлеров за рубежом получили формирования, основанные на системе договоров контрактации (вертикально интегрированные формирования). В настоящее время в США 90% бройлеров производят по контрактам или подобной интеграции.

В странах ЕС производственная контрактация получила наибольшее распространение во Франции и Бельгии (90 и 75% соответственно). Росту производства мяса птицы на зарубежных предприятиях способствовали политика льгот и дотаций для производителей, находящихся в рамках интегрированных структур (господдержка до 50% затрат), наличие относительно дешевых кормов, селекционная работа с птицей, улучшение условий ее содержания. Финансовая поддержка государства российских производителей мяса птицы составляет менее 10%, что заставляет отечественных товаропроизводителей обеспечивать конкурентоспособность продукции собственными силами.

Перспективные структурные сдвиги в птицеводстве предусматривают увеличение доли сферы производства и переработки мяса птицы и их интеграции с другими звеньями распределительных отношений рынка. Доля отечественного производителя мяса птицы в структуре стоимости мяса птицы составляет 35%, зарубежного – 55% [3].

Объединяя опыт российского и зарубежного развития промышленного птицеводства, приходим к выводу, что эффективное функционирование мясного птицеводства осуществимо в рамках организационно-интегрированного формирования при координационно-регулирующей инвестиционной поддержке государственных органов и других источников, при котором будут созданы условия для сбалансированных отношений с другими участниками рынка.

Системообразующим звеном в ассоциации должен стать производитель мяса птицы. Как ключевое звено производитель мяса птицы нуждается в обеспечении условий для своего расширенного воспроизводства, а в перспективе – и всех участников ассоциации. В ходе исследования определены доли участников ассоциации в стоимости продукции мяса птицы. Советский отечественный опыт предусматривал пропорцию звеньев птицепродуктового подкомплекса (производителей средств производства : производителей и переработчиков мяса птицы : торговых предприятий) как 30:50:20. Современные условия функционирования птицепродуктового подкомплекса предусматривают пропорцию 30:30:40 [4, с. 18].

Сегодня – диспаритет цен с креном в сторону торговых предприятий.

Для расширенного производства производителю мяса птицы рекомендуется иметь отечественной практикой рентабельность продукции 50% [3]. Такую рентабельность позволит обеспечить пропорция 30:40:30. В современных рыночных условиях для такой пропорции требуется согласие торговых предприятий на снижение своей доли в стоимости продукции мяса птицы на 30%. Это возможно в границах ассоциации (союза), при условии, что торговые предприятия уступку своего удельного веса в стоимости продукции компенсируют ростом объемов реализации на 35%.

В ходе оценки организационно-правовых форм хозяйствования в птицеводстве установлено, что наиболее эффективной является некоммерческая организация «Союз «Курский агрохолдинг».

На современном этапе развития птицеводства возникают условия его эффективного функционирования в границах региональной ассоциации (союза), обеспечивающего состояние «гармоничного развития» всех участников рынка (производителей средств производства – произ-

водителей и переработчиков мяса птицы – потребителей) [5, с. 20].

На макроуровне Росптицесоюзом составлен прогноз развития птицепродуктового подкомплекса до 2020 года. По нему прогнозируется рост производства мяса птицы с 4 млн т в 2014 г. до 5 млн т в 2020 г. (4,5 млн т – внутренний рынок; 0,5 млн т – экспорт). На региональном уровне, например в Курской области, Комитетом агропромышленного комплекса спрогнозирован рост производства мяса птицы со 130 тыс. т в 2014 г. до 230 тыс. т в 2020 г. (преимущественно за счет агрохолдинга ЗАО «Белая птица» – прогноз доли до 180 тыс. т) [3].

Авторские расчеты показали, что условия обеспечения расширенного воспроизводства для производителей мяса птицы требуют следующего распределения долей в стоимости продукции участников региональной ассоциации (союза): 30:40:30 (производители средств производства : производители и переработчики мяса птицы : торговые предприятия). Соблюдение такой пропорции производственной и торговой сфер в современных условиях в рамках одной производственно-коммерческой цепочки (ассоциации) потребует уступки своей доли торговых предприятий. Уступка в 10 пунктов пропорции обернется уменьшением рентабельности продаж торговых предприятий на 13% (с 45% до 32%) и увеличением рентабельности продаж производителей мяса птицы на 17% (с 35% до 52% – уровень расширенного воспроизводства).

По данным авторских расчетов, компенсировать уступку в 10 пунктов торговые предприятия могут за счет количественного увеличения объемов реализации, которое обеспечат производители мяса птицы в границах ассоциации. На примере Курской области увеличение объемов реализации с 130 тыс. т до 180 тыс. т при прочих неизменных показателях приведет к росту рентабельности продаж торговых предприятий с 32% до 45% и рентабельности продаж производителей мяса птицы с 52% до 70% (высокий уровень для расширенного воспроизводства) [5].

В рамках ассоциации целесообразно использовать метод ценообразования продукции, позволяющий сбалансировать договорные отношения относительно возможности снижения доли торговой сферы в пользу производственной сферы (птицефабрик) и покрытия уступленных ресурсов первых растущими объемами производства последних.

В ассоциации должны быть заданы индикативные региональные показатели при участии органов власти. В рамках индикативных показателей первыми достигать уровня расширенного воспроизводства при рентабельности продукции 70% должны производители мяса птицы. Отсюда все участники ассоциации будут находиться в следующих условиях: в течение 5 лет производители мяса птицы достигнут уровня рентабельности продукции в 70%; другие участники ассоциации будут иметь меньшую рентабельность продукции в первые годы, но растущую рентабельность в последующие годы за счет увеличивающихся объемов, обеспечиваемых производителем мяса птицы. Через 5–10 лет все члены ассоциации достигнут уровня расширенного воспроизводства при уровне рентабельности, значительно превышающем текущий уровень.

Производителей мяса птицы в региональной ассоциации будут представлять крупные птицеводческие холдинги Курской области: ООО «Белая птица-Курск», ОАО «Красная поляна», ОАО «Курская птицефабрика», имеющие кооперационные связи с комбикормовой промышленностью, перерабатывающими предприятиями, разветвленную торговую сеть, функционируют с тенденцией к росту объемов и рентабельности.

Таким образом, формируется модель развития птицепродуктового подкомплекса в границах региональной ассоциации (союза), которая позволяет оптими-

зировать отношения между ее участниками и создать условия для расширенного воспроизводства отечественных производителей и переработчиков мяса птицы.

Список литературы

1. Калюжный В. В. Модель экономического роста на основе схемы расширенного воспроизводства // Экономическая кибернетика. – Донецк, 2004. – № 3–4 (27–28). – С. 55–68.

2. Модель экономического роста Г. А. Фельдмана [Электронный ресурс]. – URL: http://mobile.studme.org/1167032012238/politekonomiya/model_ekonomicheskogo_rosta_feldmana (дата обращения: 22.04.2015).

3. Росптицесоюз: Россия может полностью обеспечить потребности в мясе птицы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vz.ru/news/2012/5/18/579512.print.html (дата обращения: 22.04.2015).

4. Четвертакова В. Совершенствование ценообразования в АПК // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2013. – №4. – С. 17–18.

5. Четвертакова В. Совершенствование ценообразования в АПК – необходимое условие развития АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2013. – №8. – С. 20–22.

Получено 13.06.15

S. V. Reutov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Branch of Moscow Psychologikal and Social University in Zheleznogorsk Kursk region (e-mail: reut55@mail.ru)

STRATEGY EXPANDED REPRODUCTION IN MODERN CONDITIONS OF THE COUNTRY'S ECONOMY

The results of the work. A model of poultry subcomplex at the regional level on the basis of the association. Proved the key role of poultry producers within the boundaries of the association.

***Key words**: expanded reproduction, manufacturer, association (union).*

УДК 65.05

Я. Ю. Радюкова, канд. экон. наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (e-mail: radyukova68@mail.ru)

М. А. Федорова, аспирант, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (e-mail: marina-al-vna@mail.ru)

Ю. П. Кулик, канд. экон. наук, соискатель, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (e-mail: econom_404@mail.ru)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются различные меры государственного регулирования теневой стороны национального хозяйства в странах Восточной и Западной Европы. Для борьбы с теневой экономикой необходимо рассмотреть факторы, способствующие ее росту: экономия, отсутствие совести, простота участия, низкий риск обнаружения.

***Ключевые слова**: теневая экономика, государственное регулирование, государственная политика.*

***

Теневая экономика – размытая область экономической деятельности, включающая в себя умышленное сокрытие хозяйственных операций от органов государственной власти, неотъемлемая часть повседневной жизни. Предприниматель сознательно предлагает свою работу или услуги по более низкой цене, делая это вне официальной экономики и уклоняясь от уплаты налогов. Коммерческая фирма не сообщает доход в налоговые органы, что-

бы избежать выполнения правил правового регулирования о минимальной заработной плате работникам или правил техники безопасности.

Определение точного размера теневой экономики – проблема трудная. По оценке проведенного исследования Ф. Шнайдера, размер теневого сектора в Европе в 2011 г. составил 2,2 трлн евро, что на 5% выше по сравнению с аналогичным исследованием 2007 г. и полностью отличается от размера теневой экономики в докризисный период. В таких странах, как Германия и Франция, теневой сегмент равен 12–13% от официального ВВП, а в менее развитых странах Восточной Европы, таких как Болгария, Хорватия, Литва и Эстония, размер теневой экономики достигает 30 и более процентов от валового внутреннего продукта.

С каждым годом растет количество людей, занимающихся теневой деятельностью, несмотря на продолжающуюся борьбу с теневым феноменом в мировом масштабе. Для разрешения данного противоречия необходимо понять позитивные и негативные последствия функционирования теневого сектора, и тогда правительства стран смогут предпринять правильные шаги по возврату утерянных доходов, защите работников и обеспечению прав своих граждан [1].

С правовой точки зрения под теневой экономикой понимается экономико-финансовая деятельность субъектов хозяйствования с нарушением законодательных норм, касающихся учета официальной статистикой. Данное определение не включает в себя незаконную деятельность и экономические преступления, такие как наркоторговля, контрабанда, отмывание денег или растрата домохозяйствами, потому что это все включает понятие криминальной экономики. На рисунке показаны масштабы теневой экономики Европейского Союза. На страны Западной Европы – Германию, Италию и Францию – приходится около 40% от всей теневой экономики Европы. В Восточной Европе уровень теневого сегмента гораздо выше по отношению к официальной экономике. Например, в Турции по итогам 2010 г. валовой внутренний продукт равен 553 млрд евро, а размер теневой экономики – 156 млрд евро (порядка 28%).

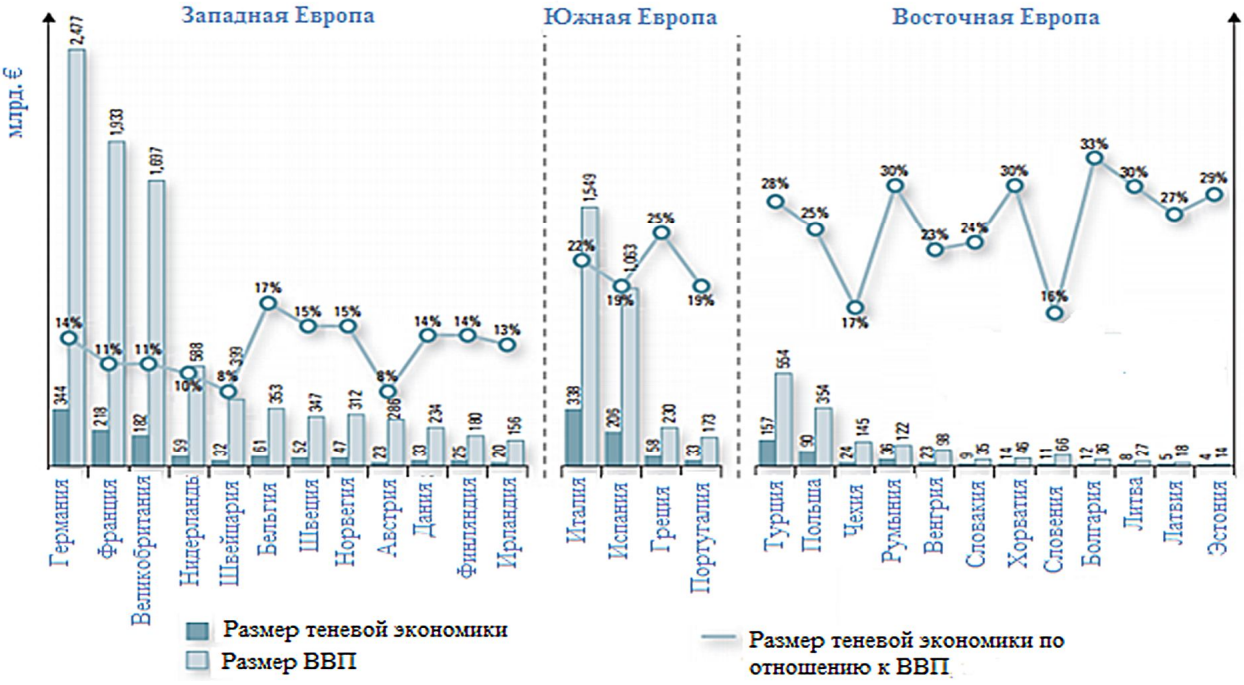


Рис. Размер теневой экономики стран ЕС по отношению к ВВП, %

Теневая экономика может быть разделена на две части. Первая часть – «сокрытие дополнительного дохода», составляющая две трети от теневого сегмента. В данном случае речь идет о сокрытии заработка работниками и предприятиями, чтобы не облагать его налогами и не заниматься оформлением излишней документации. Широкое распространение нашло в сфере строительства, сельского хозяйства и оказания бытовых услуг (клининговые услуги, присмотр за детьми, уход за пожилыми людьми, репетиторство). В более развитых странах Европы, таких как Германия, от 30 до 35% населения имеют два или три места работы, дополнительный доход на которых они не заявляют в налоговых декларациях, в результате чего бюджеты стран не досчитываются миллиардов евро в год.

Другая треть поступает из-за ненадлежащего оформления и неполноты отражения хозяйственных операций в отчетности, которые происходят в основном в сферах, где распространены наличные платежи, таких как небольшие магазины, кафе, рестораны и такси. Данные фирмы в отчетности показывают только часть своих доходов, чтобы избежать налоговой нагрузки.

Государственная политика сокращения размера теневого сектора в последние годы показывает низкую эффективность, растущая безработица и снижение уровня жизни населения лишь вовлекают все большее количество населения в теневую деятельность. Действия, связанные с увеличением налога на добавленную стоимость, подоходного налога, взносов на социальное обеспечение и налога на прибыль привели к тому, что уровень теневой экономики вернулся к докризисным показателям. Позитивным моментом за 2009–2011 гг. являлось то, что теневая экономика росла более медленными темпами, чем показатель ВВП. Однако дальнейшее увеличение уровня теневизации экономики прогнозируется в свете последних экономических потрясений и опасения относительно возможной рецессии.

Для борьбы с теневой экономикой необходимо рассмотреть факторы, способствующие ее росту. Современные европейские ученые выделяют четыре основных фактора, которые влияют на размер и масштаб теневого сектора в Европе.

1. Экономия. Работая за пределами учитываемой экономики, участники хозяйственных отношений могут избежать уплаты налогов и платежей, обходят многие нормы налогового и трудового законодательства, освобождаются от процесса составления и оформления необходимых документов. При рассмотрении данного фактора необходимо учитывать сильнейшую прямую причинно-следственную связь между ставкой налога в стране и размером ее теневой экономики. Сокрытие собственных доходов от налогообложения (экономия от уплаты налогов) особенно актуально в периоды экономического спада.

2. Отсутствие совести. Теневая экономика часто считается нормальной частью общества, особенно такое отношение преобладает в тех местах, где воспринимаемое качество государственных институтов и выгод от их работы является низким, а также в некоторых странах Восточной Европы, где малое доверие к государству. При таких обстоятельствах преимущества теневой экономики имеют прямую направленность на конкретного человека и четко определены, в то время как государственные пособия, как правило, имеют характер косвенной коллективной помощи, часто отложенной во времени.

3. Простота участия. Использование наличных денег облегчает процесс сокрытия дополнительных источников дохода. Наличные расчеты невозможно проследить, поэтому доходы либо совсем не декларируются, либо сознательно занижены.

4. Низкий риск обнаружения. Участие в теневой деятельности является

противоправной деятельностью, но чем меньше риск быть пойманным и ниже штрафы, тем большее количество людей будут считать риск оправданным.

Трудность борьбы с теневой экономикой объясняется ее неоднозначной ролью в общественной жизни. Безусловно, теневая деятельность имеет негативные последствия – страдает государственный бюджет страны из-за потерь налоговых поступлений от подоходного налога и налога на прибыль, взносов в систему социального обеспечения. Теневая деятельность включает механизм неравной конкуренции, когда стоимость теневых услуг становится значительно более дешевыми, чем оказываемые официальной экономикой.

Отрицательное воздействие теневого сегмента отчасти компенсируется ее позитивным влиянием, в том числе и от сокрытия дополнительного дохода и прибыли. По оценке европейских ученых, примерно две трети доходов, полученных в теневом секторе, расходуется в официальной экономике, это стимулирует экономический рост национального хозяйства и увеличивает налоговые поступления в бюджет от НДС, тем самым происходит возмещение части потерянных бюджетных доходов.

Наличие позитивного воздействия значительно усложняет определение ущерба от данного экономического феномена. Правительства любой страны, особенно в периоды экономического кризиса, затрачивают огромные ресурсы и разрабатывают финансово-экономическую политику, главной целью которой является снижение уровня теневизации [2].

Государственная политика противодействия теневой экономики европейских стран на современном этапе находится под давлением, вызванным снижением экономического роста и повышением уровня безработицы. Анализ европейского опыта регулирования теневой деятельности позволил сделать вывод, что основной акцент политики противодействия сделан на ограничение нелегальной занятости и создание эффективной правовой базы и системы наказаний, также содержатся мероприятия по пресечению уклонения от уплаты налогов.

Разработка и принятие новых нормативно-правовых актов регламентации и контроля теневой деятельности, ужесточение системы наказания в силу закона считается негативным правоприменением. К числу таких мероприятий относится введение идентификационных карт для лиц, занятых в сфере строительства, принудительное использование электронных платежей и системы безналичного расчета, организация проверок предприятий со стороны контролирующих органов власти и налоговых инспекций [3].

Наиболее показательным примером такой техники правоприменения является принятие в 2006 г. в Италии декрета Берсани, налагающего жесткие штрафы на занятие теневой деятельностью. Согласно этому закону правительство облагает огромными штрафами и может закрывать предприятия розничной торговли, если трижды установлены нарушения невыдачи товарного чека в течение пяти лет, или завершить работу строительной площадки в случае обнаружения нарушений трудового законодательства в части оформления работников. Экономический результат от введения данного закона в Италии составил порядка 9,1 млрд евро в дополнительные налоговые поступления в бюджет страны.

В Латвии, где уже давно существуют проблемы с теневой экономикой, введен новый механизм борьбы, который предусматривает сбор личных данных обо всех покупателях, потративших более 2 тыс. долл. наличными, кроме того, жители страны обязаны официально зафиксировать свое финансовое положение. Суть механизма в том, что покупатели, которые расплачиваются за крупную покупку не банковской карточкой, а наличными деньгами, должны предъявить паспорт,

для того чтобы продавец зафиксировал данные покупателя и передал личные данные в соответствующую структуру, указав сумму этой покупки. Кроме того, в стране введена так называемая нулевая декларация, согласно которой свое финансовое положение должны зафиксировать все жители Латвии, а также внести на банковский счет сбережения, превышающие 20 тыс. долл. У этой схемы есть недостаток – все это относится к резидентам Латвии, а значит, всегда можно договориться с жителями других стран или же совершить необходимую покупку в соседней Эстонии или Литве.

В конце 2012 – 2015 г. ЕС и МВФ в качестве одного из обязательных условий предоставления помощи потребовали от Греции немедленной борьбы с налоговыми неплательщиками. Греция ввела правила, которые помогли гражданам существенно сэкономить на налогах. Жители страны смогли сэкономить на посещениях парикмахерских, занятиях в спортзалах, особую выгоду получили те, кто принес чеки за организацию крупных праздников. Впредь жители Греции могут требовать также квитанции и чеки за ремонт квартир, за ремонт и сервис автомобилей, расходы на бензин, получение водительских прав. На одну семью правительство устанавливает лимит в 8 тыс. евро. Все эти меры направлены на сокращение доли теневого сектора, ведь по официальным данным четверть всех коммерческих операций в Греции производится нелегально, т. е. без выдачи квитанций и чеков.

В 2008 г. Швейцария приняла закон, в соответствии с которым были усилены проверки на федеральном уровне, были ужесточены наказания для работодателей, принимающих на работу нелегалов. В сфере строительства и сельского хозяйства, где нелегальное трудоустройство завоевало крепкие позиции, применялись санкции в виде исключения из государственных тендеров, а также работодатели, которые наняли нелегального работника, зарабатывали штраф до одного миллиона франков и срок заключения до пяти лет. Принятие нового закона, направленного против теневой экономики, несомненно, дало позитивные эффекты.

Чаще всего общие меры включают денежные штрафы и потерю льгот для участников теневой экономики. В Польше, например, компании, которые пойманы на использовании труда незарегистрированных работников, лишаются права пользования государственными субсидиями и должны вернуть уже предоставленные финансовые средства. В Португалии и Италии врачи, адвокаты и другие специалисты были привлечены к ответственности в судебном порядке после исследований налоговыми органами различий между налоговыми декларациями и очевидным уровнем жизни.

В 2011 г. правительство Испании в рамках государственной политики противодействия теневой экономике приняло закон, который резко увеличил штрафы за нарушение выплат социального обеспечения. Для того чтобы подчеркнуть исполнение меры, наложенные штрафы оглашались в средствах массовой информации.

А в Белоруссии был принят Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. «О предупреждении социального иждивенчества» или, как его еще называют, закон «о тунеядцах», согласно которому граждане, не работающие официально, должны платить повышенный налог в бюджет государства. Таким образом, существенно уменьшаются финансовые потери, связанные с ростом теневого сектора экономики.

Некоторые наиболее действенные меры по сокращению уровня теневой экономики рассматриваются как косвенные. Основная цель этих мер – совершенствование налоговой системы и системы социального обеспечения, чтобы сделать их более простыми и более дешевыми. В Германии, например, правитель-

ство ввело реформу «мини-рабочих мест» – упрощение процедуры государственного оформления и снижение налоговой ставки на получаемые доходы при регистрации работников, оказывающих бытовые услуги. В последние годы некоторые страны Восточной Европы, такие как Словакия, Болгария и Румыния, перешли к плоской системе налогообложения для физических и юридических лиц на социальное страхование и снижению отчислений на него, чтобы препятствовать уклонению от уплаты налога.

Некоторые страны используют прямые стимулы для поощрения участия в официальной экономике, такие как система ваучеров в Бельгии или чешская модель уменьшенных ставок НДС для обслуживания и ремонта в частных домохозяйствах [4].

Положительные результаты достигаются при совершенствовании взаимосвязи между государственными органами и населением. В Дании, например, правительство страны спонсировало маркетинговую кампанию, целью которой было рассказать об издержках теневых отношений в связи с неофициальной занятостью и сокрытием доходов для граждан страны. В Португалии проходила акция «Попроси квитанцию», цель данной кампании – проинформировать общественность о влиянии занижения продаж. Правительство Италии в 2011 г., подчеркивая важность налоговых поступлений для общества, выступало под лозунгом: «Если налог платят все, то налог возвращается всем».

Такие мероприятия имеют сравнительно небольшой экономический эффект, их основной целью является привлечение внимания общественности к вопросам теневой экономики, а также сообщение о крупных нарушениях для их обсуждения.

Список литературы

1. Шнайдер Ф., Энст Д. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики // Вопросы экономики. – 2002. – № 30. – С. 1–15.

2. Федорова М. А., Радюкова Я. Ю. Некоторые аспекты государственного противодействия теневой экономике // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9, № 11. – С. 154–159.

3. Блум А. М., Шрестра М. Л. Исчерпывающие показатели ВВП и неучтенной экономики [Электронный ресурс]: рабочий документ МВФ. – 2000. – URL: http://www.oecd.org/dataoecd/40/16/2069688.pdf (дата обращения: 15.05.2015).

4. Костин А. Опыт измерения теневой экономики в западной литературе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2011. – Т. 11, вып. 4. – С. 33–43.

Получено 20.07.15

Y. Y. Radukova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (e-mail: radyukova68@mail.ru)

M. A. Fedorova, Post-Graduate Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (e-mail: marina-al-vna@mail.ru)

Y. P. Kulik, Candidate of Economic Sciences, Applicant, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (e-mail: econom_404@mail.ru)

THE EUROPEAN EXPERIENCE OF REGULATION OF THE SHADOW ECONOMY

The article discusses various measures of state regulation of the shadow side of the national economy in Eastern and Western Europe. The shadowed economic relations in each country. To combat shadow economy it is necessary to consider the factors contributing to its growth savings, lack of conscience, ease of participation, low risk of detection.

***Key words**: shadow economy, government regulation, public policy.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 338.322

Ю. В. Вертакова, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: vertakova7@ya.ru)

Ю. С. Положенцева, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: polojenceva84@mail.ru)

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Статья посвящена исследованию инвестиционной активности регионов в режиме санкционного воздействия, а также анализу механизма направления и перераспределения иностранных инвестиций. Разработана авторская методика оценки инвестиционной привлекательности регионов, проведена оценка регионов Центрального федерального округа на основе двадцати наиболее значимых частных показателей инвестиционной привлекательности, даны рекомендации по увеличению инвестиционной активности регионов, что обеспечит более высокую адаптивность стратегии развития региона в динамичной внешней среде.

***Ключевые слова**: иностранные инвестиции, развитие, инвестиционная привлекательность, регионы.*

***

В настоящее время экономика РФ функционирует в условиях нестабильной и агрессивной внешней среды. Современное экономическое общество подвержено геополитическим проблемам, в первую очередь связанным с санкционным воздействием зарубежных стран на экономику РФ, воздействие которых негативно отражается на инвестиционной привлекательности страны. Социально-экономическое развитие невозможно без существенных структурных преобразований в региональной социально-экономической системе. Важным направлением регулирования региональной социально-экономической системы является привлечение инвестиционных средств для роста уровня и качества жизни.

Мировой опыт свидетельствует, что эффективное функционирование национальной экономики должно осуществляться с привлечением как внутренних, так и внешних инвесторов. Поэтому во всем мире в роли таких инвесторов чаще всего выступают венчурные фонды, способные идти на риск ради высокой прибыли успешных проектов, компенсирующей неудачные вложения. От оптимального использования инвестиций как на микро-, так и на макроуровне зависит производственный потенциал страны, его эффективность, отраслевая и воспроизводственная структура общественного производства [1, с. 54].

По результатам обобщённой оценки, опубликованной ЮНКТАД, Россия находится на третьем месте в мире по объему поступивших иностранных инвестиций по итогам 2012 и 2013 гг. (79 и 51 млрд долл.). В ходе проведения рейтинговой оценки инвестиционной привлекательности по версии консалтинговой компании A. T. Kearney [2] Россия в 2014 г. не вошла в топ-25 государств, наиболее инвестиционно привлекательных для инвестирования, хотя в 2012 и 2013 гг. находилась на 12 и 11 месте соответственно (табл. 1). Введение санкций в отношении России привело к сокращению притока иностранного капитала и заставило многих бизнес-партнеров пересмотреть свои инвестиционные планы, в результате объем прямых иностранных инвестиции в 2014 г. упал на 70%.

Таблица 1

Рейтинг инвестиционной привлекательности стран мира

Страны мира	2012 г.	2013 г.	2014 г.
США	4	1	1
Китай	1	2	2
Канада	20	4	3
Великобритания	8	8	4
Бразилия	3	3	5
Германия	5	7	6
Индия	2	5	7
Австралия	6	6	8
Сингапур	7	10	9
Франция	17	12	10
Россия	12	11	–

Примечание. Составлено авторами с использованием данных консалтинговой компании A. T. Kearney [2].

На сегодняшний момент инвестиционная привлекательность России находится не на самом высоком уровне, прежде всего это связано с нестабильной геополитической обстановкой и введением экономических санкций в отношении как национальной экономики в целом, так и отдельных крупных российских организаций («Газпром», «Новатэк», «Роснефть», «Рособоронэкспорт», «Объединенная судостроительная корпорация» и др.)

Динамика общего притока иностранных инвестиций в российскую экономику имеет нестабильный характер, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 2. При этом доля прямых иностранных инвестиций в общем объеме иностранных инвестиций является самой большой, а также основной характеристикой эффективности капитала, притекающего в регион.

Таблица 2

Распределение прямых иностранных инвестиций по федеральным округам, млн долл.

Округ	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Центральный	8174,6	8130,1	7712,3	14151,1	28510,0
Северо-Западный	2002,3	2665,1	3127,8	3505,2	3984,5
Южный	296,3	532,7	943,8	717,1	347,5
Северо-Кавказский	39,2	164,4	64,9	86,8	20,5
Приволжский	1072,3	1598,2	1487,8	2307,9	1193,0
Уральский	291,3	1169,5	1670,1	1869,5	4015,0
Сибирский	763,7	966,8	1484,5	1070,2	1073,5
Дальневосточный	1170,0	3188,2	2173,3	2410,0	1819,0

Примечание. Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики [4].

Исходя из данных таблицы 2, можно сделать вывод о том, что поступление иностранных инвестиций в Россию в 2014 г. сокращается. Приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) вырос на 8%, что составляет 10,2% от общего объема поступлений. Наиболее значительно среди видов прямых инвестиций наблюдается рост взносов в капитал (рост на 28,9% к уровню 2013 г.).

Прямые иностранные инвестиции являют собой наиболее привлекательную для РФ форму притока капитала, т. к. эти инвестиции вкладываются в реальные производственные активы и сопряжены со множеством положительных эффектов, таких как дополнительные рабочие места и налоговые поступления, развитие инфраструктуры, приток технологий и управленческого опыта и др. Поэтому показатель доли ПИИ в общем объеме иностранных инвестиций важен с точки зрения эффективности привлекаемого в регион капитала [3, с. 57]. Распределение прямых иностранных инвестиций по федеральным округам имеет существенные диспропорции, основные объемы инвестиций идут в центральную часть РФ (см. табл. 2).

Проведя анализ динамики прямых иностранных инвестиций за период 2010–2014 гг., можно сделать вывод о том, что лидером по объемам прямого инвестирования является Центральный федеральный округ – более 60% от всего объема привлеченных в Россию. Этот округ традиционно привлекает значительную долю прямых иностранных инвестиций, в основном за счет инвестиций, осуществляемых в Москве, да и темпы роста, объемы инвестирования с каждым годом стабильно высокие. Вторым идет Уральский федеральный округ, а следом за ним Северо-Западный. Наименьший объём инвестиций получает Северо-Кавказский федеральный округ, что связано с нестабильной обстановкой в данном регионе.

Однако по итогам первого полугодия 2014 г. в отраслевой структуре инвестиций явных изменений не произошло. Иностранные инвестиции связаны преимущественно с экспортной ориентированностью организаций, а также присутствуют в компаниях, имеющих быстрый оборот капитала и выход на конечного потребителя. Иностранные инвестиции доминируют в финансовом секторе, секторах добычи полезных ископаемых и на обрабатывающих производствах, в частности металлургическом, а также производстве целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них. Анализ показал, что в сельском хозяйстве уровень иностранных инвестиций крайне мал, т. к. зарубежным партнерам намного выгоднее ввозить в Россию готовую сельскохозяйственную продукцию, которая во многих странах производится в избытке, чем создавать у нас конкурентоспособные производства [5, с. 63].

Привлечение инвестиций должно сопровождаться принятием законопроектов, регламентирующих работу иностранных инвесторов в России в сфере торговой политики, движения товаров и капиталов (соглашение с ВТО, меры по поддержанию российских экспортеров в условиях антидемпинговых ограничений и т. п.). Также необходимо разрабатывать концепции страхования и гарантий иностранных инвестиций в России [6, с. 24].

В настоящее время существует множество подходов к оценке инвестиционной привлекательности регионов [1–3; 7; 8]. Каждый подход имеет как преимущества, так и недостатки. Наибольшее распространение в российской экономической практике получил подход, предложенный Рейтинговым агентством «Эксперт-РА», согласно которому дается экспертная оценка инвестиционного потенциала и риска [8].

Другой набор подходов предполагает расчет интегрального индекса инвестиционной привлекательности региона на основе разных наборов частных показателей (факторных признаков) [1; 3]. Данные методики позволяют осуще-

ствить количественную оценку привлекательности региона, а также спрогнозировать его дальнейшее развитие.

Развивая подобный количественный подход, мы предлагаем авторскую методику оценки инвестиционной привлекательности регионов (реализовав ее для регионов ЦФО), отличающуюся набором частных показателей и способов их свертки в интегральный показатель. По нашему мнению, инвестиционную привлекательность региона (М) можно измерить на основе количественной оценки двадцати инвестиционно-значимых частных показателей:

1) объем оптового товарооборота на душу населения, млн руб.;

2) индекс производства, %;

3) объем розничного товарооборота на душу населения, млн руб.;

4) среднедушевые доходы населения, млн руб;

5) индекс физического объема ВРП, %;

6) общая площадь жилых помещений в среднем на 1 жителя, $м^2$;

7) плотность автомобильных дорог общего пользования на 1000 кв. км. территории;

8) объем оказанных платных услуг на душу населения, млн руб.;

9) выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, т/чел.;

10) внутренние текущие затраты на исследования и разработки, % к ВРП;

11) объем научных исследований и разработок на душу населения, млн руб;

12) уровень зарегистрированных преступлений на душу населения;

13) уровень безработицы, %;

14) уровень потребительских цен, %;

15) удельный вес убыточных предприятий, %;

16) коэффициент рождаемости на 1000 организаций, %;

17) внешнеторговый оборот на душу населения, млн руб.;

18) управленческий рейтинг;

19) природно-географический рейтинг;

20) законодательный рейтинг.

Свод частных показателей инвестиционной привлекательности в интегральный показатель предлагается проводить по формуле многомерной средней

$$M = \left(\sum_{S=1}^{C} P_{si} / P_s \right) / C,$$

где М – интегральный уровень инвестиционной привлекательности региона, сопоставимый со среднероссийским уровнем, принятым за 1, 0; s = 1,..., с – сводимые частные показатели; С – количество сводимых показателей; PSI – числовое значение s-го показателя по региону; PS – числовое значение s-го показателя в среднем по РФ.

В таблице 3 показаны результаты расчета интегрального показателя инвестиционной привлекательности регионов Центрального федерального округа.

В таблице 4 приведена динамика интегральных показателей и ранги инвестиционной привлекательности регионов.

Анализ приведенных данных показал, что по состоянию на конец 2014 г. существуют диспропорции в уровнях развития инвестиционной привлекательности. Наиболее инвестиционно привлекательным регионом является г. Москва, на втором месте – Московская область, которая в 2014 г. сдала свои позиции и заняла пятое место, уступив Калужской области, которая до 2013 г. занимала третью строчку. Белгородская область на протяжении 2012–2014 гг. занимала четвёртую строчку, потеснив Владимирскую область, занимающую пятую строчку рейтинга. Курская область в рейтинге инвестиционной привлекательности в 2014 г. занимала седьмое место, ухудшив свои позиции относительно 2013 г., в котором область находилась на шестом месте.

Таблица 3

Расчет интегрального показателя инвестиционной привлекательности для регионов ЦФО за 2014 г.

Показатель	Psi/Ps																	
	Белгородская область	Брянская область	Владимирская область	Воронежская область	Ивановская область	Калужская область	Костромская область	Курская область	Липецкая область	Московская область	Орловская область	Рязанская область	Смоленская область	Тамбовская область	Тверская область	Тульская область	Ярославская область	г. Москва
Позитивные показатели																		
Индекс производства	0,995	0,995	1,069	1,058	0,956	1,012	0,979	1,039	1,002	1,022	1,026	1,024	1,013	1,062	0,952	1,036	1,019	0,943
Среднедушевые доходы населения	0,938	0,851	0,751	0,964	0,751	0,974	0,711	0,826	0,931	1,252	0,725	0,779	0,775	0,775	0,794	0,799	0,887	2,199
Индекс физического объема ВРП	0,998	1,018	0,991	1,000	1,024	0,979	1,001	1,021	1,005	1,008	0,995	0,997	1,027	1,067	0,990	1,005	1,006	0,990
Внешнеторговый оборот	0,009	0,003	0,003	0,003	0,001	0,010	0,001	0,001	0,007	0,044	0,001	0,001	0,004	0,001	0,001	0,006	0,003	0,399
Объем розничного товарооборота	0,925	0,824	0,692	0,957	0,781	0,854	0,678	0,848	0,957	1,147	0,732	0,746	0,804	0,859	0,804	0,803	0,864	2,003
Объем оптового товарооборота	0,010	0,004	0,004	0,010	0,004	0,003	0,002	0,004	0,006	0,069	0,003	0,005	0,004	0,003	0,003	0,004	0,006	0,393
Обеспеченность населения жильем	1,176	1,139	1,063	1,181	1,050	1,147	1,092	1,059	1,168	1,155	1,105	1,168	1,118	1,092	1,235	1,118	1,050	0,815
Обеспеченность территории автомобильными дорогами	10,59	5,063	5,469	5,219	5,656	5,031	2,297	5,797	8,000	11,03	5,922	4,438	4,703	4,766	3,984	6,281	4,500	34,56
Объем платных услуг	0,902	0,724	0,921	0,862	0,704	0,801	0,702	0,782	0,899	1,195	0,742	0,641	0,604	0,803	7,024	0,803	7,024	0,803
«Рождаемость» организаций	1,241	1,103	1,129	1,122	1,245	1,119	1,128	1,239	1,136	1,117	1,128	1,239	1,146	1,146	1,236	1,139	1,129	1,409
Уровень развития науки	0,006	0,002	0,007	0,004	0,001	0,004	0,001	0,002	0,014	0,067	0,001	0,002	0,001	0,001	0,005	0,009	0,006	0,176

Окончание табл. 3

Показатель	Psi/Ps																	
	Белгородская область	Брянская область	Владимирская область	Воронежская область	Ивановская область	Калужская область	Костромская область	Курская область	Липецкая область	Московская область	Орловская область	Рязанская область	Смоленская область	Тамбовская область	Тверская область	Тульская область	Ярославская область	г. Москва
Внутренние текущие затраты на исследования и разработки	0,252	0,126	1,081	0,946	0,369	2,730	0,054	0,964	0,063	3,207	0,270	0,468	0,405	0,568	1,162	0,667	1,207	2,027
2 – (В/К) (для показателей, основанных на данных рейтингового агентства «Эксперт РА»)																		
Природно-географический рейтинг	1,944	1,500	1,444	1,778	1,056	1,389	1,333	1,889	1,278	1,833	1,167	1,722	1,222	1,611	1,556	1,667	1,111	1,000
Законодательный рейтинг	1,722	1,556	1,611	1,778	1,167	1,444	1,000	1,222	1,333	1,889	1,111	1,278	1,833	1,056	1,389	1,667	1,500	1,944
Управленческий рейтинг	1,944	1,389	1,778	1,722	1,444	1,833	1,167	1,111	1,500	1,667	1,556	1,278	1,222	1,333	1,000	1,611	1,056	1,889
Негативные показатели																		
Уровень преступности	1,363	1,022	1,043	1,133	1,087	0,989	1,223	1,258	1,267	1,033	0,950	1,448	1,005	1,268	1,023	1,449	1,213	1,041
Уровень безработицы	1,231	1,038	1,173	1,135	1,173	1,192	1,173	1,250	1,288	1,481	1,019	1,154	1,019	1,173	0,981	1,212	1,269	1,712
Индекс цен	0,997	0,999	1,002	1,000	1,002	0,999	1,001	1,016	1,009	1,002	1,000	0,994	1,012	1,003	1,004	1,000	1,006	1,010
Удельный вес убыточных предприятий	1,127	0,814	1,019	1,065	1,019	1,043	0,801	1,106	1,171	1,034	1,137	1,124	0,879	1,220	0,708	0,907	0,748	1,000
Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих	–3,88	0,022	0,297	–2,23	0,242	1,176	–0,86	–0,088	–16,68	–8,989	0,736	–3,495	–1,187	–1,022	–1,242	–7,945	–2,396	–1,297
Σ	24,51	20,19	22,55	20,71	20,74	24,74	15,49	22,35	7,358	23,33	21,33	17,02	18,61	19,79	24,61	15,24	17,89	56,75
(ΣCS = 1 Psi/Ps) / C	1,225	1,010	1,128	1,036	1,037	1,237	0,774	1,117	0,368	1,167	1,066	0,851	0,931	0,989	1,231	0,762	0,895	2,838

Примечание. Составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики [4].

Таблица 4

Интегральный показатель инвестиционной привлекательности регионов ЦФО в 2005–2014 гг.

Регион	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Белгородская обл.	1,085	1,068	1,022	0,988	0,981	0,933	0,923	1,206	1,214	1,225
	3	11	11	12	10	13	12	4	4	4
Брянская обл.	0,819	0,997	0,991	0,981	0,957	0,999	0,984	1,020	1,007	1,010
	13	14	13	13	12	8	8	9	10	11
Владимирская обл.	0,849	1,180	1,176	1,162	1,117	1,101	1,193	1,145	1,143	1,128
	8	5	5	4	5	4	4	5	5	6
Воронежская обл.	0,919	1,017	1,106	1,078	1,059	1,027	1,029	1,071	1,045	1,036
	5	13	7	6	6	6	7	8	8	10
Ивановская обл.	0,783	1,062	1,021	1,010	0,975	0,952	0,983	1,004	1,029	1,037
	17	12	12	9	11	11	9	10	9	9
Калужская обл.	0,955	1,440	1,432	1,466	1,439	1,408	1,395	1,315	1,255	1,237
	4	4	3	3	3	3	3	3	2	2
Костромская обл.	0,749	0,793	0,790	0,779	0,752	0,754	0,763	0,754	0,769	0,774
	18	17	17	17	17	17	16	17	17	16
Курская обл.	0,834	1,173	1,194	1,144	1,132	1,089	1,063	1,105	1,112	1,117
	10	7	4	5	4	5	5	7	6	7
Липецкая обл.	0,827	0,349	0,298	0,242	0,248	0,241	0,287	0,468	0,389	0,368
	12	18	18	18	18	18	18	18	18	18
Московская обл.	1,258	1,884	1,750	1,628	1,569	1,503	1,457	1,329	1,225	1,167
	2	2	2	2	2	2	2	2	3	5
Орловская обл.	0,802	1,138	1,108	1,078	1,037	1,025	1,043	1,107	1,063	1,066
	15	8	6	7	7	7	6	6	7	8
Рязанская обл.	0,880	0,866	0,841	0,801	0,792	0,780	0,805	0,796	0,836	0,851
	7	16	16	16	15	15	15	15	15	15
Смоленская обл.	0,810	1,080	1,050	1,011	0,997	0,955	0,925	0,975	0,935	0,931
	14	10	8	8	8	10	11	12	12	13
Тамбовская обл.	0,801	1,175	1,035	0,999	0,984	0,965	0,967	0,985	0,991	0,989
	16	6	10	11	9	9	10	11	11	12
Тверская обл.	0,834	1,103	1,048	1,009	0,953	0,944	0,903	0,911	0,898	1,231
	11	9	9	10	13	12	14	14	13	3
Тульская обл.	0,918	0,915	0,850	0,809	0,773	0,756	0,695	0,768	0,786	0,762
	6	15	15	15	16	16	17	16	16	17
Ярославская обл.	0,848	0,707	0,950	0,917	0,906	0,883	0,909	0,923	0,879	0,895
	9	17	14	14	14	14	13	13	14	14
г. Москва	1,979	5,251	4,761	4,520	4,169	3,834	3,586	3,055	2,961	2,838
	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1

Примечание. В знаменателе приводятся ранги инвестиционной привлекательности областей.

Санкции уже нанесли существенный экономический удар по производителям, чьи производства находятся на территории стран ЕС. Иностранные инвестиции в Россию, в производства на ее территории надежно застрахованы от российских экономических санкций. Инвестировать в Россию оказывается не только выгодно, но и надежно, т. к. иностранные инвестиции в России находятся под надежной защитой законов России «Об иностранных инвестициях» [9].

В долгосрочной перспективе ожидается улучшение инвестиционного климата, а реализация мер государственной политики по стимулированию повышения эффективности бизнеса приведет к тому, что в организациях частного сектора доля собственных средств, идущих на инвестиции, не опустится до докризисного уровня, вложения в техническое перевооружение и развитие производств будут оставаться приоритетом стратегий развития компаний [10].

Таким образом, на протяжении 2010–2013 гг. Россия являлась достаточно привлекательной для инвесторов, несмотря на существование негативных факторов, сдерживающих объём инвестиций в экономику страны. В 2014 г. из-за нестабильности политической среды и санкций со стороны западных стран рейтинг инвестиционной привлекательности России понизился, вложения в её экономику стали сверхрисковыми, но несмотря на это интерес инвесторов касательно вложения средств в экономику нашего государства не ослаб. Наиболее инвестиционно привлекательным направлением для инвестирования является транспорт и связь. ЦФО остается лидером по объёму инвестиций на протяжении 2005–2014 гг. Внутри региона особенно выделяются: Московская область, занимающая первое место рейтинга инвестиционной привлекательности, Калужская область, являющаяся довольно перспективным регионом с точки зрения вложения денежных средств, и Белгородская область, обладающая высоким инвестиционным потенциалом.

Несмотря на кризис и санкции, негативно влияющие на инвестиционную привлекательность России, в среднесрочной перспективе ожидается увеличение притока денежных средств в экономику страны. Для улучшения инвестиционного климата разрабатываются различные программы инвестиционного развития, изменяется в лучшую сторону законодательная база, регулирующая инвестиционную деятельность, создаются фонды поддержки для инвесторов. Повышение эффективности инвестиционной деятельности является важной задачей и на региональном уровне, где местными властями активно поддерживаются проекты, призванные улучшить инвестиционный климат в регионе.

Статья подготовлена в рамках реализации комплексного проекта по созданию высокотехнологичного производства, договор №02.G25.31.0039 (постановление Правительства РФ № 218 от 09.04.2010 г. «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства») при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации.

Список литературы

1. Крыжановская О. А., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Анализ влияния инвестиционной составляющей на уровень конкурентоспособности региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – № 2. – С. 54–58.

2. Консалтинговая компания A. T. Kearney [Электронный ресурс]. URL: https://www.atkearney.com/research-studies/foreign-direct-investment-confidence-index/ (дата обращения: 18.05.2015).

3. Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В. Исследование инвестиционной привлекательности региона с целью повышения региональной конкурентоспособности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – Т. 24, № 19–1. – С. 55–60.

4. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 12.05.2015).

5. Клевцова М. Г., Cui Honghai Yantai Оценка уровня поляризации региона в условиях модернизации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2011. – № 2. – С. 62–67.

6. Андросова И. В. Роль интерактивного бизнеса в формировании инновационно ориентированной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 3. – С. 23–27.

7. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Макроэкономические условия формирования инновационной среды региона // Управленческое консультирование. – 2014. – № 10 (70). – С. 60–67.

8. Рейтинговое агентство Эксперт-РА [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http:// raexpert.ru/ (дата обращения: 16.05.2015)

9. Проблемы и перспективы развития инвестиционной деятельности в РФ [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.econimprovement.ru/nimevs-754-1.html (дата обращения: 16.05.2015).

10. Вертакова Ю. В., Согачева О. В. Исследование социально-экономических и политических процессов. – М.: Кнорус, 2012. – 336 с.

Получено 20.07.15

Yu. V. Vertakova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: vertakova7@yandex.ru)

Yu. S. Polozhentseva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: polojenceva84@mail.ru)

EVALUATION OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE REGIONS IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC RESTRICTIONS

The article investigates the investment activity in the regions of the impact of the sanctions regime, as well as the analysis of the mechanism of direction and redistribution of foreign investments. Developed the author's method of evaluation of investment attractiveness of regions, assessed the Central Federal District on the basis of the twenty most significant private investment attractiveness indicators, recommendations to increase investment in the region that will provide greater adaptability of the regional development strategy in a dynamic environment.

***Key words**: investments, development, investment attraction, regions.*

УДК 332.14

А. О. Аюшеева, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (Улан-Удэ)

С. Р. Халтаева, д-р экон. наук, доцент, ФГБОУ «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (Улан-Удэ) (e-mail: fregat102@mail.ru)

РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АПК РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассмотрены состояние и перспективы развития приграничного сотрудничества Республики Бурятия и Монголии.

***Ключевые слова**: агропромышленный комплекс, интеграционные процессы, сельское хозяйство, приграничное сотрудничество.*

***

Развитие интеграционных процессов в региональном аспекте необходимо рассматривать также и с позиций приграничного сотрудничества в силу географического расположения Республики Бурятия и Монголии, что обусловливает необходимость расширения и углубления отношений между Россией и сопредельных с ней государств. В рамках пространственной интеграции приграничные территории России и Монголии, несомненно, привлекают к себе внимание в качестве «точек роста» экономики. Байкальский приграничный регион (приграничные территории Бурятии и Монголии) занимает важное место в геополитическом пространстве, обладая дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества. В условиях глобализации укрепление связей России и Монголии позволяет обеспечивать реализацию геоэкономических интересов России в зонах Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии и в целом Евроазиатского сотрудничества.

В сфере АПК для сравнительного анализа рассмотрим отрасль сельского хозяйства как основополагающего сектора развития. Одним из основных направлений развития является сельское хозяйство, где превалирует развитие животноводства, в частности развитие скотоводства мясного направления, производство шерсти (табл. 1) [1]. Такая специализация обусловлена особенностями природных условий и кочевой культурой основного населения.

Для сельского хозяйства приграничных регионов характерна специализация на мясном животноводстве, овцеводстве. Для Республики Бурятия характерно экстенсивное равнинное пастбищное животноводство, в виде культивирования овцеводства, мясного скотоводства, в горных котловинах выращиванием зерновых культур [2].

Республика Алтай занимает 70-е место в России по совокупным показателям продукции сельского хозяйства, Республика Бурятия – 58-е место, Республика Тыва – 73-е, Забайкальский край – 57-е. Вместе с тем на эти субъекты Федерации приходится 1,3% продукции сельского хозяйства России, 0,6% – растениеводства, 2,1% – животноводства.

В структуре производства сельского хозяйства приграничных субъектов России преобладает продукция животноводства – 75,0%; растениеводство – 25,0%.

Таблица 1

Структура сельского хозяйства в приграничных регионах

Субъект РФ	Продукция сельского хозяйства – всего, млн руб.	В том числе		Объем продукции сельского хозяйства на душу населения в 2013 г., руб.
		растениеводства	животноводства	
Республика Алтай	4885	821	4064	23467
Республика Тыва	4077	990	3087	12480
Республика Бурятия	11746	3426	8320	13409
Забайкальский край	11930	2908	9022	10544
По приграничным субъектам	32638	8145	24493	12548
Российская Федерация	2461355	1306337	1155018	17345

В 2008 г. посевные площади приграничья составили 538,7 тыс. га, из них 295,0 тыс. га (54,8%) приходилось на зерновые, 6,0 тыс. га (1,1%) на посевы овощей. Наибольшие площади посевов находятся в Забайкальском крае (235,1 тыс. га), Республике Бурятия (180,6 тыс. га), Республике Алтай (102,6 тыс. га), Республике Тыва (20,4 тыс. га).

Доля поголовья крупного рогатого скота приграничных субъектов составляет 5,2% от общероссийского показателя, овец и коз – 10,7%, свиней – 1,3%.

Традиционное пастбищное животноводство является главным видом хозяйственной деятельности в Монголии. Монголия занимает лидирующие позиции в мировом масштабе по поголовью скота в расчёте на душу населения (16 голов на одного человека). На приграничные территории приходится 41,9% поголовья скота Монголии. Основными отраслями животноводства являются: овцеводство, козоводство, разведение КРС. Сельскохозяйственное производство приграничных аймаков составляет 45,0%, среди них выделяются Хубсугульский – 9,2%, Селенгинский – 6,3%, Дзабханский – 6,0%. Приграничные аймаки являются основными растениеводческими районами Монголии. Так, на приграничные аймаки приходится 74,3% посевных площадей. По посевным площадям выделяются Селенгинский аймак – 55%, Булганский – 9,2%, Хубсугульский – 4,4%. Селенгинский аймак производит 56% зерновых страны.

Приграничные территории обеих стран являются важными сельскохозяйственными районами, где превалирует развитие животноводства. Приграничные аймаки Монголии производят более 45,0% сельскохозяйственной продукции страны, при этом показывают более высокие темпы прироста сельскохозяйственной продукции по сравнению с сопредельными регионами России. Трансграничные контрасты в производстве валовой сельскохозяйственной продукции более чем существенны, и не в пользу России. Приграничные аймаки выделяются поголовьем скота на 1 чел., так показатели значительно выше – 26,2, при этом по приграничным субъектам – 0,7. По посевам на 1 человека, в целом, показатели одинаковые, на приграничных территориях Монголии выделяется Селенгинский аймак – 1,0 га на 1 человека, среди приграничных субъектов РФ – Забайкальский край с 0,3 га на 1 человека.

Положительные трансграничные градиенты создают предпосылки для сотрудничества стран, в том числе для приграничного. В частности, неравномерность в обеспеченности ресурсами (сырьевыми, топливными, трудовыми, финансовыми, инфраструктурными и др.) создает основу для обмена через использование конкурентных преимуществ тех или иных территорий по обе стороны границы. В силу особенностей географического положения приграничные территории, обладающие конкурентными преимуществами, в процессе сотрудничества могут выступить точками роста, инновационными ядрами взаимодействия.

Соседство Республики Бурятия и Монгольской Народной Республики обусловило близкую структуру экономики. Республика Бурятия имеет одну из самых протяженных границ (1275 км), а также обладает единым этнокультурным пространством трансграничной территории, из-за исторической и этнической общности монголоязычных народов. Несмотря на то, что регион относится к зоне рискованного земледелия, в АПК Бурятии производится значительная часть необходимого ей продовольствия. Общий внешнеторговый оборот Республики Бурятия и Монголии за 2013 г. составил около 52 млн долл. (9,85% всего внешнеторгового оборота республики). Основу экспорта Бурятии в Монголию составили продовольственные товары (62% всего объема экспорта), машины, оборудование и транспортные средства (15,5%). Доля Монголии в общем экспорте республики

составила 10,2%. Бурятский импорт из Монголии в 2013 г. на 96% состоит из поставок мяса для промышленной переработки. Всего за 2013 г. получено 2 тыс. т мяса крупного рогатого скота, 1,53 тыс. т мяса лошадей [3].

Развитие интеграционного сотрудничества в сельскохозяйственной отрасли должно быть направлено на создание условий для импорта скота. Вследствие сокращения в 1990–2010 гг. общего поголовья скота в Республике Бурятия более чем в четыре раза, в 2013 г. их численность составила 660 тыс. голов, проблемой является их воспроизводство. Восстановление номадного (пастбищного) скотоводства, отличающегося выходом высококачественного, экологически чистого мяса, и создание так называемого «мясного пояса» требует импорта в республику до 200 тыс. овец, до 100 тыс. голов крупного рогатого скота и до 50 тыс. голов лошадей в течение 2010–2015 гг. Возникает необходимость межгосударственной интеграции в виде создания крупных агрохолдинговых компаний по глубокой переработке продукции животноводства, ориентированных на монгольское сырье. Диверсификация направлений в номенклатуре экспорта предполагает поставки устойчивых к засухе семян, сельхозтехники и оборудования, горюче-смазочных материалов, удобрений, гербицидов в Монголию. В свою очередь, необходимы меры по упрощению ветеринарного надзора, уменьшению таможенных пошлин на монгольский экспорт. В частности, для восстановления утраченного племенного хозяйства аборигенного овцеводства предполагается экспорт монгольских овец в Бурятию, создание совместных хозяйств по разведению скота.

Необходимы новые формы сотрудничества в ветеринарной области для разрешения вопросов ветеринарного контроля при импорте мяса, в вопросах квотирования на поставку мяса.

Отмена визового режима в 2015 г. между двумя странами дала большой импульс к дальнейшему развитию двусторонних отношений.

Перспективным направлением развития в рамках приграничного сотрудничества является развитие туристско-рекреационных ресурсов трансграничной системы «Байкал – Хубсугул», при этом существует необходимость придания автомобильному пункту пропуска Монды – Ханх статуса «многосторонний» для привлечения туристов из «третьих» стран.

Рост эффективности использования туристических ресурсов возможен только при значительном инвестировании в развитие туристско-рекреационной инфраструктуры, совместной разработке и продвижении этого направления. Мультипликативный эффект развития сферы туризма позволит выделить в регионе зоны опережающего развития с определением «точек» или «полюсов роста» и указанием конкретных предприятий (кластеров, отраслей), которым отведена роль катализаторов развития территории. В частности, это агропищевой кластер и развитие туристско-рекреационного комплекса, формирующегося по кластерному типу [4].

Нам представляется, что перспективы развития АПК региона должны опираться на ее территориально-географические характеристики и культурно-исторические традиции, основанные на общекочевых традициях ведения сельского хозяйства. В «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» [5] обеспечение безопасности пищевых продуктов является одной из основных задач обеспечения продовольственной безопасности независимо от изменения внешних и внутренних условий. Экологизация агропромышленного производства должна стать одним из приоритетных направлений развития сельского хозяйства.

В качестве примера интеграционных процессов на межгосударственном уровне можно привести:

1) строительство хладокомбината и мясоперерабатывающего предприятия полного цикла в поселке Тапхар Иволгинского района Республики Бурятия, с перспективой создания агропромышленного логистического парка мясоперерабатывающего предприятия полного цикла для организации поставок и переработки мяса из Монголии. Инициатор проекта – холдинговая компания «Жаст Групп» (Монголия). В составе агропромышленного парка предусмотрены: хладокомбинат мощностью хранения до 3600 т мяса; убойный цех – 60 голов КРС и 200 голов мелкого скота в сутки; мясоперерабатывающее предприятие полного цикла, включающее, кроме импорта мяса, заготовку и убой скота местного производства, хранение и производство мяса и мясных продуктов;

2) строительство мясоперерабатывающего комплекса, включающего производство высококачественных мясных консервов, колбас и деликатесов (инициатор проекта – ОАО «Бурятмяспром», соинвестором выступает монгольская холдинговая компания «Жаст Групп»). Предусмотрено создание высокотехнологичного, инновационного, энергосберегающего, экологически чистого производства. Затраты на проект составят около 30 млн долл. Таким образом, товарооборот двух приграничных территорий может стать на порядок выше.

Из вышеизложенного можно выделить следующие сдерживающие факторы и предпосылки развития интеграционных процессов в сфере агропромышленного комплекса приграничного взаимодействия Республики Бурятия и Монголии (табл. 2) [4].

Таблица 2

Факторы и основные направления развития приграничного сотрудничества Республики Бурятия с Монголией

<table>
<tr><th>Сдерживающие факторы</th><th colspan="2">Движущие факторы</th></tr>
<tr><td rowspan="11">1. Несовершенство законодательной базы, регламентирующей приграничное сотрудничество (на всех уровнях – от федерального до муниципального).
2. Административные таможенные барьеры.
3. Правила ветеринарного контроля при импорте мяса из Монголии.
4. Дисбаланс внешнеторгового оборота.
5. Несовершенство взаимодействия на межмуниципальном уровне.
6. Конкуренция на рынке сельскохозяйственной продукции Монголии.
7. Неразвитость и несоответствие международным стандартам транспортной, таможенной и пограничной инфраструктур.
8. Финансовая недостаточность муниципальных образований.
9. Кризисная ситуация в сельском хозяйстве со стороны России (Бурятии).</td><td colspan="2">Общие</td></tr>
<tr><td colspan="2">Выгодное экономико-географическое расположение и геополитическое положение</td></tr>
<tr><td colspan="2">Наличие единого транснационального транспортного коридора (железнодорожного, автомобильного)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Спрос в России на продукцию сельского хозяйства (живой скот, мясо, шерсть)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Высокий потенциал для реализации межгосударственных проектов – создание совместных предприятий, международных агрохолдингов</td></tr>
<tr><td colspan="2">Единое этнокультурное пространство кочевых народов, заинтересованность управленческих структур и населения в сотрудничестве</td></tr>
<tr><td colspan="2">Сходство отраслевой структуры хозяйства сопредельных приграничных территорий</td></tr>
<tr><td colspan="2">Взаимодополняющие трансграничные градиенты</td></tr>
<tr><td>Республика Бурятия</td><td>Монголия</td></tr>
<tr><td>Наличие перерабатывающих производственных мощностей, недозагруженных из-за недостатка сырья</td><td>Сельскохозяйственное сырье (мясо, молоко, шерсть, пух, шкуры). Недостаток или удаленность рынков сбыта сельскохозяйственной продукции</td></tr>
</table>

Окончание табл. 2

Сдерживающие факторы	Движущие факторы	
10. Низкая инвестиционная привлекательность приграничных районов	Наличие лесных ресурсов, энергетических ресурсов, не используемых в аграрном секторе сельскохозяйственных земель	Спрос на лесные, энергетические ресурсы. Нехватка пастбищ и сенокосных угодий вследствие концентрации населения, роста поголовья скота, опустынивания
	Неблагополучная демографическая ситуация	Рост населения и трудовых ресурсов
Основные направления		
Организация совместных предприятий и международных агрохолдингов с целью расширения приграничного сотрудничества в следующих направлениях: 1. Разведение и реализация племенных аборигенных видов животных. 2. Увеличение доли импорта мяса для перерабатывающей промышленности Республики Бурятия. 3. Селекция и семеноводство зерновых культур, картофеля, овощей		

Также немаловажным фактором приграничного сотрудничества является выгодное экономико-географическое положение Республики Бурятия и Монголии. Через территорию Бурятии в Монголию проходит единственная железная дорога и автомобильные дороги:

– южное ответвление Транссиба Улан-Удэ – Наушки – Улан-Батор – Пекин;

– автомобильные дороги Улан-Удэ – Кяхта – Улан-Батор, Култук – Монды.

Близость Республики Бурятия и Монголии к быстроразвивающимся странам АТР и Китаю, ее высокий транзитный потенциал позволяет говорить о больших перспективах дальнейшего развития, в том числе и о возможности расширения интеграционных процессов в сфере АПК.

В развитии приграничного сотрудничества основными направлениями в сфере АПК являются:

– развитие правовой базы монголо-российских отношений с целью установления и расширения прямых контактов между приграничными с Россией аймаками Монголии и субъектами России;

– создание свободных таможенных зон на сопредельных территориях, которые призваны способствовать активизации товарооборота, привлечению внутренних и внешних инвестиций для развития, в том числе производительных сил АПК;

– активизация регионального торгово-экономического сотрудничества, развития форм приграничной кооперации в сфере АПК;

– повышение конкурентоспособности приграничной территории путем модернизации и развития трансграничной инфраструктуры;

– развитие институциональных форм трансграничного сотрудничества, способствующего формированию межмуниципального сотрудничества;

– развитие трансграничной системы охраны окружающей среды (бассейны трансграничных рек, сохранение экосистемы и др.).

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.

2. Аюшеева А. О. Становление и развитие аграрной и агропромышленной интеграции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – №4. – С. 77–85.

3. Статистическая информация о деятельности таможенного органа [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба, Сибирское таможенное управление: офиц. сайт. – URL: http://stu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=section&id=18&Itemid=120 (дата обращения: 20.12.2014).

4. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Векторный анализ кластерных инициатив региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2015. – № 1 (211). – С. 43–50.

5. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: [утв. приказом Президента РФ от 30 янв. 2010 г. №120]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Аюшеева А. О., Нагаслаева И. О. О приграничном сотрудничестве с Монголией в системе АПК // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Социально экономическое развитие России и Монголии: Проблемы и перспективы». – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. – С. 16–18.

Получено 20.06.15

A. O. Ayusheeva, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude) (e-mail: manana1955@mail.ru)

S. R. Khaltaeva, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude) (e-mail: fregat102@mail.ru)

DEVELOPMENTS OF INTEGRATION PROCESSES IN AGRARIAN AND INDUSTRIAL COMPLEX OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE CONDITIONS OF BORDER COOPERATION

Conditions of border cooperation of the Republic of Buryatia and Mongolia and prospect of their development are considered.

***Key words**: agrarian and industrial complex, integration processes, agriculture.*

УДК338.43

А. А. Цыренова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (Улан-Удэ) (e-mail: manana1955@mail.ru)

Е. Н. Ванчикова, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (Улан-Удэ) (e-mail: evanch@mail.ru)

З. В. Бадмаев, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (Улан-Удэ)

АНАЛИЗ УРОВНЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

В статье рассматривается уровень потребления основных продуктов питания жителями Республики Бурятия. Дана оценка уровня потребления продовольственных товаров относительно медицинских норм потребления.

***Ключевые слова**: продукты питания, продовольственные товары, уровень потребления.*

***

Проблема продовольствия и здорового питания является предметом особого внимания государства, поскольку сокращение потребления жизненно важных

продуктов представляет опасность для здоровья населения и нации в целом. При этом задача обеспечения продовольствием населения республики усложняется тем, что Бурятия входит в зону с экспериментальными природно-климатическими условиями (ее биоклиматический потенциал составляет 48 баллов при 100 – в среднем по России). Экстремальность природных условий ограничивает объемы и ассортимент собственного производства продовольствия, при этом формируется для населения своеобразная структура питания по энергетике, суточному рациону и соотношению основных компонентов пищи, увеличивая потребность в белках и жирах. К настоящему времени в республике обострилась ситуация как по уровню душевого потребления, так и по энергетическому содержанию, качеству и структуре пищевого рациона. Нерациональная структура питания может оказать влияние не только на продолжительность жизни, работоспособность и здоровье людей, но имеет и социальные и экономические последствия: ухудшение условий формирования физически здорового поколения людей; потребность таких условий, которые способствовали бы увеличению объемов производства и потребления необходимой продукции.

Для проведения анализа потребления был определен перечень продуктов, наиболее достоверно отражающих структуру рациона питания основных групп населения.

В рационе питания продукты должны иметь наиболее высокий рейтинг и при этом не быть взаимозаменяемыми. Количество продуктов должно быть минимальным, обеспечивая при этом на 80% и более потребность в калориях и основных пищевых веществах.

Для Бурятии в качестве таких базовых видов продовольствия были выбраны хлеб и хлебные изделия, картофель, овощи, плоды и ягоды, сахар, масло растительное, мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, яйца и рыба (табл.). Эти продукты примерно на 90% обеспечивают рацион питания населения в калориях и на 85% – в основных пищевых веществах.

Среднедушевое потребление основных групп продуктов питания населением Республики Бурятия

Группа продуктов	Мед. норма	1999 г.		2008 г.		2013 г.	
		объем потребления	% от суточной нормы	объем потребления	% от суточной нормы	объем потребления	% от суточной нормы
Мясо и мясопродукты, г/сут	195	159	81,5	104	53,3	156	80
Молоко и молокопродукты, г/сут	1000	474	47,4	428	42,8	660	66
Картофель, г/сут	270	301,4	111,6	268,5	99,4	334	123,7
Овощи, г/сут	456,7	87,7	19,2	168	36,8	306	67
Яйцо, шт.	0,7	0,3	42,9	0,37	52,9	0,47	67,1
Хлебопродукты, г/сут	333	361,6	108,6	340	102,1	318	95,5
Рыба и рыбопродукты, г/сут	50	24,7	49,4	16,4	32,8	22	44
Фрукты и ягоды, г/сут	217	112,3	51,8	95,4	44,0	78,4	36,1
Сахар, г/сут	100	60,3	60,3	68,5	68,5	76,7	76,7
Масло растительное, г/сут	37	14,2	38,4	20,3	54,9	24,7	66,76

По данным, представленным Госкомитетом статистики Республики Бурятия [1], и медицинским нормам потребления продуктов (см. табл.) видно, что уровень потребления мяса и мясопродуктов населением республики в 2013 г. практически сравнялся с уровнем потребления в 1999 г. Объем потребления мяса и мясных продуктов в республике в 1999 г. составлял 61,5 тыс. т, в 2008 г. – 38,56 тыс. т, в 2013 г. – 54,7 тыс. т. Среднедушевое потребление мяса и мясных продуктов в месяц в 2013 г. составило 4,7 кг, или 80% от медицинской нормы [2].

За четырнадцатилетний период (1999–2013 гг.) потребление молока и молочных продуктов в республике увеличилось. В 2008 г. потребление молочной продукции в пересчете на душу населения составило 157 кг в год, или 42,8% от требуемой медицинской нормы. В 2013 г. этот же показатель составлял уже 241 кг в год, или 66% от медицинской нормы. В настоящее время одним из факторов, сдерживающих возможности увеличения объемов потребления по этим показателям, является дефицит сырья в мясной и молочной отрасли региона. Из общего объема производства продуктов животноводства в связи со сложностями закупа (отдаленность отдельных районов, отсутствие условий для хранения закупленной продукции, низкое качество, отсутствие промышленного забоя) на промышленную переработку используется только 8% ресурсов мяса и 12% молока. Предприятия вынуждены завозить сырье (мясо блочное, сухое молоко) из других регионов и импортировать из других стран. До 25% цельномолочной продукции производится из сухого молока, что сказывается на себестоимости и качестве продукции.

Потребление населением Республики Бурятия картофеля заметно увеличилось. Производство на протяжении ряда лет (1999–2013 гг.) возросло до уровня 170–200 тыс. т в год. Уровень среднедушевого потребления картофеля по Российской Федерации в эти годы также возрастал. По Республике Бурятия этот показатель в 2013 г. превысил рекомендуемую медицинскую норму потребления на 23,7%.

В течение периода 1999–2013 гг. в республике возросло производство овощей (1999 г. – 34,8 тыс. т, 2008 г. – 63,83 тыс. т, 2013 г. – 101 тыс. т). При этом их среднедушевое потребление за анализируемый период увеличилось почти в 3,5 раза и в 2013 г. составило 112 кг в год.

Развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, реализация республиканских целевых программ позволили изменить и улучшить структуру каналов реализации сельхозпродукции. Большая часть картофеля, овощей реализуется по свободным каналам сбыта: на рынках, через сетевые розничные структуры, предприятия общественного питания. Все это лучшим образом повлияло на рост этих показателей.

Потребление яиц и яйцепродуктов в расчете на душу населения по Республике Бурятия в 1999 г. составляло 109 шт. в год, в 2008 г. – 137 шт. в год, в 2011 г. – 171 шт. в год (67% от нормы) при рекомендуемой норме потребления 255 шт. в год.

Потребление хлебопродуктов в республике за период с 1999 по 2013 г. держится на высоком уровне. Превышение рекомендуемой нормы в 1999 г. составляло 8,6%, в 2008 г. – 2,15%. В 2013 г. потребление снизилось до уровня 95% от рекомендуемой нормы потребления.

Большой дефицит потребления в 2013 г. наблюдается по группе «Рыба и рыбные продукты». Так, среднедушевое потребление в данном году составило 44% от рекомендуемых медицинских

норм, т. е. оно снизилось по сравнению с 1999 г. на 11%; а по сравнению с 2008 г. оно выросло на 34%.

За период с 1999 по 2013 г. в республике резко сократилось потребление фруктов и ягод. В 1999 г. оно было на уровне 52% от нормы, в 2008 г. – 44% от нормы, а в 2011 г. – 36,1% от нормы и составило 28,6 кг в год. Сокращение потребления обусловлено снижением сбора плодов и ягод в республике. Если в 1999 г. валовой сбор плодов и ягод составлял 10,9 тыс. т, в 2008 г. – 10,5 тыс. т, то в 2013 г. он увеличился и составил 9,5 тыс. т.

По таким группам товаров, как сахар и масло растительное, за десятилетний период наблюдается постепенное увеличение объемов потребления.

Обобщенные данные по потреблению в 2013 г. продуктов питания представлены на рисунке.

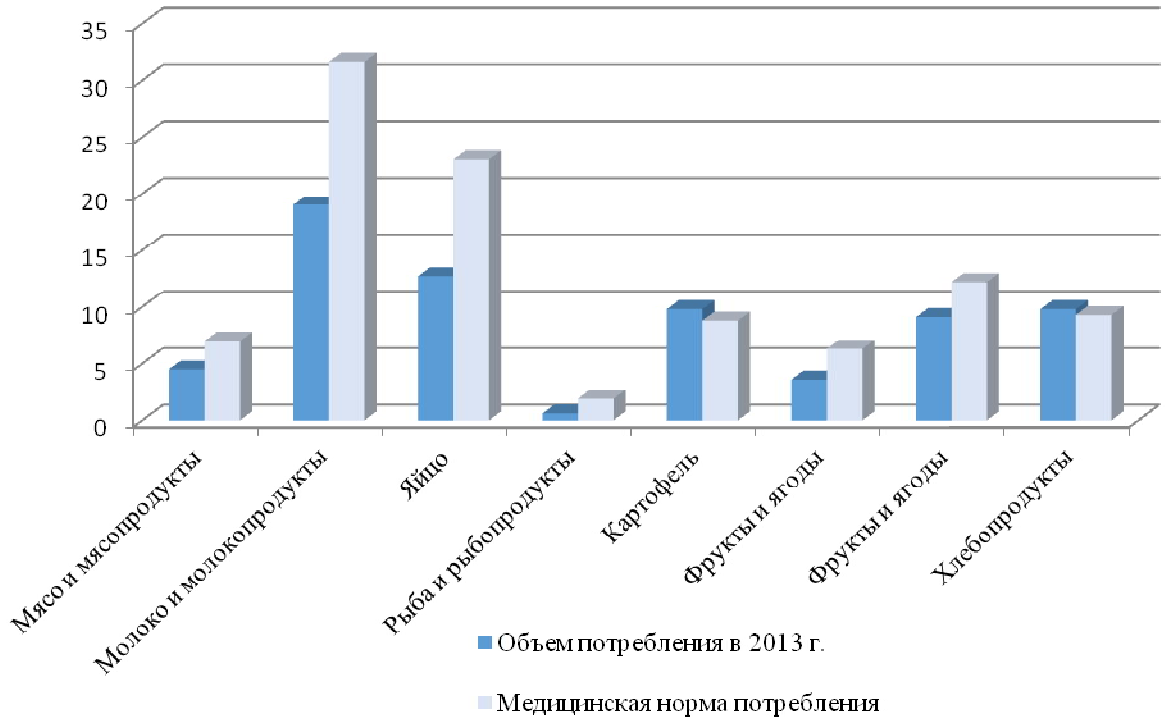


Рис. Среднедушевое потребление продуктов питания в месяц в 2013 г.

На сегодняшний день на территории Республики Бурятия функционируют 293 предприятия пищевой промышленности различных форм собственности, в которых работает около 5 тыс. человек и формируется до 6% доходной части республиканского бюджета. Большинство предприятий отрасли пищевой промышленности относятся к частной форме собственности (14,06%), 9,22% находятся в собственности государства

Продукция пищевой и перерабатывающей промышленности составляет 13,3% в объеме обрабатывающих производств республики. Продовольственный рынок Республики Бурятия во многом зависит от объемов поставок и отпускных цен российских поставщиков, следовательно, он наиболее подвержен влиянию ценовых факторов.

По данным 2013 г. среди регионов России Республика Бурятия по потреблению мяса и мясопродуктов занимает 47-е место, молока – 46-е, яиц – 75-е, овощей и бахчевых – 59-е. Сравнивая уровень потребления продуктов питания с соседними регионами – Иркутской областью и Забайкальским краем, можно сказать, что

наблюдается опережение лишь по группе «Хлеб и хлебопродукты». По остальным же видам продуктов питания Бурятия уступает этим регионам.

Список литературы

1. Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания [Электронный ресурс]: приказ Минздравсоцразвития РФ от 2 авг. 2010 г. № 593н. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Бурятия в цифрах. 2013: стат. сб. № 01-01-13 / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2013. – 88 с.

3. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. – 2014. – № 11 (109). – С. 38–47.

4. Сироткина Н. В., Грищенко Н. В. Сценарный подход к формированию корпоративных образований в пищевой промышленности // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. – 2013. – № 8. – С. 21–26.

Получено 20.06.15

A. A. Tsyrenova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude) (e-mail: manana1955@mail.ru)

E. N. Vanchikova, Doctor of Economic Sciences, Professor, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude) (e-mail: evanch@mail.ru)

Z. V. Badmaev, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude)

ANALYSIS OF THE LEVEL OF FOOD CONSUMPTION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

The article discusses the level of consumption of the residents of the Republic of Buryatia staple foods, and the estimation of the level of food consumption on medical consumption rates.

***Key words**: food, consumption levels.*

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОТРАСЛЯМИ

УДК 338.124.4

Г. А. Барзыкина, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: galina-barzykina@yandex.ru)

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ИНДЕКСА ПРОХОЖДЕНИЯ КРИЗИСА ПРЕДПРИЯТИЕМ

В статье обоснована необходимость дополнения существующих методик оценки кризисного состояния коммерческих предприятий. Авторы предлагают внедрить в аналитическую практику показатель «индекс прохождения кризиса предприятием». Предлагаемый индекс апробирован на примере предприятий различных отраслей и типа финансовой устойчивости Курской области.

***Ключевые слова**: индекс прохождения кризиса предприятием, банкротство, жизненный цикл предприятия.*

***

Практически в каждом уставе любого коммерческого предприятия мы увидим в числе целей создания извлечение прибыли. Также одним из принципов бухгалтерского учета является непрерывность деятельности организации, поэтому хозяйствующий субъект во время своей деятельности проходит циклы, сродни человеческой жизни.

Каждое коммерческое предприятие проходит следующие фазы развития (рис. 1).

На наш взгляд, углубленному изучению подлежит кризисное состояние предприятия, т. к. в условиях жесткого конкурентного рынка и высокой нестабильности рыночной экономики это является неизбежным этапом. При вхождении в фазу упадка предприятие не может позволить себе вести дела, не имея представления о результатах своей деятельности, своем месте на рынке, соотношении доходов и расходов, не зная факторов, влияющих на развитие и т. д. Вследствие бездействия или незнания теоретических аспектов и методик антикризисного управления в период упадка предприятия вероятность банкротства велика [1].

В фазе упадка мы выделили несколько подэтапов (табл. 1).

В настоящее время довольно большое количество предприятий находятся в кризисном положении, т. к. усилия органов государственной власти в ходе экономических реформ были направлены в основном на проведение рыночной макроэкономической политики.

В настоящее время оценить количество предприятий, которые находятся в кризисном состоянии, можно только анализируя статистические данные Верховного Арбитражного Суда РФ по количеству дел о несостоятельности (банкротстве) (табл. 2) [6].

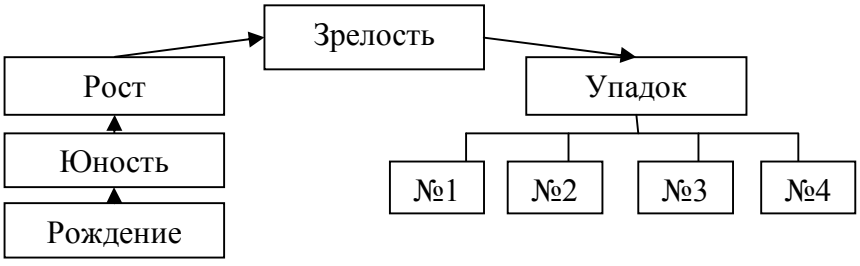


Рис. 1. Жизненный цикл предприятия

Таблица 1

Характеристики этапов развития коммерческого предприятия

Наименование фазы развития	Характеристика
Рождение	Организация находится в стадии становления, формируется жизненный цикл продукции
Юность	Сосредоточение внимания организации на системах и упорядочении своей деятельности
Рост	Период быстрого роста организации, осознание своей миссии и формирование стратегии развития
Зрелость	Организации удается сохранять устойчивое положение во внешней среде
Упадок	
Фаза №1. Наступление финансового неблагополучия	Незначительное сокращение прибыли и рентабельности
Фаза №2. Уменьшение конкурентоспособности реализуемых ассортиментных единиц	Резкое снижение объемов реализации
Фаза №3. Рост кредиторской задолженности	На погашение сложившейся кредиторской задолженности уходит часть оборотных средств, активизируется использование дополнительных кредитных ресурсов
Фаза №4. Неплатежеспособность	Фирма не располагает возможностью сокращать кредиторскую задолженность в условиях сокращенного воспроизводства

Таблица 2

Обзор дел о несостоятельности (банкротстве) [2]

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Прирост, %		
				2012/2011	2013/2012	2013/2011
Поступило заявлений о признании должников несостоятельными (банкротами)	33385	40864	31929	22,4	–21,9	–4,4
Из них принято к производству	27422	33226	27351	21,2	–17,7	–0,3
Процент принятых заявлений к производству от поступивших заявлений	82,1	81,3	85,7	X	X	X
Принято решений о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства	12794	14072	13144	10	–6,6	2,7
Завершено конкурсное производство	11863	12869	10877	8,5	–15,5	–8,3
Процент завершенных конкурсных производств	92,7	91,5	82,8	X	X	X

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в 2012 г. наблюдается пик поступивших заявлений о признании должников несостоятельными (банкротами), что связано, вероятно, с рецессией экономики после кризиса 2008 г. Однако в этот же год наблюдаем наименьший процент принятых заявлений к производству, что может свидетельствовать о наибольшем в 2012 г. наличии признаков преднамеренного и фиктивного банкротства. Также мы видим, что при признании должника несостоятельным и открытии конкурсного производства практически все дела заканчиваются ликвидацией хозяйствующих субъектов вследствие банкротства (процент завершенных конкурсных производств составлял в 2011–2012 гг. более 90). Исключение составляет 2013 г., в котором процент завершенных конкурсных производств составил чуть более 80. Это говорит о заключении мировых соглашений на стадии конкурсного производства.

Как показывает мировая практика, банкротство предприятия – это не случайное явление, а определенная закономерность в экономике развитых стран. Также практика показывает, что каждая фирма-банкрот терпит неудачу по-своему. Тем не менее есть универсальный рецепт от кризисного состояния – проведение систематического финансового анализа предприятия. Это касается и самых процветающих, и быстро развивающихся, и самых рядовых фирм [3].

На сегодняшний день существует множество авторских методик диагностики банкротства, группировка которых представлена в таблице 3.

Таблица 3

Методики диагностики банкротства

Разработчик(и)	Характеристика
А. П. Ковалев	Выделяет два основных показателя: 1) коэффициент текущей ликвидности на конец отчетного периода; 2) коэффициент обеспеченности собственными средствами
Официальная методика, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 25.07.2003 г. № 367	Представлены 26 показателей платежеспособности, ликвидности и финансовой устойчивости
SWOT-анализ (США)	Обеспечивает выбор стратегии, необходимой в текущей ситуации
М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури	Классификация на три управленческие функции (маркетинг, производство, финансы) и две дополнительные (человеческий фактор, имидж организации)
А. Винакор, Р. Смит	Утверждают, что наиболее характерным признаком наступающего банкротства компании является снижение собственных оборотных средств к сумме активов (коэффициент автономии)
П. Дж. Фитцпатрик	Считает, что лучшими индикаторами грядущего банкротства являются отношение прибыли к собственным оборотным средствам и отношение собственных оборотных средств к сумме задолженности
К. Л. Мервин	Методика представлена коэффициентом покрытия процентных выплат, коэффициентом автономии и собственного оборотного капитала на сумму задолженности

Окончание табл. 3

Разработчик(и)	Характеристика
Э. Альтман	Модель «Z-счета». В России данная модель не применима, т. к. рассчитать отношение рыночной стоимости обыкновенных и привилегированных акций к балансовой оценке заемного капитала (краткосрочного и долгосрочного) совершенно невозможно
Бивер, Лис, Тишоу, Таффлер	Представляют ряд факторных моделей, которые дают приблизительную оценку степени близости банкротства, но при этом ни арифметического значения вероятности банкротства, ни ошибки неверной его диагностики модели не представляют
О. П. Зайцева, Р. С. Сайфуллин, Г. Г. Кадыков	Предлагали новые методики диагностики возможного банкротства, предназначенные для отечественных предприятий

На сегодняшний момент законодательством не предусмотрена обязанность применения предприятиями ежеквартальных, полугодовых или ежегодных применений указанных методик, направленных на выявление признаков несостоятельности. Однако в целях обеспечения необходимых условий для реализации государственной политики, направленной на предупреждение банкротств и финансовое оздоровление неплатежеспособных организаций, необходимо формировать перечень крупных экономически или социально значимых организаций, проводить систематический мониторинг финансового состояния и учет платежеспособности указанных организаций [5].

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости разработки единой системы (методики) диагностики банкротства юридического лица в целях оценки и прогнозирования банкротства.

В классической ситуации развития предприятия с целью оценки вероятности банкротства и вероятности прохождения кризиса предприятием предлагаем дополнить существующие методики показателем «индекс прохождения кризиса предприятием»:

$$\text{ИПКП} = 0,25\left(\frac{\text{ВВ}}{\text{СБ}} + \frac{\text{ВД}}{\text{ВР}} + \Delta\text{Ч} + \Delta\text{ЧП}\right),$$

где ВВ – валовая выручка; СБ – себестоимость; ВД – внереализационные доходы; ВР – внереализационные расходы; ΔЧ – темп прироста численности; ΔЧП – темп прироста чистой прибыли.

На наш взгляд, в качестве исходных индикаторов для расчета индекса целесообразно использовать следующие основные показатели хозяйственной деятельности любого предприятия:

1) соотношение валовой выручки и себестоимости;

2) соотношение внереализационных доходов и внереализационных расходов;

3) темп прироста численности персонала;

4) темп прироста чистой прибыли.

Апробируем разработанную методику на конкретных предприятиях Курской области различных отраслей деятельности с целью определения пороговых значений индекса прохождения кризиса предприятием (табл. 4).

Представим рассчитанные значения на графике (рис. 2).

Таблица 4

Индекс прохождения кризиса предприятием в условиях организаций Курской области

Наименование предприятия	2012 г.	2013 г.
ОАО «Счетмаш»	–0,76	–0,32
ОАО «Гарант»	1,23	1,9
ОАО «Курская птицефабрика»	0,39	–0,65
ОАО «Курские электросети»	0,29	0,52
ОАО «Курский завод КПД»	1,48	0,54
ОАО «Курский завод медстекла»	0,58	0,45
ОАО «Курскоблбыттехника»	0,31	0,55
ОАО «Маяк»	0,69	0,42
ОАО «Аграрник»	0,49	0,83
ОАО «Сельские зори-земля»	0,68	0,70

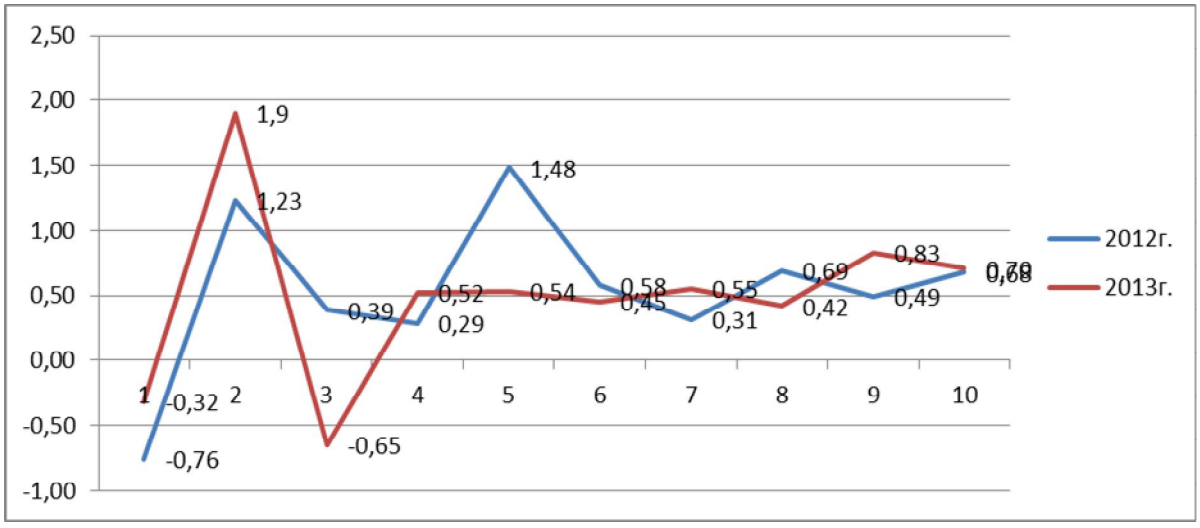


Рис. 2. Индекс прохождения кризиса предприятием в условиях организаций Курской области

Так как нам известно фактическое состояние финансовой деятельности представленных предприятий и мы можем определить, в какой стадии жизненного цикла они находятся, предлагаем следующие пороговые значения для оценки угрозы кризиса (табл. 5).

Таблица 5

Рекомендуемые пороговые значения индекса прохождения кризиса предприятием для этапа «Упадок»

Наименование фазы развития	Индекс прохождения кризиса предприятием
Отсутствие кризисного состояния	≥1
Фаза №1 упадка	0,7–0,99
Фаза №2 упадка	0,5–0,69
Фаза №3 упадка	0,1–0,49
Фаза №4 упадка (банкротство)	<0

Мы видим, что при значении индекса более 1 предприятие находится в стабильном состоянии развития деятельности. Значение индекса, соответствующее 1-й и 2-й фазе, свидетельствует о способности предприятия пройти кризисное состояние в сжатые сроки путем проведения первоочередных антикризисных мероприятий, таких как:

1) налаживание управленческих связей;

2) внедрение системы контроля;

3) первичные действия по увеличению работоспособности подразделений;

4) установление контроля за отношениями во внешней среде.

Значение индекса, соответствующее 3-й фазе, сигнализирует о:

– необходимости формирования антикризисной команды;

– объективной оценки результатов деятельности;

– комплексном выявлении неиспользуемых резервов [4].

На наш взгляд, 4-я фаза соответствует окончательному банкротству предприятия и малой вероятности выхода его из кризиса, только если будут привлечены внешние инвестиции.

В заключение следует сказать, что данный индекс может активно использоваться в аналитической практике с целью предотвращения вхождения предприятия в цикл упадка.

Список литературы

1. Тельнов П.Н., Губанова Н.В. Мониторинг кризисного состояния и разработка комплексной антикризисной региональной программы // Управление собственностью: теория и практика. – 2013. – № 2. – С. 33–38.

2. Высший Арбитражный суд Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: www. arbitr.ru (дата обращения: 02.03.2015).

3. Вертакова Ю. В., Крыжановская О. А., Храпова О. Ю. Методические аспекты формирования системы сбалансированных показателей организации // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 3 (42), ч. 2. – С. 92а–103.

4. Циклаури В. Ю., Афанасьева Л. В. Методика антикризисного мониторинга и контроля состояния и результатов деятельности предприятий АПК как подсистемы региональной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – №1. – С. 66–73.

5. Центр раскрытия корпоративной информации [Электронный ресурс]: сайт. – URL: www.e-disclosure.ru (дата обращения: 18.03.2015).

Получено 07.06.15

G. A. Barzykina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: galina-barzykina@yandex.ru)

THE INDEX CALCULATION METHOD OF PASSING THE CRISIS ENTERPRISE

The article substantiates the need to complement existing methodologies for assessing the crisis state commercial enterprises. The authors propose to implement in analytical practice indicator - the index of the passing of the crisis of the enterprise. The proposed index was tested on the example of enterprises of different sectors and types of financial sustainability of the Kursk region.

***Key words**: index of the passage of the enterprise crisis, bankruptcy, life cycle of the enterprise.*

УДК 631.16:658.155 (470.323)

Г. И. Барбышева, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: galibar@ya.ru)

ПОСТРОЕНИЕ МНОГОФАКТОРНОЙ МОДЕЛИ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

В данной статье показан процесс отбора факторов, влияющих на рентабельность производства, для включения их в многофакторную модель (на примере сельскохозяйственного производства). Описана методика проверки адекватности модели. Определен вклад отдельных факторов (независимых переменных) в вариацию рентабельности (зависимой переменной).

***Ключевые слова**: корреляция, регрессия, стохастический анализ, рентабельность, сельское хозяйство, Курская область, эластичность.*

***

За последние 15 лет рентабельность сельскохозяйственного производства Курской области изменилась существенно. Нами поставлена задача: определить совокупность основных факторов, влияющих на этот процесс. Задача решена путем составления множественной корреляционно-регрессионной модели.

При решении задачи мы столкнулись с тем, что корреляционные связи не ограничиваются связями между двумя признаками: результативным *y* и факторным *x*. В действительности результативный признак зависит от нескольких факторных.

Регрессионный анализ – это статистический метод исследования влияния нескольких независимых переменных на зависимую переменную. Цель регрессионного анализа связана с предсказанием значений зависимой переменной с помощью независимых и определением вклада отдельных независимых переменных в вариацию зависимой.

Нами проанализирована динамика абсолютной величины факторов производства коллективного сектора сельского хозяйства Курской области за период 2000–2014 гг., выявлены особенности изменения факторов производства разными темпами [1, с. 128–131], что неизбежно привело к изменению пропорций между отдельными ресурсами. Мы полагаем, что именно изменение соотношений между вовлеченными в процесс производства факторами повлияло на изменение рентабельности сельскохозяйственного производства. Также на рентабельность оказывает влияние изменение эффективности использования отдельных факторов производства, показатели деловой активности, процесс обновления факторов производства, идущие процессы усиления концентрации производства и изменения специализации отдельных предприятий [2].

Поэтому для составления модели мы перебрали множество факторов, которые имеют высокий парный коэффициент корреляции с рентабельностью. Но введение в модель большинства факторов не повышало уровень коэффициента множественной корреляции, а в некоторых случаях приводило к снижению его значимости по F-критерию.

При отборе факторов мы придерживались следующих правил:

– не включать в корреляционную модель факторы, связь которых с результативным показателем носит функциональный характер;

– отбирать самые значимые факторы, которые оказывают решающее воздействие на результативный показатель;

– для составления уравнения множественной регрессии необходимо, чтобы число наблюдений было в 5-6 раз больше числа отобранных факторов, хотя отдельные исследователи утверждают, что количество переменных должно быть показателем степени для 2 [3, с. 39];

– факторы, включаемые в корреляционно-регрессионную модель, должны быть количественно измеримы [4, с. 6].

В данном исследовании функциональное влияние на результативный показатель оказывали так называемые факторы первого порядка: масса прибыли и себестоимость реализованной продукции сельского хозяйства [5, с. 32], поэтому нами в модель они не включались. Кроме того, в модель не включались любые факторы, имеющие стоимостное выражение (для преодоления временной несопоставимости).

Путем проверки парных коэффициентов корреляции между каждым факторным и результативным признаками установлено, что межу ними нет слишком слабой связи и функциональной связи. Затем факторы проверены на мультиколлинеарность [6, с. 304]: критическое значение коэффициента корреляции 0,85 не превышено ни в одной паре. Наличие мультиколлинеарности между признаками приводит к осложнению процесса определения наиболее существенных факторных признаков [7, с. 85].

Поскольку целью исследования была проверка гипотезы о влиянии отдельных факторов производства и соотношений между ними на результативность производства, то в модели учтены основной и оборотный капитал, земельные и трудовые ресурсы предприятий Курской области (табл. 1). На начальных этапах исследования оказалось, что изменение абсолютной величины того или иного ресурса не всегда коррелирует с рентабельностью. Даже изменение соотношений между отдельными ресурсами в худшую сторону не влияет на рентабельность, т. е. рентабельность растет. Поэтому мы предположили, что повышение эффективности и интенсивности использования отдельных ресурсов позволяет компенсировать недостаточно эффективное использование других ресурсов. Методом перебора пришлось удалить из модели такие факторы, как электровооруженность, энерговооруженность, энергооснащенность, коэффициент пропорциональности между основными и оборотными фондами, доля машин и оборудования в ОПФ, средняя величина энергетических мощностей в расчете на хозяйство, средняя площадь сельскохозяйственных угодий, среднее число работников.

Таблица 1

Изменение рентабельности сельскохозяйственного производства Курской области и факторы, её определяющие

Год	Рентабельность, %	Землеобеспеченность, га/чел.	Коэффициент оборачиваемости оборотных средств	Коэффициент обновления ОПФ
2000	8	21,3	1,32	0,03
2001	2	22,6	1,16	0,07
2002	–8	25,1	0,98	0,09
2003	0	29,5	1,03	0,09
2004	5	26,4	1,05	0,16
2005	4	24,5	1,02	0,19
2006	12	29,5	0,99	0,28
2007	23	33,5	1,03	0,30
2008	12	40,8	0,81	0,26
2009	12	45,6	0,84	0,27
2010	16	52,7	0,72	0,28
2011	17	57,5	0,71	0,32
2012	29	62,6	0,82	0,36
2013	21	57,7	0,88	0,32
2014	33	57,2	1,16	0,26

Расчет был осуществлен в программе Excel на основе линейной модели, уровень надежности задан 99%, результаты представлены в таблице 2.

Полученный коэффициент множественной корреляции показывает, что связь между тремя факторами и результатом очень сильная, близкая к функциональной. Соответствующий ему коэффициент детерминации показывает, что на 95% указанные нами факторы определяют уровень рентабельности сельскохозяйственного производства. F-расчетное гораздо больше F-табличного, следовательно, результат высокой корреляции не является случайным. Вероятность того, что на самом деле взаимосвязи между переменными не существует, определяется значимостью F (табл. 2).

Полученное линейное уравнение многофакторной регрессии имеет вид

$$y = -71,0407 + 0,465862x_1 + \\ + 48,2782x_2 + 84,53366x_3. \qquad (1)$$

Данным уравнением можно пользоваться для оценки степени влияния каждого фактора на результат и для предсказания уровня рентабельности по имеющимся факторным значениям.

Анализ коэффициентов уравнения множественной регрессии позволяет сделать вывод о степени влияния каждого из факторов на результативный показатель. Так, увеличение уровня землеобеспеченности на 1 га/чел. приведет к росту рентабельности производства на 0,5%. Рост коэффициента обновления основных фондов на 0,1 приведет к росту рентабельности на 8,4%. Рост коэффициента оборачиваемости оборотных средств на 0,1 приведет к росту рентабельности на 4,8%.

Однако на основе коэффициентов регрессии нельзя сказать, какой из факторных признаков оказывает наибольшее влияние на результативный признак, т. к. коэффициенты регрессии между собой несопоставимы, поскольку они измерены разными единицами. На их основе нельзя также установить, в развитии каких факторных признаков заложены наиболее крупные резервы изменения результативного показателя.

Чтобы иметь возможность судить о сравнительной силе влияния отдельных факторов и о тех резервах, которые в них заложены, должны быть вычислены частные коэффициенты эластичности.

Таблица 2

Регрессионная статистика и дисперсионный анализ многофакторной модели рентабельности сельскохозяйственного производства Курской области

Показатель	Значение
Y-пересечение	–71,0407
Коэффициенты: – землеобеспеченность (x_1) – коэффициент оборачиваемости оборотных средств (x_2) – коэффициент обновления основных фондов (x_3)	 0,465862 48,2782 84,53366
Множественный коэффициент корреляции	0,974429
Множественный коэффициент детерминации	0,949513
F-расчетное	68,95862
F-табличное при a = 0,01 и числе степеней свободы 3; 11	6,22
Значимость F	0,0000002

Частный коэффициент эластичности показывает, на сколько процентов в среднем изменяется признак-результат Y с изменением признака-фактора X на один процент от своего среднего уровня при фиксированном положении других факторов модели.

Эластичность рентабельности от землеобеспеченности 1,5. Это значит, что рост уровня землеобеспеченности на 1% обеспечит 1,5% темпа прироста рентабельности сельскохозяйственного производства.

Эластичность рентабельности от коэффициента оборачиваемости оборотных средств 3,8. Это значит, что рост коэффициента оборачиваемости на 1% обеспечит 3,8% темпа прироста рентабельности.

Эластичность рентабельности от коэффициента обновления основных фондов 1,5. Значит, при повышении коэффициента обновления основных фондов на 1% будет получен 1,5% темп прироста рентабельности.

Как показал количественный анализ, наибольшее влияние на рентабельность сельскохозяйственного производства Курской области оказывает эффективность использования оборотных средств предприятий, а именно их высокая оборачиваемость. Здесь скрывается основной резерв дальнейшего повышения эффективности функционирования отрасли. Остальные два фактора (коэффициент обновления основных фондов и уровень землеобеспеченности) оказывают равное по силе положительное влияние на рентабельность.

Таким образом, рентабельность сельскохозяйственного производства Курской области растет за счет ускоренного обновления основных фондов, повышения интенсивности использования оборотных средств предприятий и роста землеобеспеченности (нагрузка сельскохозяйственных угодий на работника). Действие этих трех факторов позволяет нивелировать снижение энергооснащенности, отсутствие оптимального соотношения между основными и оборотными фондами, падение продуктивного поголовья животных, неустойчивость производства в отдельных отраслях растениеводства.

Гипотеза о влиянии обеспеченности предприятий отдельными производственными ресурсами, количественных соотношений между этими ресурсами и эффективности (интенсивности) использования отдельных ресурсов на результативность деятельности сельскохозяйственных предприятий подтверждена. Построенная многофакторная регрессионная модель адекватна, и её можно использовать для принятия управленческих решений на уровне предприятий и региона, а также для осуществления прогнозов.

Список литературы

1. Барбышева Г. И. Состояние и динамика развития производительных сил сельского хозяйства Курской области // Развитие экономики и менеджмента в современном мире: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, 8 декабря 2014 г. – Воронеж, 2014. – С. 128–131.

2. Соломатин Э. Г. Совершенствование специализации сельскохозяйственного производства (на материалах Курской области): дис. … канд. экон. наук. – Курск, 2001. – 181 с.

3. Чигиринский Ю. Л., Чигиринская Н. В., Качалова Л. А. Структура электронной таблицы для построения многофакторных регрессионных моделей // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2014. – Т. 11, №8 (135). – С. 39–41.

4. Ускевич Т. Г. Методические рекомендации по проведению корреляционно-регрессионного анализа в Microsoft Excel. – Минск: УО «Белорусский государственный экономический университет», 2010. – 20 с.

5. Барбашин Е. А., Бабкова Ю. Ф. Влияние затрат на уровень финансовых

результатов сельскохозяйственных предприятий Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2015. – №3. – С. 32–33.

6. Маннапова Р. А., Залилова З. А. Многофакторная модель рентабельности производства меда // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-2. – С. 303–308.

7. Лысенко М. В., Лысенко Ю. В. Многофакторная корреляционно-регрессионная модель результативного показателя для продукции зернового направления // Аграрный вестник Урала. – 2013. – №11. – С. 84–87.

Получено 07.07.15

G. I. Barbysheva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: galibar@ya.ru)

BUILDING A MULTIFACTOR MODEL OF PRODUCTION PROFITABILITY

This article shows the process of selection of factors affecting the profitability of production, for inclusion in the multivariable model (on the example of agricultural production). The method of checking the adequacy of the model. Determined the contribution of individual factors (independent variables) to the variation of profitability (dependent variable).

***Key words**: correlation, regression, stochastic analysis, profitability, agriculture, Kursk region, elasticity*

УДК 336.6

А. В. Греченюк, канд. экон. наук, Курская академия государственной и муниципальной службы (e-mail: grant25@yandex.ru)

О. Н. Греченюк, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: og1016s@yandex.ru)

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ВНЕОБОРОТНЫХ АКТИВОВ РОССИЙСКИХ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ

Статья посвящена представлению результатов анализа современного состояния внеоборотных активов российских компаний на основе данных годовых бухгалтерских отчетностей 1000 акционерных обществ за 2010–2013 годы. Результаты проведенного анализа позволяют определить тенденции изменения всей величины внеоборотных активов, а также отдельных их элементов для публичных и непубличных акционерных обществ. Отдельно выявлены особенности состава и структуры первого раздела бухгалтерского баланса по отдельным группам российских компаний.

***Ключевые слова**: бухгалтерская отчетность, бухгалтерский баланс, внеоборотные активы, акционерные общества.*

***

Активы, которые использует организация для своей деятельности, делятся в бухгалтерском балансе на внеоборотные и оборотные. Здесь нет никаких различий для отчетностей, составленных по российским стандартам бухгалтерского учета (РСБУ), в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО) или общепринятыми принципами бухгалтерского учета (GAAP).

Таким образом, имущество любой фирмы состоит из двух достаточно равноценных разделов, оказывающих влияние на эффективность ее функционирования. При этом организации могут существенно отличаться по составу и структуре внеоборотных и оборотных активов. Причем критериями отличия не обязательно должны являться объемы и виды осуществляемой деятельности. Эти различия могут наблюдаться у предприятий одинаковых видов деятельности и отраслей. Так, например, в теории считается, что производственные предприятия должны

иметь значительную долю основных средств в первом разделе баланса и, соответственно, существенный удельный вес внеоборотных активов в общей их величине. Однако на практике достаточно часто встречается обратная ситуация. Некоторые моменты, касающиеся анализа активов и финансового анализа в целом, требуют актуализации в соответствии с ситуацией в российской экономике [1].

Следовательно, возникает необходимость определить современное состояние активов российских организаций – приоритеты их формирования, динамику их изменения, особенности структуры и т. д.

Данную статью посвятим исследованию первого раздела баланса российских компаний – внеоборотных активов. Исследование проведем на основе информационной базы, сформированной по данным годовых бухгалтерских отчетностей 1000 российских акционерных обществ. В выборку вошли 250 компаний, включенных в листинг ММВБ-РТС (публичные АО), и 750 обычных акционерных обществ, чьи ценные бумаги не размещаются на фондовой бирже (непубличные АО). Период исследования равен 4 годам – с 2010 по 2013 г.

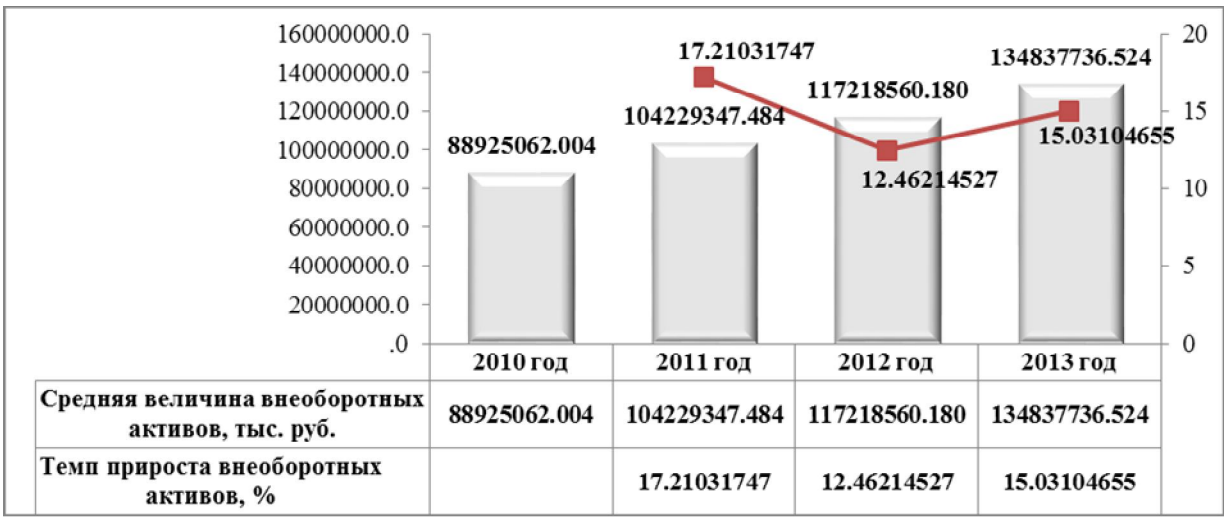
Анализ внеоборотных активов российских акционерных обществ начнем с анализа динамики общей их величины за период исследования (рис. 1).

Средняя величина внеоборотных активов у публичных АО за период исследования увеличилась на 51,6% с 88,9 млрд руб. в 2010 г. до 134,8 млрд руб. в 2013 г. При этом происходит ее увеличение каждый год: в 2011 г. – на 17,2%; в 2012 г. – на 12,5%; в 2013 г. – на 15,0%. Также в результате произведенных расчетов мы выяснили, что у 206 публичных АО из 250 (82,4%) наблюдается рост внеоборотных активов за период исследования.

На рисунке 2 отразим изменение средней величины внеоборотных активов непубличных акционерных обществ в 2010–2013 гг.

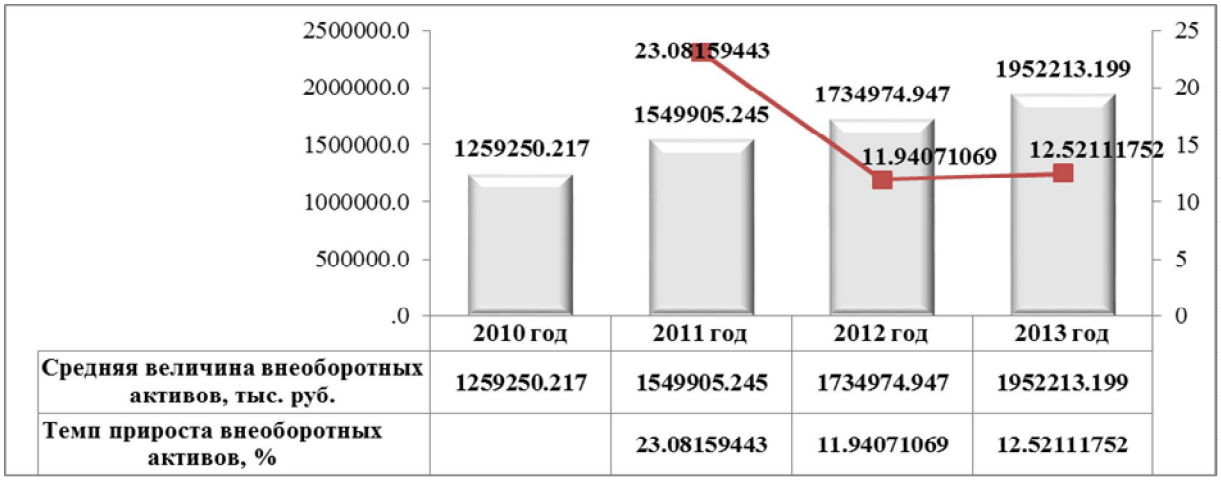
Средняя величина внеоборотных активов у непубличных АО выросла с 1,3 млрд руб. в 2010 г. до почти 2 млрд руб. в 2013 г. Темп прироста за период исследования составил 55,0%. У 64,4% непубличных АО величина внеоборотных активов в 2013 г. превышает соответствующее значение 2010 г., т. е. произошло ее увеличение за анализируемый период.

Также необходимо рассмотреть долю внеоборотных активов в составе активов публичных и непубличных АО (рис. 3).



	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год
Средняя величина внеоборотных активов, тыс. руб.	88925062.004	104229347.484	117218560.180	134837736.524
Темп прироста внеоборотных активов, %		17.21031747	12.46214527	15.03104655

Рис. 1. Анализ динамики внеоборотных активов публичных АО



	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год
Средняя величина внеоборотных активов, тыс. руб.	1259250.217	1549905.245	1734974.947	1952213.199
Темп прироста внеоборотных активов, %		23.08159443	11.94071069	12.52111752

Рис. 2. Анализ динамики внеоборотных активов непубличных АО

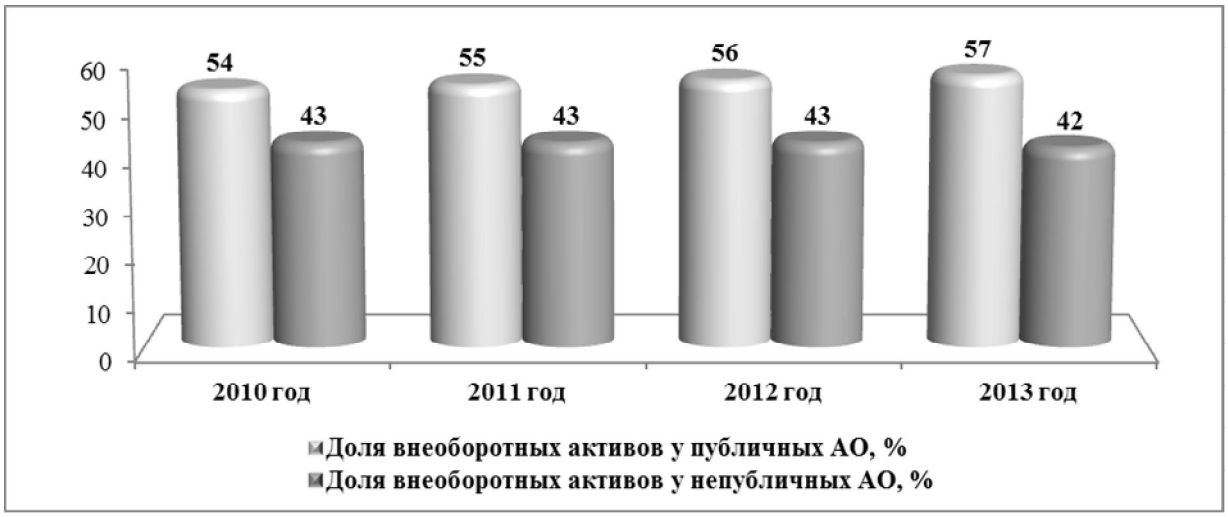


Рис. 3. Удельные веса внеоборотных активов в составе активов публичных и непубличных АО

Данные рисунка 3 свидетельствуют о достаточно сильном различии между удельными весами внеоборотных активов у публичных и непубличных АО. При этом доля внеоборотных активов у публичных АО за период исследования растет с 54% до 57%, а доля внеоборотных активов непубличных АО сокращается с 43% до 42%. Таким образом, в составе активов публичных АО в основном преобладают внеоборотные активы, а в составе активов непубличных АО – оборотные активы.

Далее проведем анализ состава внеоборотных активов публичных и непубличных АО. Состав статей первого раздела баланса по РСБУ достаточно постоянен, т. к. большинство российских предприятий применяют типовую форму составления баланса, предложенную Министерством финансов РФ.

По бухгалтерскому балансу в составе внеоборотных активов коммерческих организаций выделяют следующие строки [2; 3]:

1. Нематериальные активы (строка 1110).
2. Результаты исследований и разработок (строка 1120).
3. Нематериальные поисковые активы (строка 1130).
4. Материальные поисковые активы (строка 1140).
5. Основные средства (строка 1150).
6. Доходные вложения в материальные ценности (строка 1160).

7. Финансовые вложения (строка 1170).

8. Отложенные налоговые активы (строка 1180).

9. Прочие внеоборотные активы (строка 1190).

Проведем анализ наличия, динамики и удельного веса каждого из перечисленных элементов внеоборотных активов по данным бухгалтерских отчетностей 1000 российских АО, включенных в нашу информационную базу.

Не все российские акционерные общества имеют в составе внеоборотных активов нематериальные активы, это не является обязательным элементом функционирования российских организаций, в особенности непубличных АО.

Среди непубличных АО только треть организаций имеют в балансе нематериальные активы. Доля таких организаций увеличивается за период исследования, но очень медленно – с 30,4% в 2010 г. до 32,3% в 2013 г. В составе публичных АО удельный вес организаций, имеющих нематериальные активы в составе баланса, гораздо более высокий – более 70%. Также стоит отметить, что доля таких акционерных обществ увеличивается с 71,6% в 2010 г. до 76,8% в 2013 г.

Несмотря на то, что определенная величина нематериальных активов может присутствовать в составе внеоборотных активов организации, их значение, как правило, является небольшим. Для подтверждения этого проведем анализ средних значений и удельных весов нематериальных активов [4].

На рисунке 4 представим динамику средней величины нематериальных активов публичных и непубличных АО.

Средняя величина нематериальных активов у публичных АО за период исследования увеличилась с 155,8 млн руб. в 2010 г. до 765,1 млн руб. в 2013 г., т. е. почти в 5 раз (среднее значение нематериальных активов рассчитывалось среди тех АО, у которых они имелись в соответствующие годы). При этом стоит отметить существенное замедление темпов роста средней величины нематериальных активов: в 2011 г. темп прироста составил 116,3%, в 2012 г. – 74,0%, а в 2013 г. – 30,5%.

Наибольшие значения нематериальных активов среди публичных АО имеют в 2013 г. ОАО «Уралкалий» (35 млрд руб.), ОАО «GTL» (24 млрд руб.), ОАО «НК Роснефть» (9,5 млрд руб.), ОАО «РЖД» (9,5 млрд руб.).

а)

б)

Рис. 4. Анализ динамики нематериальных активов публичных (а) и непубличных (б) акционерных обществ

Средняя величина нематериальных активов у непубличных АО за период исследования увеличилась с 7,2 до 11,4 млн руб. (причем в 2011 г. наблюдалось сокращение средней величины). Таким образом, средняя величина нематериальных активов выросла только на 58,7% за 2010–2013 г., а у публичных АО они увеличились почти в 5 раз.

Несмотря на рост числа предприятий, имеющих нематериальные активы, а также среднего их значения, удельный вес нематериальных активов остается на очень низком уровне (рис. 5).

Удельный вес нематериальных активов в составе внеоборотных активов публичных АО за период исследования вырос с 1,2% до 2,0%, а у непубличных АО – с 1,1% до 1,5%. Удельный вес нематериальных активов в составе активов еще меньше, для публичных АО он увеличился с 0,6% до 1,4% за 2010–2013 гг., а для непубличных АО он сохраняется на уровне 0,3% на протяжении всего анализируемого периода.

У некоторых акционерных обществ доля нематериальных активов в составе внеоборотных активов может превышать 60%, а иногда и 90%. Это относится только к отдельным управляющим компаниям. Например, удельный вес нематериальных активов у ОАО «GTL» в 2011–2013 гг. и у ОАО «Главная дорога» в 2013 г. превышает 90%. Управляющими компаниями мы назовем такие организации среди публичных АО, которые представляют бухгалтерскую отчетность, составленную по РСБУ, только для головной организации, которая является, по сути, «финансовой надстройкой». Основными видами деятельности таких компаний являются: прочее финансовое посредничество, деятельность холдинг-компаний в области финансового посредничества, консультирование по вопросам коммерческой деятельности, консультационные услуги, капиталовложения в ценные бумаги, деятельность в области бухгалтерского учета и аудита, консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управления, оказание услуг в области управления, финансовое посредничество и т. д. Примерами таких компаний являются: ОАО «Абрау-Дюрсо», ОАО «Вертолеты России», ОАО ГК «Русское море», ОАО «Компания М.видео», ОАО «РОСНАНО», ОАО «Россети» и др. Таких управляющих компаний в нашей выборке публичных акционерных обществ 40 организаций. Данные управляющие компании имеют особую специфику по формированию отдельных элементов внеоборотных активов, которую мы отразим в процессе анализа.

а)

б)

Рис. 5. Средний удельный вес нематериальных активов публичных (а) и непубличных (б) акционерных обществ

Перейдем к рассмотрению следующей статьи внеоборотных активов – «Результаты исследований и разработок». Данная строка была введена в бухгалтерский баланс с 2011 г. Только около трети публичных АО имеют в составе внеоборотных активов результаты исследований и разработок. За период исследования удельный вес таких организаций несколько вырос с 28,4% до 33,2%.

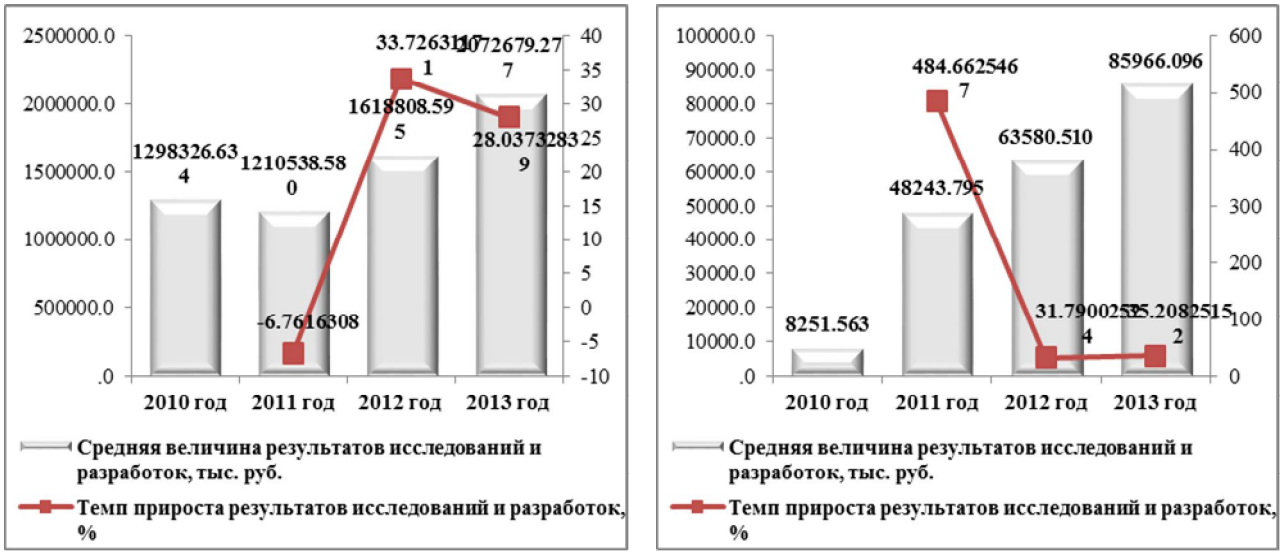
Среди непубличных АО данная строка внеоборотных активов встречается достаточно редко – только чуть более 5% из них имеют в бухгалтерском балансе результаты исследований и разработок. За период исследования удельный вес таких организаций вырос с 4,3% до 6,9%.

На рисунке 6 представим динамику средней величины результатов исследований и разработок по публичным и непубличным АО в 2010–2013 гг.

Средняя величина результатов исследований и разработок (среди компаний, имеющих данную строку в балансе) у публичных АО в 2010 г. составила 1,3 млрд руб., а к 2013 г. увеличилась до 2,1 млрд руб. Совокупный темп прироста составил 59,6% (в 2012 и 2013 гг. наблюдалось существенное увеличение, а в 2011 г. – небольшое сокращение).

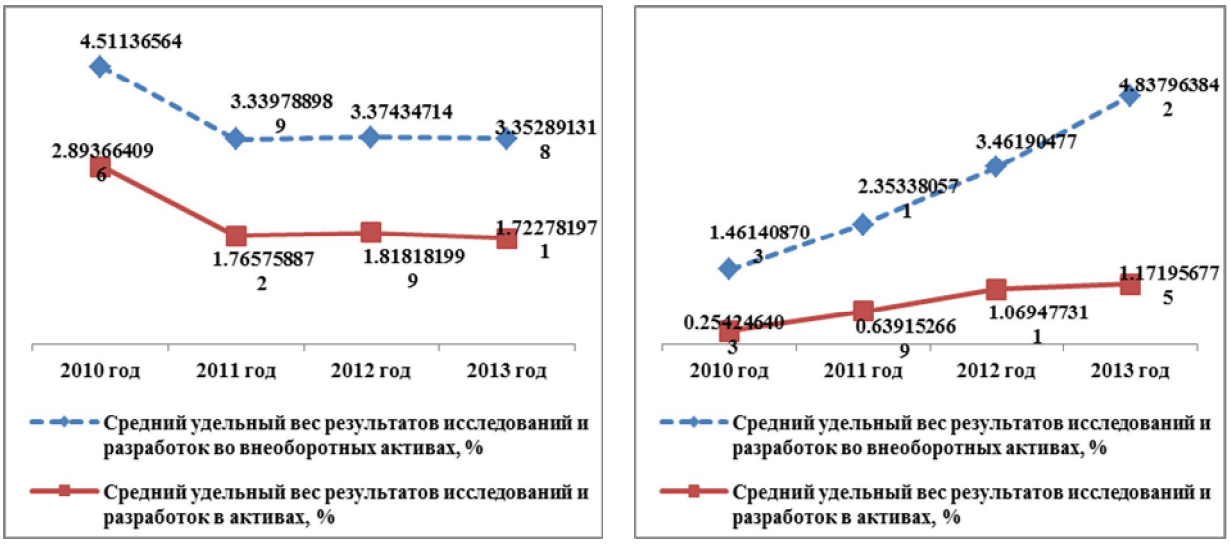
Средняя величина результатов исследований и разработок у непубличных АО очень сильно увеличилась за период исследования с 8,2 до 86 млн руб., т. е. более чем в 10 раз. Суммы, конечно, намного меньше, чем у публичных АО, но значительный рост является положительной тенденцией. Также стоит отметить, что средние величины результатов исследований и разработок значительно превышают средние величины нематериальных активов как у публичных, так и у непубличных АО, что, в свою очередь, сказывается на более высоких значениях удельных весов результатов исследований и разработок (рис. 7).

Средний удельный вес результатов исследований и разработок в составе внеоборотных активов имеет небольшие значения. У публичных АО он сокращается с 4,5% до 3,4%, а у непубличных – значительно увеличивается с 1,5% до 4,8%. Средний удельный вес результатов исследований и разработок в активах еще меньше. Для публичных АО он сократился с 2,9% до 1,7%, а для непубличных вырос с 0,3% до 1,2%.



а) б)

Рис. 6. Анализ динамики результатов исследований и разработок публичных (а) и непубличных (б) акционерных обществ



а) б)

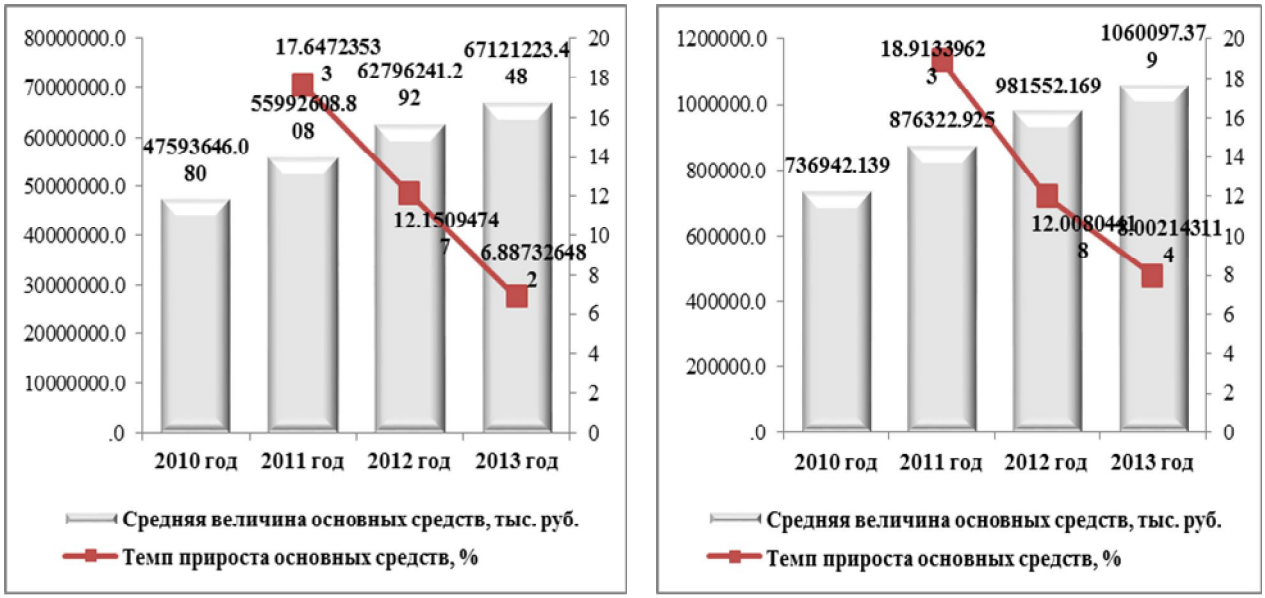
Рис. 7. Средний удельный вес результатов исследований и разработок публичных (а) и непубличных (б) акционерных обществ

Следующие две статьи внеоборотных активов «Нематериальные поисковые активы» и «Материальные поисковые активы» введены в бухгалтерскую отчетность по РСБУ с 2012 г. По данным строкам отражаются затраты на поиск, оценку месторождений полезных ископаемых и разведку полезных ископаемых на определенном участке недр [3]. Вообще, не совсем понятно, зачем было включать данные строки в общую для всех форму бухгалтерского баланса, если такие затраты могут наблюдаться только у очень ограниченного числа организаций, осуществляющих добычу полезных ископаемых (ОАО «АК АЛРОСА», ОАО «АНК Башнефть», ОАО «Газпром», ОАО «НК Роснефть» и др.).

Менее 7% публичных АО имеют в составе внеоборотных активов нематериальные поисковые активы и менее 3% – материальные поисковые активы. В то же время менее чем у 1% непубличных АО в бухгалтерском балансе отражены нематериальные поисковые активы и материальные поисковые активы.

Следующая строка внеоборотных активов – основные средства – является неотъемлемым элементом активов практически каждого акционерного общества. Так, среди непубличных акционерных обществ 99% компаний имеют основные средства в составе баланса. Среди публичных АО этот процент несколько ниже – 97–98%. Но такая ситуация наблюдается за счет управляющих компаний, т. к. среди остальных публичных АО абсолютно все из них имеют основные средства. У управляющих компаний основные средства могут отсутствовать или иметь очень невысокие значения.

На рисунке 8 представим динамику средней величины основных средств по публичным и непубличным акционерным обществам в 2010–2013 гг. Средняя величина основных средств публичных АО увеличилась за 2010–2013 гг. с 47,6 до 67,1 млрд руб., темп прироста составил 41,0%. Средняя величина основных средств непубличных АО выросла с 736,9 млн руб. в 2010 г. до 1060,1 млн руб. в 2013 г., темп прироста равен 43,9%. Таким образом, темпы прироста средней величины основных средств у двух групп акционерных обществ примерно одинаковые. Также одинаковой является тенденция замедления темпов прироста основных средств.



а) б)

Рис. 8. Анализ динамики основных средств публичных (а) и непубличных (б) акционерных обществ

Рост основных средств, как правило, оценивается положительно, что говорит о развитии предприятия, о наращивании производственных мощностей, об обновлении основных производственных фондов и т. д. При этом только у 37,2% публичных АО и 21,7% непубличных АО наблюдался рост основных средств на протяжении 2011, 2012 и 2013 гг. В то же время у 15,2% публичных АО и 21,3% непубличных АО происходило сокращение величины основных средств на протяжении каждого года периода исследования. Причем у 75% публичных АО величина основных средств в 2013 г. превышает значение 2010 г., т. е. за период исследования произошел рост ее величины. Среди непубличных АО таких организаций меньше 59,9%.

Далее рассмотрим долю основных средств во внеоборотных активах и в совокупных активах акционерных обществ (рис. 9).

Здесь сразу можно выделить отличительную особенность между публичными и непубличными АО. Удельный вес основных средств во внеоборотных активах у непубличных АО составляет более 80%, а у публичных АО – чуть более 50%. Удельные веса основных средств в активах у публичных и непубличных АО имеют не такую существенную разницу. Доля основных средств в активах у непубличных АО составляет 34–36% за анализируемый период, а у публичных АО – 28%. Такая ситуация обусловлена тем, что в структуре активов публичных АО преобладают внеоборотные активы, а в структуре активов непубличных АО – оборотные активы.

Небольшая величина удельного веса основных средств характерна для управляющих компаний. У 75% управляющих компаний (около 30 из 40) среди публичных АО удельный вес основных средств во внеоборотных активах менее 5%. У некоторых из таких организаций, как было сказано выше, основные средства вообще отсутствуют (от 4 до 8 в зависимости от года).

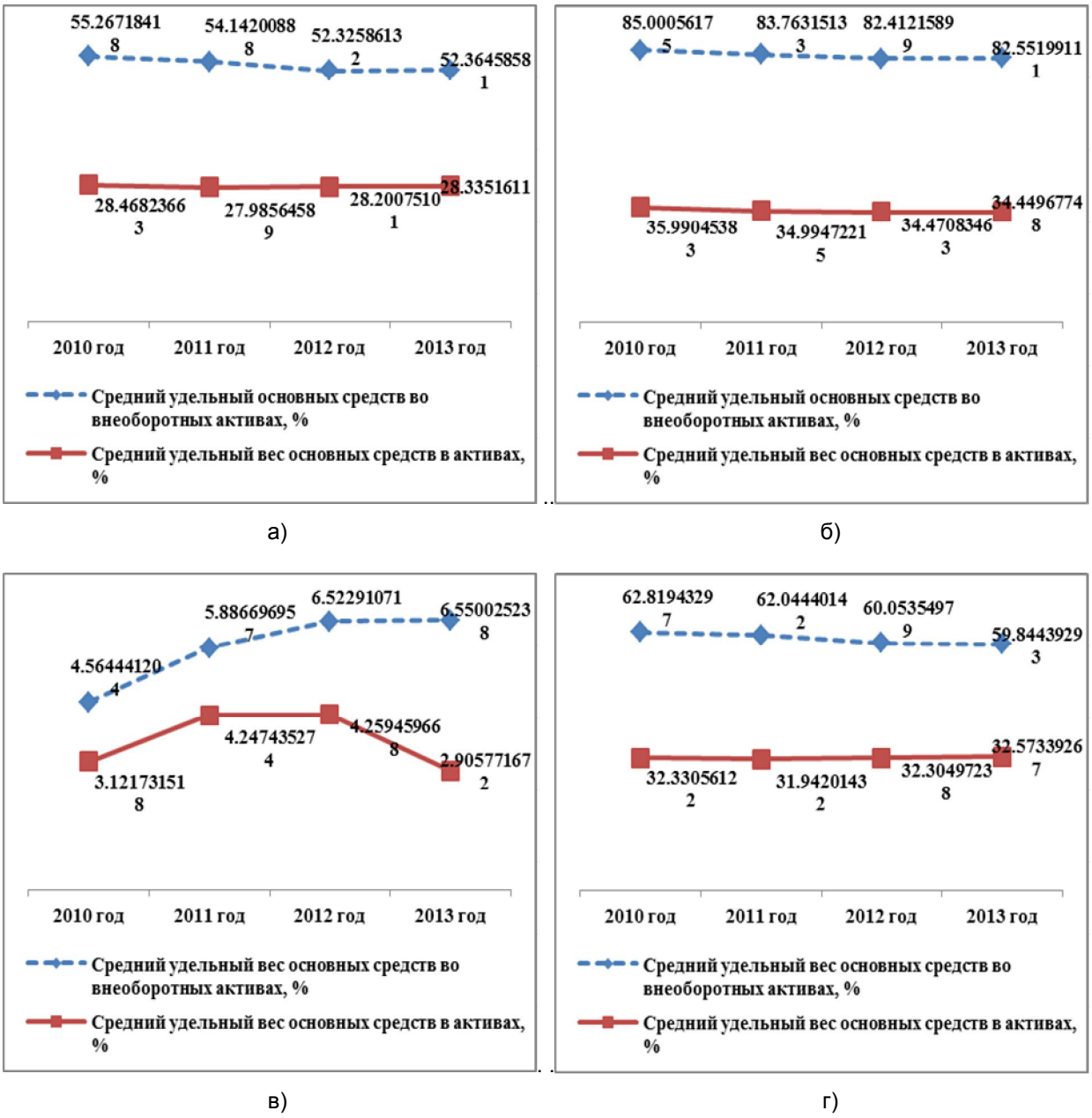


Рис. 9. Средний удельный вес основных средств:
а – публичных АО; б – непубличных АО; в – управляющих компаний;
г – публичных АО без управляющих компаний

Следующей строкой внеоборотных активов являются доходные вложения в материальные ценности. Только около 60 из 250 публичных АО, включенных в нашу выборку, имеют значения по данной строке бухгалтерской отчетности, что составляет около 24%. Среди непубличных АО таких организаций также около 60, но уже из 750, что составляет чуть более 8%.

Данная строка является основным и неотъемлемым элементом внеоборотных активов у лизинговых компаний, а ее удельный вес составляет более 70% в составе активов долгосрочного использования. Также доходные вложения в материальные ценности могут встречаться в других компаниях, осуществляющих различные виды деятельности (производство, сельское хозяйство, добыча и

транспортировка нефти, научные исследования и т. д.). Наибольшие суммы таких вложений наблюдаются у ОАО «РЖД» – почти 172 млрд руб. в 2013 г. что составляет почти 4% в составе внеоборотных активов.

В следующей строке внеоборотных активов «Финансовые вложения» отражается информация о финансовых вложениях организации, срок обращения (погашения) которых превышает 12 месяцев после отчетной даты.

Для публичных АО долгосрочные финансовые вложения являются практически неотъемлемым элементом бухгалтерского баланса – 85–86% из них в составе внеоборотных активов имеют данную статью. Среди непубличных АО организаций, осуществляющих долгосрочные финансовые вложения, намного меньше – 48–49%. Также стоит отметить, что у большинства тех акционерных обществ, которые имеют долгосрочные финансовые вложения, они представлены во всех четырех периодах исследования.

На рисунке 10 представим динамику средней величины долгосрочных финансовых вложений.

Средняя величина долгосрочных финансовых вложений за период исследования выросла у публичных АО с 36,3 до 58,7 млрд руб., или на 62%. Положительные темпы прироста данной статьи баланса сохранялись каждый год. Средняя величина долгосрочных финансовых вложений у непубличных АО выросла более высокими темпами – на 76,3%, с 435,0 до 766,8 млн руб.

Суммы долгосрочных финансовых вложений значительно различаются и могут составлять от нескольких тысяч до нескольких триллионов рублей. Так, например, сумма долгосрочных финансовых вложений у ОАО «Газпром» и ОАО «НК Роснефть» в 2013 г. превышают 2 трлн рублей.

На рисунке 11 представим значения средних удельных весов долгосрочных финансовых вложений во внеоборотных активах и совокупной величине активов.

а)

б)

Рис. 10. Анализ динамики долгосрочных финансовых вложений публичных (а) и непубличных (б) акционерных обществ

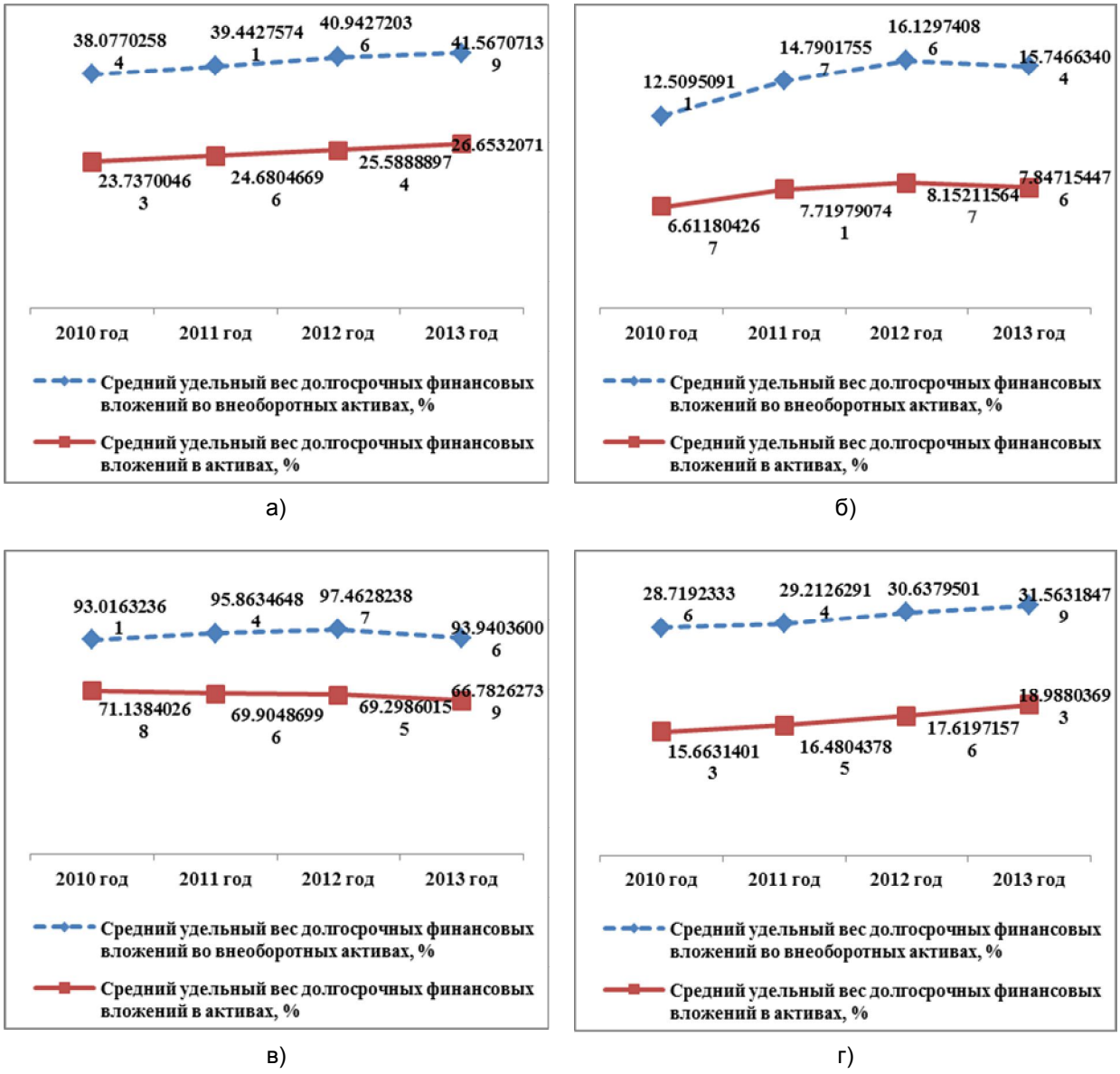


Рис. 11. Средний удельный вес долгосрочных финансовых вложений: а – публичных АО; б – непубличных АО; в – управляющих компаний; г – публичных АО без управляющих компаний

Доля долгосрочных финансовых вложений в составе внеоборотных активов может превышать 90%, а иногда и достигать 100%. Такая ситуация характерна для управляющих компаний. Также очень большой удельный вес долгосрочных финансовых вложений (более 90%) могут иметь акционерные общества, осуществляющие следующие виды деятельности: деятельность агентов по оптовой торговле топливом, оптовая торговля прочим жидким и газообразным топливом, научные исследования и разработки в области естественных и технических наук, оптовая торговля химическими добавками и бетонами, торговля, оптовая торговля фармацевтическими и медицинскими товарами [6]. Однако таких компаний немного. При этом у 49 публичных АО удельный вес долгосрочных финансовых вложений превышает 90%, 32 из них являются управляющими компаниями. Из 40 управляющих компаний 34 имеют долгосрочные финансовые вложения и у 32 из них их удельный вес превышает 90% во внеоборотных активах.

По данным рисунка 11 видно, что в целом средний удельный вес долгосрочных финансовых вложений у публичных АО за период исследования вырос с 38,1% в 2010 г. до 41,6% в 2013 г. Если не учитывать управляющие компании, то средней удельный вес по оставшимся публичным АО будет на 10% меньше. Средний удельный вес у управляющих компаний превышает 93%.

Удельный вес долгосрочных финансовых вложений во внеоборотных активах непубличных АО гораздо меньше и составляет 15,7% в 2013 г. (12,5% в 2010 г.).

Ситуация с удельным весом долгосрочных финансовых вложений в активах примерно такая же, как и во внеоборотных активах, только значения меньше. Так, средний удельный вес среди всех публичных АО за период исследования вырос с 23,7% до 26,7%, а без учета управляющих компаний – с 15,7% до 19,0%. Средний удельный вес в активах управляющих компаний несколько сокращается с 71,1% в 2010 г. до 66,8% в 2013 г.

Средний удельный вес долгосрочных финансовых вложений в активах непубличных АО вырос с 6,6% в 2010 г. до 7,8% в 2013 г.

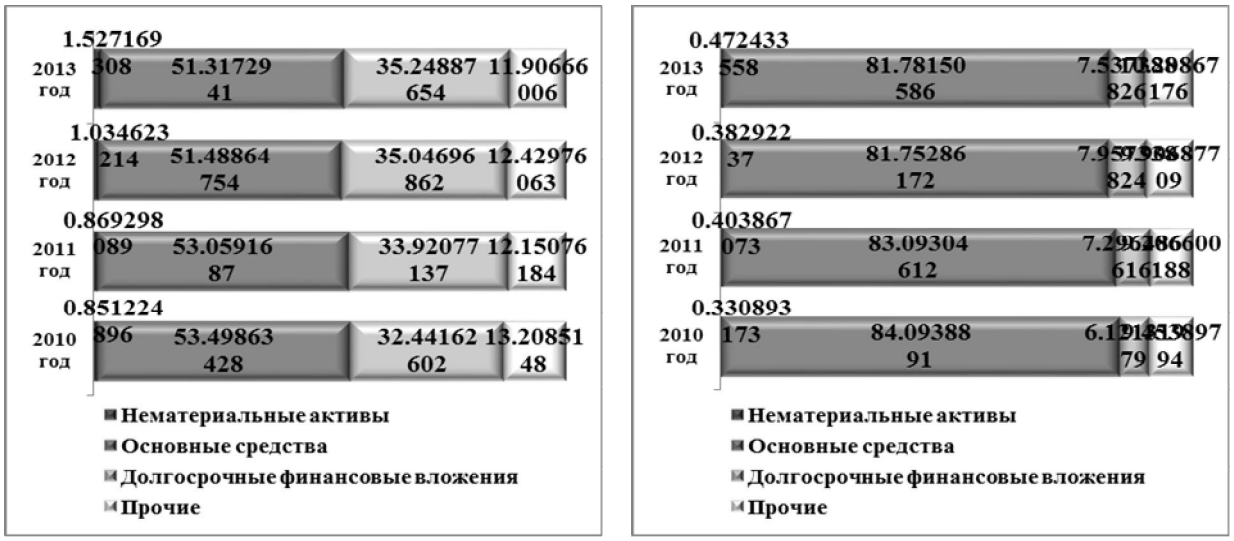
Предпоследней строкой внеоборотных активов являются отложенные налоговые активы. Среди публичных АО значительная часть компаний имеет отложенные налоговые активы в составе внеоборотных активов – более 82%. В бухгалтерских балансах непубличных АО данная строка присутствует реже – у 58% организаций в 2013 г.

Несмотря на то, что отложенные налоговые активы являются достаточно распространенным элементом бухгалтерского баланса, их суммы являются незначительными, что соответственно выражается небольшими удельными весами в составе внеоборотных активов и совокупных активов. При этом средняя доля отложенных налоговых активов в составе внеоборотных активов у непубличных АО несколько выше (около 5,1% в 2013 г.), чем у публичных АО (4,6% в 2013 г.). Такая же разница сохраняется в значениях среднего удельного веса отложенных налоговых активов в совокупной величине активов (итоге баланса): у непубличных АО – 1,8%, у публичных АО – 1,3%.

Заключительным элементом первого раздела бухгалтерского баланса являются прочие внеоборотные активы. Они присутствуют в составе внеоборотных активов у 80% публичных АО и у 46% непубличных АО. Средний удельный вес прочих внеоборотных активов у непубличных АО сохраняется на уровне 11% на протяжении всего периода исследования. Эта же величина у публичных АО несколько меньше и за 2010–2013 гг. происходит ее сокращение с 7,7% до 6,1%. Средний удельный вес прочих внеоборотных активов в активах находится на уровне 5,4–5,9% у непубличных АО, а у публичных организаций сокращается с 3,9% в 2010 г. до 3,0% в 2013 г.

Далее перейдем к рассмотрению структуры внеоборотных активов, представим удельные веса каждого из элементов внеоборотных активов в общей их величине. В отличие от предыдущих расчетов удельных весов в данном случае произведем расчеты среди всех акционерных обществ, а не только среди тех, у которых имеются отдельные статьи внеоборотных активов.

На рисунке 12 представим структуру внеоборотных активов у публичных и непубличных АО.



а) б)

Рис. 12. Структура внеоборотных активов публичных (а) и непубличных (б) акционерных обществ

По данным рисунка 12 видно, что структура внеоборотных активов публичных и непубличных АО достаточно сильно отличается. У непубличных АО доля основных средств превышает 80%, доля долгосрочных финансовых вложений находится на уровне всего 6–8%. У публичных АО доля основных средств намного меньше и находится на уровне немногим более 50%. Зато долгосрочные финансовые вложения также являются существенным элементом внеоборотных активов – их доля составляет более 30%.

Доля нематериальных активов несколько больше у публичных АО, но в итоге у обеих групп акционерных обществ является крайне маленькой. Доля прочих элементов внеоборотных активов в совокупности составляет у непубличных АО около 10%, а у публичных АО немного больше – около 12%.

На рисунке 13 отразим структуру внеоборотных активов по отдельным группам публичных АО – управляющих компаний и остальных публичных АО (без управляющих компаний).

а) б)

Рис. 13. Структура внеоборотных активов отдельных групп публичных АО:
а – управляющие компании; б – публичные АО без управляющих компаний

Структура внеоборотных активов у управляющих компаний в составе публичных АО отличается кардинальным образом. Основным элементом первого раздела бухгалтерского баланса являются долгосрочные финансовые вложения, доля которых достигает почти 80%. Доля основных средств составляет всего около 6%. Также стоит отметить значительный рост удельного веса нематериальных активов до 6% в 2013 г.

Структура внеоборотных активов публичных АО без учета управляющих компаний несколько отличается от структуры всех таких организаций. В данном случае больше доля основных средств, меньше доля долгосрочных финансовых вложений и нематериальных активов.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что состав, динамика и структура внеоборотных активов российских акционерных обществ заметно отличаются в зависимости от группы компаний – публичных или непубличных АО. Также отдельно выделяются управляющие компании, отличающиеся составом и структурой внеоборотных активов. В то же время анализ бухгалтерских отчетностей таких компаний является достаточно проблематичным с применением классических методов оценки финансового состояния [7].

Список литературы

1. Гонюкова Е. В., Вертакова Ю. В. Формирование системы индикаторов мониторинга экономического развития // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – № 6 (51), ч. 1. – С. 26–33.

2. Анализ финансовой отчетности / О. В. Ефимова [и др.]. – М.: Издательство «Омега-Л», 2013. – 388с.

3. Григорьева Т. И. Финансовый анализ для менеджеров: оценка, прогноз. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт: ИД Юрайт, 2013. – 462 с.

4. Греченюк А. В. Современные аспекты анализа бухгалтерского баланса предприятия // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №13. – С. 129–132.

5. Ефимова О. В. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений. – 5-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2014. – 348 с.

6. Селезнева Н. Н., Ионова А. Ф. Анализ финансовой отчетности организации. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 583 с.

7. Греченюк А. В., Греченюк О. Н. Практические аспекты и особенности анализа отчета о финансовых результатах организации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 3. – С. 61–66.

Получено 28.05.15

A. V. Grechenyuk, Candidate of Economic Sciences, Kursk Academy of State and Municipal Service (e-mail: grant25@yandex.ru)

O. N. Grechenyuk, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: og1016s@yandex.ru)

THE ANALYSIS OF MODERN CONDITION OF NONCURRENT ASSETS OF RUSSIAN JOINT STOCK COMPANIES

Article is devoted to presenting the results of the analysis of modern condition of non-current assets of Russian companies on the basis of the annual financial statements of 1000 joint stock companies for 2010-2013 years. The results of the analysis allow to determine trends in the value of all non-current assets as well as their separate elements for public and non-public joint stock companies. Separately identified particularly of the composition and structure of the first section of the balance sheet for individual groups Russian companies.

***Key words**: financial statements, balance sheet, non-current assets, joint stock companies.*

УДК 338

Т. В. Домхокова, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: zazdykina46@yandex.ru)

Л. И. Шумакова, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: swsu_buaia@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ КОНТРОЛЛИНГА НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рассмотрены основные факторы (исторические, психологические, организационные, методические), препятствующие успешному внедрению контроллинга на российские предприятия пищевой промышленности. Определены этапы внедрения контроллинга. Представлен план по внедрению контроллинга на ЗАО «КОНТИ-РУС».

***Ключевые слова**: контроллинг, внедрение контроллинга, кондитерская отрасль, пищевая промышленность, проблемы внедрения, этапы внедрения, сбалансированная система показателей, стратегическое управление.*

***

Для обеспечения долговременного результативного и эффективного функционирования и развития в условиях воздействия внешней среды предприятиям необходимо иметь определенные преимущества. Такие преимущества дает контроллинг, позволяя в любой момент времени владеть ситуацией по управлению предприятием и своевременно принимать решения. Контроллинг – это управление будущим для обеспечения длительного функционирования предприятия и его структурных единиц. Особенно актуально это в условиях введенных санкций в отношении сегодняшней России и ряда российских и украинских лиц и предприятий, которые, по мнению международных организаций и отдельных государств, причастны к дестабилизации ситуации на Украине.

Контроллинг всегда ориентируется на некоторую специфику предприятия, его структуру, продолжительность и повышенную сложность используемых в системе бизнес-процессов, развитость структуры и эффективность тактического и стратегического управления системой, сильную зависимость от личностных и профессиональных качеств менеджеров [1–4]. Контроллинг как система управления включает стратегический и оперативный аспекты.

Польза от контроллинга очевидна. Так, разделяя точку зрения С. Г. Фалько [5; 6], отметим основную роль контроллинга, который позволяет:

– повысить качество калькуляции и обоснованность ценообразования;

– вести (совершенствовать) учет затрат по местам возникновения;

– объективно оценивать эффективность (результативность) деятельности предприятия и направлений бизнеса;

– измерять и оценивать эффективность работы функциональных подразделений: производство, логистика, маркетинг и т. п.;

– организовать и совершенствовать систему бюджетирования;

– строить систему показателей для измерения эффективности оперативной деятельности предприятия;

– совершенствовать информационную систему с точки зрения ее направленности на поддержку процессов управления;

– совершенствовать организационную структуру предприятия путем выработки предложений по реорганизации существующих бизнес-процессов и соответствующего закрепления функций между подразделениями.

На примере ЗАО «КОНТИ-РУС» рассмотрим особенности внедрения и применения контроллинга на российских предприятиях пищевой промышленности, занимающихся производством кондитерских изделий.

Отметим, что пищевая промышленность – это высококонкурентный бизнес со сложными потребителями, механизм управления которым должен создаваться на принципах рациональности, достаточности, воспроизводимости, прозрачности многовариантности поведения во внешнем окружении, возможности развития. Перед предприятиями кондитерской отрасли стоят такие задачи, как [7; 8]:

– учет характеристик кондитерской продукции в единой информационной системе;

– ведение рецептур полуфабрикатов и готовой продукции, учет процентов содержания сухих веществ, расчет коэффициентов завертки;

– ведение статей затрат производства;

– калькуляция плановой себестоимости полуфабрикатов и готовой продукции;

– анализ плановой и фактической себестоимости, получение отклонений;

– ведение планов производства в разрезе цехов и линий;

– расчет потребностей в сырье и материалах по цехам за выбранный период;

– учет списания сырья и полуфабрикатов, в том числе периодически с распределением соответствующего количества на конкретные производства;

– учет полученных в процессе производства возвратных отходов и брака;

– учет выпуска готовой продукции в разрезе линии, цеха, смены;

– план-факт анализ выпуска готовой продукции;

– учет остатков незавершенного производства (НЗП) в разрезе цеховых кладовых, анализ плановых и фактических данных по НЗП на конец периода;

– контроль качества продукции;

– партионный учет, контроль сроков годности товара, использование методики FEFO (First Expired First Out);

– управление грузопотоками стеллажного склада с учетом специфики хранения кондитерской продукции и с использованием технологии штрихового кодирования;

– управление процессами внутрискладской переработки продукции;

– поддержка схем поставки с индивидуальными требованиями по срокам годности продукции;

– планирование страхового запаса на складах по категориям неснижаемых остатков;

– гибкая работа с товарным резервом, возможность автоматического распределения резерва по заявкам клиентов с учетом приоритетов;

– контроль наполнения заказа по группам кондитерской продукции, квотирование продаж и т. д.

Перечисленные особенности обусловливают необходимость развития контроллинга на предприятиях, занимающихся производством кондитерских изделий. Контроллинг обеспечивает методическую, консультационную, координационную и инструментальную базу для поддержания основных функций менеджмента, в том числе функций планирования, контроля, учета и анализа, а также оценки ситуации для принятия стратегических и оперативных управленческих решений [9, с. 69].

Внедрение и применение контроллинга на российских предприятиях пищевой промышленности сталкивается с различными препятствиями и сопровождается многочисленными ошибками. Большинство из них являются типичными и появляются в различном сочетании.

А. В. Сафаров факторы, препятствующие успешному внедрению контроллинга в компаниях России, подразделяет на четыре группы [10]: исторические, психологические, организационные, методические.

Разделяя точку зрения Ю. Чаплыгина, члена НП «Объединение контроллеров», считаем, что ошибки в выборе целей, непонимание сущности и задач контроллинга также препятствуют успешно-

му внедрению и функционированию контроллинга [11].

Рассмотрим факторы, потенциально препятствующие успешному внедрению контроллинга на ЗАО «КОНТИ-РУС», уставный капитал которого составляет 155 729 тыс. руб. и полностью оплачен. Производственные мощности ЗАО «КОНТИ-РУС» расположены в г. Курске на территории 3 га, которая постановлением Главы Администрации г. Курска № 756 от 18.11.99 г. передана предприятию в бессрочное пользование. Дочерних и зависимых обществ предприятие не имеет. ЗАО «КОНТИ-РУС» вырабатывает около 150 наименований кондитерских изделий: конфеты, карамель, шоколад, крекер, печенье, вафли. Предприятие имеет широкую географию поставок: от Калининградской области до Дальнего Востока и от Мурманска до Дагестана в России, а также страны СНГ, Прибалтика и Монголия.

На ЗАО «КОНТИ-РУС» среди основных ошибок, связанных с непониманием сути контроллинга, можно выделить низкую степень осознания менеджментом предприятия «реальной» модели целеполагания и излишнее внимание к показателю «операционная прибыль» за финансовый год, как к наиболее очевидному «критерию принятия решений».

При принятии управленческого решения на ЗАО «КОНТИ-РУС» используют интуитивный и авторитарный подходы. Практика управления на основе системы показателей эффективности отсутствует. Главная цель деятельности ЗАО «КОНТИ-РУС» – получение прибыли. При этом руководители не учитывают:

– соподчиненные цели (высокий уровень ликвидности, прирост выручки за счет интенсивных факторов и т. п.); например, показатель текущей ликвидности с 2010 г. не превышал единицы, собственные оборотные средства имели отрицательное значение, увеличение выручки происходило за счет экстенсивных факторов (увеличения оборотных активов);

– временной аспект (получение прибыли в краткосрочном либо долгосрочном периоде). Например, предприятие в 2013 г. заметно улучшило ситуацию с прибылью, сократив материальные затраты, в том числе затраты на содержание и ремонт оборудования: по сравнению с 2010 г. прибыль увеличилась на 67%, а материальные затраты сократились на 34%, что означает получение прибыли в текущем периоде и, возможно, значительных убытков в будущем.

Рассматривая исторические аспекты, отметим, что специфические черты, характерные для ЗАО «КОНТИ-РУС», являются источником факторов, негативно влияющих на бизнес-процессы. Основные из них – это: неформализованные бизнес-процессы, непрозрачные схемы принимаемых решений, недостаточное знакомство топ-менеджмента с методическими и технологическими инструментами контроллинга, отсутствие широкой практики анализа финансовых и операционных рисков, неприятие современных форм подачи и анализа информации.

Среди психологических факторов, разделяя точку зрения А. Сафарова, выделим, во-первых, особенности восприятия работ по организации системы контроллинга руководством предприятия, а во-вторых – его подчиненными [10].

Есть вероятность, что руководители ЗАО «КОНТИ-РУС» будут стремиться с минимальными затратами в кратчайшие сроки внедрить контроллинг и получить мгновенный результат от внедрения контроллинга. Однако отметим, что внедрение контроллинга – продолжительный и дорогостоящий процесс: в западных компаниях на это уходит два-три года (к примеру, от полутора до двух с половиной лет в Германии и от двух до трех лет во Франции). Внедрение контроллинга на российские предприятия, в большинстве из которых не отлажены бизнес-процессы, модели менеджмента недавно работают или работают неэффективно, организационные структуры не соответствуют им,

система финансового учета и бизнес предприятий не прозрачны, может занять длительное время [12].

Кроме этого, проделанная работа не даст результат, если персонал предприятия не будет работать в системе надлежащим образом. Серьезно затормозит внедрение загруженность работников своей каждодневной, рутинной работой и негативные настроения среди персонала.

В процессе внедрения могут возникнуть и другие проблемы. Например, боязнь менеджеров потерять свою значимость в мире прозрачной информации, которая до этого момента была доступна только им; нежелание планировать свою деятельность.

Все психологические проблемы восприятия персоналом предприятия системы контроллинга преодолимы: с одной стороны, возможно применение административных мер, с другой стороны, необходимо акцентировать внимание сотрудников не на методологии контроллинга и автоматизации, а, принимая во внимание человеческий фактор, вести разъяснительную работу, целенаправленно смещать акценты от внедряемого технологического инструмента (например, сбалансированной системы показателей) к пониманию философии контроллинга и позиций «самоконтроллинга» сотрудников [11].

Организационные факторы, с одной стороны, могут существенно облегчить внедрение системы контроллинга на ЗАО «КОНТИ-РУС», а с другой – не менее существенно ему помешать. При внедрении контроллинга «снизу вверх» у инициаторов может не хватить организационной и административной «мощности» для реинжиниринга бизнес-процессов, а также достаточных знаний. Кроме этого, существует риск, что контроллинг не будет органично встроен в цикл бизнес-процессов предприятия и останется аналитической системой поддержки принятия отдельных решений на уровне «руководитель – контроллер» и будет дублировать функции других подразделений.

Внедрение системы контроллинга и отдельных ее инструментов предполагает перераспределение старых и появление новых функций в существующих подразделениях. Поэтому есть риск отторжения системы со стороны линейного персонала ЗАО «КОНТИ-РУС». Потребуется оказывать достаточное «квалифицированное давление» на сотрудников, саботирующих создание системы. Также есть риск межличностных конфликтов контроллеров и менеджеров.

По нашему мнению, среди наиболее критичных методологических факторов, негативно влияющих на внедрение контроллинга на ЗАО «КОНТИ-РУС», можно выделить:

– использование в качестве источников информации только данных бухгалтерского учета;

– несбалансированность в объеме аналитической информации, предоставляемой руководству;

– игнорирование необходимого реинжиниринга бизнес-процессов и необходимости создания корпоративных стандартов контроллинга;

– противоречивость методик анализа в подразделениях, риск применения ошибочной методологии и методик;

– насаждение деструктивных мотивационных моделей, жесткого контроля бюджетов и плановых заданий.

Отметим, что на рассматриваемом нами предприятии руководство делает выводы из отчетов и реализует соответствующие мероприятия, для принятия решений пользуется аналитической информацией, осознает, что контроллинг выявит неэффективность работы подразделений и некомпетентность среднего звена управления.

Внедрение контроллинга в организационную структуру пищевых предприятий, в частности на ЗАО «КОНТИ-РУС», предлагаем осуществить в три

этапа: подготовительный этап, этап внедрения контроллинга, этап автоматизации. По нашему мнению, после внедрения потребуется постоянный мониторинг для анализа и оценки функционирования системы контроллинга, оптимизации и защиты информации системы контроллинга, анализа влияния системы контроллинга на эффективность менеджмента предприятия, а также для совершенствования системы контроллинга.

На подготовительном этапе считаем необходимым провести анализ внешней и внутренней среды, описать структуру управления, оценить уровень развития предприятия, после чего принять решение о внедрении контроллинга и регламентировать его организацию.

По нашему мнению, после выполнения подготовительного (предпроектного) этапа внедрения контроллинга следует перейти к внедрению оперативного, а затем – стратегического контроллинга. Данную точку зрения мы разделяем с И. Б. Гусевой.

Рассматривая контроллинг как систему обеспечения выживаемости предприятия на этапах стратегического и оперативного управления, необходимо отметить, что оперативный контроллинг ориентирован на достижение краткосрочных целей. Его основная цель – создание системы управления, способствующей достижению текущих целей и позволяющей оптимизировать соотношение затраты – прибыль [9, с. 70].

Стратегический контроллинг ориентирован на систему стратегического управления. Охватывая подсистемы стратегического планирования и контроля, стратегический контроллинг обеспечивает методической, информационной и инструментальной поддержкой управление. При этом контроллинг, обеспечивая стратегическому управлению цикличность и замкнутый управленческий процесс, является одновременно завершением и началом управленческого цикла [9, с. 69].

Для внедрения оперативного контроллинга в ЗАО «КОНТИ-РУС» потребуется разработать концепцию системного контроллинга, провести реинжиниринг бизнес-процессов предприятия, разработать архитектуру информационных потоков, разработать и утвердить структуру службы контроллинга и инструментарий контроллинга. Значительно облегчат внедрение контроллинга на рассматриваемом предприятии функционирующие центры ответственности и построенная система управления затратами по видам и по местам возникновения. Центры ответственности охватывают все подразделения и определены в зависимости от характера и содержания функций, выполняемых службами и подразделениями. Центры ответственности – структурные подразделения, осуществляющие набор хозяйственных операций, способные оказывать непосредственное воздействие на расходы и (или) доходы от этих операций, и отвечающие за величину этих расходов и (или) доходов.

На ЗАО «КОНТИ-РУС» разработана система центров ответственности, контролирующих текущие расходы и достижение бюджетных результатов – департаменты первого уровня: департамент закупок, департамент маркетинга, департамент продаж, департамент производства, департамент управления. Отдельно выделены финансовые, непроизводственные расходы, а также налоги. Для контроля косвенных затрат по видам и по местам возникновения выделены департаменты второго уровня (Курская кондитерская фабрика (ККФ), Курская кондитерская фабрика 2 (ККФ2), управление производством) и сквозные департаменты – департаменты первого уровня. Такое управление затратами по видам и по местам возникновения, во-первых, усиливает контроль за денежными потоками, производственными показателями, финансовыми результатами предприятия, во-вторых, консолидирует деятельность всех струк-

турных подразделений и направляет ее на достижение целей предприятия, и в-третьих, обеспечивает мотивацию и усиливает ответственность менеджеров среднего звена, передав им ряд управленческих задач (например, участие в планировании и анализе причин отклонений от плана и т. п.).

По нашему мнению, оперативный контроллинг выполняет функцию внутреннего контроля экономичности работы предприятия и его подразделений, рентабельности производства и продаж отдельных товаров и услуг [9, с. 70]. Данную точку зрения мы разделяем с В. Б. Ивашкевичем.

Для внедрения стратегического контроллинга необходимо: провести стратегический анализ и дать прогноз потенциальных возможностей предприятия, проанализировать существующую стратегию развития предприятия, создать систему взаимосвязанных стратегических и оперативных целей предприятия.

Решение задач стратегического управления на ЗАО «КОНТИ-РУС» осуществляется Советом директоров, решение задач оперативного управления – генеральным директором и топ-менеджерами предприятия (заместители генерального директора, начальники производства, отделов и служб предприятия). Стратегическое управление определяет, что необходимо делать предприятию в настоящем, чтобы в будущем достичь желаемых результатов, т. е. для стратегического управления характерен подход «от будущего – к настоящему – к будущему».

Отметим, что область стратегического контроллинга занимает сбалансированная система показателей (ССП), которая представляет собой модель стратегии предприятия. Процесс формирования стратегии заключается в обеспечении причинно-след-ственной связи между стратегическими, тактическими и оперативными целями предприятия. На верхнем уровне находятся цели и показатели ССП, определяющие стратегические приоритеты предприятия. Они измеряются и анализируются на основе данных, поступающих из подсистемы оперативного контроллинга, которая охватывает широкий спектр показателей – от финансовых индикаторов до корпоративных ценностей. Целевые значения показателей оперативного контроллинга устанавливаются исходя из целевых значений показателей стратегического уровня [13; 14].

Отметим, что использование в ЗАО «КОНТИ-РУС» ССП позволит менеджменту предприятия усилить управленческие функции через согласование интересов четырех групп: собственников, потребителей, партнеров, кредиторов.

Перед ЗАО «КОНТИ-РУС» стоят стратегические цели в области финансов, маркетинга, организации управления и персонала, а также в сфере технологий и использования производственных ресурсов. Для определения перспектив, целей и показателей предприятия, а также причинно-следственных связей между ними разрабатываются стратегические карты. Обозначенные в стратегической карте причинно-следственные связи показывают, как нематериальные активы (квалифицированный персонал, базы данных клиентов и др.) преобразуются в материальные результаты (привлечение новых клиентов, за которыми последует рост доходов от производства и реализации новых товаров, и в итоге приведет к повышению прибыльности и увеличению стоимости предприятия) [15, с. 129].

Обработка детализированной информации трудоемка и требует автоматизирования, главная цель которого – повышение эффективности работы подразделений предприятия.

В настоящее время информационная система ЗАО «КОНТИ-РУС» (укрупненно) включает три основных подсистемы:

1) технические средства, обеспечивающие работу сетевого оборудования, серверов, коммуникационного оборудования, персональных компьютеров и периферийных устройств;

2) ИТ-службу, специалисты которой поддерживают работу ИС и участвуют в работах по ее совершенствованию;

3) программное обеспечение, используемое для решения задач управления предприятием.

Стандартные программы, используемые на ЗАО «КОНТИ-РУС»: программы «Акцент» и «1С: Бухгалтерия» для бухгалтерского учета и отчетности, системы правовой документации «Консультант+» и «Гарант», система электронного документооборота, SAP.R/3 – управление складами. Программ для решения задач финансового и управленческого учета на всем предприятии, для оперативного контроля выполнения принимаемых на предприятии управленческих решений, для оперативного планирования, учета, контроля, для среднесрочного планирования потребности в сырье и материалах нет. По нашему мнению, информационная система должна обеспечивать достоверность управленческой информации, высокое качество и своевременность принимаемых на предприятии управленческих решений, что не обеспечивает имеющееся в настоящее время на предприятии ПО.

По нашему мнению, современные информационные технологии позволяют изменить бизнес-процессы и значительно улучшить основные показатели деятельности предприятия. М. Хаммер и Дж. Чампи приводят примеры того, как новые информационные технологии меняют старые правила работы предприятия (табл.) [16, с. 495].

Новые информационные технологии, изменяющие правила работы предприятий

Прежнее правило	Технология	Новое правило
Информация может появляться в одно время в одном месте	Распределенные базы данных	Информация может появляться одновременно в разных местах тогда, когда она необходима
Сложную работу могут выполнять только эксперты	Экспертные системы	Работу эксперта может выполнять специалист по общим вопросам
Необходимо выбирать между централизацией и децентрализацией	Телекоммуникационные сети	Можно одновременно получать преимущества от централизации и децентрализации
Все решения принимают менеджеры	Средства поддержки принятия решений, доступ к БД, средства моделирования	Принятие решения становится частью работы каждого сотрудника
План пересматривается периодически	Высокопроизводительные ЭВМ	План пересматривается оперативно, по мере необходимости

С учетом вышеизложенного представим план по внедрению контроллинга на ЗАО «КОНТИ-РУС».

1. Подготовительный этап.

1.1. Анализ внешней и внутренней среды.

1.2. Анализ структуры управления.

1.3. Оценка уровня развития предприятия.

1.4. Принятие решения об организации системы контроллинга.

1.5. Регламентация организации системы контроллинга.

2. Этап внедрения.

Предпроектный этап.

2.1. Определение целей и задач предприятия, структурных подразделений, формализация целей предприятия и

построение «дерева целей» для каждого подразделения.

2.2. Пересмотр единой системы бюджетирования, единой системы планирования, учета и отчетности.

2.2.1. Пересмотр планирования (бюджетирования) на базе внедренных учетных форм.

Внедрение оперативного контроллинга.

2.3. Разработка концепции системного контроллинга.

2.3.1. Кадровое обеспечение системы контроллинга.

2.3.2. Техническое обеспечение системы контроллинга.

2.3.3. Уточнение целей, задач и функций системы контроллинга.

2.4. Реинжиниринг бизнес-процессов предприятия.

2.5. Разработка архитектуры информационных потоков.

2.6. Разработка и утверждение структуры службы контроллинга.

2.7. Разработка и утверждение инструментария контроллинга.

Внедрение стратегического контроллинга.

2.9. Стратегический анализ и прогноз потенциальных возможностей предприятия.

2.10. Анализ существующей стратегии развития предприятия.

2.11. Создание системы взаимосвязанных стратегических и оперативных целей предприятия.

3. Этап автоматизации функций системы контроллинга.

4. Мониторинг системы контроллинга.

4.1. Анализ и оценка функционирования системы контроллинга

4.2. Оптимизация и защита информации системы контроллинга.

4.3. Анализ влияния системы контроллинга на эффективность менеджмента предприятия.

4.4. Совершенствование системы контроллинга на предприятии.

Таким образом, контроллинг – сложная система, которая нацеливает систему управления промышленным предприятием на достижение поставленных целей. Внедрение контроллинга на российские предприятия, в частности на предприятия пищевой промышленности, сталкивается с различными препятствиями (историческими, психологическими, организационными, методическими), преодолев которые у предприятий появляется возможность обеспечить эффективность деятельности, конкурентоспособность и непрерывный рост.

Список литературы

1. Бессонова Е. А., Домхокова Т. В. Инновационное управление деятельностью предприятий обрабатывающих производств на основе внедрения контроллинга // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2014. – № 2. – С. 18–21.

2. Бессонова Е. А., Позднякова О. Н. Оценка и анализ основных показателей деловой активности в системе управления эффективностью деятельности промышленного предприятия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 4. – С. 98–105.

3. Мельник Е. С. Особенности внедрения контроллинга на предприятии. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.moluch.ru/conf/econ/archive/57/3160/ (дата обращения: 20.05.14)

4. Нечухина Н. С., Полозова Н. А. Контроллинг как инструмент эффективного управления в строительных холдингах // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – № 20 (218). – С. 17–23.

5. Фалько С. Г. Котроллинг в России: современное состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsfs.cz/prilohy/konference/controlling2014_falko.pdf (дата обращения: 16.05.2015).

6. Чаплыгин Ю. Риски при внедрении контроллинга [Электронный ресурс] // Управляем предприятием. – 2012. – № 05 (16). – URL: http://consulting.1c.ru/ejournalPdfs/chaplugin.pdf (дата обращения 07.05.2015).

7. Рудакова О. В., Соболева Ю. П., Новаченко Ю. Ф. Экономическая характеристика пищевой промышленности России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – №3. – С. 54–61.

8. Сироткина Н. В. Концепция индикативного управления предприятиями пищевой промышленности // Российское предпринимательство. – 2008. – № 6-1. – С. 118–122.

9. Орлова С. А. Оценка стратегии развития организации на основе сбалансированной системы показателей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент – 2012. – №2. – С. 105–113.

10. Орлова С. А., Домхокова Т. В. Роль стратегического и оперативного контроллинга в повышении эффективности управления предприятием // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – №2. – С. 66–77.

11. Сафаров А. В. Практика российского контроллинга: что препятствует успеху? // Консультант. – 2007. – № 23. – С. 88–93.

12. Концептуальные основы управления / под ред. Ю. В. Вертаковой, Е. В. Харченко; Курск. гос. техн. ун-т. – Курск, 2008. – 700 с.

13. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Российская промышленность: текущее состояние и перспективы развития // Экономика и управление. – 2014. – № 5 (103). – С. 39–44.

14. Положенцева Ю. С., Фоменко В. В., Литвинова О. В. Обоснование стратегических ориентиров развития промышленности региона // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 2 (53). – С. 60–70.

15. Полищук О. А. Концептуальная модель повышения эффективности стратегического управления промышленными предприятиями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – №1. – С. 95–100.

16. Внутренний контроль и аналитическое обеспечение процесса управления: монография / В. В. Алексеева, Е. А. Бессонова, Н. А. Грачева [и др.]; под общ. ред. Е. А. Бессоновой. – Курск; Орел: АПЛИТ, 2012. – 220 с.

Получено 29.07.15

T. V. Domhokova, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: zazdykina46@yandex.ru)

L. I. Shumakova, Senior Lecturer, Southwest State University (Kursk) (e-mail: swsu_buaia@mail.ru)

PROBLEMS OF INTRODUCTION AND CONTROLLING APPLICATION AT THE RUSSIAN ENTERPRISES OF THE FOOD-PROCESSING INDUSTRY

Main factors (historical, psychological, organizational, methodical), interfering successful introduction of controlling on the Russian enterprises of the food-processing industry are considered. Stages of introduction of controlling are defined. The plan on controlling introduction on CJSC «KONTI-RUS» is presented.

***Key words**: controlling, controlling introduction, confectionery industry, the food-processing industry, introduction problems, the introduction stages, balanced scorecard, strategic management.*

ФИНАНСОВАЯ, НАЛОГОВАЯ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 336.7

И. Н. Третьякова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: iren_sin@list.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И РОЛЬ КРЕДИТОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ

В статье проведен всесторонний анализ развития кредитования населения как одного из приоритетных бизнес-направлений коммерческого банка. С учетом сложившихся тенденций развития розничного кредитования в рамках исследования выявлена его роль в экономике страны.

***Ключевые слова**: кредит, кредитные отношения, кредитный портфель, ритейловый бизнес, кредитование населения.*

***

Кредитование населения, в силу целого ряда причин, занимает особое место в общей системе кредитных отношений и играет немаловажную роль в современной рыночной экономике, причем характер данного влияния может быть как положительным, так и отрицательным. С одной стороны, развитие розничного кредитования является фактором, способствующим оживлению экономики, с другой – негативные явления в экономике во многом связаны с ростом просроченной задолженности. Наиболее ярким примером отрицательного влияния розничного кредитования на экономику был спад ипотечного рынка в США, который спровоцировал мировой финансовый кризис 2008 г.

В России кредитование населения является динамично развивающимся сегментом банковского бизнеса. Его можно рассматривать как важную составную часть целостной системы кредитных отношений. Основная цель данного кредита – способность более полного удовлетворения потребительских нужд населения посредством приобретения товаров и услуг в рассрочку. При этом важно отметить, что данная категория рассматривается многими авторами не однозначно, в связи с чем требует непосредственного уточнения.

В работах отечественных экономистов, как и в деятельности российских коммерческих банков, нередко можно встретить определения «кредит для физических лиц» или «кредитование физических лиц» и термины «потребительский кредит», «личный кредит», «розничный кредит». Одна группа авторов ставит между этими определениями знак равенства, другие разграничивают по определенным признакам. Обобщив существующие подходы, в рамках работы будем придерживаться мнения, что кредиты, предоставляемые населению, имеют свойства потребительского кредита и направлены на удовлетворение потребительских нужд физических лиц в приобретении товаров и услуг, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Такой кредит берут не только для покупки товаров длительного пользования (квартиры, автомобили и пр.), но и для прочих покупок (мобильные телефоны, бытовая техника, продукты питания и пр.). Он выступает или в форме продажи товаров с отсрочкой платежа, или в форме предоставления банковской ссуды на потребительские цели, в том числе и через кредитные карты.

Следует отметить, что проблема устойчивого развития кредитования населения в настоящее время по степени актуальности занимает центральное место, поскольку тесно связана с достижением положительных изменений, обеспечивающих сбалансированность экономи-

ческого и социального аспектов жизни населения. Активное распространение розничного кредитования вызвано в первую очередь тем, что эта форма кредита способствует расширению емкости рынка по целому спектру потребительских товаров и услуг, содействует выполнению требований приоритетных национальных проектов, способствует выравниванию доходов отдельных групп населения с различным уровнем потребления. Российский рынок кредитования населения вступил в 2013 г. с неоднозначными перспективами, что сказалось на объеме выданных розничных кредитов в 2014 году (рис. 1).

В 2014 г., относительно данных 2013 г., произошло сокращение объемов выданных кредитов физическим лицам на 148,5 млрд руб. Однако, если сравнивать в динамике с 2011 г., то наблюдается рост. В целом, можно сказать, что динамика кредитования населения в России положительна, но не стабильна. Так, если в 2011 г. объем кредитов, предоставленных населению, составлял 5 438,7 млрд руб., то в 2014 г. в 1,6 раза больше и достиг 8 629,7 млрд руб. При этом следует отметить динамичный рост рублевых кредитов. В 2011 г. их объем составил 5 289,2 млрд руб., а в 2014 г. он увеличился в 1,6 раза.

Как видно из приведенных данных, именно из рублевых кредитов сформирован розничный кредитный портфель (рис. 2). Кредиты, предоставленные населению в рублях, составляют более 98% от совокупного объема розничного кредитного портфеля.

Следует отметить, что коммерческие банки, работающие с розницей, стоят в настоящее время перед дилеммой: снизить объемы розничного кредитования, или потерять долю рынка, или не уменьшать объемы кредитования, а возможно, даже их увеличивать. Уменьшение объемов кредитования приводит к сокращению сотрудников и свертыванию сети. Такие решения несут в себе стратегические риски, ведь по мере выхода из кризиса ритейловый бизнес придется начинать с нуля или с довольно низкого старта. Выбрав стратегию по поддержанию достигнутых объемов кредитования или даже по увеличению кредитного портфеля, банкам придется приложить усилия и понести расходы по развитию функций риск-менеджмента [2, с. 10].

Рис. 1. Динамика кредитов, предоставленных населению кредитными организациями, осуществляющими деятельность на территории Российской Федерации в 2011–2014 гг. [1], млрд руб.

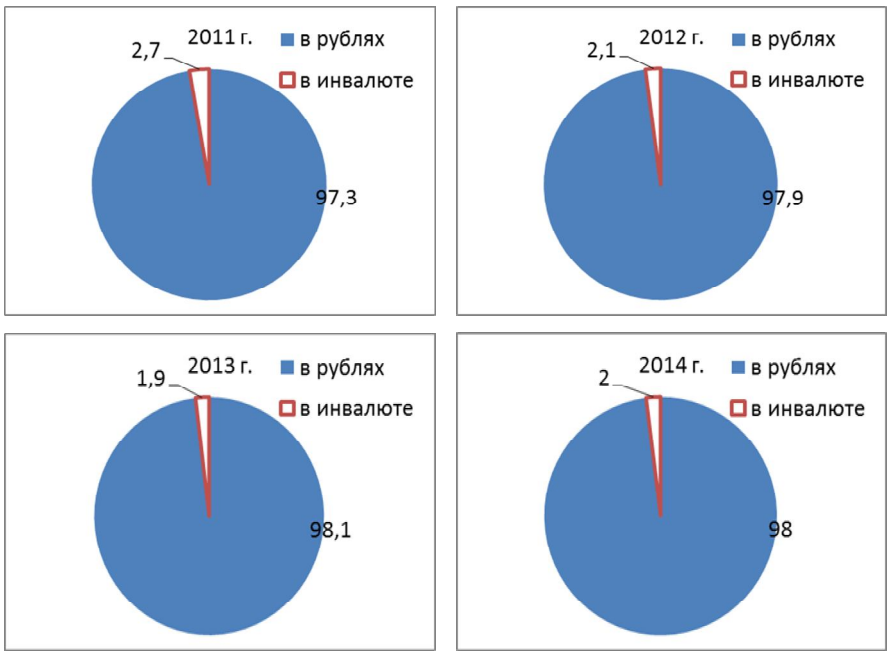


Рис. 2. Структура кредитов, предоставленных населению по виду валют в 2011–2014 гг., %

В качестве основного вектора развития большинство кредитных организаций выбрали вектор наращивания объемов кредитования физических лиц. Причин тому несколько: это и отложенный спрос на подобные банковские продукты, и достаточно агрессивная маркетинговая политика банков по продвижению кредитов населению, и высокая маржинальность данного вида деятельности.

Вместе с тем присутствует и обратная сторона – происходит рост долговой нагрузки на заемщиков – физических лиц. Ранее нами и коллегами, в частности Т. С. Колмыковой и Э. В. Ситниковой, отмечалось, что в дальнейшем это может привести к весьма негативным последствиям, как в экономическом, так и в социальном аспектах [3–5]. Так, по данным Банка России, на 01.01.2015 г. общий объем задолженности по кредитам, предоставленным физическим лицам, составляет 11 294,8 млрд руб. (рис. 3).

Рис. 3. Динамика задолженности по кредитам, предоставленным населению в 2011–2014 гг. [1], млрд руб.

Темп роста задолженности по кредитам, выданным населению за период исследования, составил 204,1%. Если в 2011 г. сумма задолженности по розничным кредитам отмечалась в 5 534,7 млрд руб., то в 2014 г. – в 2 раза больше и достигла 11 294,8 млрд руб. Такой рост непосредственно связан с ослаблением платежеспособности заемщиков в силу постоянно меняющихся экономических условий.

Кроме роста совокупного объема задолженности, наблюдается и увеличение просрочки по предоставленным кредитам населению (рис. 4).

За 2011–2014 гг. просроченная задолженность по розничным кредитам увеличилась в 2,3 раза и составила на 01.01.2015 г. 665,6 млрд руб. Негативным моментом, оказывающим воздействие на рост задолженности, в том числе и просроченной, также является и то, что увеличивается количество и объем кредитов одному заемщику.

По данным Национального бюро кредитных историй, порядка 35% заемщиков имеют 3 и более непогашенных кредита. При этом, если сравнивать объемы кредитной нагрузки на одного заемщика с аналогичными параметрами в развитых странах Европы и США, то можно увидеть, что они приблизительно совпадают. Однако здесь следует акцентировать внимание больше не на количественных, а на качественных характеристиках. В развитых странах основной объем кредитов, выданных населению, составляют дешевые и длинные кредиты, как правило, имеющие обеспечение. Соответственно, там заемщики тратят намного меньше средств на их обслуживание. В нашей стране на сегодняшний день основная масса – это необеспеченные потребительские кредиты по очень высоким ставкам в сравнении с зарубежным аналогом [6, с. 33]. Усугубляет ситуацию и то обстоятельство, что основным драйвером роста кредитования населения в последние годы был сегмент кредитных карт, которые для неквалифицированных потребителей являются достаточно сложным банковским продуктом [7, с. 203].

Отметим, что, согласно статистическим данным Банка России, возросло количество кредитных карт, выпущенных в обращение, и вместе с этим объем операций, совершенных с их использованием (рис. 5).

Рис. 4. Динамика просроченной задолженности по кредитам, предоставленным населению в 2011–2014 гг. [1], млрд руб.

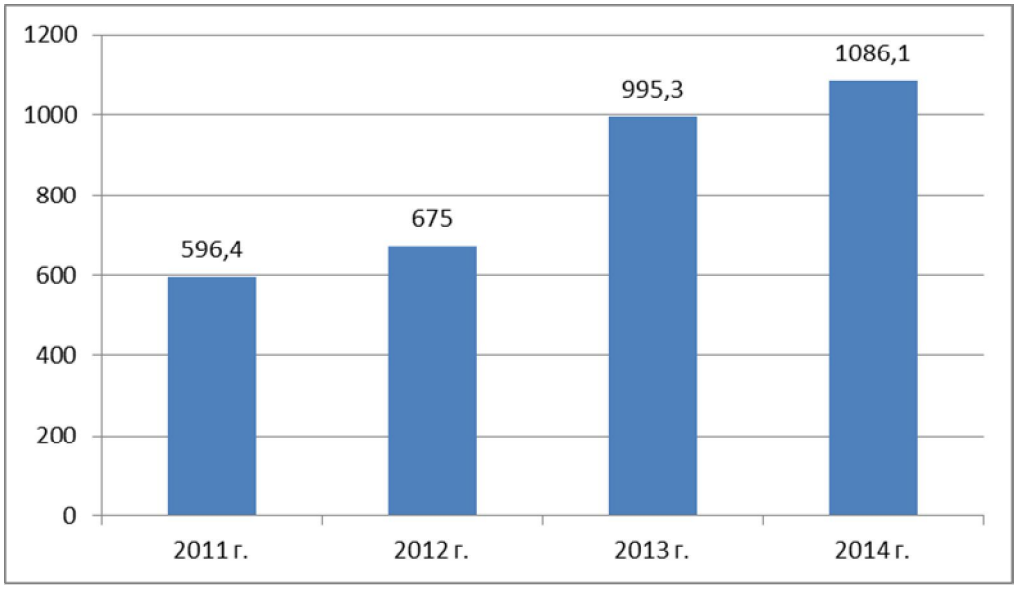


Рис. 5. Объем операций, совершенных на розничном рынке кредитования с использованием банковских кредитных карт в 2011–2014 гг. [1], млрд руб.

За период 2011–2014 гг. объем операций, совершенных в сегменте розничного кредитования с использованием банковской кредитной карты, увеличился в 1,8 раза. Так, если в 2011 г. с использованием кредитной карты было совершено операций на сумму 596,4 млрд руб., то в 2014 г. – на 489,7 млрд руб. больше.

Важно отметить, что если нынешняя ситуация на рынке кредитования будет сохраняться, то в 2015 году, по мнению многих банковских аналитиков, сравняется поток денег, который идет из банков в качестве кредитов, с потоком, который поступает в обратную сторону от заемщика. Все это несет в себе как экономические, так и социальные риски. Это связано с тем, что имеет место тенденция устойчивого роста числа заемщиков, которые не в силах обслуживать свои долги [6, с. 33].

По нашему мнению, большая финансовая нагрузка на заемщика связана не только с количеством имеющихся кредитов, но и с ценами, т. е. процентными ставками, которые устанавливаются на розничные кредиты. Именно процентная ставка по кредиту неуклонно влияет на спрос со стороны населения.

В соответствии с данными Центрального банка России, в таблице представим динамику средневзвешенных процентных ставок по рублевым кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам в 2011–2014 гг.

Динамика средневзвешенных процентных ставок по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам в рублях в 2011–2014 гг. [1]

Год	До 30 дней	От 31 до 90 дней	От 91 до 180 дней	От 181 до 1 года	До 1 года, включая «до востребования»	Свыше 3 лет
01.01.2012	13,7	15,7	31,9	27,6	25,4	16,4
01.01.2013	15,4	16,8	27,9	25,1	24,0	19,3
01.01.2014	28,04	16,09	30,39	23,81	24,41	17,29
01.01.2015	23,69	19,94	27,00	33,55	29,08	29,69

Согласно данным таблицы, наиболее дорогими в 2014 г. являются кредиты со сроком погашения от 181 дня до 1 года и свыше 3 лет, по ним установлены ставки в размере 33,55% и 29,69% соответственно. В 2013 г. дорогими, но менее востребованными со стороны населения были кредиты до 30 дней с процентной ставкой в размере 28,04% и от 91 дня до 180 дней. В целом, средний разброс между самой дешевой и самой дорогой сделкой (при прочих равных условиях) составлял 14,3% в 2013 г. и 13,61% в 2014 г. Следует отметить, что большая часть населения может позволить себе именно долгосрочные кредиты [8, с. 322].

В целом же ситуация складывается так, что, не успев окрепнуть на рынке кредитования, одни процентные ставки динамично сменяются другими. Это относится прежде всего к выравниванию процентных ставок отраслевых и универсальных банков. Однако такая подвижность негативно сказывается на рынке кредитования в России.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на неоднозначные тенденции развития кредитования населения, динамика положительно сказывается на экономике как банковского сектора, так и экономики в целом. Кредитование населения, несмотря на ряд проблем, присущих данному сегменту бизнеса, остается основным источником заработка для игроков банковского сектора.

Список литературы

1. Центральный Банк Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: www.cbr.ru (дата обращения: 10.04.2015).

2. Сысоева Е. Ф., Скрыпкин Е. Ю. Инновационный подход к оценке потенциала розничного кредитного портфеля банка с учетом региональных особенностей // Финансы и кредит. – 2012. – № 5. – С. 10–17.

3. Колмыкова Т. С. Стратегические подходы к продвижению инвестиционных возможностей региона в развитии промышленного комплекса // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 35. – С. 2–7.

4. Колмыкова Т. С., Ситникова Э. В., Третьякова И. Н. Кредитные ресурсы в решении задач модернизации национальной экономики // Финансы и кредит. – 2015. – № 14. – С. 2–11.

5. Финансовые аспекты инвестиционно-инновационного развития: монография / В. В. Алексеева, О. В. Беляева, Т. С. Колмыкова [и др.]; под ред. Т. С. Колмыковой. – Курск: Деловая полиграфия, 2014. – 223 с.

6. Белоусова А. Л. Становление института банкротства физических лиц в аспекте развития потребительского кредитования // Финансы и кредит. – 2014. – №25. – С. 32–37.

7. Свеженцева И. Н. Роль и место банковских карт в системе потребительского кредитования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – №2. – С. 203–207.

8. Яблонская А. Е., Третьякова И. Н. Долгосрочный банковский кредит: сущность, функции и роль // Актуальные проблемы инновационного развития экономики: материалы Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – Белгород: Изд-во БУКЭП, 2014. – Ч. 1. – С. 320–324.

Получено 24.06.15

I. N. Tretyakova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: iren_sin@list.ru)

CURRENT TRENDS OF DEVELOPMENT AND ROLE OF CREDITING OF THE POPULATION IN NATIONAL ECONOMY

In article the comprehensive analysis of development of crediting of the population as one of priority business of the direction of commercial bank is carried out. Taking into account the developed tendencies of development of retail crediting, within research its role in national economy is revealed.

***Key words**: credit, credit relations, credit portfolio, retail business, crediting of the population.*

УДК 336.7

Н. П. Казаренкова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: nfedorovich@yandex.ru)

А. С. Обухова, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: obuhova_anna@inbox.ru)

КОНВЕРГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ БАНКОВСКОГО И РЕАЛЬНОГО СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ

В современных условиях основной предпосылкой социально-экономического развития страны является обеспечение устойчивого роста национальной экономики, поэтому особую актуальность приобретает повышение эффективности функционирования всех ее секторов. Многообразие форм проявления взаимосвязи реального и банковского секторов определяется объективной взаимообусловленностью их развития. Взаимообусловленность и схожесть в динамике развития банковского и реального секторов экономики, определенные, прежде всего, наличием макроэкономических индикаторов, позволяют говорить о целесообразности использования конвергенции в стратегии эффективного развития банковского и реального секторов экономики на основе из взаимодействия.

***Ключевые слова**: финансовое взаимодействие, эффективность, банковский сектор, реальный сектор, конвергенция.*

***

В современных условиях актуальным научным направлением является формирование эффективного механизма взаимодействия банковского и реального секторов экономики. В настоящее время необходим принципиально новый подход к теоретико-методическому обоснованию зависимости развития банковского и реального секторов экономики, который адекватно отражает современные особенности их развития и наиболее полно раскрывает их потенциалы, способствует достижению устойчивого экономического роста. Основные параметры и направления развития реального и банковского секторов определяются различными факторами внутренней среды конкретных предприятий, организаций и банков и сопровождаются многообразными результатами их деятельности. Такое взаимодействие должно обеспечивать решение двух важнейших задач: способствовать интенсивному росту реального сектора экономики на основе оптимального использования банковских продуктов, а также развитию отечественного бизнеса посредством адаптации банковских услуг к потребностям предприятий и организаций.

Реальный и банковский секторы экономики являются ключевыми сегментами любой экономической системы и представляют собой сложноорганизованные и многофункциональные подсистемы с определенной структурой, включающей субъекты, ресурсы и учитывающей разнообразные интересы экономических агентов. Исследуемые секторы экономики различаются ролью, которую они выполняют во взаимодействии друг с другом.

Банковский сектор предназначен для обеспечения расчетов между звеньями экономики, перераспределения временно свободных денежных средств, а также выполняет другие банковские функции, коммерческие банки постоянно и тесно взаимодействуют на рынке между собой и с внешней средой [1, с. 49].

Реальный сектор выполняет трансформационную функцию, т. е. способствует преобразованию исходных материальных ресурсов в качественно новые виды благ и услуг. В свою очередь, банковский сектор работает в тесном взаимодействии с реальным сектором экономики, и самыми крупными клиентами банков являются промышленные предприятия [2, с. 154]. Основные направления взаимодействия реального и банковского секторов представлены на рисунке 1.

Прямое взаимодействие «банковский сектор – реальный сектор» представляет систему взаимосвязей коммерческих банков и предприятий, которое реализуется путем оказания банками широкого спектра услуг, охватывающего финансовые потребности реального сектора. Исходя из направления их движения, можно выделить три группы:

1) потребности в финансировании – привлечение дополнительного капитала в виде долгосрочных и краткосрочных кредитов и займов или получение бюджетных инвестиций;

2) потребности в размещении свободных денежных средств, отражающие денежный поток по инвестиционной деятельности с целью эффективного использования свободных денежных средств;

3) потребности в рационализации оборота финансовых активов, выражающиеся в необходимости обеспечения сохранности имеющихся средств, оптимизации их движения и использования.

Стабильная и эффективно развивающаяся банковская система является основой для развития и успешного функционирования рыночной экономики, а также необходимой предпосылкой роста и стабильности экономики в целом. Коммерческие банки находятся в центре экономического развития страны и оказывают непосредственное влияние на его стимулирование, обслуживая интересы предприятий реального сектора, банки опосредуют связи между промышленностью и торговлей, сельским хозяйством и населением. На рисунке 2 представлена схема формирования механизма повышения эффективности взаимодействия банковского и реального секторов российской экономики с учетом конвергенции.

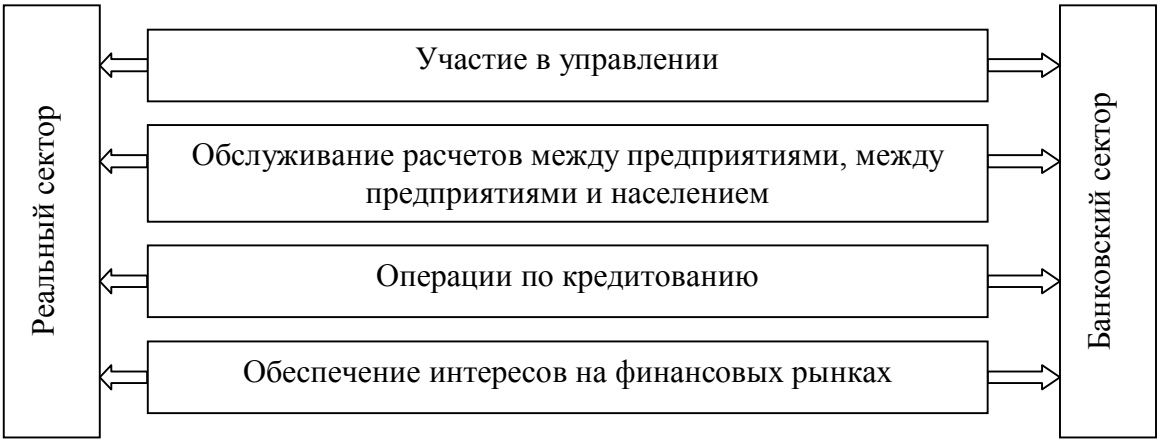


Рис. 1. Взаимодействие реального и банковского секторов экономики

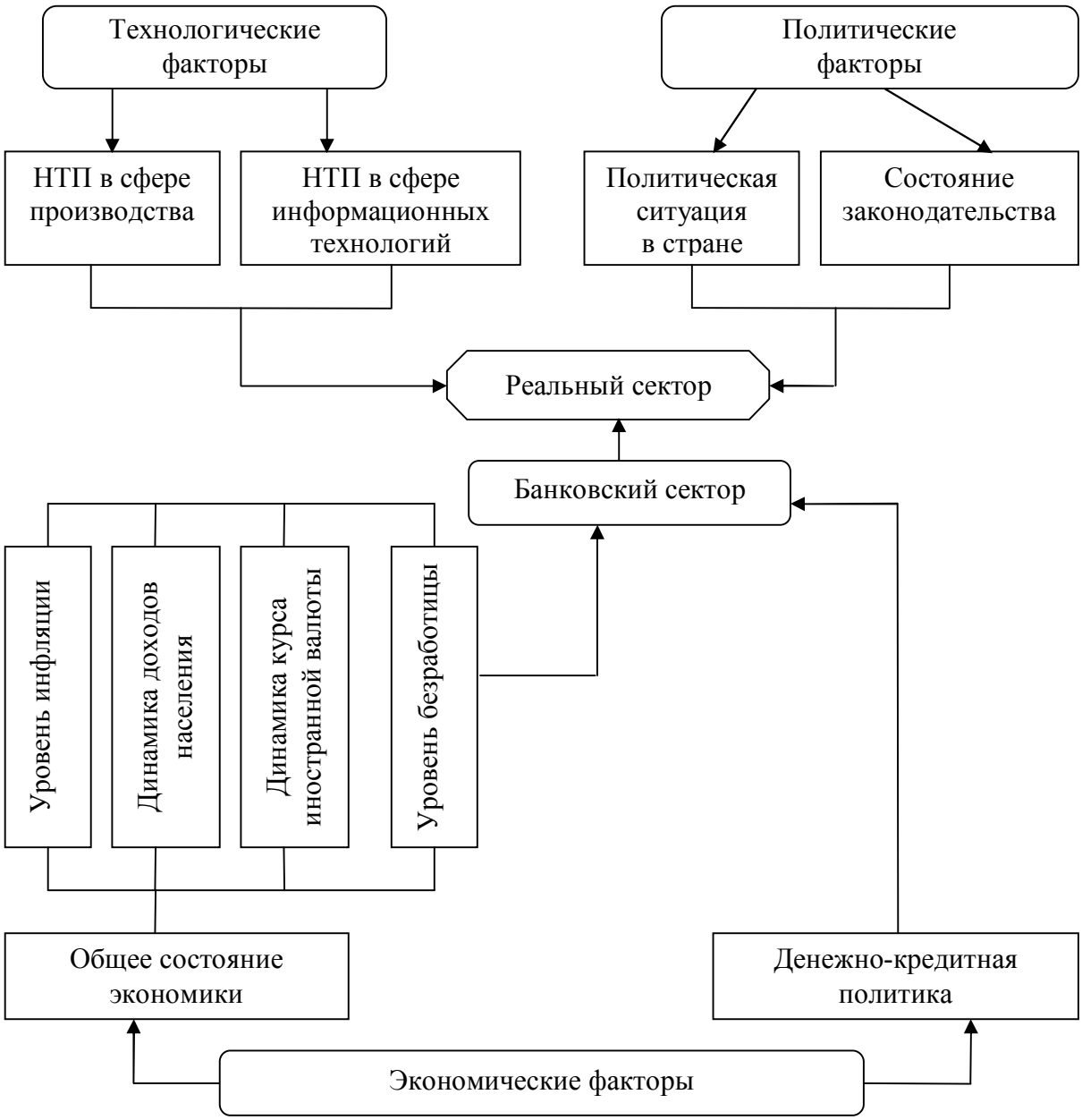


Рис. 2. Факторы, определяющие конвергенцию реального и банковского секторов экономики

Рассмотренные макроэкономические факторы можно классифицировать следующим образом: технологические, экономические и политические факторы [3, с. 10].

Технологические факторы проявляются в следующем:

– внедрение инноваций приводит к снижению себестоимости производимой продукции, обновлению производственных мощностей и к росту инвестиционной привлекательности предприятия для коммерческих банков;

– научно-технический прогресс в сфере информационных технологий приводит к разработке новых банковских услуг, предлагаемых предприятиям реального сектора экономики, что стимулирует заинтересованность реального сектора в более тесном взаимодействии с банковским сектором.

Экономические факторы в современных условиях вносят диссонанс в развитие системы взаимодействия банковского и реального секторов экономики. Для характеристики экономического со-

стояния и развития необходимо использовать следующие показатели: уровень инфляции; реальные доходы населения; механизм налогообложения и налоговая нагрузка на предприятия; уровень безработицы; динамика валютного курса.

Политические факторы выступают в главной роли обеспечения эффективности взаимодействия реального и банковского секторов экономики, что противоречит объективным экономическим законам.

Следовательно, эффективное взаимодействие банковского и реального секторов экономики является необходимой предпосылкой экономического развития. Возобновление и стимулирование роста современной экономики России, а также структурное переустройство производства предполагают крупные долгосрочные инвестиционные вложения в реальный сектор, необходимость которых крайне актуальна в связи с наличием значительного физического и морального износа основных производственных фондов, а также их несоответствием современным требованиям научно-технического прогресса.

С целью ускорения и оптимизации расчетов между предприятиями и организациями со сложной территориально и организационно распределенной структурой и их контрагентами коммерческие банки создают и продвигают специализированные расчетные услуги на основе современных информационных технологий, позволяющие консолидировать финансовые ресурсы предприятий, осуществлять оперативное отслеживание и контроль целевого использования денежных средств, управлять финансовыми потоками в режиме реального времени.

К таким услугам относятся, в первую очередь, расчеты в онлайн-режиме, которые позволяют предприятиям и организациям распоряжаться денежными средствами на банковских счетах дистанционно. Функциональность такой системы состоит в приеме и обработке платежных документов в электронном виде; обобщении информации об операциях по счетам и остаткам на них; приеме электронных документов в соответствии с условиями конкретных договоров, например реестров на пополнение счетов физических лиц; обмене сообщениями свободного формата в виде электронных документов с возможностью приложения файлов.

Корпоративное кредитование занимает наибольшую часть кредитного портфеля российских банков и приносит наибольший процентный доход в их деятельности. Значимость и результативность взаимодействия банковского и реального секторов экономики в части кредитования предприятий отражаются в долевом распределении активов российских банков, что показано на рисунке 3.

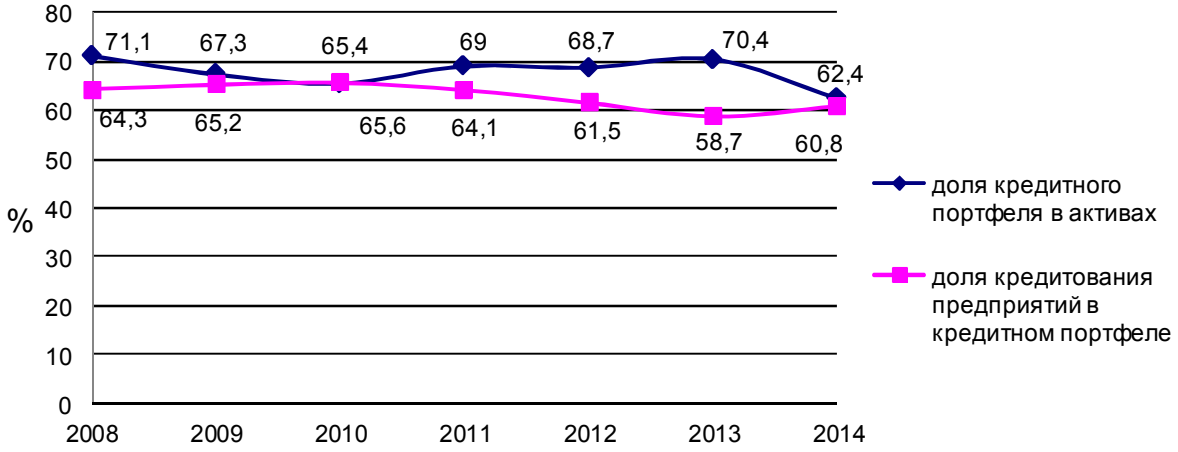


Рис. 3. Структурный анализ кредитной деятельности российских банков

Современное кредитование юридических лиц в российских банках включает в себя четыре основные программы.

1. Корпоративное кредитование – это кредитование юридических лиц и индивидуальных предпринимателей сроком до 1,5 лет (в отдельных случаях до 3 лет) на следующие нужды:

– пополнение оборотных средств (финансирование текущей деятельности, уплата налогов и сборов, расходов на аренду, ремонт, заработную плату, рекламу и т. д.);

– приобретение основных средств (движимого и недвижимого имущества), нематериальных активов;

– покрытие расходов на капитальный ремонт и техническое перевооружение (модернизацию);

– проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских, предпроектных и проектных работ;

– расширение и консолидация бизнеса;

– кредитование лизинговых операций;

– погашение задолженности перед третьими лицами (рефинансирование и реструктуризация кредитов);

– гарантийные операции по аккредитивам;

– кредитование расчетного счета (овердрафт);

– кредитование под залог объектов коммерческой недвижимости;

– кредиты с учетом специфики деятельности предприятий различных отраслей (операторов торговых сетей, предприятий серебро- и золотодобывающей отрасли, сельскохозяйственных производителей).

2. Кредитование предприятий оборонно-промышленного комплекса совершается в границах финансирования затрат на производство продукции по контрактам или госзаказам. Претендовать на получение данного вида кредита могут предприятия, осуществляющие поставки (оказывающие услуги) в рамках: прямых экспортных контрактов, договоров комиссии по экспортным поставкам, договоров с экспортерами или комитентами, госконтрактов, относящихся к поставкам/услугам в области производства как военной, так и гражданской продукции.

3. Инвестиционное кредитование. В рамках долгосрочного корпоративного кредитования банки предлагают инвестиционные кредиты в рублях и иностранной валюте до 10–15 лет под любые формы обеспечения и финансирование строительных объектов, в том числе офисной недвижимости, объектов туристической инфраструктуры, гостиниц, торговой и развлекательной недвижимости, складской недвижимости и иных объектов недвижимости коммерческого назначения [4, с. 51].

4. Финансирование строительных проектов, которое связано с получением долгосрочных кредитов с целью получения способности распоряжаться материальными ресурсами в течение значительного времени до создания рыночной стоимости, которая может выступить покрытием данного кредита [5, с. 28].

Расширяя корпоративный бизнес, российские банки разрабатывают широкий спектр услуг по финансированию внешнеэкономической деятельности. Кроме традиционных инструментов торгового финансирования, коммерческие банки осуществляют кредитование экспортно-импортных операций с использованием документарных аккредитивов, подтвержденных крупнейшими зарубежными банками. Крупнейшие российские банки (Сбербанк России, ВТБ, Внешэкономбанк и др.) организуют долгосрочное финансирование (до 8,5 лет) со стороны крупнейших зарубежных банков под гарантии экспортных кредитных агентств. При этом банки берут на себя анализ проектов и сопровождение сделок, в результате чего предприятия имеют возможность пользоваться относительно недорогими кредитными ресурсами зарубежных банков.

Современная экономическая политика России, имеющая целью достижение устойчивого экономического роста, направлена на создание основных институтов рыночной экономики. В развитых рыночных странах этот процесс часто происходит за счет взаимодействия банковского и промышленного секторов. Взаимопроникновение и взаимообусловленность развития банковского и реального секторов экономики определяют степень влияния эффекта конвергенции в этом процессе [1, с. 122], что можно охарактеризовать рядом показателей, представленных на рисунке 4.

Показатель сравнения количества кредитов, которые выдала национальная финансовая сфера, и количества кредитов, которые взял реальный сектор, дает возможность судить о том, насколько финансовый сектор справляется со своей функцией. За анализируемый период данный показатель не достиг уровня 1, следовательно, финансовый сектор не удовлетворяет всех потребностей реального сектора в кредитных ресурсах.

Доля банковской сферы в финансировании реального сектора экономики по-прежнему невелика: в 2014 г. она составила 9,3% в общем объеме инвестиций в основной капитал, что на 0,7 п. п. меньше, чем в предыдущем году, но на 0,3 п. п. выше, чем на начало периода исследования.

Таким образом, участие банковского капитала в финансировании деятельности организаций остается умеренным. Этот факт объясняется неэффективностью перераспределительных функций финансового рынка, т. к. потребности реального сектора экономики выходят за возможности банковского сектора в финансировании основных средств. Однако происходящие процессы в банковском секторе показывают возрастающую роль банковских услуг в развитии реального сектора экономики.

Эффективное взаимодействие банковского капитала и капитала юридических лиц является необходимым фактором развития рыночной экономики. При этом эффективность такого взаимодействия со стороны банка определяется рентабельностью совершенных операций, а со стороны предприятия – эффектом финансового рычага, отражающего результативность использования привлеченных банковских кредитов (рис. 5).

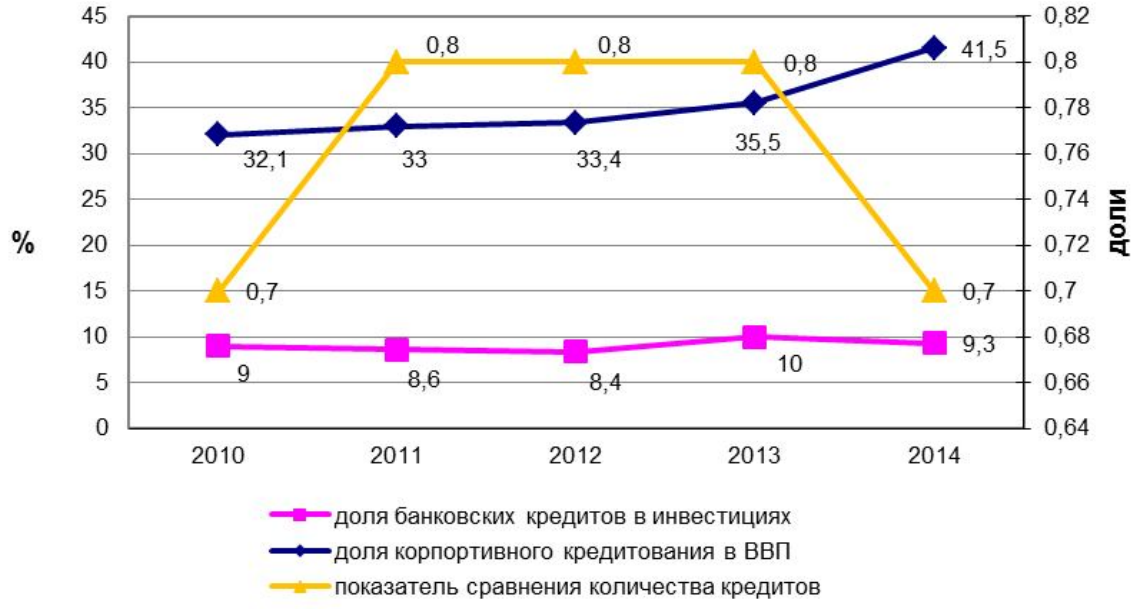


Рис. 4. Оценка показателей, характеризующих конвергенцию реального и банковского секторов экономики России

Рис. 5. Оценка эффективности взаимодействия банковского и реального секторов экономики

Рентабельность кредитного взаимодействия банковского и реального секторов экономики снижается на протяжении всего периода исследования в связи с тенденцией к снижению прибыли российских банков в абсолютной сумме, что привело к минимальному уровню рентабельности кредитования корпоративных клиентов в 2014 г. – 2%. Оценка результативности взаимодействия банковского и реального секторов экономики с позиции предприятий и организаций показала разнонаправленную динамику эффекта финансового рычага, которая вызвана колебаниями рентабельности активов российских предприятий, а также изменениями процентных ставок по банковским кредитам. В итоге эффект финансового рычага составляет отрицательное воздействие в 2010, 2013 и 2014 г., при этом наибольшее воздействие использование кредитов в деятельности российских предприятий оказывает в 2014 г. – 8,5% в отрицательном значении. Положительный эффект достигается только в 2011 и 2012 г., но в очень незначительном значении, т. е. российские предприятия недостаточно эффективно используют кредитные ресурсы, что может быть связано и с высокими процентными ставками по банковским кредитам относительно уровня рентабельности активов предприятий.

Таким образом, эффективность взаимодействия банковского и реального секторов экономики можно оценивать двояко: со стороны банковского сектора через оценку качества и прибыльности обслуживания предприятий и организаций (преимущественно в части кредитных отношений), со стороны реального сектора через оценку финансовой результативности использования банковского кредитования в деятельности предприятий. Значимость взаимодействия банка и предприятия трудно переоценить, роль и взаимовлияние реального и банковского секторов экономики значимы для обеих сторон и взаимовыгодны как банку, так и обслуживаемому предприятию.

Исследование выполнено в рамках грантового соглашения Российского гуманитарного научного фонда №15-32-01389/15 по проекту «Формирование стратегии эффективного развития банковского и реального секторов экономики на основе эффекта конвергенции».

Список литературы

1. Казаренкова Н. П., Сергеев П. В. Региональная банковская система и ее роль в развитии региона (на примере Курской области) // Регион: системы, экономика, управление. – 2014. – №2 (25). – С. 49–54.

2. Ковалев С. И., Лунева Ю. Н., Обухова А. С. Проблемы развития банковского сектора региона (на примере Курской области) // Молодежь и XXI век – 2012: материалы IV Международной молодежной научной конференции. – Курск, 2012. – С. 153–156.

3. Терновская Е. П. Реальный сектор экономики и российские коммерческие банки: проблемы и перспективы взаимодействия // Финансы и кредит. – 2014. – №11. – С. 8–14.

4. Колмыкова Т. С., Ситникова Э. В. Долгосрочное банковское кредитование в российской экономике: роль и тенденции развития // Экономика и предпринимательство. – 2015. – №2. – С. 49–54.

5. Черных З. В., Обухова А. С. Механизмы стимулирования инновационной деятельности в организации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – №4. – С. 26–30.

6. Казаренкова Н. П. Необходимость и способы обеспечения симметричного развития реального и банковского сектора экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – №4. – С. 121–127.

Получено 17.06.15

N. P. Kazarenkova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: nfedorovich@yandex.ru)

A. S. Obukhova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: obuhova_anna@inbox.ru)

CONVERGENCE IN DEVELOPMENT OF BANK AND REAL SECTORS OF ECONOMY

In modern conditions the main prerequisite of social and economic development of the country is ensuring steady growth of national economy therefore special relevance is gained by increase of efficiency of functioning of all its sectors. The variety of forms of manifestation of interrelation of real and bank sectors is defined by objective interconditionality of their development. The interconditionality and similarity in dynamics of development of bank and real sectors of economy determined, first of all, by existence of macroeconomic indicators allows to speak about expediency of use of convergence in strategy of effective development of bank and real sectors of economy on a basis from interaction.

***Key words**: financial interaction, efficiency, banking sector, real sector, convergence.*

УДК 657.6

В. В. Алексеева, канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: vv_ alekseeva@mail.ru)

ВНУТРЕННИЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

Рассмотрены вопросы организации и осуществления внутреннего контроля в системе учетного процесса. Раскрыта сравнительная характеристика элементов системы внутреннего контроля в Российской Федерации и за рубежом, определена необходимость развития эффективной системы внутреннего контроля в бухгалтерском учете экономических субъектов.

***Ключевые слова**: внутренний контроль, бухгалтерский учет, экономические субъекты.*

***

В настоящее время российским предприятиям и организациям необходимо находить новые подходы к ведению бизнеса, более эффективно использовать резервы для повышения своей финансовой стабильности и конкурентоспособности. И как следствие, одним из основных потенциалов источников роста доходности хозяйствующего субъекта является высокоэффективная система внутреннего контроля.

Тем не менее, для большинства экономических субъектов организация внутреннего контроля до 1 января 2013 года носила рекомендательный характер, и только с вступлением в силу Федерального закона № 402-ФЗ от 6 декабря 2011 г. «О бухгалтерском учете» обрела обязательный [1, ст. 19]. Данный закон не содержит каких-либо разъяснений о том, как должен быть организован внутренний контроль, вследствие чего Министерством финансов РФ были разработаны рекомендации в области бухгалтерского учета «Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности», согласно Плану Минфина РФ на 2012–2015 гг. по развитию бухгалтерского учета и отчетности РФ на основе международных стандартов финансовой отчетности [2, с. 41].

Следует отметить, что проблема организации эффективно функционирующего внутреннего контроля на предприятии, несмотря на ее актуальность и значимость, остается пока еще недостаточно осмысленной как в научном отношении, так и в плане практической реализации. Надзорные государственные органы до сих пор не располагают четко сформулированной концепцией внутреннего контроля. Изданные нормативные акты носят фрагментарный или рекомендательный характер и далеко не в полной мере учитывают ситуацию, которая сложилась в финансово-хозяйственной деятельности организаций различных сфер деятельности. Именно поэтому необходимо более четко определить понятие системы внутреннего контроля, ее сущность и роль в управлении организацией.

Система внутреннего контроля представляет собой процесс, организованный и осуществляемый представителями собственника, руководством, а также другими сотрудниками организации, для того чтобы обеспечить достаточную уверенность в достижении целей с точки зрения надежности финансовой (бухгалтерской) отчетности, эффективности и результативности хозяйственных операций и соответствия деятельности организации нормативным правовым актам. Данное определение приведено в федеральном правиле (стандарте) аудиторской деятельности №8 «Понимание деятельности аудируемого лица, среды, в которой она осуществляется, и оценка рисков существенного искажения аудируемой финансовой (бухгалтерской) отчетности» [3].

Раскрывая содержание внутреннего контроля, многие исследователи и экономисты в области бухгалтерского учета и аудита выдвигают различные определения (табл.) [4, с. 220].

Однако само представление о сущности и предмете системы внутреннего контроля различных ученых и практиков неоднозначно. Так, например, в работах Э. С. Бабошиной экономический анализ рассмотрен как один из основных инструментов системы внутреннего контроля [5]. Основное внимание автор уделяет методам и приемам анализа финансово-хозяйственной деятельности организации, на основе данных которого принимаются управленческие решения по сокращению затрат и повышению эффективности деятельности хозяйствующего субъекта.

А. А. Ситников считает, что наиболее действенной и всеобъемлющей структурой внутреннего контроля является служба внутреннего аудита, организуемая и функционирующая в интересах хозяйствующей экономической системы в целом и ее управляющей, а также управляемой подсистем. В функции внутреннего аудита входит изучение, оценка и мониторинг адекватности и эффективности систем бухгалтерского учета и внутреннего контроля.

Определения системы внутреннего контроля

Авторы	Определения системы внутреннего контроля
Р. В. Калиничева, А. В. Шохнех	Система внутреннего контроля – это совокупность организационных мер, методик и процедур, используемых руководством экономического субъекта для упорядоченного и эффективного ведения хозяйственной деятельности, обеспечения сохранности активов, выявления, исправления и предотвращения ошибок и искажения информации, а также для своевременной подготовки достоверной финансовой отчетности
Дж. Робертсон	Система внутреннего контроля представляет собой процедуры и политику компании, направленные на предотвращение, выявление и исправление существенных ошибок и искажений информации в бухгалтерской отчетности
Э. С. Бабошина	Система внутреннего контроля включает комплекс разнообразных взаимосвязанных методик и процедур, которые разрабатывает и использует администрация, чтобы обеспечить снижение нежелательного риска в деловой и финансовой деятельности, а также в учете и отчетности
В. В. Бурцев	Внутренний контроль в широком смысле – система (входящая в систему управления организацией), состоящую из ряда элементов. Внутренний контроль в достаточно узком смысле – один из этапов процесса управления
М. В. Мельник	Система внутреннего контроля представляет собой одну из функций управления, представляющую собой систему постоянного наблюдения и проверки работы организации в целях обоснованности принятых управленческих решений, выявления отклонений и неблагоприятных ситуаций своевременного информирования руководства

С точки же зрения системы управления предприятием для эффективного функционирования хозяйственной экономической системы и достижения стоящих перед ней целевых установок представляет наибольший интерес эффективный внутренний контроль, ориентированный именно на удовлетворение приоритетных целевых установок, а не на контроль, констатирующий и подтверждающий уже свершившиеся события, факты, явления. Ключевая функция внутреннего контроля заключается в разработке и представлении не только предложений по ликвидации выявленных нарушений, но и рекомендаций по повышению эффективности управления, выявлению резервов развития, а также в консультативной поддержке руководства организации. Внутренний контроль помогает выявить результативность всей ее деятельности. Он является частью системы управления организацией, служащей для обеспечения ее долгосрочной финансовой устойчивости и эффективного функционирования [6].

Система внутреннего контроля направлена на повышение результативности системы управления деятельности организации за счет использования качественной информации, обеспечивающей: оперативность принятия управленческих решений; своевременное выявление и анализ рисков; соблюдение законодательства и внутренних политик и процедур; эффективность использования ресурсов; сохранность активов; достоверность финансовой и управленческой отчетности.

Процедуры внутреннего контроля должны быть построены на основе принципов релевантности, регулярности и си-

стемности, т. е. охватывать все текущие финансовые обязательства и расчеты и проводиться с периодичностью, установленной внутренними регламентами организации, не реже одного раза в отчетный период по соответствующему объекту учета или группе таких объектов. При этом такой контроль должен осуществляться на всех уровнях управления экономическим субъектом – от аппарата управления до служб, которые собирают и обрабатывают информацию, характеризующую фактические результаты деятельности организации за определенный период [7].

Внедрение внутреннего контроля в российские организации неизбежно влечет за собой изучение существующего зарубежного опыта систем внутреннего контроля и позволяет определить общее и различия в концептуальных подходах к его организации.

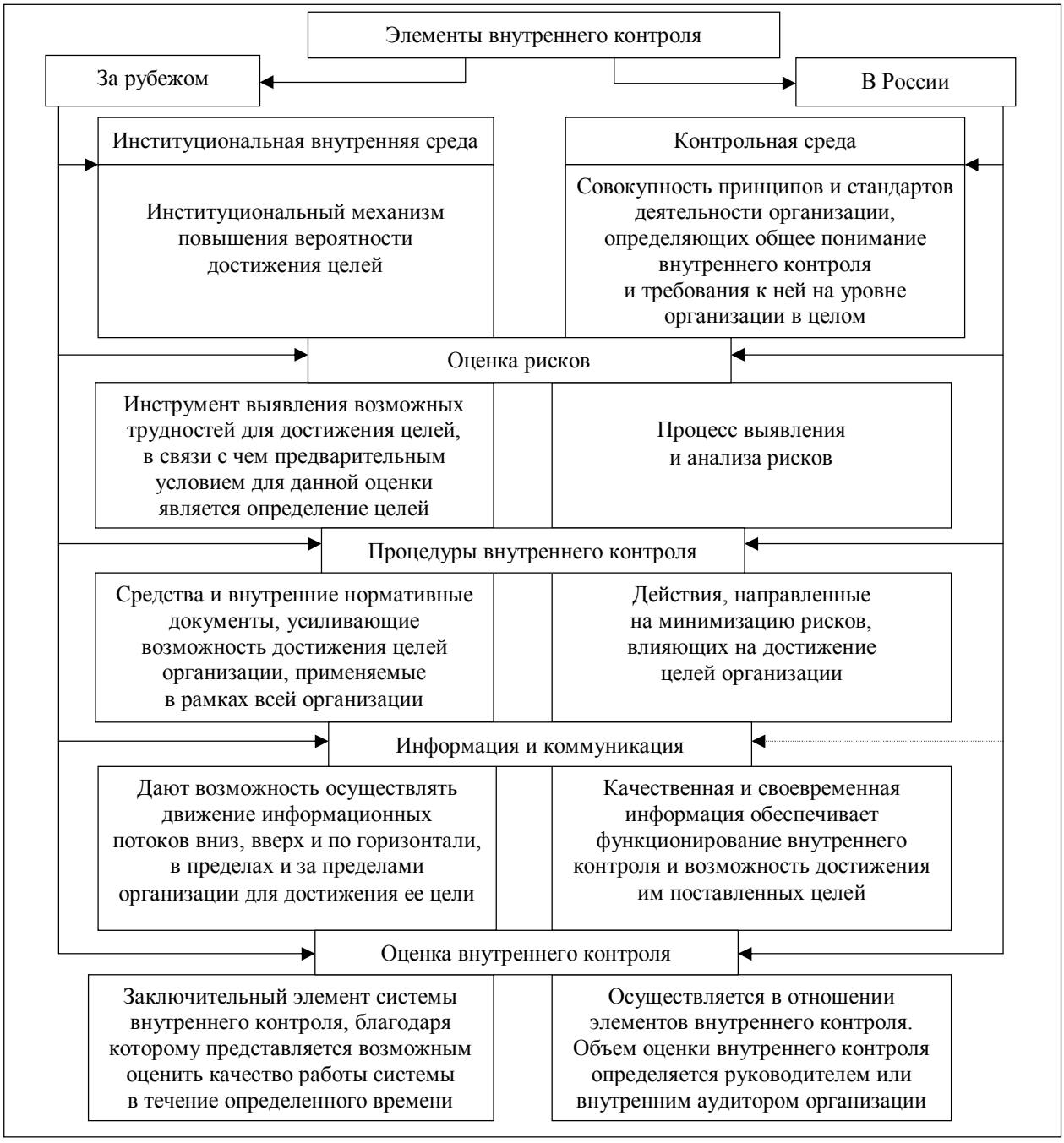


Рис. Сравнительная характеристика элементов системы внутреннего контроля в России и за рубежом

На основании изученных работ российских ученых в области внутреннего контроля приводится сравнительная характеристика основных элементов системы внутреннего контроля в России и за рубежом (см. рис.) [4, с. 222].

Далее остановимся более подробно на содержании основных элементов системы внутреннего контроля в Российской Федерации.

Контрольная среда представляет собой окружение, которое оказывает влияние на качество бухгалтерского и налогового учета, не имея отношения непосредственно к учетному процессу (организационная структура, вид, масштабы деятельности организации, система управления).

При выявлении рисков экономический субъект принимает соответствующие решения по управлению ими, в том числе путем создания необходимой контрольной среды, организации процедур внутреннего контроля, информирования персонала и оценки результатов осуществления внутреннего контроля.

Процедуры внутреннего контроля основаны на правилах, лежащих в основе организации учета в целом и конкретных особенностей, лежащих в основе его деятельности. К процедурам внутреннего контроля можно отнести: документальное оформление; подтверждение соответствия между объектами (документами) или их соответствия установленным требованиям; санкционирование (авторизация) сделок и операций, обеспечивающее подтверждение правомочности совершения их; сверка данных; разграничение полномочий и ротация обязанностей; процедуры контроля фактического наличия и состояния объектов; надзор, обеспечивающий оценку достижения поставленных целей или показателей и др.

Функционирование внутреннего контроля обеспечивает качественная и своевременная информация, которая дает возможность обеспечить поставленные цели. Посредством коммуникации достигается распространение информации, необходимой для осуществления внутреннего контроля.

Одним из видов оценки внутреннего контроля является непрерывный мониторинг, т. е. его оценка, осуществляемая экономическим субъектом в ходе его деятельности. Мониторинг включает функции управления, наблюдения и другие действия, совершаемые сотрудниками экономического субъекта в ходе исполнения своих обязанностей [8, с. 213].

Таким образом, правильно организованный внутренний контроль позволяет не только обнаружить недостатки и нарушения в деятельности организации, но и предупредить их, а также способствовать их устранению в кратчайшие сроки.

Список литературы

1. О бухгалтерском учете [Электронный ресурс]: федер. закон от 6 дек. 2011 г. № 402-ФЗ: [ред. от 04.11.2014]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Долматова В. Ю. Организация внутреннего контроля: новый взгляд на управление экономическим субъектом // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – №5. – С. 41–48.

3. Правило (стандарт) №8. Понимание деятельности аудируемого лица, среды, в которой она осуществляется, и оценка рисков существенного искажения аудируемой финансовой бухгалтерской отчетности [Электронный ресурс]: [утв. постановлением Правительства РФ от от 23 сент. 2002 г. №696: ред. от 22.12.2011]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Каковкина Т. В. Организация системы внутреннего контроля и его взаимосвязь с бухгалтерским учетом // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – №3. – С. 220–225.

5. Бабошина Э. С. Экономический анализ как инструмент внутреннего контроля // Вектор науки ТГУ. – 2010. – №3(13). – С. 138–140.

6. Бухгалтерский учет, анализ и аудит в коммерческих организациях / Е. А. Бессонова, В. В. Алексеева, Н. А. Грачева [и др.]. – Курск: Изд-во «Планета», 2014. – 366 с.

7. Алексеева В. В. Учебный процесс в информационной системе внутреннего контроля аудируемых организаций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – №1. – С. 165–169.

8. Чхутиашвили Л. В. Повышение эффективности внутреннего контроля организации // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – №1. – С. 210–213.

Получено 16.07.15

V. V. Alekseeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: vv_ alekseeva@mail.ru)

INTERNAL CONTROLS IN THE ACCOUNTING SYSTEM OF ECONOMIC SUBJECTS

The problems of organization and internal control system in the accounting process. Revealed comparative characteristic elements of the internal control system in the Russian Federation and abroad, we determined the need to develop an effective system of internal controls in the accounting of economic subjects.

***Key words**: internal control, accounting, economic subjects.*

УДК 366.14

Е. С. Беляева, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: belena2107@yandex.ru)

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

В статье рассматриваются понятие эффективности государственного финансового контроля и методики ее определения на основе различных критериев, а также проведен анализ показателей эффективности государственного финансового контроля на примере деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области.

***Ключевые слова**: государственный финансовый контроль, критерии эффективности, контрольные органы, макроэффект.*

***

В современных экономических условиях особое место занимает создание эффективной системы государственного финансового контроля. Без внедрения системы государственного финансового контроля невозможно нормальное функционирование финансовой системы страны.

В настоящее время в России функционирует система финансовых органов, в состав которой входят министерства, комитеты, управления, департаменты. Деятельность данных органов регулируется нормами права и является структурным элементом государственного финансового контроля.

Целями государственного финансового контроля является выявление законного, рационального и эффективного использования государственных финансовых ресурсов, определение количества и объема правонарушений в экономической сфере для их предупреждения.

Достижение данных целей государственного финансового контроля предполагает:

– контроль за полнотой и своевременностью формирования и исполнения бюджетов разных уровней бюджетной системы РФ;

– контроль за экономической обоснованностью, целевым и эффективным использованием финансовых ресурсов;

– противодействие легализации доходов, полученных преступным путем;

– контроль за состоянием государственного внутреннего и внешнего долга страны;

– контроль за соблюдением законодательства при осуществлении различных видов финансовых операций [1, с. 106].

Государственный финансовый контроль охватывает составление, рассмотрение, утверждение и исполнение бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов. Управление бюджетным процессом предусматривает разделение государственного финансового контроля на виды:

– предварительный контроль, осуществляемый на стадии составления проекта бюджета и его утверждения;

– текущий контроль, осуществляемый на всех стадиях бюджетного процесса;

– последующий контроль, осуществляемый на этапе составления отчета об исполнении бюджета и его утверждении.

Поэтому совершенствование финансового контроля, повышение его действенности и эффективности имеет большое практическое значение.

Система финансового контроля направлена на обеспечение законности финансовой деятельности государства и оценку ее эффективности и целесообразности.

На протяжении многих лет государственный финансовый контроль подвергался оценке его эффективности.

Рассматривая понятие эффективности государственного финансового контроля, необходимо рассматривать два направления:

1) эффективность государственного финансового контроля;

2) эффективность деятельности органов, осуществляющих государственный финансовый контроль.

Известно, что эффективность – это соотношение суммы социально-экономического эффекта, полученного от проведения финансового контроля, к затратам на его осуществление.

Наибольшую значимость в оценке эффективности государственного финансового контроля имеют два результирующих показателя: величина выявленных нарушений в денежном выражении и суммы бюджетных средств, использованных не по целевому назначению.

Однако эффективность финансового контроля предусматривает не только выявление законности использования ресурсов бюджетной системы, констатацию фактов отклонений в финансово-хозяйственной деятельности объектов контроля от норм действующего законодательства, выработку предложений по их устранению, но и оценивает состояние объекта контроля, достижение им запланированных мероприятий [2, с. 108].

Достоверные результаты оценки работы контрольных органов являются основой для управления изменениями в системе финансового контроля, направленными на минимизацию издержек функционирования в условиях обеспечения максимального эффекта [3, с. 54].

Исследования российских ученых-экономистов дают возможность использовать различные критерии оценки эффективности финансового контроля:

– уровень полноты исполнения функций органами контрольно-счетных палат;

– уровень автоматизации контрольных функций;

– уровень своевременности и полноты перечисления бюджетных средств;

– уровень нецелевых расходов за некоторый отчетный период;

– прямой эффект, т. е. сумма возмещенных государству средств минус затраты на контроль;

– анализ ненужных расходов и других недостатков системы контроля;

– уровень качества исполнения функций органами государственного финансового контроля;

– соблюдение профессиональных стандартов и кодекса этики.

– конечные результаты деятельности объектов контроля в их динамике;

– объемы ресурсов, которыми располагают объекты контроля, и уровень их использования;

– рост конечных результатов за счет улучшения использования имеющихся у контролируемых объектов ресурсов.

Однако в понятии «эффективность финансового контроля» необходимо выделить две части: во-первых, это макроэффективность государственного финансового контроля и, во-вторых, промежуточная эффективность деятельности органа государственного финансового контроля.

Макроэффективность – понятие емкое, которое включает сумму эффектов, полученных от проведения финансового контроля. В свою очередь, эффект надо рассматривать с разных сторон. В этой связи можно выделить три вида эффекта: социальный; организационный; экономический.

В финансовом контроле социальный эффект надо рассматривать с двух углов. Во-первых, он направлен на лиц, допустивших нарушение финансового законодательства. Он проявляется в том, что по его результатам применяются меры к данным лицам, включая их увольнение и привлечение к уголовной ответственности.

Во-вторых, финансовый контроль за исполнением бюджета не позволяет отвлекать средства, предусмотренные на социальные программы, на другие цели, что обеспечивает развитие таких социальных институтов, как образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство и др. [4, с. 181]

Организационный эффект заключается в том, что по итогам контрольных мероприятий предлагаются и реализуются меры по улучшению структуры федеральной исполнительной власти, в результате повышается управляемость в государстве, сокращаются излишние звенья или создаются новые, необходимые для экономики, повышается оперативность управления [5, с. 35].

Достижение экономического эффекта происходит в результате улучшения деятельности органов федеральной исполнительной власти в части экономии бюджетных и внебюджетных средств, повышения рентабельности производства, снижения себестоимости продукции и т. д.

Промежуточная эффективность финансового контроля – показатель относительный, который можно рассчитать путем деления экономических результатов исполнения представлений и предписаний и затрат на содержание органа государственного финансового контроля.

Таким образом, состав показателей оценки эффективности финансового контроля достаточно разнообразен.

Проведем анализ эффективности финансового контроля на примере результатов деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области (табл. 1).

Таблица 1

Показатели работы Контрольно-счетной палаты Курской области [6], тыс.руб.

№ строки	Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение, %	
					2013/2012	2014/2013
1	Количество ревизий и проверок, ед.	93	207	110	222,6	53,1
2	Проверенный объем финансирования	15033720,9	6477311,4	14067750,1	43,1	218,2
3	Сумма выявленных финансовых нарушений	2659300,0	918423,3	1057500,0	34,5	115,1
3.1	Нецелевое использование средств	365,9	209,4	199,2	57,2	95,1

Окончание табл. 1

№ строки	Наименование показателя	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Изменение, %	
					2013/2012	2014/2013
3.2	Неэффективное использование средств	300941,5	140884,5	403300,1	46,8	286,3
3.3	Неправомерное использование средств	532685,1	326842,7	496258,4	61,4	151,8
3.4	Другие финансовые нарушения	1825307,5	450486,7	157742,3	24,7	35,0
3.5	Недостача материальных средств	2483,0	1677,6	3953,2	67,6	235,6
3.6	Недопоступление платежей в бюджет	15435,0	9500,0	624,5	61,5	6,6
3.7	Излишки материальных ценностей	3006,3	1295,1	2813,5	43,1	217,2
4	Сумма возмещенных финансовых нарушений Из них в доход федерального бюджета	651354,8 15354,8	725147,5 5147,0	610600,7 10600,0	111,3 33,5	84,2 205,9
5	Дополнительно поступило платежей	3615,5	405,8	1027,6	11,2	253,2
6	Предотвращенные потери	1946,6	5281,2	9834,1	271,3	186,2
7	Численность, чел.	25,25	25,25	25,25	100,0	100,0
8	Получено средств на содержание управления	16402,1	19199,4	18101,0	117,1	94,3
9	Эффективность работы управления (стр. 4/стр. 8)	39,7	37,8	33,7	95,2	89,2

Из таблицы видим, что количество проверок в 2013 г. увеличилось более чем в два раза по сравнению с 2012 г., однако уже в 2014 г. отмечается снижение данного показателя. В 2014 г. Контрольно-счетная палата провела 110 контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, из них 37 контрольных и 73 экспертно-аналитических мероприятия, в том числе 38 внешних проверок главных администраторов средств областного бюджета. Совместно с муниципальными контрольно-счетными органами проведено 3 контрольных мероприятия. 34 контрольных мероприятия проведено с учетом принципов аудита эффективности. При этом в 2014 г., по сравнению с 2013 г., отмечено увеличение проверенного объема финансирования, такая же динамика и по выявленным финансовым нарушениям.

Если сопоставить нарушения при расходовании средств областного бюджета, то это 2,1% от общего объема расходов (44 649,1 млн руб.), которые были утверждены в областном бюджете на 2014 г.

Анализируя структуру выявленных нарушений, можно отметить, что в 2012 г. неправомерное использование бюджетных средств составляло 20%, а в 2014 г. достигло 47%. Кроме этого, неэффективное использование средств в 2012 г. составляло 11,3%, а в 2014 г. – 38,1%. Такие нарушения являются индикаторами эффективности деятельности контрольных органов. В данном направлении

необходимо усиливать методическую и методологическую работу.

Контрольно-счетной палатой проведен комплекс мероприятий по контролю в таких сферах, как молодежная политика, образование, медицина, занятость и трудоустройство населения, дорожная деятельность. Осуществлены контрольные мероприятия в отношении вопросов законности и эффективности расходования средств муниципальными образованиями Курской области.

Следует отметить, что в 2014 г. Контрольно-счетная палата приступила к выполнению дополнительных полномочий без увеличения численности.

Важнейшим направлением деятельности Контрольно-счетной палаты в 2014 г. было проведение контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, результаты которых позволили оценить степень реализации стратегических целей и приоритетов Курской области, обеспеченных финансированием за счет средств областного бюджета.

Основные итоговые показатели деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области за 2010–2014 гг. приведены в таблице 2.

Являясь органом государственного финансового контроля, Контрольно-счетная палата Курской области прикладывает усилия к недопущению нарушения федеральных и региональных законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы как государственных структур, так и иных участников бюджетного процесса, а также институты гражданского общества, широкие слои населения.

Одним из критериев оценки деятельности органов контроля должна быть правовая возможность реального принятия мер воздействия к нарушителям установленных требований и правил, а также реализации выработанных рекомендаций и принятых решений по итогам контроля [7, с. 194].

Используя вышеназванные критерии оценки эффективности контрольной деятельности, на основе данных таблицы 1 проведем расчет эффективности деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области (табл. 3).

Таблица 2

Основные итоговые показатели деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области за [6]

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Итого
Количество проведенных экспертно-аналитических мероприятий	69	58	60	174	73	434
Количество проведенных контрольных мероприятий	32	42	33	33	37	177
Охвачено контролем проверяемых органов и организаций	160	162	191	281	157	951
Количество направленных представлений и предписаний	90	59	72	66	64	351
Сумма выявленных финансовых нарушений, млн руб.:						
всего	4063,7	4542,0	2659,3	918,4	1057,5	13240,9
в том числе нецелевое использование средств	194,9	3,5	0,4	0,2	0,07	199,07

Таблица 3

Расчет показателей эффективности деятельности
Контрольно-счетной палаты Курской области

Наименование критерия	Формула	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Прямой эффект, тыс. руб.	стр. 4 – стр. 8	634952,7	705948,1	592499,7
Анализ ненужных расходов, тыс. руб.	стр.6	1946,6	5281,2	9834,1
Уровень полноты исполнения функций органами контрольно-счетных палат	(стр. 4 + стр. 5 + стр. 6) / стр. 8	40,1	38,1	34,3
Уровень нецелевых расходов, %	стр. 3.1 / стр. 2	0,002	0,003	0,001
Промежуточная эффективность деятельности органа государственного финансового контроля	стр. 4 / стр. 8	39,7	37,8	33,7

В целом, рассчитанные показатели характеризуют положительную тенденцию, т. е. можно отметить достаточно высокий уровень эффективности государственного финансового контроля в Курской области. Наглядно видим, что снижается уровень нецелевых расходов, на который оказывают влияние два основных фактора: коррупционная составляющая и несовершенство нормативно-правовой базы расходования бюджетных средств.

Промежуточная эффективность имеет снижающееся значение, что связано с уменьшением суммы возмещенных финансовых нарушений. Однако надо отметить, что период выявленных нарушений и период возмещения зачастую не совпадают.

Направления деятельности Контрольно-счетной палаты неразрывно связаны с процессами совершенствования законодательства, регламентирующего вопросы внешнего государственного финансового контроля. Деятельность Контрольно-счетной палаты направлена на дальнейшее совершенствование правового регулирования в сфере внешнего государственного финансового контроля.

Поэтому эффективность реализации полномочий Контрольно-счетной палаты должна быть неразрывно связана с:

– совершенствованием научно-методологического, правового, информационно-технологического обеспечения контрольно-ревизионной и экспертно-аналитической деятельности Контрольно-счетной палаты;

– использованием современных информационных технологий, с учетом возможности удаленного доступа к государственным информационным системам органов государственной власти Курской области;

– развитием методологии, направленной на повышение надежности и качества внутреннего финансового контроля органов исполнительной власти;

– поддержанием и дальнейшим развитием кадрового, организационного, материально-технического и финансового потенциала Контрольно-счетной палаты как органа внешнего государственного финансового контроля;

– повышением уровня и качества взаимодействия Контрольно-счетной палаты субъекта со Счетной палатой Российской Федерации, контрольно-счетными органами других субъектов

Российской Федерации и контрольно-счетными органами муниципальных образований Курской области, а также правоохранительными органами.

Таким образом, эффективность государственного финансового контроля можно рассматривать с двух сторон: во-первых, как его влияние на эффективность использования финансовых ресурсов, во-вторых, как эффективность осуществления контрольной деятельности.

Список литературы

1. Беляева Е. С. Теоретические вопросы государственного финансового контроля // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 2. – С. 106–110.

2. Колмыкова Т. С., Клюева Е. В. Бюджетное планирование в разработке перспектив развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2015. – №1(58). – С. 106–113.

3. Приходченко О. С. Формирование бюджетной стратегии на региональном уровне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – №1. – С. 53–56.

4. Приходченко О. С. Повышение эффективности бюджетных расходов в целях социально-экономического развития территории // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9, №12. – С. 180–184.

5. Харченко Е. В. Системная трансформация хозяйства: переход к инновационному укладу развития региональной экономики // Инновационный Вестник Регион. – 2009. – №1. – С. 34–40.

6. Контрольно-счетная палата Курской области [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http://www. ksp46.ru (дата обращения: 23.03.2015).

7. Беляева Е. С. Финансовая оценка принципа сбалансированности бюджета на субфедеральном уровне // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 1. – С. 193–197.

Получено 28.05.15

E. S. Belyaeva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: belena2107@yandex.ru)

EVALUATION CRITERIA OF THE STATE FINANCIAL CONTROL

The article discusses the concept of efficiency of state financial control and methods of its determination on the basis of various criteria, as well as the analysis of indicators of efficiency of the state financial control on the activity of the accounts chamber of Kursk region.

***Key words**: state financial control, criteria of efficiency, supervisory body, result in macro.*

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ И ОБРАЗОВАНИЕМ

УДК 338

В. А. Плотников, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: plotnikov_2000@mail.ru)

М. Г. Иваненко, канд. экон. наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права (e-mail: reandm@rambler.ru)

Е. П. Тимашов, канд. техн. наук, доцент, Белгородский университет кооперации, экономики и права (e-mail: reandm@rambler.ru)

РИСКИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассматривается изменение парадигмы управления человеческими ресурсами в постиндустриальной экономике, при этом особый акцент сделан на организации сервисной сферы, как наиболее перспективной экономической модели. Авторами представлена методика оценки рисков управления человеческими ресурсами, а также описаны результаты ее апробации на материалах организаций сферы услуг.

***Ключевые слова**: риски, менеджмент, человеческие ресурсы, сервисная организация.*

***

Функционирование рыночной экономической системы объективно связано с рисками, которые являются неотъемлемым элементом ее существования [1–4]. Достаточно отметить, что базовая для ведения хозяйственной деятельности концепция прибыли (экономической) многими специалистами, в частности представляющими неоклассическое и институциональное направления экономической теории, напрямую увязывается с информационной неполнотой, информационной асимметрией, неопределенностью и рисками. В связи с этим эффективность менеджмента на уровне фирмы во многом зависит от того, насколько успешно организовано управление рисками.

Безусловно, риски могут быть классифицированы по множеству разных признаков: срочности, сфере проявления, степени опасности, масштабу и т. д., при этом прикладная цель всех приводимых в литературе и используемых на практике классификаций состоит в попытках ранжировать риски по степени их важности для развития и функционирования бизнес-организаций. Представления о ключевых, приоритетных рисках в этой связи находятся в прямой зависимости от стадии эволюции экономической системы, уровня ее институционального развития.

Современный этап развития экономики многие специалисты [5–8] справедливо увязывают с качественными изменениями, обусловленными долгосрочными трендами эволюции хозяйственной системы. Новую экономическую модель, которая формируется в развитых странах мира (и в России) в течение нескольких последних десятилетий, принято называть постиндустриальной, информационной, инновационной экономикой. Суть всех этих терминов, несмотря на определенные смысловые различия, сводится к отражению того обстоятельства, которое подтверждено убедительными эмпирическими данными, что в современных условиях происходит переоценка значимости факторов производства, вовлекаемых в хозяйственный оборот.

На доиндустриальном этапе основой экономики являлись сельское хозяйство и

добывающие (присваивающие) производства. Ключевым ресурсом развития являлась земля (как фактор производства). В эпоху после промышленных революций на первый план вышли различные виды материального (прежде всего отрасли обрабатывающей промышленности) производства, а из факторов производства главенствующая роль стала отводиться капиталу. На постиндустриальной стадии главенствующим сектором экономической деятельности становится так называемый «третичный», базирующийся на производстве разнообразных услуг, производстве и распространении новых знаний (так называемая «экономика знаний») и эмоций и впечатлений (так называемая «креативная экономика»). Специфика этой стадии экономического развития предопределяет возрастание значимости человеческих ресурсов, причем основное внимание уделяется не столько их количественным, сколько качественным характеристикам.

На рисунке 1 приведено предлагаемое нами понимание смены парадигм управления организациями, обусловленное изменениями в приоритетности и значимости факторов, вовлекаемых в производство.

Рис. 1. Эволюция парадигм управления
(составлено М. Г. Иваненко, Е. П. Тимашовым)

Из этого рисунка следует, что если еще в начале XIX в. большинство конкурентных преимуществ организаций зачастую можно было сформировать через доступ к ограниченным природным ресурсам, то в начале XXI в. ведущую роль в формировании конкурентных преимуществ отводят человеческим ресурсам. В этой связи в современных научных исследованиях вполне обоснованно рискам управления человеческими ресурсами организаций отводится важная роль. Это управление рассматривается как ключевая компонента не только подсистемы риск-менеджмента, но и системы менеджмента организации в целом. Человеческие ресурсы представляют собой главную ценность организации, поскольку включают запас знаний, образование, практические навыки, компетенцию, творческие и мыслительные способности сотрудников, их моральные ценности, мотивацию, культурный уровень, отношение к работе, личные связи, используемые компанией для целей получения дохода.

Актуальность вопросов, связанных с управлением рисками человеческих ресурсов, обусловлена в том числе тем, что многие методические вопросы до сих пор остаются актуальными. Отметим, что специалисты в данной области используют различные трактовки самого понятия «риск». Авторы глоссария Общества управления риском дают следующие определения риска: возможность потерь или экспозиция на потери; вероятность потерь или шанс понести потери; опасность, которая может вызвать потери; угроза или условие, повышающие частоту или величину потерь; имущество или человек, находящиеся под опасностью; денежная оценка потенциальных потерь; вариация фактических потерь; вероятность того, что фактические потери будут отличаться от ожидаемых; психологическая неопределенность в отношении потерь.

В прикладных исследованиях риску даются более конкретные трактовки. Так, например, Э. Холмс определяет операционный риск как риск потерь в результате неправильного действия или прекращения выполнения внутренних операций, неправильного поведения людей и нестабильного функционирования систем компании [9]. Как отмечают В. С. Ступанов и Г. С. Токаренко, операционный риск относится к рискам финансовых операций и связан с непрофессионализмом технического персонала, допускающим ошибки в технологии операции с ценными бумагами [10].

В литературе встречаются и другие трактовки риска, которых достаточно много, поэтому мы не будем на них детально останавливаться. Отметим лишь, что риски в значительном числе случаев ассоциируются с ошибочными или недостаточно эффективными действиями персонала.

При анализе рисков человеческих ресурсов следует учитывать их отличительные особенности. Человеческие риски, в отличие от других видов рисков, являются внутренними для организации [11; 12]. Предельно сложно обобщить информацию о потерях, возникающих в результате воздействия указанных рисков. Данная специфика рисков не позволяет получить универсальную информацию о таких потерях путем простого суммирования фактов о нарушениях регламентов, ошибках персонала, его преднамеренных действиях, вызванных недостаточной информированностью и т. д. Человеческие риски затруднительно поддаются количественной оценке, включая численное выражение их вероятности, размера ущерба, а также степени влияния отдельных частных факторов. Для предотвращения данных рисков менеджмент

опирается преимущественно на данные системы внутреннего аудита и контроля [13].

Следует отметить, что достаточно сложной проблемой, на наш взгляд, является обоснование выбора состава наиболее целесообразных видов рисков, которые должны быть учтены в системе риск-менеджмента организации. По нашему мнению, эта задача всегда имеет свою специфику применительно к конкретной отрасли (сфере деятельности), территории, организации. В этой связи наиболее целесообразно решать ее с использованием элементов экспертных методов.

В нашем исследовании к потенциально наиболее существенным рискам, связанным с деятельностью персонала, были отнесены следующие: отсутствие специалистов (имеются в виду специалисты должной квалификации); нарушение системы управления персоналом; потеря специалистов высокой квалификации; нерациональное использование имеющегося кадрового потенциала; незаинтересованность сотрудников в результатах работы; несчастные случаи; отсутствие четких целей; неэффективность системы информационного обеспечения; сопротивление персонала организационным изменениям; текучесть кадров; мошенничество со стороны персонала; отсутствие мотивации; низкий уровень оплаты труда; отсутствие системы аудита персонала.

При определении значимости указанных видов рисков учитывались мнения 20 руководителей сервисных организаций, которые выступили в качестве экспертов (рис. 2). Для оценки согласованности мнений экспертов был рассчитан коэффициент конкордации (уровень значимости $\alpha = 0{,}01$, число степеней свободы $N = 17$). Коэффициент конкордации, характеризующий данный экспертный опрос, оказался равен 0,867, что свидетельствует о достаточно высокой согласованности мнений экспертов (согласованность мнений экспертов не является случайной).

Как показал опрос, наиболее значимыми видами рисков для сервисных организаций являются (рис. 2): отсутствие специалистов; нарушение системы управления персоналом; потеря специалистов высокой квалификации; нерациональное использование имеющегося кадрового потенциала; незаинтересованность сотрудников в результатах работы; несчастные случаи; риск ошибок персонала. Их детальный анализ представлен в таблице 1.

Рис. 2. Значимость факторов рисков, связанных с человеческими ресурсами сервисной организации, ненормированная балльная оценка

Таблица 1

Систематизация рисков по факторам и причинам возникновения

Виды риска	Факторы риска	Причины риска
Риск отсутствия специалистов	Ухудшение финансового состояния организации, неправильное определение критериев выбора, способов подбора персонала	Низкая оплата труда, дефицит специалистов необходимой квалификации на целевом сегменте рынка труда
Риск нарушения системы управления персоналом	Отсутствие гибкой организационной структуры, наличие конфликтных ситуаций в коллективе, снижение уровня мотивации и стимулирования труда сотрудников	Увеличение времени, затрачиваемого на принятие и реализацию управленческих решений
Риск потери специалистов высокой квалификации	Недостаточное развитие системы мотивации и стимулирования труда в организации, отсутствие дифференцированной структуры по возрастному признаку	Переход специалистов в другие организации, уход специалистов с занимаемой должности в связи с возрастом
Риск нерационального использования имеющегося кадрового потенциала	Недостаточная проработанность вопросов, решаемых кадровой службой, и критериев качества ее работы: отсутствие методик, процедур для определения уровня квалификации, умений и навыков сотрудников	Назначение специалистов, имеющих высокую квалификацию, на должности, не требующие данной степени подготовленности
Риск ошибок персонала	Низкая оплата труда в организации, отсутствие процедур регламентирования и нормирования трудовых процессов, отсутствие проработанности процедур по подбору персонала	Несоответствие уровня квалификации сотрудников занимаемым должностям, отсутствие и несоблюдение необходимых инструкций
Риск незаинтересованности сотрудников в результатах работы	Тоталитарный (авторитарный) стиль руководства	Нейтральное отношение сотрудников к своим должностным обязанностям, безынициативность и выполнение работы только в пределах жесткого регламента
Риск несчастных случаев	Отсутствие организованной должным образом охраны труда, несоблюдение техники безопасности, неиспользование в организации специализированных систем безопасности	Наличие случаев травматизма в организации, сниженная индивидуальная способность к адаптации и преодолению стрессовых ситуаций

Помимо качественного оценивания важности (приоритетности) рисков, с прикладных позиций организации риск-менеджмента крайне существенным моментом является их квантификация, т. е. перевод в количественную меру. В этой связи в ходе и по результатам опроса была сделана попытка оценки рисков по степени вероятности наступления риска (параметр «степ») и вероятным потерям (параметр «потери»), которые связаны с риском конкретного вида. В опросе приняли участие 14 руководителей сервисных организаций, его результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты экспертной оценки рисков сервисных организаций, %

Риски	Критерии	Эксперты													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Риск отсутствия специалистов	степ	20	20	20	30	20	50	50	20	30	40	30	10	10	15
	потери	25	20	10	35	40	35	35	20	7	35	40	40	35	20
Риск нарушения системы управления персоналом	степ	30	30	40	50	35	35	40	20	30	20	40	40	40	30
	потери	60	70	35	40	60	30	30	60	35	40	70	60	35	70
Риск потери специалистов высокой квалификации	степ	20	20	25	25	30	35	35	25	40	40	40	60	60	50
	потери	45	60	75	40	60	20	30	40	75	35	75	60	20	30
Риск нерационального использования имеющегося кадрового потенциала	степ	30	30	80	60	40	40	60	20	30	60	40	40	70	40
	потери	40	50	60	70	60	50	40	20	15	40	60	50	70	40
Риск ошибок персонала	степ	50	40	20	10	60	50	50	50	20	20	10	10	10	10
	потери	35	60	20	60	40	35	20	80	35	60	40	70	60	80
Риск незаинтересованности сотрудников в результатах работы	степ	70	35	35	60	50	70	70	40	40	35	40	35	35	60
	потери	80	70	60	90	60	20	35	80	20	60	70	20	60	80
Риск несчастных случаев	степ	10	10	10	15	20	15	10	20	20	10	15	20	10	10
	потери	40	15	40	20	35	50	40	50	20	40	35	40	25	20

Приведенные в таблице 2 оценки, как следует из ее анализа, отличаются значительным разбросом мнений экспертов. Целесообразно в этой связи провести оценивание однородности полученных результатов. Проверка на однородность производилась по критерию Кохрена:

$$G_{\text{оп}} = \frac{\sigma_{\max}}{\sum \sigma_i},$$

где $G_{\text{оп}}$ – искомое значение критерия Кохрена; $\sigma_{\max}$ – значение максимального среднеквадратического отклонения; $\Sigma\sigma_i$ – сумма среднеквадратических отклонений.

Выборки считаются однородными, если выполняется следующее условие:

$$G_{\text{оп}} < G_{\text{табл}},$$

где $G_{\text{табл}}$ – табличное значение критерия Кохрена.

Результаты проведенного опроса представлены в таблице 3. В нашем исследовании, при степенях свободы f1 = 13 и f2 = 2, значение $G_{\text{табл}} = 0{,}58$. Результаты расчета критерия Кохрена приведены в последнем столбце таблицы 3.

С учетом проверки на однородность, из таблицы 3 видно, что соответствие (достоверность) оценок экспертов наблюдается лишь в трех видах рисков: риск отсутствия специалистов, риск нерационального использования имеющегося кадрового потенциала, риск ошибок персонала.

Таблица 3

Оценка рисков управления человеческими ресурсами сервисных организаций на основе критерия Кохрена

Вид риска	Показатели оценки						Критерий Кохрена $G_{оп}$
	Степень вероятности, %			Потери, % от объема прибыли			
	мин. знач.	сред. знач.	макс. знач.	мин. знач.	сред. знач.	макс. знач.	
Риск отсутствия специалистов	10	30	50	7	24	40	0,54
Риск нарушения системы управления персоналом	20	35	50	30	50	70	0,66
Риск потери специалистов высокой квалификации	20	40	60	20	47	75	0,6
Риск нерационального использования имеющегося кадрового потенциала	20	50	80	15	42	70	0,51
Риск ошибок персонала	10	35	60	20	50	80	0,51
Риск незаинтересованности сотрудников в результатах работы	35	53	70	20	55	90	0,62
Риск несчастных случаев	10	15	20	15	37	50	0,72

Наиболее высокий уровень негативного воздействия характерен для риска незаинтересованности сотрудников в результатах работы. По данному риску руководители сервисных организаций выявили наиболее высокие средние значения степени вероятности (53%) и потерь (90%). В связи с этим одной из важнейших проблем на современном этапе развития экономики является обеспечение сервисных организаций хорошо подготовленными и заинтересованными в результатах работы сотрудниками в соответствии с целями и стратегией организации. Поэтому риск «незаинтересованности сотрудников в результатах работы» является ключевым, и нахождение путей его предотвращения позволит сервисным организациям достичь высоких результатов труда.

Для нейтрализации данного вида риска руководителям сервисных организаций следует постоянно выполнять поставленные цели; использовать морально-психологическое вознаграждение, которое повышает уровень удовлетворенности и лояльности; гибкий график рабочего времени; оценку индивидуального вклада сотрудника в конечный результат деятельности организации; применять комплекс процедур для выявления потребностей персонала.

Кроме этого, к группе повышенного уровня воздействия относятся риски нерационального использования имеющегося кадрового потенциала, а также потери специалистов высокой квалификации. Следует отметить, что риск нерационального использования имеющегося кадрового потенциала оказывает негативное воздействие на развитие деятельности сервисных организаций. Это, в первую очередь, связано с высокой текучестью кадров, поскольку текучесть кадров является следствием недостаточной вовлеченности в работу, отсутствия преданно-

сти организации и возможностей для продвижения по службе.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что риски управления человеческими ресурсами в условиях перехода к постиндустриальной экономике являются одними из наиболее значимых в системе менеджмента сервисных организаций. В связи с этим формирование и функционирование целостного механизма управления, ориентированного на учет данных рисков и их предотвращение, является необходимым условием эффективного развития как отдельных сервисных организаций, так и сферы услуг в целом.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Клименко П. А., Шевченко Н. С. Исследование зависимости инвестиционного потенциала Курской области от инвестиционного риска // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2003. – № 1. – С. 167–174.

2. Плотников В. А., Серегин С. С. Управление рыночными рисками деятельности предприятий на основе использования методов нечеткой логики // Экономика и управление. – 2011. – № 3 (65). – С. 79–82.

3. Романовский М. В., Горельченко Е. А. Учет фактора риска при принятии стратегических решений в условиях кризисного развития экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2009. – № 1. – С. 25–35.

4. Стрельник М. М. Сравнение стандартов управления рисками (COSO ERM, FERMA и ISO 31000:2009) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 5. – С. 116–119.

5. Бодрунов С. Д. Модернизация российской экономики на современном этапе // Экономическое возрождение России. – 2012. – № 3. – С. 6–9.

6. Ершова И. Г., Вертакова Ю. В. Комплексный подход к оценке показателей, характеризующих экономику знаний региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2011. – № 1. – С. 109–117.

7. Попов А. И. Неоиндустриализация российской экономики как условие устойчивого развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 3. – С. 7–12.

8. Фляйшер К., Бенсуссан Ф. Стратегический и конкурентный анализ: методы и средства конкурентного анализа в бизнесе. – М.: Бином: Лаборатория знаний, 2009. – 331 с.

9. Холмс Э. Риск-менеджмент: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2007. – 304 с.

10. Ступанов В. С., Токаренко Г. С. Риск-менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 288 с.

11. Мазо В. Контроль риска // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2007. – № 3. – С. 17–21.

12. Макринова Е. И., Мухина М. Г. Методика комплексной оценки управленческого персонала в организациях потребительской кооперации // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3. – С. 696–701.

13. Макринова Е. И., Тимашов Е. П., Мухина М. Г. Количественная оценка качественных показателей в анализе управленческого персонала // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 99–103.

Получено 28.07.15

V. A. Plotnikov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: plotnikov_2000@mail.ru)

M. G. Ivanenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Belgorod University of Cooperation, Economy and Right (e-mail: reandm@rambler.ru)

E. P. Timashov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Belgorod University of Cooperation, Economy and Right (e-mail: reandm@rambler.ru)

RISKS OF MANAGEMENT OF HUMAN RESOURCES IN THE CONDITIONS OF TRANSITION TO POST-INDUSTRIAL ECONOMY

In article change of a paradigm of management of human resources in post-industrial economy is considered, thus the particular emphasis is placed on the organization of the service sphere, as the most significant in perspective economic model. Authors presented a technique of an assessment of risks of management of human resources, and also results of its approbation on materials of the organizations of a services sector are described.

***Key words**: risks, management, human resources, service organization.*

УДК 332.1

Н. А. Некрасова, канд социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: investorkursk@mail.ru)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

В современных условиях России человеческий капитал – это наиболее ценный ресурс, даже более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство. В статье рассматриваются составляющие инвестиций в человеческий капитал, грамотная оценка которых дает возможность объективно оценить благосостояние всего общества в целом.

***Ключевые слова**: человеческий капитал, инвестиции, экономический рост, уровень образования.*

***

Благосостояние любой нации находится в тесной зависимости от качества её рабочей силы, что, в свою очередь, формируется способностями каждого отдельного индивида наилучшим образом использовать свои знания и совершенствоваться через обучение. Стимулирование индивидов к подобным инвестиционным решениям – задача экономической политики любого развитого государства. Иными словами, на сегодняшний день в качестве основного фактора, обеспечивающего экономический рост, необходимо рассматривать человеческий капитал.

Развитые рынки капитала свидетельствуют о том, что условиями конечных ресурсов развития и конкурентоспособности может стать человеческий капитал. На сегодняшний день человеческий капитал является важнейшей составной частью современного производительного капитала, которая включает в себя богатый запас знаний и умений, развитые способности, определяемые интеллектуальным и творческим потенциалом. Несомненно, что в современных условиях основным фактором существования и развития человеческого капитала являются инвестиции. Под инвестициями в человеческий капитал мы понимаем вложение финансовых и других видов ресурсов в образование, воспитание, культуру всего общества в целом и молодежи в частности, не забывая о судьбе будущих поколений, о росте интеллектуального потенциала страны и стремлении получить экономическую выгоду путем совершенствования людей и повышения уровня их профессионализма.

Изучая понятие «инвестиции в человеческий капитал», можно прийти к выводу, что на сегодняшний день не существует единого подхода в его определении. Нами были проанализированы основные определения понятия инвестиций в человеческий капитал в работах

Дж. Минцера, М. Блауга, К. Макконелли и С. Брю, А. Добрынина и С. Дятлова, Дж. Кэндрика, В. Лукашевича, И. Ильинского, Л. Сулеймановой, Л. Туроу, В. Глухова, В. Гальперина, А. Кирьянова, А. Корицкого. В результате выделено несколько видов инвестиций и их подвидов, которые мы рассмотрим ниже.

Необходимо отметить, что важность инвестиций в здравоохранение прослеживается через измерение состояния здоровья граждан страны, плохое состояние здоровья ведет к снижению производительности труда: в состоянии болезни работники не могут в полной мере реализовать свой человеческий капитал, поэтому организации должны быть экономически заинтересованы в инвестициях в здоровье своих сотрудников. Говоря об инвестициях в условия жизни, необходимо помнить о важности бытовых условий. В первую очередь нам бы хотелось отметить важность жилищных условий и сохранение и поддержание экологических требований к среде обитания как важной составляющей нормальной жизнедеятельности людей. Инвестиции в культуру проявляются в процессе всей трудовой деятельности работника, в его способности к самовыражению, желанию проявлять свои творческие, новаторские способности в процессе производства. Инвестиции в оптимизацию миграции трудовых ресурсов особенно значимы для молодежи, начиная с момента получения ими образования. В процессе формирования человеческого капитала важна и мотивация работника, здесь выявляется степень заинтересованности самого предприятия в высококвалифицированных специалистах, т. к. только развитие системы социального партнерства создает возможность повысить компетентность работников и достичь при этом относительного баланса интересов работников и работодателей на основе сотрудничества, компромисса.

Высокая роль образования в процессе формирования человеческого капитала несомненна. Здесь необходимо отметить, что молодой человек должен не только хотеть усвоить знания, преподносимые преподавателем, но иметь при этом определенный уровень творческого развития и мотивации для дальнейшего их практического применения и, возможно, усовершенствования. В этом очень большую роль играет готовность преподавателей развить появившуюся у молодого человека инициативу, а также политика учебного заведения в отношении инновационного развития студентов, то, насколько оно сможет обеспечить молодому человеку необходимые условия.

Иначе говоря, вуз помогает приобрести следующие составляющие человеческого потенциала: знания, воображение, творческий характер, желание самосовершенствоваться и развиваться, инновационный подход к решению поставленных задач, т. е. все те составляющие, которые так важны для формирования креативного класса людей, обладающих творческим мышлением, которые используют знания и навыки достаточно высокого уровня сложности для креативного решения стоящих перед ними задач. Одним словом, это – высокообразованные профессионалы, обладающие инновационными способностями и являющиеся движущей силой экономического роста страны в целом [1].

По нашему мнению, инвестиции в науку приведут к росту креативного класса страны, что, в свою очередь, приведет к увеличению производительности труда. Так как главной производительной силой на сегодняшний день остается человек, основным источником прогресса человечества становится творчество как деятельность, в результате которой создается качественно новый, уникальный продукт, а это служит основой формирования креативного класса. Вследствие этого наиболее ценными и значимыми качествами работников являются их высокий образовательный и профессио-

нальный уровень, интеллектуальный и креативный потенциал [2].

Мы считаем, что ключ к экономическому росту лежит не только в способности привлекать творческий класс, но и в умении воспользоваться им, т. е. перевести их замыслы в экономические результаты в виде новых идей, новых высокотехнологичных предприятий и регионального роста в целом.

Чтобы лучше оценить эти возможности, на наш взгляд, необходимо воспользоваться индексом творчества, разработанным Ричардом Флоридой. Индекс творчества представляет собой смесь из четырех одинаково взвешенных факторов: креативный класс как доля рабочей силы; хай-тек индустрия, названная также индексом высокотехнологичных отраслей; инновации, измеряемые долей патентов на душу населения, и фактор разнообразия, измеряемый соответствием рассматриваемой площади к общему количеству людей, заселяющих площадь, и идей, которые они производят [3]. Данный комбинированный показатель, на наш взгляд, является лучшим показателем основных творческих способностей как отдельно взятого региона, так и всей страны в целом, по сравнению с обособленным креативным классом, потому что он отражает совместное влияние всех факторов, входящих в состав человеческого капитала и инновационных экономических результатов.

Основными видами инвестиций в человеческий капитал предприятия были, есть и остаются на сегодняшний день инвестиции в повышение квалификации работников, удовлетворительное физическое состояние и положительное эмоциональное поведение работников. Мы считаем, что расширение перечисленных инвестиций будет способствовать формированию у работника чувства приверженности организации. Рассмотрим данное явление и его необходимость для формирования человеческого капитала более подробно. На наш взгляд, приверженность работника к организации можно охарактеризовать следующим образом: это когда работник предприятия разделяет и придерживается целей организации и ее ценностей, когда работник организации прикладывает все усилия в стремлении не потерять свое рабочее место, несмотря на определенные для него невыгодные условия, и когда он готов свои личные интересы принести в жертву ради интересов своего предприятия.

Инвестируя в человеческий капитал своего предприятия, работодатель должен быть заинтересован и стремиться к тому, чтобы сохранялась приверженность организации своих работников. Для этого необходим ряд приемов, таких как: установление размера заработной платы работникам в соответствии с результатами деятельности предприятия; введение гибкой системы дополнительного поощрения работников и социальных доплат, учитывающих их индивидуальные потребности. Можно использовать долгосрочные кредиты, возможности повышения уровня образования в вузах как внутри страны, так и за рубежом, льготный режим работы. При возможности работодателя работники по желанию могут выбрать виды дополнительного поощрения и в соответствии со своими запросами обновлять их. Все это будет способствовать сохранению человеческого капитала предприятия и, соответственно, его развитию.

На сегодняшний день в рыночной экономике проблема принятия решений об инвестициях является достаточно сложной. Только если риск от проекта будет минимальным и в будущем будет поток дополнительного чистого дохода от капиталовложений, рациональные инвесторы (государство, фирмы, семьи и индивид) будут вкладывать денежные средства в этот проект. Инвестиции в современных рыночных условиях считают-

ся оправданными, если они обладают достаточно высоким уровнем окупаемости.

Так как уровень образования является одной из основных характеристик человеческого капитала, то необходимо производить оценку экономической эффективности образования. Исследователи по проблеме человеческого капитала говорят, что экономические выгоды образования могут быть самыми разнообразными по форме. Если рассматривать неденежные и косвенные выгоды от образования, то необходимо отметить, что они с трудом поддаются количественному измерению, поэтому ученые основное внимание сосредоточили на его прямом денежном эффекте. Для определения этого эффекта необходимо определить вклад образования в фактор увеличения заработков. Определяя структуру заработков, необходимо выделить подходы под несколькими углами зрения, которые зависят от того, какие именно различия в заработной плате мы будем рассматривать. Так, если говорить о традиционном подходе, то основное внимание отводится неравенству в заработной плате между отраслями и, в свою очередь, делаются попытки определить влияние профсоюзов, рыночных сил, географического месторасположения и других подобных факторов. У современных исследователей появилось мнение, что уровень заработков определяется различиями в квалификации и образовании работников [4].

При этом исследователи человеческого капитала считают, что главным результатом экономической отдачи образования является прирост дохода (заработной платы) работника благодаря повышению его образовательного и профессионального уровня. Экономисты говорят о том, что различия в заработной плате отражают различия в производительности труда, а «денежный доход от образования» рассчитывается как разность в пожизненных заработках тех, кто имеет неодинаковое образование (скажем, выпускник вуза и среднего учебного заведения). Необходимо учитывать, что в издержки образования помимо непосредственных расходов на обучение входит и так называемый упущенный доход (потенциальный заработок, который человек мог бы получить, если бы работал, а не учился). Эксперты утверждают, что на долю недополученного дохода приходится больше, чем на долю прямых издержек на образование.

Прямая зависимость размеров заработной платы и социальной защищенности работников от уровня их образования и квалификации позволяет лицам с более высоким образовательным потенциалом возмещать расходы на обучение и обеспечивать более высокие доходы.

Таким образом, к инвестициям в человеческий капитал относят: расходы на поддержание здоровья, на получение общего и специального образования; затраты, связанные с поиском работы, профессиональной подготовкой на производстве, миграцией, рождением и воспитанием детей, поиском экономически значимой информации о ценах и заработках. В ходе работы мы выяснили, что на сегодняшний день человеческий капитал – это наиболее ценный ресурс современного общества, даже более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Из трактовки человека как основного капитала непосредственно вытекала необходимость разработки количественной оценки человеческого капитала. Грамотная оценка человеческого капитала дает возможность объективно оценить капитал всей компании, а в итоге благосостояние всего общества в целом. Современная кадровая политика предприятий должна обеспечивать наиболее эффективное использование человеческого капитала компании, уметь заинтересовать всех своих сотрудников в данном виде деятельности. Анализ эффективности инвестиций в человека показывает, насколько значимым становится для

фирм затрачивать огромные средства на здоровье и образование работников, поскольку в будущем обеспечивается больший доход всей компании.

Список литературы

1. Некрасова Н. А. Роль высших учебных заведений в становлении человеческого капитала на примере Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – №4. – С. 142–146.

2. Харченко Е. В., Некрасова Н. А. Источники накопления и составляющие человеческого капитала // Креативная экономика. – 2014. – № 3 (87). – С. 11–22.

3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. А. Константинова. – М.: Классика XXI, 2007. – 432 с.

4. Колмыкова Т. С., Некрасова Н. А. Пути формирования сбалансированной политики по развитию человеческого капитала в Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2015. – №2 (15). – С. 125–130.

Получено 17.06.15

N. A. Nekrasova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: investorkursk@mail.ru)

CONCEPT AND ESSENCE OF INVESTMENT IN HUMAN CAPITAL

In modern conditions of Russia, human capital is the most valuable resource, even more important than natural resources or accumulated wealth. The article discusses the components of investment in human capital, competent assessment of which makes it possible to objectively assess the well-being of society as a whole.

***Key words**: Human capital, investment, economic growth, level of education.*

УДК 316.74

О. А. Ветрова, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: oksana7vet@ya.ru)

О. О. Нишнианидзе, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: olgan73@yandex.ru)

А. И. Алексеенко, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (alex-2-alex@yandex.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируются особенности развития единого образовательного пространства России и Беларуси. Авторы приходят к выводу о том, что в настоящий момент оба государства прилагают значительные усилия в создании и активном формировании единого образовательного пространства на основе согласования правовой базы, образовательной системы и активизации социальных связей между субъектами на различных уровнях.

***Ключевые слова**: единое образовательное пространство, сотрудничество, высшее образование.*

***

В настоящее время, когда в обществе информация приобретает всё большее значение и оказывает серьёзное влияние на сознание людей, когда взаимодействие народов во многом определяется теми идеями, ценностями, которые в большинстве своём они разделяют, любой политический союз невозможен без духовного единства, единства определённых ценностей, информационного пространства и, конечно же, образования. Именно образование формирует преемственность

большинства важных социальных аспектов, таких как образцы выстраивания взаимодействий, отношение к другим культурным особенностям.

В процессе создания союза между государствами России и Беларуси формированию единого образовательного пространства отводится особая роль, при этом формируется правовое поле, где гражданам обоих государств предоставлялись бы равные возможности.

Важное место при формировании единого образовательного пространства занимают Еврорегион «Неман» (Гродненская область Беларуси, Мариямпольский, Алитусский и Вильнюсский поветы Литвы и Черняховский, Краснознаменский, Озерский, Гусевский и Нестеровский районы Калининградской области Российской Федерации), созданный в 1997 г. и Еврорегион «Днепр» (Брянская область Российской Федерации, Гомельская область Беларуси и Черниговская область Украины), созданный в 2003 году [1].

Создание единого образовательного пространства регламентируется в планах совместных мероприятий по формированию единого образовательного пространства Союзного государства до 2015 года, решениях ежегодно проводимых совместных заседаний коллегий Министерства образования Беларуси и Министерства образования и науки России, а также в таком значимом документе, как Концепция социального развития Союзного государства [2].

Среди основных направлений, которым уделяется особое внимание, обозначаются, прежде всего, согласованные политические действия представителей государств России и Беларуси в области образования, что позволяет сформировать международный уровень. Продумываются формы и методы обеспечения социальной защищенности как работников образования, так и обучающихся, включая тех людей, у которых наблюдаются особенности психофизического развития. При формировании единого образовательного пространства внимание уделяется обеспечению согласованности образовательных программ, сроков обучения, указанию специальностей, квалификаций, которые должны соответствовать международной системе квалификаций профессионального образования. При поступлении гражданам предоставляются равные возможности на территории другого государства. Они проявляются в согласованности сроков проведения вступительных испытаний, взаимном признании результатов Центрального тестирования и Единого государственного экзамена при поступлении в высшие учебные заведения совместного подчинения, а также система переводов оценок из десятибалльной системы в пятибалльную по итогам получения образования в вузах.

Продолжают формироваться единые принципы построения процесса образования на всех уровнях обучения, совместное информационное пространство посредством создания общих электронных библиотек и иных ресурсов, где представляются издания учебников, учебно-методических пособий с грифом объединенного УМО двух стран. Доступ к таким ресурсам предоставляется как обучающимся, так и профессорско-преподавательскому составу.

Вырабатываются единые требования, предъявляемые к качеству образования, которые соответствуют международным образовательным стандартам, что реализуется через совместную аттестацию образовательных программ. Развиваются совместные проекты в области научных исследований с привлечением обучающихся двух стран и профессорско-преподавательского состава. Уделяется значительное внимание воспитательному процессу в рамках образования, формированию молодёжных общественных движений, которые бы поддерживали и укрепляли взаимодействие двух государств [2].

В системе дошкольного образования Беларуси развивается сеть учреждений

разных профилей: дошкольные центры развития, детские сады-школы, специальные дошкольные учреждения (группы), интегрированные группы. Принимаются меры по развитию пользующихся спросом у населения новых форм дошкольного образования с кратковременным пребыванием детей (семейный детский сад (детский сад на дому), игровая, сезонная площадка). Повышению качества процесса обучения детей дошкольного возраста, в том числе и не посещающих дошкольные учреждения на постоянной основе, как и в Российской Федерации, способствует 100% выполнение государственных социальных стандартов [3].

Взаимодействие учащихся в рамках среднего образования осуществляется, прежде всего, на основе проведения совместных олимпиад, конкурсов, туристических слетов, гражданско-патриотических и военно-патриотических смен. Так, ежегодно проходят олимпиада школьников Союзного государства «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность» и Спартакиада для детей и юношества. В 2015 году запланировано проведение: конкурса научно-технического творчества учащихся Союзного государства «Таланты XXI века», туристского слета учащихся Союзного государства, гражданско-патриотической кадетской смены учащихся Союзного государства «За честь Отчизны», военно-патриотической смены учащихся суворовских военных (нахимовского военно-морского) и кадетских училищ Беларуси и России [4].

Организовано совместное лечение и оздоровление детей из районов Беларуси и России, наиболее пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Ежегодно в Беларуси проходит съезд учителей и работников образования стран СНГ, который призван способствовать интеграции образовательных пространств стран Содружества.

Основным аспектом во взаимодействии образовательных пространств России и Беларуси является сотрудничество высших учебных заведений. Ежегодно увеличивается число договоров о сотрудничестве в сфере образования межрегионального и межвузовского уровней. Так, в настоящее время межрегиональное сотрудничество областными регионами Республики Беларусь и г. Минском осуществляется почти с 40 регионами Российской Федерации, между учреждениями образования заключено более 600 соглашений о сотрудничестве [5, с. 20].

Как отметил министр образования и науки России Дмитрий Ливанов: «Формирование единого научно-технологического пространства, а также общего образовательного пространства и молодежной политики являются составной частью Приоритетных направлений и первоочередных задач дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу 2014–2017 годов. Активное вовлечение молодежи в реализацию поставленных задач закладывает прочный фундамент в развитие всестороннего взаимодействия интеграции наших стран. При рассмотрении вопросов повестки дня предлагаю обратить особое внимание на разработку мероприятий по дальнейшему совершенствованию и сближению систем образования Беларуси и России, созданию механизмов совместной аккредитации учреждений высшего образования, согласованию условий и сроков вступительных кампаний в вузы Беларуси и России. В научно-технологической области назрела необходимость масштабной корректировки организации и тематики совместных исследований и разработок, обеспечение взаимовыгодной коммерциализации не только в рамках двусторонних программ и проектов, но и участия партнеров другой стороны в национальных программах и проектах» [6].

8 июля 2015 г. в Москве состоялся семинар-совещание расширенного состава Президиума Научно-консультативного совета (НКС) Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. В заседании

приняли участие руководители отделений НКС, депутаты Парламентского Собрания, а также приглашенные эксперты и ученые обеих стран. Главной темой повестки дня стал вопрос гармонизации законодательства для формирования единого научно-технического и образовательного пространства Союзного государства.

На настоящий момент около 2 тыс. россиян обучаются в университетах Беларуси, что составляет 20% от 10486 студентов из 84 стран, обучающихся в республике [7]. В свою очередь, в вузах Российской Федерации обучается около 17 тыс. белорусских граждан. С каждым годом образовательные услуги для граждан Союзного государства становятся все более доступными.

Граждане Беларуси принимаются в российские вузы на бюджетные места по конкурсу и в порядке, определяемом правилами приема в конкретное учебное заведение. Вузам рекомендовано руководствоваться принципами социальной поддержки граждан, испытывающих затруднения в реализации своих прав на образование. Наиболее тесное сотрудничество в данном направлении налажено с Московским государственным гуманитарно-экономическим институтом, в котором обучаются студенты-инвалиды с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Чтобы поступить в российский вуз, не обязательно покидать Беларусь.

В стране реализуется ряд проектов по организации совместной подготовки специалистов с высшим образованием. В соответствии с Соглашением между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации, подписанным в г. Могилеве 19.01.2001, приказами Министерства образования Российской Федерации и Министерства образования Республики Беларусь №3862/518 от 28.11.2001 и №2102/206 от 15.05.2003, и приказом Министерства образования Республики Беларусь №371 от 23.09.2003 Могилевский государственный технический университет (МГТУ) преобразован в Государственное учреждение высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет» (Белорусско-Российский университет). При этом часть студентов этого университета в Беларуси обучаются за счет средств федерального бюджета Российской Федерации.

Белорусско-Российский университет является крупнейшим региональным научно-образовательным центром, в состав которого входят институт повышения квалификации и переподготовки кадров, архитектурно-строительный колледж и лицей. Подготовка специалистов осуществляется по 16 специальностям и 31 специализации по белорусским образовательным стандартам и 7 специальностям по российским образовательным стандартам. Архитектурно-строительный колледж ведет подготовку по 4, а ИПК позволяет пройти переподготовку и получить второе высшее образование по 9 специальностям. Студенческий состав университета насчитывает более 7500 человек, общая численность обучающихся во всех структурных подразделениях вуза достигает 12000 человек [8].

Создан и успешно работает в г. Минске филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики. Педагогические коллективы Московского института электроники и математики, Санкт-Петербургского государственного университета, Белорусского национального технического университета и Гомельского госуниверситета им. Ф. Скорины реализовали проект «Союзный научно-образовательный центр – университет интеграции» [9].

Идет реализация проектов по точечной подготовке белорусских специалистов в вузах России по различным наукоемким направлениям. Национальная академия наук Беларуси и Российская академия наук разработали план совместной работы на 2016–2020 годы. Документ был рассмотрен 16 июня 2015 г. в Москве

на совместном заседании президиумов главных научных учреждений двух стран. В нем Беларусь и Россия рассматривают возможность реализации 17 новых научных проектов в области био- и нанотехнологий, медицины, информационно-коммуникационных технологий, космических, лазерных исследований. Отдельной темой стали задачи НАН Беларуси в совершенствовании научной сферы и развитии инновационной деятельности в Беларуси [10].

Создание единого образовательного пространства Беларуси и России направлено на достижение следующих целей: согласование систем образования в области образовательной политики, структуры, содержания, форм и методов обучения, вступительных требований и требований к выпускникам; повышение качества образования; разработка общих механизмов и методов оценки качества высшего образования; стимулирование научных исследований в области высшего образования; согласование документов в области образования и науки; формирование единой системы дистанционного образования, единой системы повышения квалификации специалистов и т. д. [10]

Соответственно, для достижения поставленных целей наиболее важны три основных компонента. Первое – формирование нормативно-правовой базы, позволяющей свободно взаимодействовать России и Беларуси в области образования. Вторым компонентом является согласованность образовательных систем в области регламентации поступления в учебные учреждения, принципов обучения, а также критериев определения качества получаемых профессиональных знаний, умений, навыков и системы их совершенствования. На этой основе становится возможным активизация третьего компонента, который, соответственно, и является характеристикой образовательного пространства, – это динамическое единство субъектов образовательного процесса и их отношений.

Образовательное пространство характеризуется не только объемом образовательных услуг, но и мощностью, интенсивностью образовательной информации, образовательной инфраструктурой общества. Основными же характеристиками образовательной инфраструктуры являются качественный и количественный состав элементов данной инфраструктуры, их пространственное расположение и взаимодействие. Инфраструктура задает размеры и другие топологические свойства образовательного пространства. Очень важно активное взаимодействие этих инфраструктур между государствами на различных уровнях. Темпы осуществления образовательных функций в естественных условиях недостаточны. Поэтому очень важно стимулировать процесс взаимодействия субъектов образовательной деятельности государств целенаправленными изменениями, активировать мотивацию взаимоотношений людей для интенсификации образовательного процесса.

На основе приведённых данных можно сказать о целенаправленном активном процессе создания единого образовательного пространства России и Беларуси. Учитываются все наиболее важные компоненты успешного функционирования образовательного пространства, особенности правовой, образовательной систем, а также специфика формирования социальных связей между государствами. Этот опыт позволяет России в дальнейшем развивать процесс унификации образования для соответствия существующим мировым стандартам в этой области. Несмотря на возникающие трудности в построении единого образовательного пространства Союзного государства необходимость его обусловлена взаимосвязью и общностью наших народов, их культурными и религиозными традициями.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект №14-23-01009.

Список литература

1. Еврорегионы Беларуси [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: http://beleuroregion.by/index.php?id=62 (дата обращения: 08.06.2015).

2. Концепция социального развития Союзного государства на 2011–2015 [Электронный ресурс] // Постоянный Комитет Союзного государства: офиц. сайт. – URL: http://www.postkomsg.com/news/ (дата обращения: 08.06.2015).

3. Жук А. И. Качество в системе приоритетов государственной политики в области образования в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – URL http://bel-educ.narod.ru/BED011.htm (дата обращения: 09.06.2015).

4. Распределение расходов бюджета Союзного государства на 2015 год по разделам, подразделам, целевым статьям и видам расходов бюджета Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – URL: http://www.soyuz.by/ download_files/budget2015/pril-2.pdf (дата обращения: 10.06.2015).

5. Ковалева Т. Н. О подходах в рамках Союзного государства к созданию общего образовательного пространства Беларуси и России // Оптимизация содержания социально-гуманитарного образования в вузах Беларуси и России в контексте Болонского процесса: материалы проблемного семинара. – Кострома, 2011. – 219 с.

6. Совместная коллегия Министерства образования Республики Беларусь, Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, Министерства образования и науки Российской Федерации состоялась в Минске [Электронный ресурс] // Министерство образования Республики Беларусь: офиц. сайт. – URL: http://edu.gov.by/main.aspx?guid=18021&detail=2927473 (дата обращения: 10.06.2015).

7. Как иностранцу поступить в Белорусский ВУЗ [Электронный ресурс] // Моя Беларусь. – URL: http://moya-belarus.ru/pub/ucheba-v-belarusi (дата обращения: 09.06.2015).

8. История университета [Электронный ресурс] // Белорусско-Российский университет: офиц. сайт. – URL: http://bru.by/content/university/history (дата обращения: 07.06.2015).

9. Как белорусу поступить в российский вуз? [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2012. – 22 февр. – URL: http://www.rg.ru/ 2012/02/22/pochta.html (дата обращения 07.06.2015).

10. Академии наук Беларуси и России разработали план совместной работы на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] // Новости Беларуси: Белорусское телеграфное агентство: офиц. сайт. – URL: http://www.atom.belta.by/ru/news_belta/view/ akademii-nauk-belarusi-i-rossii-razrabotali-plan-sovmestnoj-raboty-na-2016-2020-gody-5900 (дата обращения: 08.06.2015).

Получено 12.08.15

O. A. Vetrova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: oksana7vet@ya.ru)

O. O. Nishnianidze, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: olgan73@yandex.ru)

A. I. Alekseenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (alex-2-alex@yandex.ru)

SOCIOCULTURAL CONDITIONS FORMATION AND OPERATION OF A COMMON EDUCATIONAL SPACE RUSSIA AND BELARUS IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION

The article analyzes the peculiarities of the development of a unified educational space between state of Russia and Belarus. The authors come to the conclusion that at the moment both States have made significant efforts in creating and active the formation of a unified educational space, based on the harmonization of legal, educational systems and intensification of social relations between actors at different levels.

***Key words**: unified educational space, cooperation, higher education.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.754.4

Е. Г. Каменский, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: kamensky80@mail.ru)

РЕПЛИКАЦИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ДЕСТРУКЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ)

В статье представлено авторское видение проблем репликации коррупции в контексте социокультурного воспроизводства. Методология исследования базируется на ряде синергетических императивов анализа иерархизированных параметрических систем. Базовым проблемным полем научного поиска выступают механизмы распространения коррупционных паттернов сознания и поведения субъектов социально-профессиональных практик. Теоретическая верификация основных конструктов осуществляется на примере института высшего образования.

***Ключевые слова**: коррупционная культура, коррупционное сознание, паттерн, репликация, трансляция, высшее образование, социальные деструкции, социальные системы, параметрический анализ.*

***

Репликация представляет собой самовоспроизведение, самокопирование определенного объекта, который может быть простым и выражен одним однородным (гомогенным) элементом или сложным и представлять собой их совокупность (систему). Нередко термины «саморепликация» и «репликация» употребляют как синонимы. Реплика понимается как воспроизведенный оригинал, сохраняющий базовые, репрезентивные ему свойства.

При рассмотрении механизмов саморепликации коррупции в системе высшего образования (далее – ВО) необходимо включить этот вопрос, как частный, в контекст проблемы общественного воспроизводства и его основных характеристик для построения теоретико-методологического конструкта исследования.

Н. Ц. Шойдокова, анализируя работы В. И. Чупрова, А. С. Ахиезера, И. Г. Яковенко и др., приводит следующие типологии воспроизводства, отмечая, что «в большинстве случаев в основании типологии социокультурного воспроизводства взят критерий полноты воспроизведенного наследия, т. е. отношения масштабов конечного состояния системы к исходному, как и в экономике, но ставятся иные акценты» [1, с. 119].

Например, В. И. Чупров выделяет такие типы социального воспроизводства, как: суженное, или деструктивное (отставание развития), простое (повторение) или расширенное (возобновление во все увеличивающихся масштабах) [2, с. 66]. А. С. Ахиезер выделяет деструктивный, простой (статичный) и интенсивный (динамичный) типы социокультурного воспроизводства на основании критерия его эффективности [3]. Типология И. Г. Яковенко основана на понимании модернизации как перехода от традиционного к современному обществу, характеристикой которого является движение к «имманентно-динамическому качеству», которое соответствует переходу от ценностно-рационального (wertrationale) к целерациональному [4, с. 109]. Сама Н. Ц. Шойдокова выделяет критерием типологизации социокультурного воспроизводства степень новативности их механизмов, что позволяет понимать их собственную трансформацию в соответствии с современными особенностями состояния социума и происходящих в нем процессов [1, с. 119].

Согласно В. В. Кирпичеву, воспроизводственный цикл состоит из четырех взаимообусловленных фаз: производства, распределения, обмена и потребления, где главная роль отводится производству,

которое в его процессуальных аспектах и понимается как собственно воспроизводство, как создание нового продукта на основании произведенного ранее. Конечной целью общественного воспроизводства всегда, абстрактно, является человек [5]. Он же пишет, что интеллектуальный труд имеет своим результатом создание нематериальных благ, в том числе образовательных услуг, научных открытий и т. д. [Там же]

Мы полагаем, что система высшего образования охватывает указанный спектр объектов воспроизводства, включая как собственно антропный объект (человека), так и продукты научно-образовательной деятельности. Таким образом, данная институциональная система содержит в себе и механизмы осуществления этого процесса. В этом случае мы можем констатировать, с учетом функционального комплекса ВО, что данные типы воспроизводства являются инструментами реализации более масштабных функциональных процессов, объединенных общей целью высшего образования как социального института по воспроизводству и поддержанию социальной структуры общества.

Кроме того, в современных условиях необходимо учитывать тенденцию унификации моделей управления различными социокультурными и производственными сферами общественной жизни, где унифицируется и подход к пониманию и оценке результатов функционирования разноотраслевых социальных и экономических институтов.

В частности, по мнению А. В. Николаева, знания, интегрируемые производством в разных формах, являются объединяющим началом всех трактовок, формирующим человеческий фактор. Знания, воплощенные в невещественных объектах, приобретают социально-экономическую форму капитала. Затраты на формирование знаний являются реальными производительными инвестициями. Производительное использование образованного человека обеспечивает получение более высокого дохода в будущем [9, с. 124].

По нашему мнению, данный тезис иллюстрирует утилитарно-прагматический, потребительский подход к образованию, в том числе высшему. Это адекватно отражает весь контекст социокультурной среды современного типа общества, характеризуемого как «общество потребления», основные черты которого обусловлены практикой социальной реализации идеологии постмодерна. В свою очередь, унификация выступает одним из основных следствий такой ситуации, парадоксальность которой, по мнению М. С. Николаева, заключается в том, что, «провозглашая фундаментальными ценностями индивидуальное развитие, субъективное своеобразие, уникальность личности, этика постмодернизма (потребительская по своему существу) работает на «выравнивание» социокультурных практик, усиливает их однородность» [7, с. 23–24].

На основе данного утверждения можно констатировать гомогенную ценностную среду институциональной системы высшего образования как пространства трансляции унифицированного социокода, в данном случае коррупциогенного содержания. Другими словами, модели коррупционных практик, типизируясь как характеристика образовательной среды, пролонгируются в институциональное развитие системы высшего образования.

Следовательно, происходит саморепликация социокодов коррупционной культуры в контексте механизмов воспроизводства социальной структуры. При этом под элементами этой общей структуры должны пониматься не только статусные, ролевые или институциональные образования подструктур социума, но и наполняющие их ценностно-нормативные и потребностно-мотивационные содержания, локализованные на уровне субъекта (индивида).

Таким образом, через имитационные коррупционные практики воспроизво-

дится консервативная, а не прогрессивная социальная структура, основанная на такой ее статусной единице, как «неквалифицированный потребитель», а также результатах их конгломерации в социально-профессиональных структурах социального взаимодействия общества с характерными для них ценностно-нормативными и поведенческими матрицами. Так как для России характерна устойчивая коррупционная традиция, то ее социокоды транслируются в мировоззренческие и поведенческие модели будущих поколений, саморепликация коррупционной культуры реализуется через всю институциональную систему общества.

Например, коррупционность института высшего образования как агента воспроизводства социальной структуры и ее трансформации через процесс профессиональной социализации поколений, репликации базовых структур общества, обеспечивающих преемственность форм социального развития в их динамике, представляет собой наибольшую опасность, наряду с иными институтами (власть и аналогичные), для устойчивого развития социума. Именно имитационность и симуляция образования являются определяющими процесс унификации образовательной деятельности по аналогии с иными социальными практиками общества потребления характеристиками, содержательно-смысловое наполнение которых более не связано с их реальной социальной ценностью.

Представленные позиции выступают основой понимания механизмов репликации коррупционных деструкций в системе высшего образования. Далее мы постараемся проиллюстрировать наши утверждения более подробно.

Конкретизируя указанные положения, можно апеллировать к мнению М. С. Николаева, утверждающего, что «…предметы культуры потребления характеризуются не своим непосредственным назначением (в этом отношении они могут быть бесполезны), а знаковой функцией. Благодаря ей обладатель той или иной вещи может заявлять о своей принадлежности к определенному социальному слою. Гомогенизация социально-культурных практик под знаком потребительства, в основе которого лежат единые стандарты поведения, рождает все большее количество людей, чьи реальные возможности, опыт и социальное окружение находятся в состоянии антиномии с желаемым положением и с их притязаниями» [7, с. 25].

Приведенная позиция подтверждает высказанное выше мнение о формировании такого типа личности, как «неквалифицированный потребитель», где присвоение статуса специалиста с высшим образованием выступает символической формой достижения определенных этапов мобильности через симуляцию статуса посредством имитационных практик в системе ВО. В данном случае речь не идет о полной симуляции процесса образовательной деятельности в вузах, а акцентирует все более увеличивающийся масштаб этих явлений.

Наиболее важным следствием из сложившейся ситуации выступает превращение высшего образования в объект потребления, определенный легитимирующий статус личности символ, идентификационный признак идеологии «причастности» субъекта к массовым процессам потребления определенного комплекса обязательных атрибутов. Именно это является ключевым, фундаментальным фактом в понимании механизмов репликации коррупционных деструкций, т. к. отражает масштаб выхолащивания содержания высшего образования в современный период, где его формальное аномичное регулятивное пространство наполняется адаптивными коррупционными моделями.

Опять же, М. С. Николаев отмечает: «В современном обществе сформировался огромный ресурс репликации потребительства – ценностно пустой социально-культурной практики, превращающей че-

ловека-консьюмера в объект, заслоняющий от него подлинно человеческое бытие» [7, с. 26]. Следовательно, реплицируя символическую ценность высшего образования, реплицируется и социальная практика, а также ее ценностно-нормативное содержание, направленные на достижение искомого символического статуса. В данном случае идеологемы реальной социально-практической, стратегической цели получения высшего образования, его роли в социальной и индивидуальной биографии продолжают сохраняться, но также содержательно отличны от традиционных смыслов. В первую очередь имеется в виду символическая, идентификационно-статусная, а не практическая его ценность.

С. А. Дюжиков отмечает: «Феномен образования объясняется социокультурным подходом как формой человеческой культуры, направленной на трансляцию и усвоение культурных ценностей, следовательно, предметом обучения являются культурные ценности» [8, с. 213]. Принимая данный тезис как исходный, мы можем констатировать, что изменение ценностного содержания мотивации получения высшего образования детерминирует изменение моделей обучения, актуализируя неформальные практики профессиональных отношений, интегрируя коррупционные паттерны мировоззрения в комплекс установок личности, чем преодолевается аномия регулятивного комплекса стандартов обучения в вузе. По мере типизации таких явлений, хронологической устойчивости, социальной апробации происходит их репликация, и следовательно, вырабатываются, типизируются и механизмы репликации коррупционной культуры, на которой они основаны.

Иными словами, коррупция воспроизводится в контексте вопроизводства социокультурных отношений, для которых она типична, т. е. наследуется как, например, ген или вирус в процессе биологической репликации, от одного поколения к другому. Следовательно, социальный ген, или социокод (информация, информационный комплекс, где информация понимается максимально широко), коррупции передается в социальную перспективу, реплицируясь в социокультурных, институциональных, субинституциональных и субъект-субъективных структурах.

Таким образом, можно утверждать, что саморепликация коррупциии, ее деструкций происходит путем тиражированного производства ее компонентов, а главное – всей ее структуры и связей, т. е. коррупционной культуры. Локализация данных процессов в институциональной системе высшего образования происходит на разных уровнях ее иерархической структуры: воспроизводятся параметры порядка, управляющие параметры, субъективные паттерны и, как следствие, коррупционные поведенческие практики. При этом невозможность полной редукции констатирует наличие устойчивых социокодов на всех уровнях иерархии, где на каждом низлежащем уровне по вертикали они конкретизируются в типичные идентифицируемые через коррупционные модели поведения установки.

С учетом того, что в России сформировалась устойчивая коррупционная культура, для нее характерны те же механизмы, что и для воспроизводства культуры как таковой, но если мы говорим о ее саморепликации (ауторепродукции), то должны понять, как коррупция воспроизводит саму себя. Так как она деструктивна в отношении легитимного (формального, законного) порядка, то речь идет о самовоспроизводстве коррупционных деструкций.

Например, в отношении данной проблемы В. А. Останин отмечает: «Так как коррупционеры не всегда могут довольствоваться исключительно одномоментными формами извлечения дохода из-за краткого срока исполнения своих функций, то они стараются создавать коррупционную систему отношений распреде-

ления, пользования и присвоения в целом в обществе. Для этого в обществе формируется соответствующая ресурсная база, создание которой есть инвестиционная деятельность коррумпированного чиновничества, которая имеет соответствующий объект – институт властных коммуникаций в обществе. Власть становится таким же фактором присвоения, как и капитал, земля, предпринимательские способности» [9, с. 43]. Другими словами, формируется воспроизводящая коррупцию социальная система, обладающая всеми признаками институционального характера, которую мы и определяем как коррупционную культуру. Это в равной степени относится и к системе высшего образования, где отношения власти-подчинения, как типичные для всех социальных иерархических структур, также являются основой социально-профессионального взаимодействия.

Крайне важно в данном случае подчеркнуть, что, согласно В. А. Останину, воспроизводится ресурсная база коррупции через присвоение власти, а по сути, возможности авторитарного осуществления определенных функций. Другими словами, наблюдается борьба репликатора за ресурс среды, заключающаяся в возможности построения коррупциогенных условий реализации своих функций. Здесь направленно формируется комплекс условий репликации коррупции.

Аналогичным образом данные процессы протекают в институциональной системе высшего образования. Воспроизводя социальную структуру общества в процессе профессиональной социализации и реализации своих институциональных функций, система высшего образования через трансляцию коррупционных социокодов, типичных для социокультурной среды, реплицирует и коррупционные паттерны и модели отношений, стабилизируя как их самих, так и механизмы такой репликации. Таким образом выстраивается коррупциогенная система отношений как средовой ресурс репликации коррупции, позволяющий ей воспроизводиться в будущем. При этом воспроизводятся коррупционные деструкции как самой институциональной системы высшего образования, так и подобные деформации, характерные для всей совокупности и многообразия социальных практик.

Указанные процессы необходимо также проиллюстрировать на групповом и субъектном уровне локализации. Именно на этом уровне происходит процесс опредмечивания паттернов коррупционного сознания через поведенческие практики. При этом важен учет индивидуально-групповых связей, выступающих каналами диссипаций социально значимой информации в процессах интеракций, перцепций и коммуникации.

Очевидно, что ценностно-нормативное содержание групповой идеологии транслируется в биографии группы в будущее, сохраняя ее базовые характеристики. Носителями социокодов в преемственности ценностно-нормативного содержания и выступают индивиды как элементы системы, обладающие всеми атрибутами социальной субъектности, в том числе групповой идентичностью. Последняя во многом определяет стили социального поведения, санкционированные группой. Таким образом, групповая идеология (формальная или неформальная) транслируется в эмпирически воспринимаемые поведенческие стратегии. В этом случае сама группа, ее участники, идентифицируемые с ней как с референтным целым, выступает макроиндивидом. Подобным феноменом и выступает вузовская или любая другая институциональная субкультура.

Е. В. Макарихин отмечает: «Так или иначе, идеология макроиндивида – феномен теоретической деятельности человека, существование которого как сопровождает, так и обусловливает выделение, самоидентификацию и само существование естественной общности. Репродукция, временная трансляция цели суще-

ствования общности из поколения в поколение – функция идеологии; а эта цель, в итоге, – репродукция, саморепликация общности в циркуляции поколений» [10].

Саморепликация общности в циркуляции поколений, акцентируемая Е. В. Макарихиным, предполагает эволюцию личностных стандартов, а также оценку факторов воспроизводства признаков личности в современном обществе [10]. В данном случае вновь необходимо обратиться к проблемам характеристик современного российского общества в интересующем нас аспекте. Устойчивый в традиции, идентифицируемый системный феномен коррупционной культуры, следовательно, включен в содержание базового национального архетипа. На личностно-групповом уровне социальной психологии нации он и представлен коррупционным сознанием [11].

По нашему мнению, коррупционные паттерны национального архетипа определяют и столь низкий уровень эффективности антикоррупционной политики в России, скептические настроения населения в отношении антикоррупционной идеологии политических деклараций. Б. Пойзнер и Э. Соснин, рассматривая русские традиции «исправления мира», отмечая возможность смены базового российского архетипа, тем не менее подчеркивают ее гипотетичность. Одним из оснований реализации такого сценария они, опираясь на М. Вебера, считают десакрализацию мира [12, с. 42]. Однако мы должны учитывать устойчивую российскую традицию сакрализации власти. Данную установку общественного сознания иллюстрирует хотя бы известная поговорка «я начальник – ты дурак».

Применительно к системе высшего образования мы можем наблюдать аналогичные идеологемы социально-профессионального взаимодействия [13; 14]. Сакрализация власти в образовательной среде присутствует на всех уровнях ее иерархической структуры. В частности, формирование государственных образовательных стандартов формируется Минобрнауки без реального учета мнения профессионального преподавательского корпуса вузов и вузовской администрации, несмотря на формально проводимые встречи работников и высшего руководства системы на заседаниях УМУ. Аналогичные процессы наблюдаются и на уровне самих вузов, их подразделений. Традиционные для трудового договора преподавателя вуза формулировки в отношении свободы его выбора относительно форм и методов педагогической работы со студентами нивелируются федеральными и локальными нормативами, закрепляющими жесткие, но нередко нормативно противоречивые бюрократические процедуры ее осуществления. Подобных примеров можно привести достаточно большое количество. Все они подтверждают устойчивые традиции сакрализации власти, носящие коррупциогенный характер, т. к. любые закрытые процедуры, не требующие своего законного обоснования, позволяют манипулировать способами реализации властных функций субъектов управления. Данный вывод полностью распространяется и на отношения студентов и преподавателей, что на фоне крайне низкого образовательного уровня первых и низкой зарплаты вторых усугубляет коррупциогенность контекстов взаимоотношений в вузах.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Коррупциогенные риски инновационного развития: социолого-криминологический анализ», проект №13-33-01265.

Список литературы

1. Шойдокова Н. Ц. Молодежь в социокультурном воспроизводстве: к вопросу о типологии социокультурного воспроизводства // Вестник ЧитГУ. – 2008. – № 1 (46). – С. 117–121.

2. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2001. – 231 с.

3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1: От прошлого к будущему. – Новосибирск: Новосибирский хронограф, 1997. – 806 с.

4. Яковенко И. Г. Свежий взгляд на историю // Общественные науки и современность. – 1999. –№ 1. – С. 106–114.

5. Кирпичев В. В. Воспроизводство трудовых ресурсов как важнейший компонент общественного воспроизводства [Электронный ресурс]. – URL: http://www.portalus.ru/modules/ruseconomics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1325598647&archive=&start_from=&ucat=4& (дата обращения: 23.03.2015).

6. Николаев А. В. О человеческом факторе в современном воспроизводстве // Вестник РГГУ. – 2009. – № 3. – С. 123–131.

7. Николаев М. С. Воспроизводство потребительских социально-культурных практик // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10, вып. 4. – С. 23–26.

8. Дюжиков С. А. Социокультурный подход к исследованию деятельности государства в условиях формирования рынка образовательных услуг // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 2 (18). – С. 213–217.

9. Останин В. А. Коррупционные инвестиции в системе отношений собственности // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2010. – № 3 (52). – С. 40–46.

10. Макарихин Е. В. Когнитивные детерминанты жизненного цикла существования общностей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2004. – № 1. – С. 466–470.

11. Коррупционное сознание»: от теоретической категоризации к эмпирической верификации / А. П. Абрамов, Е. И. Боев, Е. Г. Каменский [и др.] // Ученые записки РГСУ. – 2012. – № 2 (102). – С. 186–193.

12. Пойзнер Б., Соснин Э. Русская традиция исправления мира и дизайн социума // Высшее образование в России. – 2000. – № 6. – С. 38–44.

13. Каменский Е. Г. Модернизация, коррупция, социальные институты: результаты опроса сотрудников вузов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 4. – С. 122–129.

14. Каменский Е. Г., Севцова Е. Ю. Модернизация, коррупция, кадры: результаты опроса студентов вузов // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 4 (55). – С. 105–111.

Получено 20.06.15

E. G. Kamensky, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: kamensky80@mail.ru)

REPLICATION CORRUPTION DESTRUCTION OF THE SOCIAL INSTITUTIONS

The article presents the author's vision of replication problems of corruption in the context of socio-cultural reproduction. The research methodology is based on a number of synergistic imperatives hierarchic analysis of parametric systems. The basic problem field of scientific research are the mechanisms for the dissemination of corruption patterns of consciousness and behavior of the subjects of social and professional practices. Theoretical verification of the basic constructs carried out on the example of the institution of higher education.

***Key words**: corruption culture, corrupt minds, pattern, replication, translation, higher education, social degradation, social systems, parametric analysis.*

УДК 316.3

А. П. Абрамов, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: abramov_ap@inbox.ru)

И. В. Костерина, канд. пед. наук, доцент, Курский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права (Курск) (e-mail: kosterinaiv@mail.ru)

А. В. Сапронов, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: sapronovson@mail.ru)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье рассматриваются социокультурные и социально-правовые аспекты безопасности дорожного движения, обосновывается необходимость междисциплинарного исследования данной проблемы, в том числе и социологического.

***Ключевые слова**: безопасность дорожного движения, социокультурные и социально-правовые детерминанты.*

***

Общество потребления задает новые ориентиры поведения людей. Растущие потребности порождают множественные риски и угрозы жизнедеятельности. За последние годы формируется мировоззренческий базис потребительского поведения. Современный мир выстраивает парадигму, в которой количеством автомобилей и их владельцев определяется успешность жителей страны (региона) и место самого государства в глобальном мире. В этой связи проблема безопасности дорожного движения привлекает особое внимание.

В настоящее время она особенно обострилась в связи с повышением количества транспортных средств и возросшей интенсивностью транспортных потоков, причем в перспективе данные показатели будут прогрессировать. По данным ВОЗ, травмы, полученные в результате дорожно-транспортных происшествий, занимают восьмое месте в списке ведущих причин смертности в мире и являются основной причиной молодежной смертности в наиболее репродуктивном возрасте – 15–29 лет. В соответствии с прогнозами экспертов, без принятия неотложных мер ДТП выйдут на пятое место среди причин смертности к 2030 г., уже сейчас по этой причине погибает 1,24 млн человек в год [1].

Безопасность дорожного движения является приоритетной задачей для нашей страны, об этом свидетельствуют многочисленные федеральные целевые программы, концепции, стратегии и прочие нормативные документы, призванные повысить безопасность на дорогах. В то же время в соответствии с официальной статистикой за 2014 год смертность в результате ДТП в России составила более 25 тыс. человек, получивших травмы различной тяжести – почти в десять раз больше [2]. Россия заметно отстает от стран Европы и Северной Америки по основным показателям безопасности дорожного движения, по оценкам ВШЭ – в 5–12 раз (наряду с Китаем, Индией, Бразилией, Камбоджей, Египтом, Кенией, Мексикой, Турцией и Вьетнамом) входит в группу («Risky States – 10»), т. е. в десятку стран с высоким уровнем транспортных рисков, на которую приходится более половины от общего числа смертей на дорогах мира [3].

Можно привести еще множество статистических данных, но все они будут подтверждать тезис о неудовлетворительном уровне безопасности дорожного движения в РФ. Вместе с тем автомобильный парк страны с каждым годом увеличивается, что актуализирует данную тенденцию. Принимая во внимание

реальную опасность ситуации на дорогах, масштабы вреда, наносимого обществу, дорожно-транспортные происшествия следует отнести к одним из наиболее серьезных рисков современности, а оптимизацию безопасности дорожного движения – к важнейшим задачам устойчивого развития человечества.

В научном понимании безопасность дорожного движения рассматривается в основном в правовом поле, а философские, социокультурные, психологические (мировоззренческие и иные) компоненты данной проблемы, на наш взгляд, недостаточно проработаны в междисциплинарном научном дискурсе. Учитывая правовые, политические и нравственные характеристики современного социума, по нашему мнению, необходимо раскрыть внутреннюю динамику деформаций ценностно-нормативного кластера общественного сознания, механизм формирования потребительского и эгоистичного мировоззрения. Предполагается, что обострение проблемы безопасности дорожного движения связано с аксиологическими, когнитивными и иными трансформациями социокультурных практик участников дорожного движения. Отсюда на первый план выдвигается проблема концептуализации и верификации социокультурных и социально-правовых детерминант безопасности дорожного движения.

Следует отметить, что вопросы, связанные с безопасностью дорожного движения, изучают множество наук, прежде всего: юридические, технические, экономические, социологические, психологические. В этом междисциплинарном дискурсе можно выделить несколько основных направлений научного поиска.

Одним из них являются научные работы отраслевой направленности – автомобильные перевозки, дорожное и градостроительство, автомобилестроение, дорожное хозяйство, организация дорожного движения и пр. Эти работы (В. Ф. Бабкова, Г. И. Васильева, В. Д. Кондратьева, Л. В. Савиной, К. Траппе, Ф. Еллерса, Р. Лама и других авторов) объединяет понимание под основой безопасности дорожного движения различных инженерно-технических и организационных мероприятий, направленных на оптимизацию данного процесса.

Следующее направление формируют исследования правоведов в русле совершенствования законодательной базы регулирования дорожного движения в России. Юридические работы акцентируют внимание преимущественно на пробелах и противоречиях в существующих нормативных актах, анализируют законопроекты, рассматривают вопросы квалификации преступлений в сфере дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В данном направлении интерес представляют исследования Д. Н. Байраха, В. И. Майорова, Б. В. Россинского, Н. С. Алексеева, П. С. Дагель, О. В. Домашенко, А. И. Коробеева, И. Х. Максутова, В. И. Ткаченко, А. И. Чучаева.

Психологическое направление представляют работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению влияния индивидуальных качеств водителя на безопасность дорожного движения: У. Бингема, А. И. Вайсмана, Р. Дональда, В. Кроуфорда, Е. М. Лобанова, Ф. Маккена, Г. Майергофера, К. Марбе, В. М. Мишурина, Т. А. Поляновой, А. Н. Романова, Р. В. Ротенберга. Психологические характеристики профессий, связанных с управлением транспортными средствами, в своих работах выделили В. Н. Арбузов, В. Н. Ланина, Г. М. Левигурович, К. В. Старкова.

В отдельное направление можно выделить труды, в которых рассматривается механизм формирования культуры безопасности (А. П. Абрамов, В. В. Анисимова, О. Г. Грохольская, М. В. Сорокина, В. В. Токарев, Е. И. Тупикина и др.). Например, А. П. Абрамов акцентирует внимание на концептуальной разработке онтологии «культура и личность» в современном общенаучном дискурсе [4].

В исследованиях Р. Ш. Ахмадиевой, Л. Г. Ахметшиной, Б. Е. Боровского, Б. Ф. Венда, И. К. Коршакова, Ю. П. Степкина, Г. С. Улиханяна изучается процесс обучения безопасному поведению на дорогах. Существенный вклад в изучение методик пропаганды безопасности дорожного движения внесли Ю. Е. Аврутин, Т. А. Ворошилова, Ф. А. Газизов, В. В. Головко, В. И. Жулева, В. Ф. Казаченко, Е. А. Козловской, В. В. Луцкина, А. Н. Томашева.

Можно выделить также работы комплексного характера, в них проблема безопасности дорожного движения рассматривается в контексте организационно-правового содержания социального управления. В данном направлении можно выделить труды В. В. Амбарцумяна, М. Б. Афанасьева, Р. И. Денисова, Л. Н. Игнатова, В. Н. Сытника, И. К. Шахриманьяна, в которых сформированы основные постулаты теории обеспечения безопасности дорожного движения (ОБДД), обоснованы подходы к ее практическому воплощению.

В рамках социологического исследования проблемы безопасности дорожного движения можно выделить работы по социологии управления в данной сфере (А. И. Калинин, А. Р. Абдульзянов), связанные с изучением эффективности деятельности системы обеспечения безопасности дорожного движения как социального феномена, разработкой технологий социального регулирования системы обеспечения безопасности дорожного движения [5; 6].

Социокультурные особенности менталитета участников дорожного движения исследовали Н. В. Агре, В. В. Ковалев, Л. В. Сажина, Н. Б. Иванова и пр. [7; 8]. Социологические исследования, связанные с проблемой безопасности дорожного движения, периодически проводятся ВЦИОМ и другими аналитическими центрами, анализ научных работ, посвященных проблематике безопасности дорожного движения, показал значительный объем знаний, накопленных в данной области, которые являются теоретическим и методологическим базисом для дальнейших исследований. Вместе с тем приходится констатировать доминирование юридических и технических исследований по указанной проблеме и недостаточное внимание к социокультурному и социально-правовому аспектам безопасности дорожного движения, что, на наш взгляд, демонстрирует отсутствие необходимой системности в ее изучении.

Рассматриваемая проблема, безусловно, включает в себя множество аспектов (технико-технологический, нормативно-правовой, коррупционный и пр.). На наш взгляд, политика повышения безопасности дорожного движения не может быть успешной без учета всей совокупности факторов (необходимое техническое состояние дорожной инфраструктуры и транспортных средств, эффективное правовое регулирование, высокая правовая культура участников дорожного движения), от которых эта безопасность зависит. В этой связи к данной проблеме необходим комплексный научный подход, результатом которого станет разработка эффективных мер, адекватных современным реалиям, направленных на повышение общей и правовой культуры участников дорожного движения. Условия создания, признаки и характеристики безопасной дорожной среды как комплексной проблемы возможно установить, по нашему мнению, лишь в междисциплинарном поле социально-гуманитарных исследований. Поскольку проблема безопасности дорожного движения требует комплексного подхода в изучении, в связи с этим методологическую основу исследования должны составить фундаментальные положения философии, социологии, общей теории управления, теории права, используемые в транснаучном синтезе [9, с. 99].

Выявление специфики социокультурных и социально-правовых практик, детерминирующих безопасность дорож-

ного движения, может основываться на принципе социального детерминизма, в соответствии с которым все виды социальных взаимодействий, осуществляемых в сфере дорожного движения, обусловлены соционормативным воздействием, поэтому следует опираться на теорию социокультурной динамики П. Сорокина. Подобный подход позволяет учитывать всю совокупность значимых социальных воздействий и одновременно абстрагироваться от несущественных.

В соответствии с экспертными оценками, в подавляющем большинстве случаев ДТП возникает в результате нарушения правил дорожного движения, и эти нарушения со стороны водителей и пешеходов чаще всего происходят сознательно, что демонстрирует крайне низкую культуру поведения на дорогах, разгильдяйство, безответственность и правовой нигилизм. Что касается низкой правовой культуры, то для нашей страны данная проблема, к сожалению, является хронической, отечественный правовой нигилизм появился не вдруг и не сейчас, правовой нигилизм был и остается частью нашей социокультурной реальности. Подтверждение тому мы можем увидеть в высказываниях известных мыслителей по этому вопросу. Так, А. И. Герцен писал: «…Вопиющая несправедливость одной части законов вызывала в нём презрение к другой. Полное неравенство перед судом убило в нём в самом зародыше уважение к законности. Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает правительство. Это тяжело и печально для нашего времени…» [10, с. 251]. Известный отечественный правовед, философ и социолог Б. А. Кистяковский придерживался аналогичной точки зрения: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нём ценности; из всех культурных ценностей право находилось у неё в большом загоне» [11, с. 98].

Чего же ожидать от общества в целом, если самая образованная и прогрессивная его часть демонстрировала такое отношение к праву? Да, пожалуй, демонстрирует и сейчас. Анализируя приведенные выше и иные точки зрения о состоянии правовой культуры российского общества, трудно не согласиться с тем, что по прошествии более полутора веков мало что изменилось, по крайней мере, в лучшую сторону.

Таким образом, негативные свойства отечественного менталитета и крайне низкая правовая культура являются частью социокультурной реальности на протяжении столетий [12]. На наш взгляд, их влияние на безопасность дорожного движения нельзя нивелировать, важно учитывать эти параметры при разработке соответствующих мер, направленных на оптимизацию данной сферы.

Вместе с тем нельзя рассматривать нормы права как исключительного социального регулятора в сфере безопасности дорожного движения. Далеко не все аспекты данной проблемы регулируются формальными правилами: «Contra legem facit, qui id facit, quod lex prohibet; in fraudem vero, qui salvis verbis legis sententiam eius circumvenit» (D. 1.3.29) («Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл») [13, с. 33]. Поэтому формального соблюдения правил дорожного движения зачастую бывает недостаточно для предотвращения ДТП. Взаимоуважение, вежливость участников дорожного движения как факторы безопасности последнего зачастую не уступают по значимости правовой культуре. К примеру, выезд на участки главных дорог с интенсивным движением со второстепенных, проезд нерегулируемых перекрестков, пешеходных переходов на оживленных участках зачастую невозможны в реальных условиях исключительно в рамках ПДД, без взаимных уступок, внимательности и предусмотри-

тельности участников дорожного движения.

Исходя из вышесказанного, представляется логичным, что курс на повышение безопасности дорожного движения преимущественно путем ужесточения ПДД и мер правовой ответственности для нарушителей недостаточно эффективен, впрочем, как и другие предпринимаемые в настоящее время меры (расширение дорожной сети, социальная реклама и пр.). Абсолютизация карательных правовых санкций, в частности штрафов, конечно, способствует наполнению бюджета, но не учитывает комплекса причин, поэтому «воз и ныне там». В этой связи представляется важным отметить также значение общественной экспертизы принимаемых нормативно-правовых актов в сфере безопасности дорожного движения, что позволит выявить недостатки и пробелы в предлагаемых инициативах, их соответствие реальным условиям. В противном случае правовые новации не принесут желаемого эффекта, поскольку будут восприниматься как «навязанные сверху» и оторванные от действительности.

Не умоляя значения прочих факторов, недостаточная эффективность мер, направленных на повышение безопасности дорожного движения, связана и с тем, что специалистами в сфере безопасности дорожного движения недостаточно внимания уделяется научному изучению социокультурных детерминант данного феномена. Следует учитывать, что социальные взаимодействия участников дорожного движения являются специфической формой социальных контактов, участники которых выступают социальными акторами, вступающими в социальные интеракции. Изучение и анализ специфики социокультурного мейнстрима позволит выявить истинные причины агрессивного и противоправного поведения на дорогах, которое зачастую не считается в России девиантным, асоциальным, а скорее, наоборот, демонстрирует успешность, наличие высокого социального статуса, принадлежность к элитарным группам [14]. Кроме того, сама категория «безопасная дорожная среда» в отношении участников дорожного движения нуждается в теоретическом осмыслении, концептуализации и эмпирической верификации. По нашему мнению, в рамках заявленной проблематики важно решить следующие задачи:

– определить методологические границы и разработать инструментальные междисциплинарные комплексы изучения социокультурных и социально-правовых детерминант безопасности дорожного движения;

– эмпирически верифицировать полученные теоретические знания с помощью конкретно-социологических методов;

– исследовать эффективность и легитимность нормативно-правовых актов, направленных на повышение безопасности дорожного движения;

– представить концептуально обоснованную модель «Безопасная дорожная среда»;

– выявить особенности и противоречия традиционных социокультурных практик взаимодействий участников дорожного движения в современных реалиях;

– определить перспективы повышения безопасности дорожного движения и сформулировать конкретные предложения по совершенствованию мер в данной сфере, в контексте проведенных исследований.

Исследовательская работа в обозначенных направлениях будет способствовать приращению знаний в области социальной теории, расширит возможности социального прогнозирования в сфере безопасности дорожного движения, т. к., на наш взгляд, дорожное движение является одним из основных условий и форм жизнедеятельности общества, причем актуальность решения обозначенной проблемы обусловлена практикой социального управления. Полученные данные

могут быть использованы при разработке соответствующих целевых программ и нормативно-правовых актов (как водителей, так и пешеходов), создании эффективной социальной рекламы, методических рекомендаций, применяемых в образовательном пространстве подготовки участников дорожного движения, что позволит добиться снижения социального и экономического ущерба от дорожной аварийности в условиях постоянного роста автомобилизации. Теоретическая значимость разработки проблемы безопасности дорожного движения под социологическим ракурсом определяется перспективой развития нового направления в системе научного знания – социологии безопасности дорожного движения. На наш взгляд, существенным препятствием в деле повышения безопасности дорожного движения является отсутствие комплексного подхода, доминирование технико-технологической парадигмы и недостаточное внимание к социальным аспектам проблемы, без учета которых политика в данной сфере не может быть эффективной.

Список литературы

1. Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире 2013: поддержать десятилетие действий [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/publications/pdfs/road_safety_report_2013_rus.pdf (Дата обращения: 19.07.2015).

2. Статистика ДТП в России за 2014 год [Электронный ресурс]. – URL: http://www.1gai.ru/513826-statistika-dtp-v-rossii-za-yanvar-noyabr-2014-goda-1-str.html (дата обращения: 19.07.15).

3. Безопасность дорожного движения в России: современное состояние и неотложные меры по улучшению ситуации [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.government.ru/media/2013/3/29/55579/ file/economy (дата обращения: 20.07.15).

4. Абрамов А. П. Концептуальные подходы к изучению личности в контексте научного и философского знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14): в 4-х ч. – Ч. II. – С. 10–13.

5. Калинин И. А. Анализ состояния проблемы безопасности дорожного движения в городском социуме (на примере г. Екатеринбурга) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 17 (346). – С. 170–180.

6. Абдульзянов А. Р. Социальные детерминанты минимизации рисков в дорожном движении // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №8. – С. 218–223.

7. Агре Н. В. Безопасность и культура дорожного движения // Мониторинг общественного мнения. – 2015. – № 1 (125). С. 99–108.

8. Ковалев В. В., Сажина Л. В. Любовь к видеорегистраторам в России: социокультурные особенности менталитета или защита от коррупции дорожной полиции? // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 1 (7). – С. 128–138.

9. Чуйков О. Е. Процесс становления и развития молодёжных организаций в России: историко-социологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2013. – № 2. – С. 99–104.

10. Герцен А. И. Собрание сочинений. – М.: Мысль, 1950. – Т. 7. – С. 251.

11. Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909.

12. Сапронов А. В., Сапронова А. В. Конкурентоспособность специалиста как необходимое условие построения успешной карьеры в условиях инновационного развития общества // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 4 (37). – С. 48–53.

13. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И. С. Перетерского / под ред. д-ра юрид.

наук Е. А. Скрипилева. – М.: Наука, 1984. – 456 с.

14. Сапронов А. В., Крицкая О. А. Особенности социальной поляризации российского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2013. – № 4 (32). – С. 82–86.

Получено 06.08.15

A. P. Abramov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: abramov_ap@inbox.ru)

I. V. Kosterin, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Kursk Institute of Cooperation (affiliate) of Belgorod University of Cooperation, Economics and law (Kursk) (e-mail: kosterinaiv@mail.ru)

A. V. Sapronov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: sapronovson@mail.ru)

SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING OF THE PROBLEM OF ROAD SAFETY

The article examines the socio-cultural and socio-legal aspects of road safety, the necessity of interdisciplinary research of this problem, including sociological.

***Key words**: road safety, socio-cultural and socio-legal determinants.*

УДК 339.97

В. В. Романов, канд. военных наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: romanov.vv@yandex.ru)

А. М. Потапенко, канд. техн. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: pam1952@mail.ru)

А. А. Кравцов, канд. техн. наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет» (e-mail: kravtsov@linguanet.ru)

БИЗНЕС: ОСОБЕННОСТИ КОНКУРЕНТНОЙ РАЗВЕДКИ В РОССИИ

Статья посвящена проблемам формирования конкурентной разведки как института управления конкурентной борьбой в различных сферах социальной жизни в России. В работе представлены результаты анализа методов и способов ведения конкурентной разведки деловым миром ведущих зарубежных стран, а также рассмотрены методические подходы к ведению конкурентной разведки в России.

***Ключевые слова**: бизнес-разведка, бизнес, информационная безопасность, коммерческая разведка, конкурентная разведка, маркетинг, промышленный шпионаж.*

***

В настоящее время в России, по мнению ведущих отечественных экспертов в области экономической безопасности, российскому бизнесмену придется вплотную столкнуться с интенсивной конкуренцией зарубежных деловых структур, рыночный опыт и бизнес-технологии которых в подавляющем большинстве случаев более развиты и имеют уже устоявшиеся правила и традиции, в том числе ведение активной разведывательной деятельности. В изменившихся условиях всем российским, в первую очередь коммерческим, структурам придется осваивать новый опыт финансово-экономического выживания.

Конкурентная разведка является одним из характерных явлений первого десятилетия XXI века. Она эволюционировала как гибридный процесс деятельности по стратегическому планированию и маркетинговым исследованиям. На одном из этапов развития бизнеса компании начали широко применять стратегическое планирование в своей деятельности. Важными составляющими всего этого

процесса были анализ конкурента, потребителя и поставщика с использованием во многом теоретических и практических наработок в области военной и политической разведки [1; 2].

Подобно многим инновационным и свежим деловым идеям, общее принятие конкурентной разведки деловым миром было достаточно медленным. И сама конкурентная разведка эволюционировала медленно, но сделала резкий рывок в последние несколько лет.

Сегодня конкурентная разведка ведущих зарубежных стран является одной из эффективных методологий, позволяющих обеспечить активное информационно-аналитическое сопровождение субъекта предпринимательской деятельности в условиях возрастающих угроз и неопределенности конкурентной борьбы [3].

В настоящее время однозначное и общепринятое определение «конкурентной разведки» в качестве базовой дефиниции отсутствует, и разные авторы трактуют его неоднозначно, зачастую даже употребляя при этом различные формы слов и смыслов. Данный факт, несомненно, свидетельствует о незавершённости процесса институционального оформления конкурентной разведки, причём не только в России, но и в мире в целом. Простое сравнение наиболее известных публикаций по данной тематике показывает, что наряду с термином «конкурентная разведка» используются словосочетания «коммерческая разведка», «коммерческий шпионаж», «бизнес-разведка», «деловая разведка», «корпоративная разведка» и т. д. Однако большинство отечественных и переведённых на русский язык зарубежных публикаций рассматривают «конкурентную разведку» как способ организации и ведения особого рода разведывательной деятельности, посредством которой субъекты предпринимательства (предприятия, фирмы и т. д.) могут обеспечить себе конкурентные преимущества.

К примеру, Г. Э. Лемке отмечает: «Процессы отслеживания текущих и перспективных рыночных изменений лежат в плоскости постоянного информационно-аналитического обеспечения бизнеса любой коммерческой или производственной организации, стремящейся удержать лидирующее положение на рынке… Коммерческая разведка является мощным и высокоэффективным инструментом, обеспечивающим выживаемость и коммерческий успех бизнес-структуры» [4].

А. И. Доронин также указывает, что в западной научной литературе термины «бизнес-разведка» и «конкурентная разведка» обозначают одну функцию менеджмента – обеспечение высшего руководства хозяйствующего субъекта актуальной, достоверной и полной информацией, ориентированной на принятие оптимальных управленческих решений [5].

В большинстве случаев термины-субституты содержательно не противоречат базовой категории, однако иногда конкурентная разведка рассматривается как шпионаж, нелегальные действия, бенчмаркинг и др.

Ю. П. Воронов углубляет различие между конкурентной разведкой и промышленным шпионажем: «...Промышленный шпионаж – даже более узкая сфера деятельности: получение некорректным путем промышленных секретов конкурента для того, чтобы использовать их в собственной хозяйственной деятельности. В более широкой трактовке это незаконное получение промышленных секретов ради того, чтобы понять соотношение сил на рынке: насколько вы и ваш конкурент равноценны. Впрочем, есть еще одно разграничение между промышленным шпионажем и конкурентной разведкой. Промышленный шпионаж – заведомо активная деятельность, направленная на последующее использование технологической информации, тогда как конкурентная разведка – чаще всего пассивный сбор информации с целью предотвратить

вероятный ущерб, который могут нанести компании действия конкурентов» [6].

А. И. Доронин предлагает также различать аналитическую разведку и информационно-поисковую работу, отмечая, что основу первой составляет использование вторичных источников оперативных данных (отчетов, справок, докладов, публикаций и т. д.) [5]. Представляется, что такое противопоставление неоправданно, поскольку оперативная работа по получению первичных данных и их последующая аналитическая обработка составляют единый процесс ведения конкурентной разведки.

Наконец, следует определиться с тем, как соотносятся между собой конкурентная разведка и бенчмаркинг. Под бенчмаркингом принято понимать инструмент стратегического маркетинга, заключающийся в процессах поиска, получения и изучения лучших практик успешного опыта ведения бизнеса (инновационных идей, организации процессов и др.), используемых в деятельности других компаний. В его основу положена идея сравнения деятельности не только предприятий-конкурентов, но и передовых фирм других отраслей. В рамках холдинга или крупной компании с множеством филиалов распространение положительного опыта, накопленного на одном из предприятий (в подразделении), не порождает ни технических, ни, тем более, правовых трудностей. В отношении достижений фирмы-конкурента всегда возникает дилемма: либо повторять тот же путь исследований и апробации полученных результатов на практике, либо получить необходимые для преодоления отставания сведения с помощью специальных разведывательных методов.

Отсюда логичным представляется вывод, что конкурентная разведка выступает в качестве одного из ведущих инструментов бенчмаркинга, поскольку позволяет получить необходимую информацию об анализируемых объектах с минимальными затратами времени и средств. В то же время она не подменяет собой бенчмаркинг, поскольку в её задачи не входит осуществление консалтинга. При этом даже в рамках реализации программ стратегического партнёрства, когда происходит обмен опытом, конкурентная разведка позволяет установить, не устарели ли предлагаемые контрагентом технологии и управленческие решения, и тем самым одобрить операцию бенчмаркинга.

Ю. П. Воронов уточняет: «Одна из границ, за которой заканчивается конкурентная разведка и начинается маркетинг, состоит в отслеживании общих рыночных тенденций». Все-таки конкурентная разведка имеет дело с конкретными субъектами, а за общими тенденциями рынка субъекты не видны» [6].

И. Нежданов, опираясь на всемирную практику использования бизнес-разведки, дал такое ее определение: «Конкурентная разведка – это проводимые на постоянной основе сбор информации и исследования, как рынка, так и всей деловой среды, с целью выявления реальных и потенциальных факторов, которые влияют или могут влиять на способность фирмы успешно конкурировать на рынке» [7].

В отличие от маркетинга конкурентная разведка ведётся по более широкому спектру источников, с различными ожиданиями от полученных результатов, выполняет функции активной информационно-аналитической поддержки конкурентных стратегий субъектов предпринимательской деятельности, пришедшей на смену традиционным формам пассивного информационного обслуживания. Функция активной информационно-аналитической поддержки конкурентной разведки нацелена на конечный результат – прибыльную реализацию новой или усовершенствованной продукции в условиях острой конкурентной борьбы на рынках сбыта в широком смысле этого понятия.

Формирование конкурентной разведки как института управления конкурентной борьбой в различных сферах социальной жизни в России только начинается, и все больше и больше руководителей осознают необходимость активного информационного обеспечения процесса принятия решения – ведения конкурентной разведки.

Как показывают результаты социологических исследований, в настоящее время некоторые российские компании в своей деятельности практикуют ведение конкурентной разведки. Многие российские компании занимаются анализом деятельности конкурентов, чтобы, по их признанию, использовать позитивный опыт. Систематическую деятельность по разведыванию профессиональных секретов конкурентов ведут более 20% российских фирм и компаний (при этом, по их утверждениям, их наработки носят легальный характер). Более 50% опрошенных руководителей отечественных компаний считают промышленный шпионаж чрезвычайно эффективным методом рыночной борьбы. По признанию ряда из них, «экономическая эффективность кражи имеет большую рентабельность» и «всегда легче применить ноу-хау, разработанное конкурентами, чем тратить огромные деньги на научные и промышленные разработки».

Следствием высокого интереса к конкурентной разведке как системе активного информационно-аналитического обеспечения решений в деловой среде является рост спроса на специалистов в данной сфере в промышленно развитых странах и организация университетского образования в области конкурентной разведки. По мнению ряда ведущих европейских экспертов в области образования, в течение ближайших 10 лет конкурентная разведка будет включена во все европейские программы МБА. В Китае в настоящее время более 30 университетов ввели специальность «Конкурентная разведка» в свои учебные планы как отдельную дисциплину. В США подготовка специалистов в области конкурентной разведки ведется в 27 учебных заведениях. В Великобритании имеется специализированное учебное заведение – Академия конкурентной разведки, в Германии – Институт конкурентной разведки. Учебные заведения, в которых на постоянной основе в учебные программы включена дисциплина «Конкурентная разведка», имеются также во Франции, Швеции, Финляндии, Австралии и ряде других стран.

В России на данный период времени практически нет учебных заведений, специализирующихся в области конкурентной разведки. На протяжении последних десяти лет стали организовываться тренинги, семинары, различного рода курсы дистанционного и заочного обучения в основном в рамках специальности «Информационная безопасность», в какой-то мере отвечающие потребностям подготовки кадров данного профиля. Орловский государственный институт экономики и торговли приступил с 2010 года к набору слушателей для обучения по дополнительной образовательной программе «Конкурентная разведка в бизнесе» с выдачей документа государственного образца. МЭСИ с 2011 года объявил о наборе для подготовки бакалавров в области нового направления информационной безопасности – деловой разведки (форма обучения – очная, очно-заочная, заочная – 4 года, с присвоением квалификации – бакалавр по направлению информационная безопасность). В 2012 г. Уральский государственный экономический университет объявил о первом наборе в заочную магистратуру по курсу «Конкурентная разведка в международном бизнесе».

В настоящее время конкурентная разведка все больше закрепляется в сфере управления бизнесом в России со своим набором методов, средств, набором задач, построения системы менеджмента и оценки эффективности. Актуаль-

ность решения проблемы ведения конкурентной разведки для РФ является очевидной, и повышение роли и значимости данного вида деятельности в экономической, политической и социальной жизни государства будет способствовать выработке эффективных методов и способов использования возможностей конкурентной разведки для блага России.

Список литературы

1. Кравцов А. А. Подготовка квалифицированных кадров по дисциплине «Конкурентная разведка» в России и других странах // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2013. – № 2. – URL: naukovedenie.ru/PDF/43pvn213/pdf (дата обращения: 07.06.2015)

2. Кравцов А. А., Желнов И. И. Информационная безопасность и конкурентная разведка: состояние и перспективы подготовки квалифицированных кадров [Электронный ресурс] // Мир Науки. – 2014. – № 1 (3). – URL: http://mir-nauki.com/PDF/17PMN114.pdf (дата обращения: 07.06.2015).

3. Джилад Б. Конкурентная разведка. Как распознавать внешние риски и управлять ситуацией. – СПб.: Питер, 2010. – 320 с.

4. Лемке Г. Э. Секреты коммерческой разведки. – М.: Ось-89, 2008. – 416 с.

5. Доронин А. И. Бизнес-разведка. – М.: Ось-89, 20013. – 704 с.

6. Воронов Ю. П. Конкурентная разведка. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. – 159 с.

7. Нежданов И. Ю. Информационная война [Электронный ресурс]. – 2013. – №3. – URL: http://analitirus.blogspot.ru/2013/03/blog-post_16.html (дата обращения: 10.06.2015).

Получено 20.07.15

V. V. Romanov, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: romanov.vv@yandex.ru)

A. M. Potapenko, Doctor of Engineering Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: pam1952@mail.ru)

A. A. Kravcov, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow) (e-mail: kravtsov@linguanet.ru)

BUSINESS: THE COMPETITIVE INTELLIGENCE FEATURES IN RUSSIA

The article is devoted to the problems of the competitive intelligence forming, as the university of the competitive activity managing in different spheres of social life in Russia. The results of the analysis techniques and methods of competitive intelligence directing by the business world of the leading foreign countries are presented and the methodical approaches to the competitive intelligence management in Russia are considered.

***Key words**: business intelligence, business, information security, competitive intelligence, marketing, industrial espionage.*

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

УДК 1(=161.1) (0.91)

Н. В. Волохова, канд. филос. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail:volna-sha@rambler.ru)

ПРОБЛЕМА СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ БИОЭТИКИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО)

В данной статье рассматривается философская категория смерти как сферы фундаментальной непреодолимости и неопределенности. На наш взгляд, аспект нравственного к ней отношения делает бытие человека менее шатким и бессмысленным. Тема феномена человеческой смерти является «сквозной» и в биоэтике. «Смерть чужда природе человека, и поэтому, чтобы умереть достойно, человек должен отказаться от рефлексии, от потока сознания, от всей своей человеческой природы вообще и стать простым», – учит Л. Н. Толстой. В то же время человек должен спешить проявлять себя в делах практических, которые должны помочь оставить ему после себя добрую память.

***Ключевые слова**: смерть, жизнь, биоэтика, Л. Н. Толстой, медицина.*

***

Современное звучание этических проблем в изучении человека привело к формированию биоэтики и определило в рамках ее поля основные факторы. Во-первых, активное развитие новых биомедицинских технологий и выдвижение биологии в лидеры естествознания вносит в жизнь человека новый круг этических проблем, которые требуют, как минимум, широкого социально-философского анализа. Во-вторых, современная биомедицина уже давно вышла за рамки теоретико-познавательных задач и перешла в одно из средств управления жизненными процессами человека. Сегодня кардинально меняется сфера возможностей медицины, она получила возможность «контролировать» смерть, «давать» жизнь, «управлять» жизнью, т. е. руководить процессами зарождения, протекания и окончания человеческой жизни, теми процессами, которые всегда были в ведомстве других сил – божественных, сверхъестественных, потусторонних. В-третьих, сближение медицины и философии в области соотношения духовно-нравственных, этических дилемм выявляет необходимость философской рефлексии развития биоэтики. Тем более это важно тогда, когда биоэтика претендует стать «новым мировоззрением» [1].

Как именно принято сегодня рассматривать биоэтику и какие направления ее осмысления являются самыми актуальными и насущными? На наш взгляд, можно придерживаться следующего распределения:

1. Биоэтика – наука о проблемных ситуациях современной биомедицины (таких как обеспечение прав пациента и информированное согласие; разглашение врачебной тайны; конфликт интересов пациента и врача; использование зародышевых тканей и пр.).

2. Биоэтика – наука о моральных дилеммах современной биомедицины (проблема «смерти мозга»; искусственное оплодотворение; суррогатное материнство и пр.).

3. Биоэтика как социальный институт (механизмы контроля развития биомедицины; формирование системы этических и больничных комитетов и пр.).

4. Биоэтика тесно связана с религиозной моралью (отношение церкви к проблемам аборта, контрацепции, органного донорства, клонирования, суицида, эвтаназии и пр.).

Более подробно можно ознакомиться с вышеописанными направлениями развития биоэтики в исследованиях А. Я. Иванюшкина [2].

Абсолютно все аспекты биоэтики будут затрагивать феномен человеческой смерти. Эта тема постоянно обсуждается в медицине. Ну, в принципе понятно, что обойти она ее никак не может. Эта тема является «сквозной» и в философии. На конкретных этапах культурно-исторического развития общества, его рационального осмысления в соотношении с природой и человеком можно выделить различные подходы к философскому или научному осмыслению проблемы смерти.

Смерть, на наш взгляд, есть сфера фундаментальной неопределенности и непреодолимости. И вне нравственного к ней отношения смерть делает бытие человека шатким и бессмысленным, открывая дорогу патологическим формам морального зла, цинизму, мизантропии.

В XIX – начале XX в. проблема смерти занимала большое место в интеллектуально-духовном пространстве отечественной культуры. Она находила разностороннее осмысление в текстах различных жанров: это и художественная культура, и поэзия, и академическая философия, и богословские труды, и вольное философствование. Классики философской, религиозной, художественной мысли самым серьезным и глубоким образом рассматривали проблему смысла жизни человека как существа смертного. Создается отечественный контекст самобытной рефлексии на тему смерти: смерть как утрата нравственного сознания у П. Я. Чаадаева; философия общего дела у Н. Ф. Федорова; представления о смерти как нравственном беззаконии у В. С. Соловьева; метафизика пола В. В. Розанова; нравственный антиномизм смерти у Н. А. Бердяева; софиология смерти С. Н. Булгакова; недолжность хищнического миропорядка у Е. Н. Трубецкого; абсолютная неестественность и непостижимость смерти у Л. И. Шестова и др.

Современная философская танатология к числу наиболее фундаментальных и значимых относит следующие подходы: культурно-исторический (В. М. Розин, Ф. Арьес, П. С. Гуревич и А. Я. Гуревич); герменевтический (М. М. Бахтин, М. С. Уваров); психоаналитический (З. Фрейд, К. Юнг); дискурсивно-семиотический (М. Фуко, Ж. Бодрийяр, В. А. Подорога, А. В. Демичев); клинический (Э. Кюблер-Росс, С. Гроф, В. А. Неговский, Л. Уотсон). Особо хотелось бы отметить очень любопытное исследование по этой теме современного отечественного философа В. В. Варавы [3].

Сложность характеристик феномена смерти, включенность страха смерти в канву человеческой жизни, постоянные поиски ее смысла – все это нашло отражение в современной науке, философии и культуре в целом. Как человек сегодняшнего дня, получивший и потребляющий все достижения науки, медицины и техники, широко распространенные в постиндустриальном обществе, осмысливает факт собственной смертности?! Ведь это вечный вопрос человеческого бытия, и во многом человечество раздвинуло границы познания и продвинуло ту самую науку, медицину и технику, именно будучи гонимым страхом смерти. Наиболее глубоко эта тема осмыслена в художественной литературе и философии. Художественное постижение загадки смерти Л. Н. Толстым оказалось во многом пророческим.

«Смерть чужда природе человека, и поэтому, чтобы умереть достойно, человек должен отказаться от рефлексии, от потока сознания, от всей своей человеческой природы вообще и стать простым», – учит Толстой [4, т. 23, с. 363]. В то же время человек должен спешить участвовать в делах, которые несут в себе добро и останутся в сердцах и памяти, быть может, ни одно поколение.

Переход с позиций «всеобщности» на сторону «индивидуальности» – вот в чем состоит сущность духовного кризиса Толстого в период 80-х гг. Но что это – «рождение к жизни» или «рождение к смерти»? Происходит неизбежное: мыслитель оказывается один на один с проблемой смерти. Индивидуальность автоматически влечет за собой рассудочность, возникая и укрепляясь в постепенном осмыслении субъектом собственной уникальности в отношении окружающего мира. Сопротивляясь идее бессмысленной смерти, Толстой стремится завоевать гарантии жизни, уже зафиксированные в логике. Реально борьба ведется за жизнь, а не за смерть, отсюда столь мучительной и напряженной оказывается она для него. Примечательно, что за помощью художник обращается к простым людям – богомольцам, крестьянам, т. е. представителям того «всеобщего», в отпадении от которого он себя обнаруживает. Он всячески пытается сбросить с себя личину индивидуальности – желание стать юродивым, затерянным среди толпы. Юродство является специфической русской формой самоотверженного вызова смерти и смертности. Юродивый презрел свое тело и тем самым выпал из детерминированного смертью смертного мира.

Постоянное совершенствование духовного начала, целение нравственности, очищение души – вот в чем видит писатель сущность человека. Только духовное начало дает жизнь человеку, определяет веру в бессмертие личности. В конечном счете он приходит выводу о том, что смерть бессильна перед человеком. Она лишь изменение оболочки, с которой соединена наша душа. Лев Николаевич глубоко сожалеет о плотском человеке: человек любит свой сад, любит читать книги, любит своих детей, но лишается всего этого и боится смерти. Он полагает, что человечество необходимо освободить от этого рода страха. Для этого человек должен посвятить свою жизнь любви к ближним, добрым и разумным делам, освободить себя от нравственных пороков.

Вопросы о смысле жизни с самого начала неразрывно были связаны у мыслителя с вопросами о смерти. Раз человек живет не только физической, но и духовной жизнью, раз его духовная сущность остается после смерти, естественно поставить вопрос о том, каков смысл смерти, каково должно быть истинное отношение к ней. Страх смерти, неразрывный с жизнью, не чужд был, конечно, и самому писателю, чувствовавшему, что не может свободно рассуждать об истинной жизни, пока есть страх смерти, пока не решен вопрос о ней. Если пересмотреть историю литературы и философии, вряд ли можно найти мыслителя, который дольше, глубже и многостороннее занимался бы проблемой смерти, чем Толстой [5, с. 107]. Что бы он ни писал – художественное произведение, дневник или эссе, – проблема бытия и небытия всегда страстно волновала его. Толстой изучает проблему смерти, главным образом, в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения правомерности возникновения страха смерти и преодоления этого чувства, а во-вторых, в плане ответа на вопрос: может ли смерть подвергнуть сомнению все ценности жизни, даже саму жизнь? Толстой никогда не занят смертью самой по себе, а рассматривает ее во взаимосвязи с жизнью. У него было не только тонкое ощущение смерти, но такое же тонкое ощущение жизни. В центре жизни у него всегда находится смерть, а в центре смерти – жизнь, как черная точка (инь) посередине белого и белая точка (ян) в центре черного. Жизнь и смерть являются коррелятивными понятиями, их невозможно представить друг без друга.

По мнению Толстого, единственной целью человеческой жизни является совершенствование бессмертной души, потому что в соотношении со смертью все другие цели – бессмысленные. На смерть он смотрит как на изменение состояния (как на другую сторону бытия), значит,

не как на конец задачи, а как на саму задачу [6, с. 157]. Человечество пронизало его вечными истинами жизнеустройства и нормами отношений людей друг к другу. Главное в этих отношениях – преодоление гордыни самомнения, отказ от пагубного желания переделать мир по собственному плану для общей пользы. По мысли писателя, такие попытки бесплодны, и поэтому каждый должен поставить перед собой более скромную, но выполнимую задачу творения любви и добра, но не человечеству вообще, а ближним, тем, кто с тобой рядом и от тебя зависит. По его убеждению, смерть происходит не от пули, попавшей в сердце, а от прекращения возможности увеличивать количество добра.

Анализируя все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что такой вопрос, как смысл жизни и смерти, является наиболее актуальным и наиболее часто возникающим в мире современной науки. Мнения Толстого о том, что нельзя ко всем относиться равнодушно, нельзя никого не любить сильно и нельзя ни к кому не привязываться, – это действительно правильная вещь, важность которой необходимо поднимать в современном мире. А ведь и правда, если хорошенько задуматься о том, почему сегодняшний мир стал очень холодным по отношению людей друг к другу, то ответ будет не так-то быстро и найден. Обращая свое внимание на область биомедицинской этики, можно с уверенностью говорить, что нравственные принципы, приоритетно выявленные Л. Н. Толстым, являются основой современной медицины.

Равнодушие и халатность в медицине – это самая большая ошибка. Врач в первую очередь должен быть честен с самим собой, прежде всего понимать, что он будет чувствовать, если не обращать внимание на что-то очень важное и требующее незамедлительного решения. Медицинский работник должен помнить о том, что каждая человеческая жизнь, с присущей ей тотальностью и субъективностью, единственна и неповторима. Каждая человеческая судьба, благодаря уникальности атрибутивных качеств человека, неповторимости его жизненных обстоятельств, развертывается только по одному, никем и никогда не повторяемому сценарию. В нашем мире так важно быть понятыми друг другом. Важно знать, что ты можешь быть принят в этом обществе, тебе помогут, тебя не будут вводить в заблуждение, с тобой будут рядом. Может, иногда и правильно каждый раз говорить себе одну привычную для всех фразу: «Поступай так, как ты бы хотел, чтобы поступили с тобой». Все верно, так и должен быть устроен мир.

Коренной вопрос биоэтики – смысл человеческой жизни. От решения данного вопроса, от его реализации, во многом зависит человеческая жизнь. Биомедицинская этика как «наука выживания человека» и «философия сбережения здоровья» [7, с. 148] делает акцент на осуществление диалектического единения биологического, медицинского знания и гуманных морально-нравственных ценностей. По мере того, как динамично развиваются междисциплинарные исследования животного мира, можно заметить, что применение новейших научных и биомедицинских технологий, в том числе и генно-инженерных, расширяет проблемное поле биомедицинской этики. Она сегодня не может быть конституированной только как учение о сбережении здоровой жизни человека и всей земной жизни при отказе от традиционных базовых морально-этических принципов и правил поведения.

В отечественной философии, сосредоточенной на этическом осмыслении медицины и, в последующем повлиявшей на формирование биоэтики, можно выделить ряд самобытных направлений. Русскую этическую мысль можно назвать этикой жизни, т. к. приближенность философской этики к религии и ее переплетение с православием позволяет говорить о том, что именно идеи правосла-

вия лежали в основании этических размышлений таких русских мыслителей, как Н. Ф. Федоров, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и др. Хотя многие этические концепции не смогли стать теоретическим основанием для построения биоэтики, они лишь задавали ведущий вектор отношения человека к миру, к жизни, к окружающей природе, где есть место и такому явлению, как смерть.

И в качестве центрального понятия во всех вышеперечисленных способах восприятия смерти выступает нравственная доминанта. Сформировался целостный подход, который заявил себя в русской философии и определяется тем, что в основании онто-гносеологических построений лежит нравственный опыт. Многие авторитетные исследователи отечественной мысли называют эту черту в качестве основополагающей (Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский, С. А. Левицкий и др.). Можно выделить важные характеристики нравственности у представителей так называемой «русской традиции». Это «нравственное как небиологическое» (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Е. Н. Трубецкой); «личное бессмертие как основа нравственной жизни» (П. Я. Чаадаев, С. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев); «нравственное как достойное вечной жизни» (В. С. Соловьев); нравственность как абсолютное начало (Е. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатин); «сердце как средоточие нравственной жизни» (П. Д. Юревич); антиутилитарный характер нравственности (В. В. Розанов, С. Н. Булгаков); приоритет нравственности над правом (И. В. Михайловский, Л. И. Петражицкий, П. Е. Казанский); война как итог «нравственно неверной жизни» (И. А. Ильин).

Более подробно динамика трансформации ценностных приоритетов в отечественной медицинской этике, биоэтике и философии освещена в зарубежной статье автора, посвященной данной проблематике [8].

Философия последних лет повернула внимание культуры к проблеме подробного анализа вопроса смерти, который ранее во многом был табуирован для глубоких исследований. Многие науки за основу своего учения берут такое явление, как ценность человеческой жизни. В философии она предстает как осмысление жизненного феномена, как потребность человека отдавать себе отчет о наличии и, может, отсутствии у него определенного существования в мире. Смерть уже не представляется чем-то внешним и чуждым по отношению к человеческому бытию, а скорее, представляет собой конституитивную составную часть самой жизни. Жизнь – это борьба со смертью и неорганизованностью природы, борьба за утверждение ноосферы, за торжество духа над материей, все это разные формулировки общего исходного принципа этики. И этот общий принцип этики просветлен одним умонастроением, пронизывающим все нравственные поиски Л. Н. Толстого, – любовью к жизни.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00846.

Список литературы

1. Кашапов Ф. А. Философские основания биоэтики: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.01. – Челябинск, 2005.

2. Иванюшкин А. Я. От этики Гиппократа к биоэтики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lawmix.ru/med/5515/ (дата обращения 15.08.2015).

3. Варава В. В. Этика неприятия смерти. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – 240 с.

4. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. – Юбил. изд. – М.; Л., 1928–1958.

5. Волохова Н. В. Проблема смысла жизни и смерти в антропологии Л. Н. Толстого. Ч. 1 // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – №2 (47). – С. 105–111.

6. Волохова Н. В. Идея бессмертия в религиозно-антропологической системе Л. Н. Толстого // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – №2. – 2015. – С. 153–160.

7. Волохова Н. В., Козявкина Ю. Э. Ценность человеческой жизни и ее биоэтическое измерение (на основе анализа философского наследия Л. Н. Толстого) // Социоантропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации: сб. науч. ст. / отв. ред. И. А. Асеева. – Курск, 2015. – С. 148.

8. Aseeva I. A., Volokhova N. V. Transformation of value priorities in the Russian medical ethics and bioethics // Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics. University service publishing. – 2015. – Vol. 4, is. 1. – P. 6–16.

Получено 08.07.15

N. V. Volokhova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail:volna-sha@rambler.ru)

THE PROBLEM OF DEATH IN THE CONTEXT OF BIOETHICS (BASED ON THE ANALYSIS OF THE PHILOSOPHICAL HERITAGE OF L. N. TOLSTOY)

This article discusses the philosophical category of death, as the area of the insurmountable and fundamental uncertainty. In our opinion, a moral aspect to it, making human existence less precarious and meaningless. The theme of the phenomenon of human death is "through" and in bioethics. "Death is alien to human nature, and because in order to die well, one must abandon reflection, from the stream of consciousness, his whole human nature in general and become simple", teaches L. N. Tolstoy. At the same time, people must hurry to prove themselves in practical matters, which should help him leave behind a good memory.

***Key words**: death, life, bioethics, L. N. Tolstoy, medicine.*

УДК 1:16.09.00.01

М. А. Плохова, канд. филос. наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (e-mail: plohova@yandex.ru)

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ

В работе рассмотрены параллели между процессами научного творчества и духовными практиками. Установлено, что существует общность генезиса, ряда установок, практик, направления движения. На современном этапе развития постнеклассической науки выявилось общее для науки и религии поле приложения и исследований – сознание человека, что отражено в актуальной проблематике междисциплинарных исследований и квантового подхода.

***Ключевые слова**: научное творчество, проблема сознания, квантовая физика, сознание, наука, религия, философия науки, духовные практики.*

***

Духовные поиски и научные открытия, физика микромира и человеческое сознание, что общего между ними? Подобные вопросы занимали умы не только философов (У. Джеймс, К. Юнг, Ф. Капра, Д. Судзуки, Д. Кришнамурти) XX века, но и самих ученых (Н. Бор, Д. Бом, В. Паули и др.). Сегодня эта проблематика является магистральной для известных физиков-теоретиков (Р. Пенроуз, М. Менский), а также предметом трансперсональных исследований (К. Уилбер, А. Минделл). В последние десятилетия растет интерес к междисциплинарным исследованиям: когнитивно-информационному подходу, проблематике искусственного интеллекта, синергетике, квантовому подходу. Поиски единых структур в самых разных областях знания становятся все более значимыми и актуальными. В нашей работе мы обратимся к исследованию параллелей между процес-

сами научного творчества и духовными практиками. Можно ли назвать деятельность ученых духовной практикой?

Пожалуй, большинство согласится, что наука является одной из человеческих практик – практикой познания и освоения мира. Однако словосочетание «духовная практика» обычно вызывает возражения.

Знаменитый историк античной философии Пьер Адо назвал одну из своих книг «Духовные упражнения и античная философия» [1]. Полнота значения требует именно словосочетания «духовное упражнение», что подчеркивает вовлеченность в процесс всех составляющих человеческого существа, включая эмоциональную, интеллектуальную и душевную. Обращаясь к истокам, можно заметить, что понимание числа уже в традиции пифагореизма приобрело поистине вселенское звучание. Пифагорейцы полагали, что созерцание числа способно направить душу от становления к истинному бытию (Платон в «Государстве», строфы 524b-531e). Для них крайне важен этический аргумент: правильные занятия науками о числах способствуют очищению души. Например, «астрономия заставляет душу взирать ввысь и ведет ее туда, прочь ото всего здешнего» (529a). Занятия математикой вырабатывают такие качества, как дисциплинированность ума, умение концентрироваться, способность к созерцанию идеальных форм, а также предполагают умение контролировать мысли и эмоции.

Пьер Адо, вслед за античными мыслителями, говорит о физике как о духовном упражнении. Вся умозрительная и созерцательная деятельность философа в античном представлении является «духовным упражнением в той мере, в какой, возвышая мысль до перспективы Целого, он освобождает ее от иллюзий индивидуальности» [1, с. 46]. В таком контексте физика естественным образом становится духовным упражнением, которое может быть развернуто на трех уровнях. Первый – это то обстоятельство, что физика может быть «созерцательной деятельностью, находящей свою цель в самой себе, и она предоставляет душе, освобождая ее от ежедневных забот, радость и ясность разума» [1, с. 47]. Именно в этом заключается дух Аристотелевой физики. Адо обильно цитирует представителей античной мысли самого разного толка – эпикурейца Лукреция, стоика Эпиктета, самого Аристотеля, затем Филона Александрийского и Плутарха. Марк Аврелий и Сенека понимают физику как духовное упражнение, но в несколько ином аспекте. У них духовная практика принимает форму особого воспарения, что позволяет рассматривать человеческие вещи как ничтожные. Сенека пишет: «Вот тогда-то, поправ всякое зло и устремляясь ввысь, душа проникает в сокровенную глубину природы и в этом обретает самое полное и совершенное благо, какое только может выпасть на долю человека. Тогда сладостно ей, странствующей среди звезд, смеяться над драгоценными мозаичными полами в домах наших богачей, над всей землей и ее золотом» [1, с. 48].

Третья степень духовного упражнения такого характера – в видении всеобщности, в возвышении мысли до уровня универсальности. В этом пункте происходит максимальное сближение с платонизмом. «Именно на этом уровне мы можем сказать, – пишет Адо, – что умираем для своей индивидуальности, чтобы получить одновременно доступ к сознанию изнутри и к универсальности мысли Всего» [1, с. 49].

Античная наука зарождалась в недрах натурфилософии, и содержание науки естественно и органично слито с духовной компонентой. Современная наука генетически связана с духовными практиками и методами самосовершенствования, что в последующие века было предано забвению, но не могло быть полностью стерто. В истории философской и научной мысли всегда неявно присутствовали пифагорейские мотивы. Напри-

мер, учение о пределе кардинала Николая Кузанского невозможно объяснить вне пифагорейской традиции. Через обращение к математическим понятиям минимума и максимума он выразил одно из существеннейших свойств Бога, а именно Его непостижимость. Противоречия, с которыми сталкивается человеческий ум при попытках осознать категории бесконечно малого или бесконечно великого сродни парадоксу в понимании свойств Бога.

При словосочетании «духовные практики» на ум приходят образы восточных традиций, сопряженных со специфической системой ученичества. Ни в коей мере не собираясь отметать эти ассоциации, напротив, мы постараемся показать, что практики восточных духовных учений и практика научного исследования не столь далеки, как может показаться.

В чем отличие именно духовных практик? На наш взгляд, не более чем в степени осознанности.

Что мы подразумеваем под практиками человека в первом – самом широком смысле? На первый взгляд любая человеческая деятельность есть практика. Сюда можно отнести все – от самых простых, примитивных человеческих действий, связанных с физиологическими особенностями Homo Sapiens, и заканчивая самыми высокоразвитыми проявлениями человеческого духа, такими как искусство, наука, философия, религия. Причем слово «практика» в этом значении автоматически включает сюда и духовные практики, однако чисто формально-феноменологически, совсем не обязательно наполненными смыслом и значением. В восточной культуре под духовными практиками принято понимать определенный круг явлений, а именно совершенно особенные, сформированные внутри традиций, в большинстве случаев сакрализованные и глубоко эзотерические знания, представляющие по своей структуре упорядоченную систему менто-психо-физических упражнений, которая своей целью имеет достижение Абсолюта посредством поэтапной трансформации всех составляющих человеческого существа – мысли-эмоций-тела (например, в буддизме это достижение нирваны, просветление, выход из цепи перерождений). В каждой такой системе присутствуют свои отличительные особенности, однако нам сейчас существенно выделить важнейшее. Все духовные практики направлены на совершенно определенные изменения, а именно изменения внутренних пространств человека. Если правомерно разделить человека и мир, то духовные практики занимаются человеком и только человеком. На наш взгляд, любая человеческая практика есть продукт, результат внутренних процессов человека, вынесенных вовне, одетых в формы. На первый взгляд может показаться, что нет ничего общего между духовными эзотерическими практиками и современной наукой. Однако лишь на первый взгляд.

Теоретическая наука – предельно рафинированная сфера человеческой деятельности. Считается, что это ментальное пространство, в котором ведущая роль принадлежит мыслительным экспериментам. Если взять, к примеру, квантовые исследования, то даже реальные эксперименты здесь носят такой характер, что говорить о реальности процессов измерения в привычном смысле проблематично. Физики сталкиваются с особыми процессами и типами взаимодействий, где резко возрастает важность и принципиальная необходимость интерпретации. Роль современного физика, объясняющего процессы квантовой механики, иногда сравнивают с деятельностью гуру, толкующего сакральный текст или сновидение. Это связано с ситуацией, которая сегодня сложилась в науке. Вспомним знаменитое высказывание Фейнмана о том, что никто не понимает квантовую механику. Квантовую физику не понимают в том смысле, что ее невозможно представить в образах, как это принято в класси-

ческой физике. Существуют уравнение и данные эксперимента, но то, как это можно *представить* в виде картинки, остается за кадром. Студентам поясняют, что квантовую теорию невозможно понять, к ней нужно просто привыкнуть. Примерно так принято понимать магический ритуал – ряд действий, направленных на достижение нужного результата, но сам механизм остается невидим и необъясним. Еще пример – из сферы современной сейсмологии. Датчики выдают столь сложную картину физических полей, что требуется особая дисциплина по интерпретации измерений.

Интересно, что при ближайшем рассмотрении и цель гуру, и цель ученого, объясняющего результат эксперимента, оказываются близки – выдать правильный результат, дать верное руководство к действию, которое гарантированно приведет к успеху. Стоит отметить, что, как и в духовной традиции, высшая цель научного исследования мира намного глобальнее и чище, чем оказывается на поверку в каждом конкретном случае. Наука стремится к максимально полному объяснению всех явлений мира, полагая, что она познает мир в его подлинном устройстве. Любая духовная традиция также стремится к достижению истинного целостного бытия, механизмом приближения к которому служат практики совершенствования.

Не напрашиваются ли здесь и иные аналогии, а именно положение в современной науке и современных традициях.

Определенный стиль мышления задает конкретные схемы поведения и влияет на конечный продукт как в науке, так и в традиции. Период классической механики подобен ортодоксии в религиях, где существуют совершенно жестко заданные схемы поведения, все привязано к имеющемуся своду правил, а творчество, ставящее под сомнение сложившиеся принципы, отторгается. Религиозные традиции включают в себя понятие нравственности, что является синонимом «правильного поведения», т. е. действий внутри определенных социально обусловленных рамок. В ньютоновской механике похожая ситуация. Очевидно, что если шар бросить, он станет двигаться по известным законам, у всякого движения есть определенный источник или причина и есть следствие, она же цель. Все просто и предсказуемо.

Схема причинно-следственной зависимости, заложенная ньютоновской механикой, позволяет с успехом описать достаточно широкий круг явлений. Но через какое-то время стали появляться закономерные вопросы и сбои системы, не все причины нам известны и не каждое следствие предсказуемо. Подобное можно наблюдать и в религиозной традиции. Сначала действовала установка – соблюдай заповеди и будешь счастлив. Однако, как показывает история, заповедей часто оказывается недостаточно.

Есть принципиальное различие между научными и духовными практиками. Духовная практика – это каждый ее практикующий, он всегда один, со своей сугубо индивидуальной, неповторимой историей, вехами пути, соблазнами и преодолениями. Наука стирает даже ярчайшие лица. Наука – целостный организм, который растет и развивается, часто игнорируя отдельные прорывы, нарушающие естественный ход ее движения. Отличие науки – в требовании согласования и социализации: ни одно открытие не может быть усвоено целостным организмом науки без проведения согласования с другими теориями и без признания со стороны научного сообщества.

Индивидуальное творчество в науке максимально близко индивидуальному духовному росту и поиску. Это отдельные люди со своей судьбой в пространствах науки, со своими прозрениями и падениями, своими эволюциями и революциями. Гении и провидцы в науке – явление столь же естественное, как и мистики в религиозной сфере. Индивидуальный ум мыслителя может подняться

до таких высот созерцания природных явлений, которые не по силам основной массе исследователей и не соответствуют уровню развития науки его поры. Такие открытия часто остаются незамеченными и невостребованными современниками. Требуются столетия, чтобы их оценить. Для первопроходцев в науке творчество является не просто практикой личного духовного роста, но и ведет за собой следующие поколения ученых.

Многие известные ученые, сделавшие действительно серьезные открытия, люди весьма незаурядные. Так описывает свое состояние в момент создания матричного исчисления в своем дневнике Вернер Гейзенберг: «В первый момент, – пишет Гейзенберг, – я до глубины души испугался. У меня было ощущение, что я гляжу сквозь поверхность атомных явлений на лежащее глубоко под нею основание поразительной внутренней красоты, и у меня кружилась голова от мысли, что я могу теперь проследить всю полноту математических структур, которые там, в глубине, развернула передо мной природа. Я был так взволнован, что не мог и думать о сне» [2, с. 110]. Такие состояния не излагают на бумаге, данная цитата редкое исключение из правила.

В науке как духовной практике степень эзотеричности часто совпадает со степенью ее экзотеричности, открытости. Эзотеризм как традиция, доступная малому кругу, закрытая для массового применения, подобно практикам, сформированным в недрах религиозных школ, в принципе не может быть вынесена вовне. И дело не только и не столько в том, что существует сознательная цензура и защита от случайных людей, намного существеннее то обстоятельство, что не каждый подошедший в принципе способен понять, что ему *нечто* явлено. В отношении науки это не вызывает сомнений, поскольку неискушенный человек, увидев страницу, испещренную формулами, вряд ли сумеет усмотреть за ними содержание, тем более оценить степень глубины следствий изложенной информации. Стоит заметить, что и среди профессиональных ученых отнюдь не каждый способен к оценке, и даже пониманию в полной мере.

Также традиции – на уровне общего концепта, учения – открыты и владеют всем сообществом, а вот та часть, которая касается личной практики и личного понимания – видения ландшафтов и реального направления движения, да часто и самого движения, его наличия или отсутствия, – достояние единиц. И всегда это путь личных усилий, преодолений, разочарований, признания ошибок и новых рывков за пределы общеизвестного, трансцендирование. Собственно, то, что представляет сегодня наука, – это вехи пути, вехи движения человеческого духа, его развития, описанные на своем особом языке.

Любая духовная традиция, в частности духовная практика, – тоже результат фиксации ступеней пройденного пути и специфическое руководство, *описание* уже знакомого ландшафта для других *путников* на своем языке. Конечно, мы не имеем в виду, что духовная практика сводится к такому описанию, однако только об этом мы *можем* говорить. В науке это очевидно – то, что опубликовано, апробировано в экспериментальных условиях, подвергнуто всесторонним обсуждениям и в известной степени признано, зафиксировано как результат, становится достоянием, неотъемлемой частью науки. В то время как в духовных практиках фиксации не происходит, все остается в устной традиции, однако не исключает написание своего рода пособий для начинающих или продолжающих такой путь – это работы мистиков. Например, «Лествица» Иоанна Лествичника [3] или «Восхождение на гору Кармель», принадлежащая перу и опыту святого Хуана де ла Крус (Испанского) [4].

И заблуждения, и болезни науки очень сходны с проблемами внутри мистических традиций. Хотя собственные заблуждения западному миру не столь

режут глаз. Если человек, обладающий определенными способностями, создает секту с целью наживы, это выглядит непривлекательно. А если в добавок нечистоплотный гуру приписывает себя к какой-то традиции, это зачастую вызывает негативную реакцию ко всей традиции. Но в то же время почему-то нам не приходит в голову разогнать, к примеру, всех химиков по той причине, что солидный профессор, заведующий лабораторией, разрабатывает с группой лучших аспирантов новые виды наркотиков из того же самого желания обогатиться. Все дело в целях и в их незаметной подмене.

Для мыслителя античности и Средневековья не было никаких сомнений относительно способности человеческого разума постичь законы мироздания, это полностью совпадало с религиозными установками эпохи. Поскольку человеческий ум укоренен в бытии, то категориальная структура нашего рассудка соответствует онтологической структуре мироздания, а значит и человеческое умозрение способно проникнуть в суть бытия. Но уже ученый Нового времени стал «скромнее», ограничил себя сферой явлений и занялся построением математической модели мироздания, проекции мира на плоскость рационального умозрения, всего того, что получило наименование научной картины мира.

Движение, развитие человеческого духа, как и развитие науки, происходит не только эволюционно, но и революционно. Термин «революция» в сферах духовных пространств уместен не менее, чем в пространствах науки. Методологи науки используют понятие «смена научных парадигм», подразумевая под этим возникновение качественно нового мировоззрения как фундамента научного знания. Относительно духовных практик термин «революция» используют для указания на принципиальное изменение качества состояния сознания, который свидетельствует о следующей ступени в продвижении по лестнице развития духа. И дискуссий в науке о том, насколько такой процесс революционен или эволюционен, совсем не меньше, чем в среде практикующих.

Начальные этапы духовных практик предполагают определенные навыки (например, умение управлять своим вниманием, эмоциями, дыханием, ритмами организма и т. п.). Через непрестанное отречение от собственной самости, через стирание своего эго происходит обретение новых свойств и качеств, которые сами по себе не являются целью, но лишь признаком внутреннего роста.

В науке через стирание всякого субъективного начала в пользу чистой объективности происходит постепенное усиление роли сознания в новом значении. Сошлемся в данном вопросе на установки постнеклассической науки, в которой субъект становится неотъемлемой частью исследования объекта [5, с. 187].

Сегодня все больше появляется литературы об измененных состояниях сознания, медитативных и других психотехниках. Все чаще для описания пограничных состояний сознания привлекаются научные методы, в том числе используется язык и модели квантовой теории. Вопрос о связи сознания и квантовой теории интересовал еще ее основателей: Н. Бора, Д. Бома, В. Гейзенберга, Е. Вигнера, Дж. фон Неймана. Сегодня эта тема развивается такими авторами, как Р. Пенроуз, Ч. Минделл, Т. Лири, Р. Уилсон, и соотечественниками И. З. Цехмистро, М. Б. Менский, В. И. Аршинов, В. Л. Васюков, В. И. Моисеев, К. Копейкин и др.

Высказываются предположения, что эта сфера физики описывает не только мир природы, но и мир психики человека, его подсознание, пограничные и измененные состояния. Некоторые серьезные физики утверждают, что квантовая механика проясняет не столько физику, сколько проблему сознания [6]. Похоже, что наука как духовная практика западной цивилизации достигла своего пика,

вплотную подойдя к проблеме сознания человека [7; 8].

Но это уже отдельная увлекательная тема, которая заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Список литературы

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М.: СПб.: Изд-во «Степной ветер»: Катарсис, 2005. – 448 с.

2. Визгин В. П. Вернер Гейзенберг о соотношении искусства и науки // Наука и искусство. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 95–118.

3. Лествичник Иоанн преп. Лествица, возводящая на небо. – М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. – 496 с.

4. Крус де ла Х. Восхождение на гору Кармель. – М.: Тип. Благотворительного культурно-информ. центра «Путь, Истина и Жизнь», 2004. – 317 с.

5. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

6. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). – Фрязино: Век 2, 2011. – 320 с.

7. Плохова М. А. Два подхода к моделированию феномена спонтанности // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. – 2011. – Т. 17, № 1. – С. 290–294.

8. Плохова М. А. Как примирить спонтанность и интеллект? // Свобода и творчество (междисциплинарные исследования). – М.: Альфа-М, 2011. – С. 181–218.

Получено 28.06.15

M. A. Plokhova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University (plohova@yandex.ru)

SCIENTIFIC CREATIVITY AND MENTAL AND SPIRITUAL PRACTICE

In the work are investigated parallels between the processes of scientific creativity and spiritual and mental practice. It has been determined that there is the community of genesis, of number of attitudes, practices and movement direction. At the modern stage of post non-classical science development a common field of application and research for science and religion has been detected - a man's consciousness; this is reflected in the actual perspectives of interdisciplinary studies and quantum approach.

***Key words**: scientific creativity, problem of consciousness, quantum physics and consciousness, science and religion, philosophy of science, spiritual and mental practice.*

УДК 33

И. Е. Москалев, канд. филос. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Москва) (e-mail: ie.moskalev@migsu.ru)

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются различные аспекты развития конвергентных технологий (NBIC-технологий) с точки зрения открывающихся возможностей для развития человека и общества, а также оценки социальных рисков, обусловленных высокой сложностью NBIC-конвергенции и принципиальными ограничениями для управления.

***Ключевые слова**: NBIC-технологии, социальные риски, антропосоциальные проекции, социальные изменения, управление.*

***

Образ будущего нашей цивилизации сегодня формируют так называемые конвергентные технологии, под которыми подразумевается сложный комплекс: на-

но-, био-, инфо-, когнотехнологий (NBIC-конвергенция). Однако вопрос о возможных последствиях новейших достижений науки и техники остается открытым и во многом определен теми познавательными усилиями, которые будут предприняты для понимания становящейся на наших глазах новой реальности.

Рассматривая развитие NBIC-технологий в контексте управленческого цикла, включающего этап постановки долгосрочных целей, планирования, реализации и контроля, можно сделать вывод, что управление развитием данного направления становится все более масштабной общественно-политической задачей, решение которой будет определять статус и перспективы субъектов мирового сообщества.

Особую актуальность представляет также исследование антропо-социальных проекций NBIC-технологий с целью выявления открывающихся возможностей, а также потенциальных рисков для человека и общества [1]. При этом оценку социальных последствий развития конвергентных технологий мы предлагаем проводить не только с учетом их влияния на социальную сферу, но и с точки зрения наблюдаемых изменений в отношении к самой технике как части окружающей среды, структурно-сопряженной с системой «человек – общество» [2].

Сформировавшись в особых социальных сетях, новые конвергентные технологии являются продуктом определенных социальных отношений, свойственных междисциплинарным сетевым научным сообществам [3]. Как точно отметил американский философ Р. Коллинз, знание не рождается в отдельных головах, а является социальным феноменом, и сама по себе структура организации социальной системы во многом определяет это знание [4]. Человеку всегда было свойственно переносить свои функции в техническую сферу, а уже затем, через соответствующую, например, механистическую парадигму, интерпретировать собственное поведение и выстраивать определенные социальные отношения. В результате такого подхода в начале XX в. возник тейлоризм как модель построения и управления достаточно сложными и технологичными социальными организациями (такими, как конвейер), что, в свою очередь, позволило рассмотреть труд отдельного человека с точки зрения его возможной оптимизации для решения задач массового поточного производства и свести деятельность работника к набору простых операций, выполняемых по жестким правилам. Эту эпоху сегодня обозначают термином Индустрия 1.0.

В дальнейшем, с появлением кибернетики и информационных технологий, социальные организации начинают проектировать и выстраивать в соответствии с логикой автоматизированных систем управления. Сборочные автоматы избавили человека от рутины, но превратили его в оператора-контролера, обслуживающего роботизированное производство – Индустрия 2.0. Следующий шаг был связан с развитием информационных сетевых технологий и появлением глобальной сети Интернет как пространства глобальных коммуникаций – Индустрия 3.0.

Сегодня, на пороге четвертой индустриальной революции, с ее интеллектуальными инфраструктурами и интерфейсами [5], новые образы сложности мы заимствуем из таких сфер, как нанотехнологии, исследования биологических структур, информационные сети, и проецируем их на социальные организации. Например, участники IT-стартапа, работая по методологии Agile, очень точно схватывают эти новые организационные метафоры и моделируют в себе (в своей социальной организации) подобного рода структуры. Таким образом, в современной IT-индустрии можно наблюдать применение технологий формирования творческих групп и команд, в которых ценится эффект синергии и формируются те условия, благодаря которым эта группа и команда эффективно работает. Яр-

ким примером может служить Valve Corporation (американская компания – мировой лидер в сфере разработки компьютерных игр), перевернувшая классические представления научного менеджмента об административно-командных методах управления и впитавшая в себя принципы самоорганизации.

В наше время рефлексия этих технологий, осуществляющаяся в некоторых корпоративных социально-инновационных, «рефлексивно-активных» средах, позволяет достаточно функционально и технологично подходить к решению таких задач, как построение организаций по образу и подобию адаптивной биоструктуре или сети. Сегодня можно также услышать о живой организации [6], фрактальной организации [7] и даже квантовой организации. Эти метафоры оказываются весьма полезными в самых разнообразных социальных системах – от разработчиков программного обеспечения до воинских спецподразделений [8].

Поскольку с развитием NBIC-технологий связано высвобождение потенциала человека, то возникает вопрос о возможных глобальных последствиях его применения. К каким решениям будут готовы будущие поколения, выросшие в другой, информационно-технологичной среде? Каких людей формирует среда WEB 2.0, 3.0 и выше? Насколько иными будут их ценности, жизненные принципы, особенности поведения? Готово ли, в конце концов, человечество к новому технологическому укладу? Ведь сегодня, наряду с социально-позитивными движениями в форме сетевых краудсорсинговых и краудфандинговых проектов, существуют и различные формы современного варварства – от хакерских атак до экстремистских движений, активно использующих информационно-сетевые ресурсы. Социальные сообщества плохо поддаются внешнему управлению, но способны спонтанно и достаточно сильно воздействовать на устоявшиеся социальные структуры. Все это свидетельствует о хрупкости нашего общества как усложняющейся системы. Человек, который всегда оставался проблемой, как для самого себя, так и для общества, в постиндустриальную эпоху приобрел новые технологические возможности действия, а значит риска [9].

Можно согласиться с В. Е. Лепским в том, что «учитывая тенденции нарастания технологических угроз в XXI веке можно утверждать, что человечество не готово к разработке технологий шестого уклада и их широкому использованию. Если сегодня не поставить и не начать серьезно решать проблемы социогуманитарного обеспечения инновационного развития, то могут возникнуть необратимые асоциальные процессы» [10, с. 29]. В этом смысле особую актуальность представляет предложение В. И. Аршинова о необходимости преодоления сугубо технократического рассмотрения конвергентных технологий и рассмотрения возможностей и угроз их развития через призму социогуманитарных технологий [11]. И здесь предлагается рассматривать и говорить о формировании более сложной конвергенции – NBICS, где S обозначает социогуманитарную составляющую [12], благодаря которой может быть обеспечено понимание сложности происходящих изменений, а также выработаны адекватные концептуально-методологические модели [13] и модели управления. Современные публичные дискуссии о будущем нашей цивилизации не могут быть полными без активного участия философов, социологов, других представителей социально-гуманитарного знания. При этом речь идет не только об абстрактных долгосрочных прогнозах, а о вероятных сценариях на ближайшее десятилетие [14].

Человек и социум – это автопоэтическая система, воспроизводящая себя как целостность, что, согласно авторам концепции «автопоэзиса» У. Матуране и Ф. Вареле, является главным отличительным свойством всего живого [15]. Одна-

ко сегодня подобными характеристиками обладают уже так называемые киберфизические системы (Интернет вещей, Умные Технологические Среды, технологии Big Data Mining), в которых действуют механизмы антропосоциальной самоорганизации: саморефлексия, операциональная замкнутость.

Сложность современных информационно-технических систем Индустрии 4.0 в определенном смысле начинает превосходить сложность человеческого мозга [16], деятельность которого обеспечивается функционированием большого числа непрерывно-взаимодействующих между собой элементов (1012 нервных клеток, имеющих порядка 1015 соединений), что сопоставимо с количественными показателями Big Data, с их пета-байтными массивами информации (Peta = 1015). Если согласно закону Р. Эшби субъект управления должен быть более сложен (с точки зрения возможности выбора и разнообразия), чем его объект управления, то сегодня мы сталкиваемся с другой ситуацией, когда объект управления начинает превосходить своего создателя, а из этого следует риск потери управления и контроля.

Наблюдаемый парадокс сложности объекта управления (в частности, процесса NBICS-конвергенции) создает мощный вызов методам управления, сформировавшимся в условиях прежних научных парадигм, технологических укладов и индустрий.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект №15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

Список литературы

1. Асеева И. А., Буданов В. Г. Философские и биоэтические аспекты развития новых конвергентных технологий как фактора трансформации среды обитания человека // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 3. – С. 130–138.

2. Москалев И. Е. Конвергентные технологии как фактор антропосоциальных изменений // Современное научно-техническое развитие и его последствия: Проблемы адаптации социальных систем: сб. науч. тр. Серия: Теория и история социологии / отв. ред. Д. В. Ефременко, И. Е. Москалев. – М., 2013. – С. 189–200.

3. Москалев И. Е. Антропосоциальные проекции конвергентных технологий [Электронный ресурс]. – URL: http://nbic-convergence.narod.ru/olderfiles/1/Moskalev_Antroposoccialnye_proekcc-85999.pdf (дата обращения: 24.04.2015).

4. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.

5. Чеклецов В. В. Динамические эмерджентные интерфейсы сложных социотехнических систем // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2015. – № 1. – С. 70–84.

6. Мейер К., Дэвис С. Живая организация. – М.: Добрая книга, 2007. – 368 с.

7. Кочеткова А. И. Основы управления в условиях хаоса (неопределенности). – М.: Рид Групп, 2012. – 624 с.

8. Кистень А. М., Москалев И. Е. Методы спецназа для руководителя. – М.: Добрая книга, 2007. – 144 с.

9. Делокаров К. Х. Образование – открытый диалог человека с миром (Проблемы «общества знаний») // Философия образования: новые подходы: материалы межвузовской конф. – М.: МГПУ, 2011. – С. 25–44.

10. Лепский В. Е. Исходные посылки становления социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве / под ред. В. Е. Лепского – М.: «Когито-Центр», 2014. – 201 с.

11. Аршинов В. И. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии // Вопросы философии. – 2015. URL: http:// vphil.ru/index.php?id=644&option=com_content&task=view (дата обращения: 24.04.2015).

12. Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. – 2011. – № 1-2. – С. 13–23.

13. Буданов В. Г. Концептуальная модель социантропологических проекций конвергирующих NBICS-технологий // Социантропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации: сб. науч. ст. / отв. ред. И. А. Асеева. – Курск, 2015. – С. 24–34.

14. Ефременко Д. В., Гиряева В. Н., Евсеева Я. В. NBIC-конвергенция как проблема социально-гуманитарного знания [Электронный ресурс]. – URL: http:// nbic-convergence.narod.ru/olderfiles/1/Efremenko_Evseeva_Giryaeva. pdf (дата обращения: 24.04.2015).

15. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

16. Mainzer K. Die Berechnung der Welt: Von der Weltformel zu Big Data. – München: Verlag C.H.Beck oHG, 2014. – 350 c.

Получено 14.07.15

I. E. Moskalev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow) (e-mail: ie.moskalev@migsu.ranepa.ru)

THE SOCIAL DIMENSION OF CONVERGENT TECHNOLOGIES

The article discusses the various aspects of NBIC-technologies in terms of the opportunities for human and social development, as well as the assessment of social risks, caused by the high complexity of NBIC-convergence and principled limits to control.

***Key words**: NBIC-technologies, social risks, anthroposocial projections, social changes, management.*

УДК 378:37.032

З. В. Курасбедиани, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: tim_077@mail.ru)

М. Д. Черкашин, канд. филос. наук, доцент, Курская академия государственной и муниципальной службы (e-mail: cherkashin07@mail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ДУХОВНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В статье рассматривается роль элит и их лидеров в процессе реформирования общества, от качественных характеристик которых зависит поступательное развитие или деградация общества на любом историческом этапе. Среди элитарных групп выделен слой духовной элиты как особой социальной группы, обеспечивающей духовное единство общества в периоды дестабилизации социальных отношений.

***Ключевые слова**: духовная элита, организационная элита, меритократическая элита, харизма.*

***

Проблема элиты всегда представляла интерес для ученых. Однако на одних этапах развития общества их интерес концентрировался на правящей (в широком смысле) элите, на других – политической, на третьих – экономической, на четвертых – духовной. Приоритет направлений исследований данных групп определялся их ролью в конкретном обществе. В исторической ретроспективе мы видим особые успехи в развитии цивилизаций именно в те периоды, когда

духовным центром нации становятся известные полководцы, политические лидеры, которые одновременно являются руководителями государства.

Особенно остро встает вопрос о духовно-интеллектуальной элите в кризисных ситуациях, когда возникает проблема выбора и ответственности за этот выбор, когда происходят резкие и болезненные социальные изменения, требующие не только теоретического осмысления, но и консолидации сил нации, ее творчества, духовного подъема, социального оптимизма.

Одним из примеров в этом смысле может служить деятельность президента Рузвельта, который в годы Великой депрессии начал создавать крупномасштабные социальные программы, ставшие основой «общества социального благоденствия». Другим примером является деятельность французского президента Ш. де Голля, сумевшего в годы политического кризиса дать мощный импульс экономическому и научно-техническому прогрессу, укрепить влияние Франции на международной арене. Успешность деятельности обоих национальных лидеров объясняется, прежде всего, тем, что они опирались на национальную идею: Рузвельт – на американскую мечту, в основе которой лежит материальное благополучие «в этой жизни», а не в каком-то отдаленном «светлом будущем»; Ш. де Голль – на ценности государственности, независимости Франции на международной арене, сохранение чистоты родного языка, развитие национальной культуры. Фактически, ценности, на которые опирался французский лидер, – это почти те же ценности, которые дороги и для основной массы россиян: патриотизм, государственность, любовь к родной земле, бережное отношение к национальной культуре, истории и т. д. [1]

Духовное единство в этом случае основывается на эмоциональной связи каждого члена общества с его лидером. В связи с этим З. Фрейд указывает на характер этой эмоциональной связи: «…культивируется одно и то же обманное представление (иллюзия), а именно, что имеется верховный властитель, каждого отдельного члена массы любящий равной любовью. На этой иллюзии держится все; если ее отбросить, распадутся тот час же, поскольку допускало бы внешнее принуждение, и церковь, и войско... Потеря, в каком-то смысле, полководца, психоз по поводу потери, порождают панику, причем опасность остается той же; если порывается связь с вождем, то, как правило, порываются и взаимные связи между массовыми индивидами. Масса рассыпается...» [2, с. 93–97].

Такое совпадение организационного и духовного центра общества встречается довольно редко, однако мы видим, что не всякое общество распадается, когда теряет своего лидера. Это достигается путем разделения организационного и духовного центра нации на две взаимосвязанные и одновременно независимые составляющие. В качестве наиболее красноречивого примера этого факта З. Фрейд указывает на строение церкви, где роль духовного центра представляет божество, а руководят ею его временные наместники.

В любом случае наличие лидера необходимо для первоначального объединения общества в единое духовное пространство. Поэтому проблема повышения эффективности элит неразрывно связана с проблемой поиска лидера. Лидеры занимают особое положение в элитах. Сами лидеры имеют ограниченный круг общения, но этот круг состоит из людей, которые также занимают лидирующие позиции. Имея власть над этим небольшим кругом, лидер многократно увеличивает число своих добровольных последователей. Необходимым условием при этом остается наличие духовного единства между всеми. З. Фрейд описывает это так: «...полководец – отец, одинаково любящий всех солдат, поэтому они сотоварищи... Каждый капитан в то же время и полководец и отец своей роты, каждый фельдфебель – своего взвода» [2, с. 94].

С учетом феномена лидерства вырисовывается следующая структура элит: лидеры – правящая элита – не правящая элита. Таким образом, творческая мысль, творческая энергия одного человека может распространиться на неограниченное количество людей и в состоянии увлечь за собой целое общество. Поэтому задача поиска и выдвижения лидера представляет собой особую важность.

М. Вебер выделял следующие способы выдвижения лидера и легитимизации его власти [3, с. 124]:

1) харизматический, при котором лидер наделен выдающимися качествами, способностью к руководству, особым «правом» на то, чтобы силовым путем сместить старого лидера и самому прийти к власти;

2) традиционный, при котором авторитет лидера основывается на обычае, традиции, семейной наследственности, т. е. новый лидер воспринимается как «законный» только в том случае, если он преемник старого;

3) рационально-легальный, при котором избрание нового лидера происходит демократическим путем, на основе общественного договора.

Эта классификация практически совпадает с его же классификацией мотивов социальных действий:

– стихийно-экстатическое начало, харизма;

– «этика братской любви» (добро, чистый смысл);

– формальная рациональность.

В соответствии со схемой, вождь-основатель (харизматик) сменяется традиционным лидером – охранителем, идеологом, который в свою очередь уступает место реформатору – законодателю (рационально-легального типа). Скачком в развитии будет приход к власти нового харизматика. Как видно из этой схемы, харизматическому лидерству М. Вебер придавал особое значение как лидерству духовному [4], а харизматическому типу правления отводил особую роль в истории, поскольку именно этот тип правления надолго определял духовные устои общества [5].

В данной последовательности смены лидеров от харизматика, властвующего над душами своих подданных, до рационального бюрократа, добившегося власти путем интеллектуального превосходства, мы видим не только разделение духовного и организационного центра общества, воплощенного в определенных личностях, но и постепенную символизацию духовной связи, существовавшей между лидером и массой, которая заменяется на духовную связь массы с идеей, первоначально озвученной лидером. Духовный центр при этом перемещается с определенного человека на круг его последователей, который может быть представлен единой элитой общества либо дифференцирован на руководящую и духовную элиту. Таким образом достигается длительная устойчивость общественных образований.

Исходя из этого, под организационной элитой мы понимаем руководящий центр общества, наделенный правом отдавать указания и контролировать их исполнение путем применения различных санкций. Под духовной элитой, в свою очередь, будем понимать круг людей, которые могут не иметь прямого доступа к рычагам власти, но которые вырабатывают основные ценностные ориентации общества, тем самым легитимизируя или, напротив, отвергая действия, которые совершает организационная элита. При этом можно заметить, что понятие организационной элиты практически совпадает с понятием властной элиты, а меритократическая и духовная элиты – это понятия, лишь отчасти пересекающиеся. Безусловно, человек, пришедший к власти в результате демонстрации неоспоримых заслуг, пользуется и особым духовным влиянием, которое делает его настоящим лидером. Но именно здесь пересечение и заканчивается.

Организационная и духовная элиты со временем также могут дробиться. При этом наблюдается рассредоточение цен-

тров власти, размывание границ элиты, что и принято называть процессом демократизации. Соответственно, такое общество уже является демократическим, в противоположность первоначальной авторитарной форме правления. При этом устойчивость общества сохраняется, если организационная и духовная элиты действуют в одном направлении, и, напротив, теряет устойчивость, если формально более слабая духовная элита отвергает легитимность действий организационной элиты.

Наилучшее сочетание действий организационной и духовной элиты, как было показано выше, достигается при воплощении их в одном лице – лице лидера. Поскольку дихотомия «лидер – массы» неразрывно связаны, представляет интерес тот набор функций, который должен выполнять лидер на каждой стадии развития, чтобы быть признанным в массе и соответствовать ее ожиданиям. Стили влияния лидера на свое ближайшее окружение принято разделять на два полюса – авторитарный и демократический. Как всегда, двухполюсная схема имеет своим недостатком то, что она либо вообще не показывает момента развития, сводя все к маятникообразному движению между двумя полюсами, либо, что еще хуже, порождает ложную иллюзию прямолинейного движения от одного (отрицательного) полюса к другому (положительному). В этом случае при любом изменении направления движения полюса меняются «знаками», что не позволяет увидеть истинное движение, искусственно нивелируя все предыдущие достижения.

Чтобы избежать политической окраски, в теории стилей Р. Лайкерта [6, с. 182] вместо авторитарного стиля управления предлагается использовать термин «директивный», или ориентированный на задачу, а вместо демократического – «стиль, ориентированный на отношения». Эта замена представляется правомерной, поскольку она лишена политической окраски и выражает те же реалии.

Однако в ходе эмпирической проверки выяснилось, что эти стили не являются противоположными полюсами одного и того же критерия, а скорее являются независимыми критериями, поскольку высокие оценки по одному стилю вовсе не означают низких по другому. Поэтому Блейком и Моутоном была составлена особая схема, которая получила название «решетки лидерства» [Там же, с. 184]. При этом классификация стилей лидерства проводится по двум критериям – ориентация лидера на организационные задачи или на духовное руководство.

В отличие от классификации М. Вебера «решетка лидерства» выделяет четыре стиля: тренирующий, опекающий, делегирующий, директивный. В этой классификации тренирующий стиль соответствует харизматическому лидерству у Вебера, а делегирующий – формально-рациональному. Опекающий и директивный стили отражают дифференциацию элит на организационную и духовную в процессе развития общества.

Таким образом, можно видеть, что демократическое общество вырастает на базе тех социальных идей и ценностей, которые были провозглашены в авторитарный период и которые являются эмоциональным и духовным фундаментом общества. Если же данные ценности будут отвергнуты, то демократическое общество обречено на дезинтеграцию и долгий, мучительный поиск новых ценностей, которые должны быть воплощены в личности нового лидера.

М. Вебер оценивал харизматического лидера как важнейшего движителя, генератора обновления общества в кризисные периоды, поскольку такой лидер и его авторитет не связаны с прошлым, способны мобилизовать массы на решение задач социального обновления. Но тут мы видим два препятствия.

Во-первых, лидер-харизматик не приходит сам, его выбирает время, обстоятельства, случай, поэтому на его появление нельзя рассчитывать как на нечто неизбежное. Если харизматического

лидера не окажется, то положение «этического вакуума» вызовет прогрессирующую деградацию общества.

Во-вторых, лидер-харизматик, который воплощает в себе и духовный, и организационный центр нации, в той или иной форме вынужден возвращать авторитаризм. Однако процесс выдвижения лидера и методы его последующего управления могут быть настолько непредсказуемыми, что поставят под сомнение не только возможность достижения общей цели – демократизации, но и сам факт дальнейшего существования всего общества.

Следовательно, демократическое общество, если хочет выжить, должно с величайшей осторожностью обходиться с теми базовыми духовными ценностями, которые унаследовало от авторитарного периода. Анализируя причины деградации цивилизации, указанные А. Тойнби, можно сделать вывод, что именно утрата ценностей приводит к следующим тяжелым последствиям: упадку сил творческого меньшинства; ответным ослаблением мимезиса (добровольного подражания) со стороны большинства; и в результате – утрате социального единства в обществе как едином целом [7, с. 262].

Однако именно эта опасность грозит обществу при смене элит. Традиционно изменения высшего слоя в обществе происходят, по утверждению В. Парето, как следствие «циркуляции элит» [8]. Сначала ведущие позиции занимаются лучшими представителями нации (меритократическая элита или «творческое меньшинство»). Но со временем элитные группы закостеневают, размягчаются, возрастают их алчные наклонности. Элита постепенно разлагается, что приводит к потере мимезиса со стороны массы. Одновременно внизу появляются способные, энергичные «самородки», которые стремятся пробиться на высшие позиции и которые в это время перехватывают духовное руководство. В конечном счете каким-то группам это удается. На место старой элиты приходит новая, естественно, революционным путем, которая начинает переустраивать порядок в обществе.

Так происходит циркуляция элит, которая является универсальным историческим законом: «В конечном счете, даже пролетарская революция (как и все прочие) совершается меньшинством для своего же собственного блага» [9, с. 126]. При этом традиционные ценности отметаются и провозглашаются ценности нового периода.

Однако М. Алле указывает, что возможна смена элит и без утраты традиционных ценностей. Прежде всего, он отмечает, что деление общества на элиту и массу условно, что это – схема, несколько упрощающая действительность. На деле между ними нет резких границ. Эти категории соотносительны: группа людей может быть отнесена к элите только по сравнению с другими, менее способными. Поэтому и в элите, и в массе он выделяет свою творческую и нетворческую часть [10, с. 71].

Остановка в развитии в процессе демократизации начинается с того, что «мнимая элита», дискредитируя ценности авторитарного периода, возводит относительные демократические ценности, которые привели ее к успеху, в ранг абсолютных, теряя тем самым свое творческое начало. Это приводит к неизбежным ошибкам, к потере авторитета творческой элиты у нетворческого большинства и, следовательно, к постепенной деградации самих демократических ценностей. Меньшинство морально разлагается, вырождается в попросту господствующее меньшинство, пытающееся силой удержать положение, которого оно больше не заслуживает [11]. Элита общества перестает быть творческим меньшинством, становится рабом косных установлений и само ведет себя и общество к гибели.

Естественно сделать вывод, что в период надлома цивилизации творческое меньшинство собственно творческим уже не является, а вырождается в «господствующее меньшинство». Однако многие

авторы, такие как А. Тойнби, О. Шпенглер [12], этого смещения не замечают, что и служит у них основанием для пессимистического прогноза развития любой цивилизации.

Но это не означает, что во время распада цивилизации роль творческого меньшинства становится только отрицательной. А. Тойнби отмечает, что возможно возрождение цивилизации на основе новых учений, появившихся в среде внутреннего пролетариата, а также лидеров, выдвинувшихся на базе новых идеологий из низов общества [10]. Следовательно, можно предположить, что в кризисный период творческое меньшинство следует искать не среди элит, а как раз в массовой среде. С точки зрения спиралевидной модели развития «мнимая элита» – это именно та группа «творческого меньшинства», которая, будучи не связанной с властью со старыми, окаменевшими ценностями, способна на создание новых ценностей, способна вывести общество из хаоса эклектического периода на новый виток развития.

Таким образом, обнаруживает себя сложная природа того, что А. Тойнби называет «творческим меньшинством» и «пролетариатом», поскольку на разных стадиях творческие элементы проявляют активность в разных группах.

Аналогичную оценку влияния духовной элиты на развитие общества мы встречаем в трудах П. Сорокина. Рост цивилизации в результате объединения всех членов общества вокруг его духовного центра именуется у Сорокина идеациональной стадией развития [13, с. 430]. В его интерпретации циклического развития вслед за распадом цивилизации следует ее возрождение. Сорокин считает, что во время деградации официальной элиты получают свой шанс к развитию те интеллектуальные силы, которые всегда имеются в обществе в зародыше и которые в обычных условиях остаются невостребованными. Они создают новую идеологию как свою собственную веру и установление и начинают штурмовать разлагающуюся цивилизацию, ускоряя ее падение. И хотя это приводит к росту распрей и братоубийственных войн, однако новая идеология служит мостом и основанием для новой цивилизации, отчужденной и в то же время дочерней по отношению к старой.

Основную причину всех социальных потрясений П. Сорокин видит в постоянном «дефекте» любого общества, заключающегося в том, что общество всегда отстает в распределении благ для его членов в соответствии с их личными качествами и способностями, в несовершенстве социальных «фильтров», осуществляющих данную селекцию [14]. Угрозы развития цивилизации не будет существовать, если духовная элита общества, во-первых, займет в нем достойное положение, и во-вторых, будет обеспечено постоянным притоком творческих, духовно богатых сил.

Задача поиска достойного лидера, который в состоянии остановить деградацию общества, представ перед ним в качестве духовного вождя, а также формирования духовной элиты, способной сохранить единство общества в кризисные периоды, может быть решена только на базе решения другой, более сложной задачи – отбора и продвижения претендентов на занятие престижных элитарных позиций в обществе среди самых разных социальных слоев, что в конечном счете и является символом демократизации.

История человеческой цивилизации свидетельствует о том, что идея демократического управления обществом, несмотря на свою древнюю историю, никогда еще не была реализована в полной мере. Многочисленные элитаристские теории пытаются доказать несовместимость элитаристских и демократических представлений об устройстве общества, базируясь на отрицании творческой роли народных масс в историческом процессе.

Этот подход имеет весомые основания. Действительно, в условиях социального разделения труда творческая сущ-

ность человека реализуется односторонне, противоречиво. Отделение умственного труда от физического превращает творчество в привилегию элиты. Определенные виды деятельности, прежде всего социальное управление, закрепляются за отдельными социальными группами. При этом меньшая часть нации занята творческим трудом, а неизмеримо большая часть является исполнительницей воли меньшинства. Большинство обрекается на нетворческое, «массовое» существование, отключается от творческой деятельности. Подобное положение вещей позволяет сделать поспешные выводы о том, что лишь немногие люди одарены способностью к творческой деятельности, что большинство «бездарно от природы», лишено творческих потенций.

И подтвердить и опровергнуть подобные выводы в реальных условиях чрезвычайно трудно. На современном этапе исторического развития производительные силы общества развиты недостаточно для того, чтобы ликвидировать отделение умственного труда от физического, предоставив тем самым всем членам общества равные возможности для реализации своего творческого потенциала.

Тем не менее сам ход исторического развития опровергает это положение. Периоды мирного развития общества, медленной эволюции форм собственности, распределения и обмена, совершающиеся под управлением и при определенном тормозящем действии элит (заинтересованных, прежде всего, в сохранении условий, позволивших занять им властные позиции), сменяются революционными периодами. Народные массы, отстраненные в периоды «затишья» от непосредственного участия в управлении государством, во время революций творят политическую историю в широком смысле, устраняя консервативную властвующую элиту. Ни одно важное событие, имеющее кардинальное значение для судеб истории, не проходит без решающего участия народных масс.

Однако спонтанность, неуправляемость массовых процессов, подверженность массы быстрому эмоциональному заражению способствуют тому, что неизбежная революционная жестокость, сопровождающая насильственную смену элит, становится господствующим массовым настроением, подавляющим любое рациональное начало. В этом состоянии народные массы приводят к власти, как правило, деспотические, нерезультативные, в достаточной мере случайные элиты, что в конечном счете наносит ущерб всему народу. Свободное творчество масс, долгое время подавляемое, в эти периоды не признает никаких ограничений, становится разрушительным и деспотическим, отрицающим в конце концов самое себя. Таким образом, демократия и элитократия объективно воспринимаются как две противоположные модели общественного устройства.

Таким образом, демократизация духовной жизни предполагает наличие многочисленных, конкурирующих между собой центров духовного влияния, которые предоставляют рядовому человеку право выбора идеологических и мировоззренческих установок в соответствии с собственными устремлениями. Однако подобное многообразие в духовной сфере объективно ведет, как это было показано выше, к потере духовной связи между различными членами общества. Противоположные духовные ценности, имеющие смысл в различных культурах, будучи смешанными в «едином котле», взаимно дискредитируют друг друга, приводя к общей деидеологизации, к превалированию материальных ценностей над духовными. Результатом этого процесса может быть дезинтеграция общества в целом.

Исходя из этого, можно заключить, что духовная элита в обществе поставлена в особые условия, где конкуренция между различными центрами духовного влияния ограничена условием сохранения определенных базовых ценностей, исторически обусловивших единство об-

щества. Сегодня эта группа рассматривается как та, которая в силу изменения ключевых характеристик общества занимает определяющее место в его жизнедеятельности [15]. Именно данная группа может максимально помочь обществу в поиске эффективных путей адаптации к происходящим трансформациям и адекватно позиционировать себя в формирующейся матрице цивилизационных изменений. С развитием этой группы, на наш взгляд, связываются разноуровневые решения: от личностного до социетального, которые имеют принципиальное значение в современном мире, поскольку они определяют успешность обществ в целом и личности в них.

Список литературы

1. Кива А. В. Духовность и преодоление кризиса // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 20–30.

2. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // «Я» и «Оно». – Тбилиси: Мерани, 1991. – Т. 1. – С. 71–138.

3. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. – СПб.: Ольга, 1996. – 286 с.

4. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. – 1988. – № 5. – С. 134–138.

5. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Социология религий (Типы религиозных обществ) // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

6. Кравченко А. И. Прикладная социология и менеджмент. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 512 с.

7. Гуревич П. С. Философия культуры. – М.: Аспект-Пресс, 1994. – 317 с.

8. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль. XX в. / под ред. Г. Ю. Семигина. – М.: Мысль, 1997. – С. 59–79.

9. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. – М.: Наука, 1995. – 318 с.

10. Ашин Г. К. Современные теории элит: критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.

11. Тойнби А. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1996. – 608 с.

12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Попурри, 2009. – 656 с.

13. Сорокин П. Кризис нашего времени // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 427–504.

14. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 297–424.

15. Черкашин М. Д., Каменский Е. Г. Самойлова Т. А. Научное сообщество как субъект инновационных изменений // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 2 (35). – С. 76–83.

Получено 03.07.15

Z. V. Kurasbediani, Associate Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: tim_077@mail.ru)

M. D. Cherkashyn, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Services (e-mail: cherkashin07@mail.ru)

FEATURES SPIRITUAL AND INTELLECTUAL ELITE OF ACTIVITY AND ITS POTENTIAL

The article discusses the role of elites and their leaders in the process of reforming society, from the qualitative characteristics that affect the progressive development or degradation of society at any historical stage. Among elite groups selected layer spiritual elite as a particular social group that provides spiritual unity of society in times of destabilization of social relations.

***Key words**: spiritual elite, organizational elite, meritocratic elite, charisma.*

УДК 332

М. С. Блинова, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: REandM@rambler.ru)

А. Р. Григорян, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: REandM@rambler.ru)

А. В. Хорьков, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: REandM@rambler.ru)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ

В статье определен инновационный потенциал регионов на основе комплексной оценки. Рассчитан интегральный показатель, определяющий уровень развития регионов ЦФО, выявлено эффективное использование социального, финансово-экономического и инновационного потенциалов данных регионов. Также определен уровень структуры с помощью индекса Рябцева. Выявление с помощью рейтинга ранга эталона интегрального показателя позволило определить регион-эталон (с более высоким рейтингом), темпы развития регионов, которые были выбраны по полюсам роста.

***Ключевые слова**: инновации, потенциал, регион, комплексная оценка.*

***

Развитие региона рассматривается как его реакция на изменения внешней среды, и поэтому носит стратегический характер. От состояния интегрального показателя зависят выбор и реализация инновационной стратегии, и поэтому его оценка представляет собой необходимую текущую операцию. Интегральный показатель можно определить как способность и готовность региона осуществлять эффективную инновационную деятельность.

Эффективность ведения хозяйственной деятельности напрямую зависит от реальной и объективной оценки экономических процессов в регионе. Формирование информационной базы управления способствует построению реальных прогнозов основных направлений развития региональной экономической системы [1–4].

Наиболее важной проблемой является построение адекватной системы показателей, охватывающей наиболее важные социально-экономические процессы на уровне региона, которые в дальнейшем объединяются, интегрируются в один обобщающий показатель или интегральный критерий.

Интегральные (синтетические, обобщающие) показатели (критерии) по своей сути представляют попытку оценить в целом степень, динамику и направленность экономического развития той или иной системы; дать объективную оценку темпов и уровня развития экономики. Преимуществом интегральных показателей является комплексность получаемой информации, быстрота, простота использования [2; 5–7].

Для построения рейтинга регионов проведем расчет данных по показателям потенциалов за 2010–2013 гг.:

– социальный потенциал (сложение значений показателей уровня занятости и производительности труда);

– финансово-экономический потенциал (сложение показателей ВРП на душу населения и фондоотдачи);

– инновационный потенциал (сложение показателей инновационной активности организации и технических затрат на инновации).

Проводя исследования по выявлению региона-эталона исключим г. Москву, т. к. полученные результаты являются аномальными. Данные, полученные при расчете, проанализируем и составим рейтинговую таблицу, из которой выявим регион-эталон.

Таблица 1

Рейтинг субъектов ЦФО по инновационному потенциалу [8]

Рейтинг	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
1	Белгородская обл.	Белгородская обл.	Московская обл.	Московская обл.
2	Липецкая обл.	Московская обл.	Липецкая обл.	Калужская обл.
3	Московская обл.	Липецкая обл.	Калужская обл.	Белгородская обл.
4	Калужская обл.	Калужская обл.	Белгородская обл.	Липецкая обл., Ярославская обл.
5	Ярославская обл.	Ярославская обл.	Ярославская обл.	Тульская обл.
6	Владимирская обл.	Курская обл.	Тульская обл.	Воронежская обл.
7	Тульская обл.	Воронежская обл.	Владимирская обл., Воронежская обл.	Владимирская обл.
8	Воронежская обл.	Владимирская обл.	Курская обл.	Курская обл., Рязанская обл.
9	Курская обл.	Тульская обл.	Рязанская обл.	Тверская обл.
10	Смоленская обл.	Тверская обл.	Тверская обл.	Смоленская обл., Тамбовская обл.
11	Костромская обл., Орловская обл.	Смоленская обл.	Смоленская обл.	Орловская обл.
12	Тверская обл.	Рязанская обл.	Орловская обл.	Брянская обл.
13	Рязанская обл.	Орловская обл.	Костромская обл.	Костромская обл.
14	Брянская обл.	Костромская обл.	Тамбовская обл.	Ивановская обл.
15	Ивановская обл.	Брянская обл.	Брянская обл.	–
16	Тамбовская обл.	Тамбовская обл.	Ивановская обл.	–
17	–	Ивановская обл.	–	–

Из рейтинга видно, насколько эффективно использовался социальный, финансово-экономический и инновационный потенциалы в субъектах ЦФО за четыре года. В таблице рейтинга можно наблюдать падение, подъем и плавное перемещение всех областей. К примеру, можно пронаблюдать, как регион-эталон сменился за один год. Регионом-эталоном в 2010 и 2011 гг. была Белгородская область, однако в 2012 и 2013 гг. она опустилась на три позиции ниже и заняла 4-е место в рейтинге. Регион-эталон в 2012 и 2013 гг. – Московская область.

Курская область в 2010 г. занимала 9-е место, в 2011 г. – поднялась на три позиции, но в 2012 г. – вновь опустилась на две позиции и осталась на том же месте в 2013 г. Такое перемещение свидетельствует о скачкообразном развитии и неполном использовании инновационного потенциала.

Для дальнейших расчетов возьмем регионы по полюсам роста, к ним относятся Курская, Воронежская, Тульская, Белгородская и Калужская области. По результатам этих областей построим график интегрального показателя (рис.), для этого введем обозначения точек на графике:

К1, К2, К3, К4 – Курская область;

В1, В2, В3, В4 – Воронежская область;

Т1, Т2, Т3, Т4 – Тульская область;

Б1, Б2, Б3, Б4 – Белгородская область;

К.О.1, К.О.2, К.О.3, К.О.4 – Калужская область.

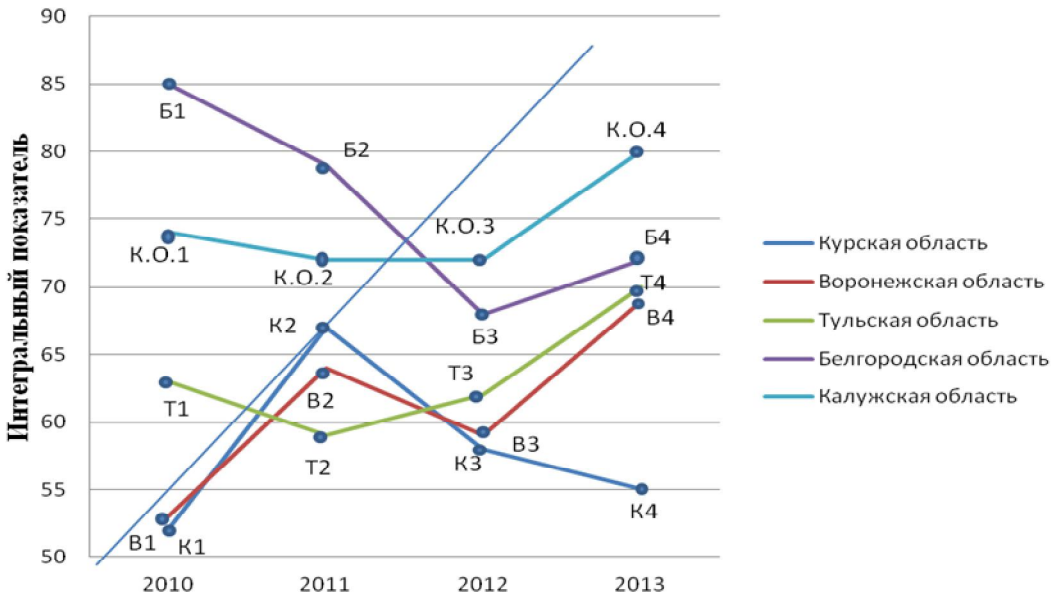


Рис. Графическое изображение рейтинга Курской, Воронежской, Тульской, Белгородской, Калужской областей

Данный график отображает расположение областей относительно магистрали и показывает, как меняется график с течением времени.

Проведем оценку существенных различий структур регионов по индексу Рябцева:

$$R_I = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^{n}\left(d_{i1}-d_{i0}\right)^2}{\sum_{i=1}^{n}\left(d_{i1}+d_{i0}\right)^2}},$$

где i_1 – социальный потенциал; i_2 – финансово-экономический потенциал; i_3 – инновационный потенциал [9].

Подставляя для каждой области свои значения, получим таблицу 2.

Таблица 2

Различия структур по критерию индекса Рябцева

Характер R_I	Курская обл.	Воронежская обл.	Тульская обл.	Белгородская обл.	Калужская обл.
$R_{I\ 2010/2011}$	0,219	0,060	0,037	0,020	0,133
Характеристика меры структурных различий	Существенный уровень различий	Весьма низкий уровень различий структур	Весьма низкий уровень различий структур	Тождественность структур	Низкий уровень структур
$R_{I\ 2011/2012}$	0,030	0,097	0,014	0,146	0,024
Характеристика меры структурных различий	Тождественность структур	Низкий уровень структур	Тождественность структур	Низкий уровень структур	Тождественность структур
$R_{I\ 2012/2013}$	0,135	0,042	0,086	0,057	0,123
Характеристика меры структурных различий	Низкий уровень различия структур	Весьма низкий уровень различий структур	Низкий уровень различия структур	Весьма низкий уровень различий структур	Низкий уровень различия структур

В таблице 2 представлены результаты проведения оценки регионов по шкале оценки меры существенности различий структур по критерию Рябцева. По полученным данным можно сделать следующий вывод: в периоде 2010/2011 гг. в Воронежской и Тульской областях наблюдался весьма низкий уровень различий структур, в то время как в Курской области наблюдался существенный уровень различий. В период 2011/2012 гг. тождественность структур наблюдалась в Курской, Тульской и Калужской областях, в Воронежской и Белгородской областях – низкий уровень структур. В период 2012/2013 гг. низкий уровень различия структур наблюдался в Курской, Тульской и Калужской областях, в Воронежской и Белгородской областях – весьма низкий уровень различия структур.

Проведенное исследование позволило определить регион-эталон по каждому году, выявить области, которые развиваются интенсивно, и те, у которых пассивное развитие. ЦФО сам по себе является одним из развитых конкурентоспособных федеральных округов, его субъекты в той или иной степени играют свою роль в продвижении региона по рейтингу. Итак, по проведенным результатам мы выстроили рейтинг, каждую область определили на свое место и смогли посмотреть, как развивается Курская область, насколько она далека от региона-эталона и на какие области ЦФО ей надо ориентироваться.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Реализация инновационного подхода к мониторингу траекторий социально-экономического развития региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 26–36.

2. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Управление воспроизводственным процессом региона на основе гармонической пропорции // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 5. – С. 89–93.

3. Вертакова Ю. В. Моделирование устойчивого развития регионального хозяйственного комплекса // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – 2010. – № 4. – С. 146–153.

4. Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Крыжановская О. А. Анализ влияния инвестиционной составляющей на уровень конкурентоспособности региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – № 2. – С. 54–58.

5. Лавров Е. И., Капогузов Е. А. Экономический рост: теории и проблемы. – М.: Лидер, 2006. – 263 с.

9. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Российская промышленность: текущее состояние и перспективы развития // Экономика и управление. – 2014. – № 5 (103). – С. 39–44.

6. Сироткина Н. В., Черникова А. А. Методы и приемы эффективного индикативного управления // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2008. – № 2. – С. 69–71.

8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: www. gks.ru (дата обращения: 22.05.2015).

7. Черникова А. А. Методология стратегического развития региональных территориально-промышленных комплексов и механизмы активизации инвестиционного обеспечения // Современные проблемы науки и образования. – 2009. – № 1. – С. 72–75.

Получено 02.07.15

M. S. Blinova, Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: REandM@rambler.ru)

A. R. Grigoryan, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: REandM@rambler.ru)

A. V. Horkov, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: REandM@rambler.ru)

DETERMINATION OF INNOVATIVE CAPACITY OF REGIONS ON THE BASIS OF THE COMPLEX ASSESSMENT

In article the innovative capacity of regions on the basis of a complex assessment is determined. The integrated indicator defining a level of development of regions of the Central federal district is calculated, effective use of social, financial and economic and innovative capacities of these regions is revealed. Level of structure is also determined by Ryabtsev's index. Identification allowed to define the region standard by a rating of a rank of a standard of an integrated indicator (with higher rating), rates of development of regions which were chosen on growth poles.

***Key words**: innovations, potential, region, complex assessment.*

УДК 332

М. С. Бедакова, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск)
(e-mail: REandM@ rambler.ru)

И. Л. Растопчинова, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: REandM@rambler.ru)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЕ

В статье рассмотрены теоретические аспекты и методические подходы к оценке интеграционных и дезинтеграционных процессов в регионе. Представлено понятийное поле интегрированных структур, способы образования и формы организации интеграционных процессов в России, а также основные формы стратегического интеграционного взаимодействия малых и крупных организаций, предложена методика оценки эффективности интеграции.

***Ключевые слова**: интеграция, дезинтеграция, предприятия, регион.*

***

В условиях глобальной конкуренции для российских хозяйственных звеньев объективно необходимой является активизация возможностей повышения устойчивости бизнеса. Значительные резервы в этой области могут быть мобилизованы на базе развития в отечественной бизнес-сфере интеграционных процессов, обеспечивающих существенный синергетический эффект. Интеграционные и дезинтеграционные процессы тесным образом связаны между собой. Скорость, направление и форма первых зависят от силы не только содействующих, но и противодействующих причин. Возникающие здесь проблемы невозможно решать без соответствующих научно-аналитических обоснований, что и обусловливает актуальность исследования [1; 2].

Понятийное поле интегрированных структур представлено в таблице 1.

Термин «интегрированная промышленная структура» является тождественным понятию «интегрированной корпоративной структуры», в состав которой входят промышленные предприятия. Термин ИКС соотносится с понятиями ИБГ и ИЭС, поэтому можно утверждать, что интегрированная промышленная структура будет обладать всеми признаками ИКС, ИБГ и ИЭС, т. е. данная форма интеграции будет рассматриваться как объединение хозяйствующих субъектов, ведущих совместную деятельность, которая связана с производством продукции.

В российской экономике не существует единого термина, характеризую-

щего интеграцию хозяйствующих субъектов. В связи с этим к формам организации ИПС можно отнести как юридические лица, так и их объединения, деятельность которых носит коммерческий характер (рис. 1).

Таблица 1

Понятийное поле интегрированных структур [3–5]

Термин	Автор	Содержание
Корпорация	В. А. Потапов и В. В. Лазарев	Сложная хозяйственная структура или юридическое лицо, являющееся объединением лиц и капиталов для предпринимательских целей, участники которых организованы на принципах членства и несут ограниченную ответственность своим имуществом по обязательствам всего объединения, которые имеют определенную внутреннюю структуру, выражающуюся в наличии органов управления, наделенных соответствующей компетенцией, и осуществляют определенную деятельность, подлежащую самостоятельному урегулированию
Метакорпорация	Е. Л. Драчева и А М. Либман, Ю. А. Голикова, Т. Г. Лознев и др.	Современные корпоративные образования, объединения нескольких экономических агентов, играющие роль центров экономической власти в стране. Представляют национальную экономику на международной арене, удовлетворяют требованию, чтобы часть экономических агентов являлись коммерческими организациями. Между агентами возникают устойчивые взаимосвязи, существует единый стратегический центр принятия решений
ИБГ	Я. Ш. Папп, С. Б. Авдашева и В. Е. Дементьев, Д. С. Львов, Е. Г. Чернова, М. А. Евневич и др.	Объединение юридически самостоятельных, но зависящих друг от друга в хозяйственном отношении предприятий, которые имеют единый центр управления, основанный на связях разного типа (имущественных, технологических и персональных) и обеспечивают устойчивость группы. Предполагают наличие синергетического эффекта от объединения предприятий
Интегрированная экономическая система (ИЭС)	А. И. Афоничкин и Л. И. Журова, Е. Г. Чернова и др.	Сложное высокоорганизованное объединение хозяйствующих субъектов, осуществляющих согласованную экономическую деятельность на основе консолидации своих стратегических ресурсов и возможностей на договорной или формальной основе для достижения общесистемных и локальных интересов на период действия этих целей

Окончание табл. 1

Термин	Автор	Содержание
Интегрированная корпоративная структура (ИКС)	Ю.Б. Винслав, В. Е. Дементьев, А. Ю. Мелентьев и Ю.В. Якутин, А. И. Афоничкин, Л. И. Журова и др.	Группа юридически или хозяйственно самостоятельных предприятий (организаций), осуществляющих совместную деятельность на основе консолидации активов или договорных (контрактных) отношений для достижения общих целей, имеющую единый координирующий центр
Интегрированная корпорация	В. В. Смыков	Интегрированная корпорация – совокупность юридически и хозяйственно самостоятельных фирм, предприятий и организаций, имеющих устойчивые технологические, информационные и кооперационные связи, а также логистический центр, координирующий деятельность участников корпорации с помощью не только рыночных (контрактных), но и организационно-плановых методов

Рис. 1. Способ образования и формы организации ИПС в России

Формально дезинтеграция – распад, разделение на части целостной структуры, ослабление, нарушение связей в единой системе. В таком понимании дезинтеграция – явление негативное, деструктивное [6; 7].

Движущей силой дезинтеграции является основное противоречие между общественным содержанием процессов воспроизводства на основе международного разделения труда и монопольной частной или государственной формой

присвоения и перераспределения его факторов и результатов.

В последнее десятилетие на региональном уровне характерными были две тенденции развития дезинтеграционных процессов:

1) ослабление межрегиональных экономических связей вследствие усиления замкнутости региональных хозяйственных систем;

2) тяготение российских предприятий к внешним рынкам, при этом выход на них практически всегда происходит через оффшоры.

С другой стороны, преобразование корпоративной собственности в экономической системе регионов проявляется в виде переплетения двух различным образом направленных процессов: 1) дифференциации, в ходе которой выделяются новые субъекты корпоративного бизнеса, а также локализуются субрегиональные системы во внутренней среде территорий, и 2) интеграции, в ходе которой происходит формирование холдинговых структур, а также возникают различные формы интеграционного взаимодействия между различными территориями (макро-, региональные системы, ассоциации участников межрегиональных связей, межрегиональные кластеры и др.).

Таким образом, на современном этапе при рассмотрении корпоративных структур нельзя однозначно говорить об интеграции или дезинтеграции, данные процессы надо рассматривать в комплексе применительно к формальной (иерархической) и неформальной (управленческой) структуре.

Основными формами сотрудничества малых и крупных бизнес-структур в рамках вертикальной и горизонтальной интеграции сегодня могут выступать слияния и поглощения, совместные предприятия, стратегические партнерства, предпринимательские союзы, финансово-промышленные группы.

В течение длительного периода времени связи крупного и малого бизнеса региона осуществлялись в основном в сфере обращения и финансово-кредитной области. Современный же период характеризуется широким развитием взаимосвязей крупного и мелкого капиталов в сфере производства. Такое явление вызвано, прежде всего, углублением общественного разделения труда и ростом специализации производства (табл. 2).

Таблица 2

Основные формы стратегического интеграционного взаимодействия малых и крупных организаций [1; 2]

Форма взаимодействия	Форма интеграции	Практический пример
Холдинг	Вертикальная	ЕЭС России
	Горизонтальная	ЗАО «ХолдингАгро»
Консорциум	Горизонтальная	ЗАО «Северсталь-Групп»
Слияние и поглощение	Вертикальные	ООО «ИТЕХ»
	Горизонтальные	ЗАО «Соркинс»
Стратегические партнерства на принципах субконтрактации	Вертикальные	ООО «Моск»
	Горизонтальные	ОАО «КАМАЗ»
Предпринимательские союзы (сети)	Вертикальные	Союзы предпринимателей: РСПП, «Опора России», «Деловая Россия»
	Горизонтальные	ООО «Невотон», ЗАО «НПЛ «Метропир»
Совместное предприятие	Вертикальные	ЗАО «Интермет»
	Горизонтальные	ОАО «Фармстандарт-Лексредства»

Одной из эффективных форм организации предпринимательской деятельности является холдинг, поскольку он позволяет сочетать гибкость и мобильность небольших формально самостоятельных организаций и масштаб деятельности крупных корпораций.

Например, открытое акционерное общество «Авиаавтоматика» имени В. В. Тарасова» входит в состав Концерна «Радиоэлектронные технологии», крупнейшей российской холдинговой компании, объединяющей разработчиков и производителей радиоэлектронной продукции, которая, в свою очередь, является одним из холдингов государственной корпорации «Ростехнологии». При интеграции завода с государственной корпорацией увеличились объемы производства, улучшились финансовые результаты.

ООО «Агропромкомплектация-Курск» является предприятием по выращиванию зерновых культур, оно входит в состав группы компаний ЗАО «АгроПромкомплектация», построенной по принципу вертикально интегрированного холдинга с полным замкнутым циклом по производству мясной и молочной продукции. На сегодняшний день предприятие дезинтегрирует свою деятельность и не только выращивает зерновые культуры, но и имеет комбикормовый завод мощностью 216 тыс. т, а также элеватор. Кроме того, в 2014 г. компанией введена в эксплуатацию племенная ферма.

ОАО «Михайловский ГОК», российский производитель железорудного сырья, в 2005 г. интегрировано в состав холдинга «Металлоинвест». После интеграции на фабрике обогащения было запущено в эксплуатацию отделение флотации, позволяющее производить железорудный концентрат повышенного качества из рядового концентрата.

Методики оценки целесообразности интеграции компаний включают в себя оценку эффективности интеграции и оценку потенциала интеграции. При интеграции компаний происходит соединение различных видов эффективностей (технической, социальной, экономической, локальной и др.) внутри организационной структуры. При интеграции организаций возможен системный эффект, через который возникает увеличение эффективности деятельности, т. е. проявляется синергетический эффект, дающий преимущества компании.

Для оценки потенциальной эффективности интеграции С. Шубин предлагает 5 этапов (рис. 2).

Методика С. Шубина позволяет определить целесообразность интеграции в соответствующей отрасли экономики [8; 9].

В зарубежной и отечественной литературе методы оценки целесообразности (эффективности) интеграции делятся на 2 вида анализа: перспективный и ретроспективный (рис. 3).

Рис. 2. Оценка потенциальной эффективности интеграции

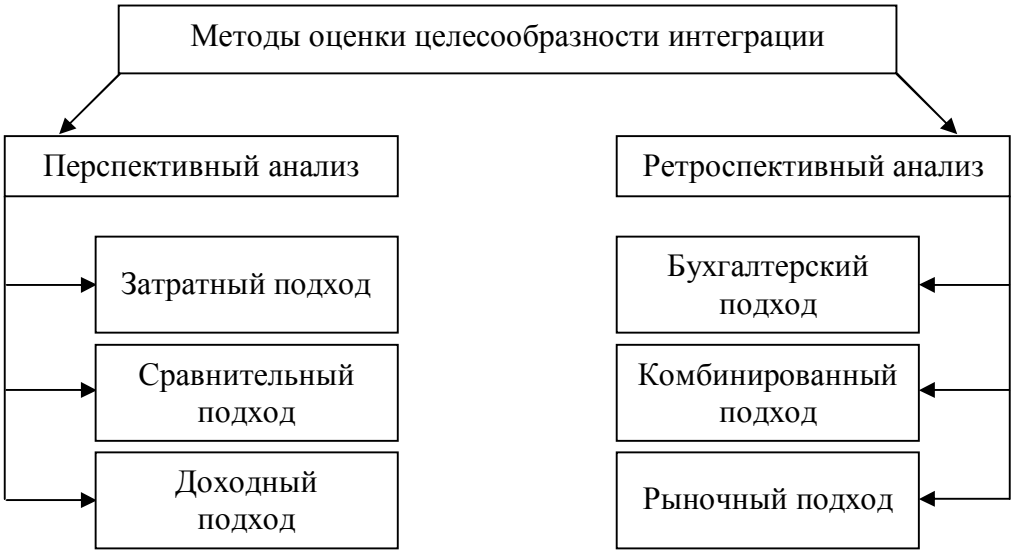


Рис. 3. Методы оценки целесообразности интеграции

Суть перспективных методов оценки эффективности интеграции содержится в сравнении сумм расходов на интеграцию с оценкой, содержащей в себе приведенную сумму ожидаемого дохода, который можно будет получить от интегрируемой организации [8].

Перспективные методы оценки целесообразности интеграции компаний используются при принятии управленческих решений о проведении интеграции организаций. Недостатком является то, что методы дают вероятностный характер в конструировании будущих результатов, что приводит к отсутствию объективной оценки эффективности экономической интеграции организаций.

Второй тип методов оценки эффективности – ретроспективный анализ – помогает оценить эффективность интеграции на основе анализа изменения тех или иных параметров деятельности организации за установленный интервал спустя некоторое время после интеграции [7].

Ретроспективные методы оценки целесообразности интеграции компаний основываются на реальных данных, но недостатком является то, что при этом не учитываются дисбаланс между затратами и результатами проведенной интеграции.

Каждый вид интеграции имеет свои особенности, следовательно, целесообразность интеграции будет зависеть от условий функционирования интегрированных организаций: отрасль деятельности, стратегия развития, этап жизненного цикла организации.

Для принятия решения о необходимости интеграции организаций нужно также оценить показатели совместимости организаций. В своем исследовании Т. В. Иванова предлагает следующую методику оценки целесообразности интеграции предприятий.

1. Оценка внешней среды функционирования предприятия с помощью SWOT-анализа.

2. Анализ финансового состояния предприятий.

3. Оценка эффективности использования ресурсов на предприятиях с целью выявления экономии или перерасхода по тому или иному виду ресурсов.

4. Анализ совместимости предприятий [9].

Для экономического обоснования интеграции необходим расчет таких показателей совместимости организаций, как показатель рыночной интеграции, показатель интеграции производственных мощностей, показатель научной интеграции предприятий, показатель информационной интеграции предприятий, показатель интеграции персонала (или

показатель степени привлечения высококвалифицированных специалистов), показатель технологической интеграции.

Для получения взвешенной оценки совместимости необходимо присвоить показателям совместимости балльные оценки. Балльные оценки необходимы для расстановки весовых коэффициентов и подведения итогов о потенциале совместимости сравниваемых предприятий [6].

В основу моделей оценки целесообразности проведения интеграции необходимо производить расчет синергетической эффективности.

Эффективность интеграции – это достижение при заданных условиях максимального положительного и минимального отрицательного синергетических эффектов при интеграции.

Интегральная оценка эффективности включения организации в многоотраслевую структуру описывается следующей формулой:

$$E = \sum_{j=1}^{n} L_j \cdot a_j, \qquad (1)$$

где E – интегральный показатель эффективности интеграции; L_j – оценка j-го элемента, влияющего на эффективность интеграции; a_j – приоритет j-го элемента по методу анализа иерархий Т. Л. Саати с учетом зависимости от места, занимаемого данным типом организации в МИИС; n – количество элементов, влияющих на эффективность интеграции.

Оценка каждого из элементов, влияющих на эффективность интеграции, выглядит следующим образом:

$$L_j = \sum_{i=1}^{n} a_i \cdot b_i, \qquad (2)$$

где L_j – интегральная оценка j-го элемента, влияющего на эффективность интеграции; a_i – приоритет i-го субэлемента по методу анализа иерархий Т. Л. Саати с учетом зависимости от места, занимаемого данным типом организации в МИИС; b_i – оценка i-го субэлемента, влияющего на эффективность интеграции; n – количество субэлементов, входящих в состав j-го элемента [9].

Предлагаемая нами методика оценки эффективности интеграции состоит из 6 взаимосвязанных пунктов.

1) анализ внешней среды функционирования организации (проведение PEST-анализа);

2) оценка рисков, которым может подвергнуться организация после интеграции;

3) анализ финансового состояния предприятия (расчет показателей деловой активности, рентабельности, платежеспособности, оборачиваемости);

4) проведение стратегического анализа (SWOT-анализ, анализ пяти сил Портера, матрица БКГ, модель «Дженерал Электрик – МакКинзи»);

5) расчет интегральной оценки эффективности включения организации в многоотраслевую структуру;

6) принятие управленческого решения об интеграции предприятий (методы поэтапного сравнения, сравнения иерархий, система голосований «принцип «Де Кондорсе», метод Борда, «аксиомы Эрроу»).

Таким образом, существует большое количество методов оценки целесообразности интеграции предприятий, каждый вид интеграции имеет свои особенности, поэтому при проведении слияния организаций необходимо учитывать факторы, которые влияют на эффективность интеграции.

Интеграционные и дезинтеграционные процессы тесным образом связаны между собой. Скорость, направление и форма первых зависят от силы не только содействующих, но и противодействующих причин. Если последние начинают превалировать, то они могут прервать интеграционный процесс. Развертывание интеграционной тенденции всегда сопряжено с различными дезинтеграционными процессами, являющимися либо ее предпосылкой, либо следствием, либо сопутствующими ей.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Плотников В. А., Харченко Е. В. Диверсификация регионального развития как приоритетная посткризисная стратегия (на материалах Курской области) // Поволжский торгово-экономический журнал. – 2011. – № 3. – С. 69–75.

2. Положенцева Ю. С. Регулирование интеграционных процессов взаимодействия региональных экономических систем на основе оценки конкурентоспособности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 2. – С. 44–49.

3. Бабкин А. В. Интегрированные промышленные структуры как экономический субъект рынка: сущность, принципы, классификация // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2014. – № 4. – С. 7–23.

4. Бровко Н. А. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в развитии современной экономики // Вестник КРСУ. – 2011. – № 2. – С. 115–120.

5. Евстифеев Ю. М., Рудаков М. Н. Дезинтеграционные тенденции развития интегрированных компаний // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2010. – №7. – С. 93–97.

6. Сироткина Н. В., Карпачев С. И. Стратегическое управление отраслевыми холдингами. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2010. – 244 с.

7. Храпова О. Ю., Вертакова Ю. В. Применение теории нечеткой логики для выявления рациональной интегрированной стратегии промышленного предприятия // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Горохов. – Курск, 2011. – С. 284–288.

8. Досужева Е. Е., Лямзин О. Л. Методы оценки эффективности научно-производственной интеграции организаций в XXI веке // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – 2012. – №1. – С. 36–44.

9. Качапкина Ю. В., Мерзликина Г. С. Разработка методики оценки эффективности интегрированных формирований в промышленности // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2011. – № 1. – С. 23–28.

Получено 16.07.15

M. S. Bedakova, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: REandM@rambler.ru)

I. L. Rastopchinova, Student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: REandM@rambler.ru)

THE THEORETIC-METHODICAL ASPECTS OF INTEGRATION AND DEZINTEGRATION PROCESSES IN THE INDUSTRIAL

In article theoretical aspects and methodical approaches to an assessment integration and the dezintegratsionnykh of processes in the region are considered. The conceptual field of the integrated structures, ways of education and a form of the organization of integration processes in Russia, and also the main forms of strategic integration interaction of the small and large organizations is presented, the technique of an assessment of efficiency of integration is offered.

***Key words**: integration, disintegration, enterprises, region.*

УДК 332

Е. С. Кондратова, студент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: kondratova.elena.95@mail.ru)

А. А. Шевченко, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: REandM@rambler.ru)

А. В. Рушкова, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: REandM@rambler.ru)

ЭКОЛОГО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

В статье рассматриваются экономико-экологические проблемы развития промышленного комплекса отдельно взятого региона (на примере Курской области). Выявлены основные формы влияния энергетики на состояние экологии и сформулированы экологические проблемы в целом. Рассчитан уровень техногенной нагрузки на экологию региона.

***Ключевые слова**: экология, энергетика, регион, промышленный комплекс.*

***

В последние десятилетия работы многих ученых посвящаются поиску оптимальных взаимоотношений между человеческими запросами и возможностями природы удовлетворить эти запросы. Энергопотребление общества растет вместе с нагрузкой на природные системы, в то же время ресурсы продаются по низким ценам, в которые не закладывается труд самой природы по их производству – природная рента. Отсюда истощение, деградация природной среды, нехватка денег на ее восстановление [1–3].

Основные формы влияния энергетики на окружающую среду состоят в следующем:

– преобладающая часть всего объема энергии производится с использованием невозобновимых ресурсов;

– загрязнение атмосферы: тепловой эффект, выделение в атмосферу газов и пыли;

– загрязнение гидросферы: тепловое загрязнение водоемов, выбросы загрязняющих веществ;

– загрязнение литосферы при транспортировке энергоносителей и захоронении отходов, при производстве энергии;

– загрязнение радиоактивными и токсичными отходами окружающей среды.

Изменение гидрологического режима рек гидроэлектростанциями и, как следствие, загрязнение на территории водотока.

Длительное использование в больших объемах минеральных энергоисточников влечет за собой обострение экологической ситуации как на отдельных (наиболее экономически развитых) территориях, так и в целом на всем земном шаре. Примером может служить проблема глобального потепления климата, вызванная выделением большого количества углекислого газа в атмосферу.

Стратегические угрозы энергетической безопасности России и их взаимосвязь представлены на рисунке.

Начальным этапом решения экологических проблем региона является оценка техногенной нагрузки, которая, главным образом, оказывает негативное влияние на экологическую обстановку в целом [4; 5].

Техногенная ситуация в России критическая: 150 тысяч предприятий, более 2,5 млн опасных объектов, состояние промышленной безопасности которых вызывает серьезную тревогу и ухудшается с каждым годом. Главная причина – старение производственных фондов, по некоторым отраслям оно доходит до 60–80%.

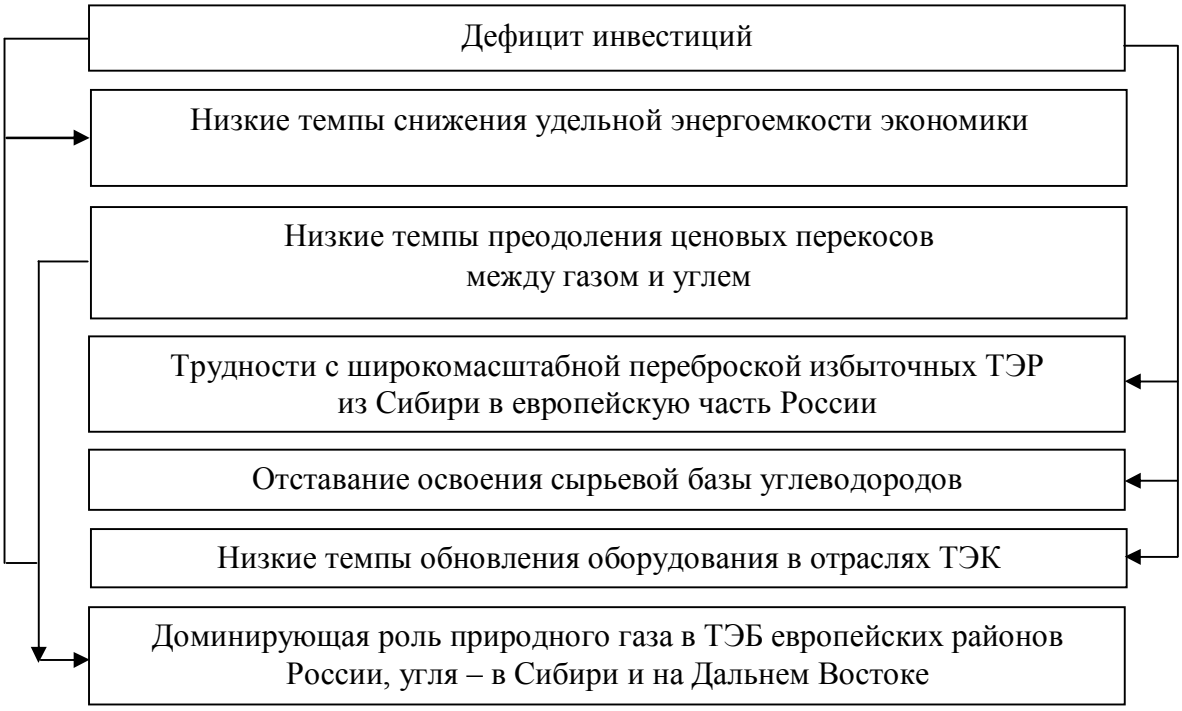


Рис. Стратегические угрозы энергетической безопасности России и их взаимосвязь

В основе одного из методов оценки техногенной нагрузки (эксэргетический метод) лежит понятие эксэргии – величины, характеризующей максимально возможный полезный энергетический эффект (работу), который можно получить в процессе приведения рассматриваемого объекта (системы) в состояние полного термодинамического равновесия с окружающей средой.

В рамках данного метода окружающая среда формально определяется как внешняя по отношению к рассматриваемому объекту. При этом считаются фиксированными и приблизительно постоянными физические и химические параметры среды: температура, влажность, давление, состав газовой среды и т. д.

Эксэргия измеряется в тех же единицах, что и энергия, и является своего рода термодинамическим потенциалом объекта по отношению к окружающей среде.

Различают «термомеханическую» и «химическую» составляющие эксэргии [6]. Термомеханическая составляющая вычисляется по следующей формуле:

$$\text{ТС} = \frac{\text{ПЭ}}{\text{ВРП}}, \qquad (3)$$

где ПЭ – производство энергии; ВРП – воловый региональный продукт.

Для расчета данного показателя воспользуемся данными таблицы 1.

Значения, полученные при расчетах, представлены в таблице 2.

Таблица 1

Валовый региональный продукт и электробаланс

Регион	ВРП, млн руб.			Выработано энергии, млн кВт·ч		
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	37687768,2	45392276,7	49919958,8	1038029,5	1054809,9	1069292,4
Курская область	193648,6	228851,4	253831,2	29443,3	30072,4	30568,0

Таблица 2

Значения «термомеханической» составляющей эксэргии для РФ, млн кВт·ч/млн руб.

Регион	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация	0,027	0,023	0,021
Курская область	0,1529	0,1314	0,1204

Полученные данные демонстрируют существенные различия показателей «термомеханической» составляющей эксэргии по Российской Федерации в целом и по Курской области в частности. Данный показатель в несколько раз выше на региональном уровне (по Курской области), чем на уровне всего государства. Можно сделать вывод о том, что на региональном уровне достигнут максимально возможный полезный энергетический эффект [7; 8].

Для нахождения «химической» составляющей используется показатель концентрации энергии – доля значений показателей по Курской области в общем объеме значений по Российской Федерации. Для нахождения концентрации по каждому показателю необходимо прибегнуть к данным таблицы 3.

Сравнение полученных значений концентрации представлено в таблице 4.

Таблица 3

Электробаланс, млн кВт·ч

Показатели	Российская Федерация			Курская область		
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Выработано электроэнергии	1038029.5	1054809.9	1069292.4	29443.3	30072.4	30568.0
Получено электроэнергии за пределами области (государства)	1859.9	9967.2	8336.9	9206.0	12055.3	6843.9
Потреблено электроэнергии	1020632.5	1041122.1	1063319.5	7806.1	8055.9	8248.6

Таблица 4

Концентрация электроэнергии, млн кВт·ч

Показатели	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Концентрация выработанной электроэнергии	0,0283	0,0285	0,0286
Концентрация электроэнергии, полученной за пределами области (государства)	4,949	1,209	0,820
Концентрация потребленной энергии	0,00761	0,00774	0,00775

С помощью найденных значений «химической» составляющей эксэргии можно отметить зависимость процесса приведения рассматриваемого объекта (в данном случае Курской области и Российской Федерации) в состояние полного термодинамического равновесия с окружающей средой от концентрации энергии.

Основной характеристикой эколого-энергетической политики региона является ее эффективность. Наиболее распространенными методами оценки эффективности эколого-энергетической политики являются показатели энергопользования и энергоэффективности. К ним относятся:

– индикатор энергетической эффективности – количественный показатель энергоэффективности, определенный организацией, т. е. количественная оценка использованной или сэкономленной энергии к соответствующей нормативной величине;

– класс энергетической эффективности – характеристика продукции, отражающая ее энергетическую эффективность;

– коэффициент полезного действия – величина, характеризующая совершенство процессов превращения, преобразования или передачи энергии, являющаяся отношением полезной энергии к подведенной;

– коэффициент полезного использования энергии – отношение всей полезно используемой в хозяйстве (на установленном участке, энергоустановке и т. п.) энергии к суммарному количеству израсходованной энергии в пересчете ее на первичную;

– норма использования энергии – требования к измеряемым показателям эффективности, которые необходимо установить и выполнить для полного или частичного достижения желаемого результата или выполнения поставленных задач для реализации энергетической политики организации;

– нормативный энергетический эквивалент – показатель, характеризующий народно-хозяйственный уровень прямых общих затрат первичной энергии, являющийся отношением полезной энергии к подведенной;

– норматив расхода топливно-энергетических ресурсов (технический норматив) – научно и технически обоснованная величина нормы расхода энергии (топлива), устанавливаемая в нормативной и технологической документации на конкретное изделие, характеризующая предельно допустимое значение потребления энергии (топлива) на единицу выпускаемой продукции или в регламентированных условиях использования энергетических ресурсов;

– показатель использования энергии – учет энергопользования для оценки существенного потребления энергии и/или имеющей значительный потенциал для повышения энергетической эффективности;

– показатель экономичности энергопотребления изделия – количественная характеристика эксплуатационных свойств изделия, отражающих его техническое совершенство, определяемое совершенством конструкции изделия, отражающих его техническое совершенство, определяемое совершенством конструкции и качеством изготовления, уровнем или степенью потребления им энергии и (или) топлива при использовании этого изделия по прямому функциональному назначению в регламентированных условиях использования энергетических ресурсов.

Для оценки техногенной нагрузки мы предлагаем применять модифицированный Emergy-метод анализа (ЭМАН), который был разработан популярным американским экологом-экономистом Г. Одумом [6; 9; 10].

В основе лежит понятие «emergy» – величины, аналогичной совокупному потреблению энергии при производстве технологической продукции, но с учетом собственно «природных» затрат энергии.

В методе ЭМАН величина эмэрга рассчитывается по «природной» базе, т. е. как совокупная энергия первичных природных возобновляемых источников, затраченная в природных и технико-экономических процессах при производстве данного природного или технологического продукта или услуги. В частности, относительная величина техногенной нагрузки (ERL) определяется как отношение N/R, где N и R – мощность потоков эмэрга, связанных с использованием, соответственно, невозобновляемых N и возобновляемых R природных ресурсов.

В качестве другого критерия техногенной нагрузки предложен относительный след эмэрга (EFR). Он определяется как значение величины эмэрга [8].

В данном случае эмэрг – это отношение объема добываемых полезных ископаемых к единице произведенного продукта или услуги (табл. 5).

Таблица 5

Значения эмэрга (по отраслям)

Отрасли	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Добыча угля	0,0085	0,0074	0,0071
Добыча нефти	0,0134	0,0112	0,0103
Добыча газа (природный и попутный)	0,0172	0,0174	0,0131
Другие виды полезных ископаемых	0,1888	0,1592	0,0199

Так, в 2012 г. значение эмэрга составило 198,68; в 2013 г. – 232,71; 2014 г. – 192,95.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что техногенная нагрузка на экологию в Курской области имеет ежегодно изменяющееся значение. Необходимо также отметить снижение техногенной нагрузки в 2014 г. по сравнению с предыдущими годами, что отражает результативность применяемых мер по улучшению экологической ситуации в Курской области.

В настоящее время для анализа и оценки экологической обстановки различных территорий, проведения соответствующих природоохранных мероприятий применяется несколько методик.

Так, например, из уровня техники известен способ суммарной оценки экологической обстановки в регионе, включающий биоэкологический мониторинг по показателям здоровья населения. Данный способ позволяет определить экологическую обстановку на различных территориях и динамику воздействия постоянных и периодических факторов окружающей среды различного происхождения. Кроме того, существует государственный стандарт РФ для оценивания экологической эффективности организации, который используется как стандарт технических условий для целей сертификации или регистрации или для разработки каких-либо иных требований соответствия систем управления окружающей средой.

Для оценивания экологической эффективности организаций используют различные качественные и количественные показатели, которые отражают профиль и масштабы деятельности организации. Недостатком данного способа является ограниченность проводимой оценки, невозможность ее использования для оценки экологической обстановки регионов [6].

Наиболее близким аналогом (прототипом) заявленного способа является способ оценки экологического состояния городов и промышленных регионов, который включает методику количественной оценки интегральных относительных показателей экологической безопасности, показывающих защищенность людей и окружающей природной среды от вредного воздействия техногенных объектов. Расчетные оценки экологической безопасности и оценка динамики их изменений в данной методике рассматриваются на трех уровнях, различающихся степенью и масштабами техногенного воздействия на население и окружающую природную среду. Способ позволяет провести ранжирование территорий с техногенными объектами по степени их экологической опасности и определить приоритетные направления деятельности по охране окружающей среды [11].

Однако данная методика не позволяет оценить динамику показателей качества окружающей среды, наиболее чувствительных к управляющим воздействиям, и обеспечить эффективную оценку проведения экологического менеджмента в регионе. Таким образом, существует множество способов проведения анализа

экологической ситуации в отдельно взятом регионе.

Список литературы

1. Бурмистров В. Н. Эколого-энергетические аспекты повышения энергоэффективности и безопасности энергетики России // Электрика. – 2011. – №10. – С. 20–24.

2. Вертакова Ю. В. Особенности развития промышленной политики экономически развитых стран // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 11-2. – С. 73–79.

3. Положенцева Ю. С., Фоменко В. В., Литвинова О. В. Обоснование стратегических ориентиров развития промышленности региона // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 2 (53). – С. 60–70.

4. Крыжановская О. А., Вертакова Ю. В. Стратегические ориентиры развития конкурентоспособных отраслей промышленности региона // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2011. – № 6, ч. 1. – С. 59а–68.

5. Уткин А. И. Энергетические ресурсы и геополитика // Полис. Политические исследования. – 2010. – №3. – С. 9–25.

6. Ларушкин-Железный Б. В. Эколого-энергетические методы: Оценка эффективности использования природных ресурсов и величин техногенной нагрузки на окружающую среду // Инженерная экология. – 2008. – № 1. – С. 29–39.

7. Рубченко М. И. Энергетика: Специальное обозрение // Эксперт. – 2003. – №48. – С. 90–102.

8. Селин В. С. Эколого-экономические процессы в регионе: состояние и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – №12. – С. 57–64.

9. Замалетдинова Л. Г. Состояние экологической среды региона и ее воздействие на качество жизни населения // Регионология. – 2009. – №11. – С. 53–60.

10. Якутин Ю. В. Энергетическая безопасность страны в условиях глобализации хозяйственной жизни // Экономическое возрождение России. – 2008. – №1. – С. 7–11.

11. Якушкина Т. А., Вертакова Ю. В. Механизмы стратегического управления развитием региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 3. – С. 64–68.

Получено 20.06.15

E. S. Kondratova, Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: kondratova.elena.95@mail.ru)

A. A. Shevchenko, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: REandM@rambler.ru)

A. V. Rushkova, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: REandM@rambler.ru)

EKOLOGO-POWER PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE REGION'S INDUSTRIAL COMPLEX

In article economical environmental problems of development of an industrial complex of separately taken region are considered (on the example of Kursk region). The main forms of influence of power on a condition of ecology are revealed and environmental problems in general are formulated. Level of technogenic load of region ecology is calculated.

***Key words**: ecology, power, region, industrial complex.*

УДК 338

А. Е. Кулакова, аспирант, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (e-mail:1304ank@rambler.ru)

Н. С. Морозова, аспирант, Липецкий филиал Финансового университета (e-mail: NSMorozova@fa.ru)

Н. Н. Нестерова, аспирант, Липецкий филиал Финансового университета (e-mail: NNNesterova@fa.ru)

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Проведена систематизация существующих методик определения бюджетных расходов на региональном и муниципальном уровнях в рамках программно-целевого подхода, на основе которой определены перспективные направления теоретических разработок по исследуемой проблематике.

***Ключевые слова**: бюджетные расходы, федеральная политика, методический инструментарий.*

***

Большое влияние на достижение целей федеральной политики территориального развития оказывает осуществляемая органами всех уровней власти бюджетная политика. В настоящее время бюджетная политика, проводимая в российских регионах, до конца не сформирована, что отрицательно сказывается на осуществлении федеральных государственных программ и на создании государственных программ в регионах. Между тем существует множество отечественных методик к определению бюджетных расходов регионов. Поэтому одним из важных вопросов при проведении бюджетной политики является выбор методического инструментария, отвечающего потребностям экономики территорий, социального обслуживания населения и требованиям, налагаемым внешними экономическими условиями.

На современном этапе развития российской экономики происходит переход к программно-целевому управлению, основное отличие которого от используемой ранее затратной модели состоит в распределении финансовых потоков. При затратной модели финансовые средства распределялись по ведомствам, исходя из нормативов затрат, тогда как при программном бюджете они идут на обеспечение реализации утвержденных государственных программ, рассчитанных на достижение определенного результата. Положительными сторонами программного бюджетирования являются:

– обеспечение прозрачности распределения бюджетных средств;

– концентрация ресурсов на приоритетных направлениях социально-экономического развития;

– обозначение ответственности за достижение результатов.

Выделяют три уровня оценки существующего в России бюджетного инструментария:

– программные расходы (оценивается соответствие расходов целям и задачам программ, адекватность используемых показателей);

– проекты (анализируется альтернативность принятия решения по выбору направления достижения целей программ);

– виды расходов (определяется возможность достижения целей программ при использовании имеющихся инструментов (видов расходов)) [1].

Исследователи [2] отмечают, что на настоящий момент в России не удалось раскрыть потенциал программно-целевого управления, причинами чего являются: несоответствие целей программ и показателей реализации программ потребностям населения, недостаточная детальная проработанность программ, отсутствие выверенного инструментария управления программами.

Существует ряд организационно-методических проблем исполнения целевых программ:

– организация контроля за ходом реализации программ;

– отсутствие учета последствий сокращения бюджетных рабочих мест;

– построение программ с помощью экстраполяции количественных зависимостей без анализа использования альтернативных методов управления;

– существование необоснованно большого количества программ;

– недостаточная прозрачность программно-целевого управления в регионе;

– отсутствие детальности в региональных стратегиях, имеющих однотипные цели и не учитывающих потребности населения конкретных территорий;

– нерешенность проблемы ответственности заказчиков программ за их исполнение;

– необходимость ежегодной корректировки оценочных индикаторов и финансового обеспечения выполнения программ.

Важно учитывать и условия успешного использования программно-целевого подхода: совершенствование бюджетной системы не только в технической, но и в культурной и управленческой сферах, благоприятную политическую ситуацию, отлаженную систему планирования.

Для совершенствования программного бюджетирования в России предлагается использовать зарубежный опыт. По мнению С. В. Лаптева и О. В. Пивоварова, положительное влияние оказало бы применение метода бюджетного планирования на нулевой основе, который ранее использовался в США. В соответствии с данным методом отраслевые министерства предлагают несколько проектов достижения поставленной государственной программой цели. Также полезно рассмотреть опыт Южной Кореи, где планирование осуществляется при определении потолков расходов с применением метода бюджетирования «сверху вниз», согласно которому результаты достигаются посредством ежегодного мониторинга бюджетных программ, самооценки бюджетных программ и углубленной оценки бюджетных программ [2].

Следует отметить, что успешность реализации государственных программ за рубежом достигается посредством четкого определения ответственности исполнителей программ и организации обсуждения руководителями программ по их реализации.

Одним из главных недостатков существующей в России методологической базы остается недостаточная проработанность вопроса оценки эффективности бюджетных расходов субъектов Федерации. Поэтому стоит остановиться на этом вопросе более подробно.

Используемая в настоящее время органами государственной власти методика реализации программ обладает следующими недостатками:

– базирование на план-фактном анализе;

– осуществление выбора показателей исполнителями программ;

– отсутствие отражения оперативной деятельности исполнителей программ;

– отсутствие обоснований к выбору инструментов.

Поэтому следует согласиться с Ю. В. Савельевой, утверждающей о необходимости разработки процедуры, адаптированной к потребностям отраслей и способной определять ключевые направления бюджетных расходов, идущих на удовлетворение потребностей населения конкретных территорий, своевременно выявлять утратившие общественную полезность расходные обязательства, а также объективной оценки достижения целей, заявленных государственной программой [3].

При оценке эффективности бюджетных расходов выделяют два основных подхода к сопоставлению результатов и расходов, затраченных на их достижение.

При первом подходе результаты оцениваются в денежном эквиваленте. При втором подходе оценка производится с помощью расчета индекса, отражающего соотношение расходов и достигнутого результата. В соответствии с подходом разрабатываются методы оценки эффективности расходов.

Согласно первому подходу методом оценки доходов бюджета эффективность определяется по доходам, полученным от расходования средств бюджета, методом оценки доходов населения – по приросту доходов населения от расходов бюджета, методом оценки экономии затрат – по сокращению расходов на предоставляемую государством услугу, методом оценки стоимости бюджетной услуги – по соотношению стоимости государственной услуги и расходов на нее.

Использование метода оценки доходов бюджета наиболее пригодно для анализа инвестиционных расходов. Развитие данного метода получило, в частности, в работе Н. О. Абловой, где обосновывается необходимость учета налогового потенциала малых и средних городов [4]. Недостатком метода оценки доходов населения является большая вероятность искажения результата, преимуществом – определение социальной значимости результата. Недостатком метода оценки экономии затрат является отсутствие качественной составляющей оценки, преимуществом – экономия затрат. По мнению М. В. Казаковцевой, метод оценки стоимости бюджетной услуги позволяет наиболее полно оценить эффективность бюджетных расходов [5]. Следует отметить ограниченность использования данного метода, связанную с возможным отсутствием услуги, аналогичной бюджетной в коммерческом секторе.

В последнее время наибольшее внимание отечественных исследователей стало уделяться методам оценки эффективности бюджетных расходов в рамках второго подхода. Методом соотношения условных эффективностей производится сравнение аналогичных государственных учреждений в расходах на предоставление услуги. Использование данного метода позволяет выявить учреждения с наиболее низкой эффективностью. Недостатком данного метода является субъективность в распределении значений показателей деятельности учреждений.

Данный метод предлагает использовать С. Н. Макарова при совершенствовании оценки эффективности деятельности органов местной власти [6]. Автор выделяет такие недостатки существующей оценки эффективности деятельности органов местной власти, как отсутствие учета критериев эффективности расходов бюджета, проведение конкурсов проектов без учета программ, фиксированное количество победителей конкурса. По мнению С. Н. Макаровой, присвоение весового коэффициента показателям эффективности реализации программ позволит устранить данные недостатки.

Вариацией метода соотношения условных эффективностей можно считать метод, предложенный Л. В. Багдановой [7]. Оценку эффективности расходования регионального бюджета автор предлагает проводить в три этапа. На первом этапе анализируется горизонтальный прирост бюджетных расходов региона. На втором этапе – структура бюджетных расходов региона. На третьем этапе проводится корреляционно-регрессионный и вариационный анализ бюджетных расходов региона. К полученным в результате анализа показателям применяется балльный метод, в результате чего получают рейтинговую оценку эффективности расходования регионального бюджета. К достоинствам метода можно отнести то, что результат, полученный в ходе проведения анализа по предложенной методике, позволяет определить перспективы территориального развития.

С. К. Миронов в рамках метода соотношения условных эффективностей предлагает усовершенствовать действующую в России оценку качества управ-

ления региональными финансами посредством использования показателей расходов на одного жителя и поправочных коэффициентов на размер среднемесячной начисленной зарплаты в учреждениях региона [8]. По мнению автора, использование данной методики ставит регионы в равные для сравнения условия.

Наиболее перспективным методом оценки эффективности расходов М. В. Казаковцева считает метод оценки изменения потребностей, который основывается на соотношении оценки удовлетворения потребностей населения в услуге и расходов на ее оказание государством [5]. Недостатком данного метода является высокая стоимость социологических опросов и высокие требования, предъявляемые к их качеству.

Организацию бюджетной политики часто предлагают проводить с использованием комбинаций различных методов. Так, с помощью методики с использованием общепринятых бюджетных коэффициентов, апробированной в Новосибирской области [9], наиболее полно оценивается финансовое положение муниципальных образований. К недостаткам данной методики относятся: несопоставимость показателей для различных территорий, неопределенность с выбором показателей для анализа, неоднозначная трактовка значений коэффициентов.

При совершенствовании существующего методического инструментария определения эффективности бюджетных расходов при проведении межбюджетных трансфертов следует принимать во внимание следующие положения. Бюджетным кодексом Российской Федерации проводится группировка регионов по четырем группам для предоставления межбюджетных трансфертов в определенной доле от собственных доходов с соответствующим разграничением прав и полномочий. Региональными органами власти формируются собственные программы (дорожные карты). Формирование расходов на содержание государственного аппарата управления регионом производится согласно утвержденной на федеральном уровне методике.

При оценке эффективности бюджетных расходов используют такое понятие, как неэффективные бюджетные расходы, к определению объема которых выделяют следующие подходы: нормативно-ограничительный, нормативно-затратный и индикативно-программный. При использовании нормативно-ограничительного подхода применяют предельные значения и требования в количественном измерении. Так, в Бюджетном кодексе Российской Федерации ст. 92.1 установлены предельные параметры дефицита регионального бюджета. Там же ст. 130 закреплены требования к регионам относительно доли межбюджетных трансфертов в структуре консолидированного бюджета.

Нормативно-затратный подход предполагает сравнение расходов по отраслям с финансовыми или инфраструктурными нормативами. Сюда же входит и рассмотренный нами ранее метод соотношения условных эффективностей. Недостатками методик этого подхода являются большое число показателей, трудоемкость расчетов, недостаточный учет межтерриториальной дифференциации, трудность в определении нормативов для отдельных отраслей.

При индикативно-программном подходе определяют целевой показатель по расходным обязательствам, рассчитываемый в процентном выражении или в долях от единицы. В этой связи особую важность обретает выбор целевого показателя. Этот подход наилучшим образом отражает количественную и качественную составляющую эффективности расходов. Правила формирования, предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 г. № 9999, основываются в том числе на индикативно-программном подходе.

По мнению М. В. Мильчакова, рассмотренные подходы в разной степени могут быть использованы при оценке бюджетных расходов [11]. Применение нормативно-ограничительного подхода возможно для определения расходов на содержание управленческого аппарата, нормативно-затратного подхода – при определении социальных расходов, индикативно-программного подхода – при распределении межбюджетных трансфертов.

М. В. Мильчаков предлагает рассчитывать объем неэффективных расходов как сумму расходов, связанных с неэффективным содержанием органов государственной власти, с расходными обязательствами, не соответствующими полномочиям региональных властей, необоснованным повышением стоимости основных средств при выполнении расходных обязательств, неэффективным применением межбюджетных трансфертов, неэффективным распределением средств в социальной области и прочих расходов. В соответствии с предложенной методикой нормативы предлагается дифференцировать по четырем группам регионов. Использование методики позволит, по мнению М. В. Мильчакова, усилить контроль федеральных властей за исполнением расходных обязательств региональными органами власти.

Другого мнения придерживается И. Ю. Зинченко, считающая, что нельзя верно дать оценку эффективности бюджетных расходов по доли неэффективных расходов и следует отказаться от термина «эффективность деятельности» [11]. Также она указывает на существенные недостатки методики выявления доли неэффективных бюджетных затрат, разработанной Министерством регионов. В качестве примера приводятся неэффективные с точки зрения методики бюджетные расходы региона, связанные с превышением численного состава персонала сферы здравоохранения над среднероссийским уровнем.

Стоит отметить, что за последние годы наблюдаются положительные тенденции в развитии методического инструментария определения бюджетных расходов, применяемого Правительством РФ. Так, пути решения проблемы эффективности расходов более взвешенно рассмотрены Программой Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года [12]. Здесь стоит упомянуть о бюджетировании, ориентированном на результат. Данная система активно использовалась российским правительством, но большого успеха не имела, поскольку не соблюдались основные условия применения бюджетирования, ориентированного на результат: взвешенный выбор методик и выборочное использование эффективности для определения целесообразности бюджетных расходов.

Следует согласиться с С. В. Лаптевым по поводу необходимости формирования единой методики оценки эффективности бюджетных расходов, включающую в себя целевые индикаторы с качественной и количественной составляющими по программам, а также карту рисков [2].

Что касается бюджетных рисков, то детальное изучение данного вопроса проводится Н. П. Паздниковой и С. Е. Шипицыной [13]. Методы управления финансовыми рисками авторы распространяют и на бюджетную сферу и на их основе разрабатывают методику определения бюджетных рисков. Первым шагом предложенной методики является группировка государственных программ по целеполаганию. Вторым шагом – выбор результативных индикаторов, отражающих целевые показатели государственных программ. Третьим шагом – проведение корреляционно-регрессионного анализа эффективности программ. Четвертым шагом – определение среднего значения коэффициентов ранговой корреляции Кендалла по программе и по

группе программ. Последним шагом – определение зоны риска для каждой из программ. Данный метод возможно использовать совместно с методами лимитирования и резервирования.

Итак, обзор мнений и анализ практики государственного управления позволяют сделать вывод о невозможности проверки на практике всего многообразия существующих методик определения бюджетных расходов. Поэтому органам государственной власти необходимо подходить весьма взвешенно к использованию той или иной методики, соблюдая стратегические приоритеты социально-экономического развития. Что касается теоретических разработок по исследуемой нами проблематике, то, несмотря на детальное и достаточно широкое изучение по отдельным направлениям в области оценки бюджетных расходов, стоит отметить малую изученность следующих вопросов:

– соответствие показателей оценки бюджетного расходования полномочиям органов власти различных уровней;

– использование социальных стандартов при оказании государственных услуг;

– использование общественных опросов при определении бюджетных расходов с целью учета интересов населения определенной территории.

Список литературы

1. Соколов И. А. Доклад «методологические подходы к оценке эффективности бюджетных расходов, в том числе государственных программ» // Финансовый журнал. – 2014. – № 2. – С. 7–10.

2. Лаптев С. В., Пивоварова О. В. Проблемы применения инструментов программно-целевого управления бюджетом в регионе и направления их решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 25–32.

3. Савельева Ю. В., Савельева М. Ю. Концепция программного бюджетирования: проблемы и перспективы внедрения // Управление экономическими системами. – 2014. – № 11 (71). – С. 33–37.

4. Аблова Н. О. Повышение эффективности бюджетных расходов по малым и средним городам на основе рационального использования их экономического потенциала // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3. – С. 41–45.

5. Казаковцева М. В. Методический инструментарий оценки эффективности бюджетных доходов и бюджетных расходов // Инновационное развитие экономики. – 2013. – № 2 (14). – С. 43–47.

6. Макарова С. Н. Оценка эффективности бюджетных расходов для целей предоставления субсидий муниципальным образованиям // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сб. науч. ст. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Горохов; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2014. – С. 185–189.

7. Багданова Л. В. Особенности методики проведения анализа стабильности бюджетной политики субъектов СЗФО // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 3. – С. 74–79.

8. Миронов С. К. Методология стандартизации бюджетных расходов в оценке качества управления региональными финансами // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2 (35). – С. 112–120.

9. Анализ межбюджетных отношений в интересах общественности (На примере муниципальных образований Новосибирской области) // Бюджетная система Российской Федерации. – URL: http://budgetrf.ru/Publications/Analysis/strategy/an_strategy_07222003/an_strategy_07222003210.htm (дата обращения: 18.04.2015).

10. Мильчаков М. В. Учет неэффективных расходов субъектов Российской Федерации при предоставлении межбюджетных трансфертов из федерального бюджета // Финансовый журнал. – 2014. – № 4 (22). – С. 81–93.

11. Зинченко И. Ю. К вопросу об оценке эффективности бюджетных расходов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2013. – № 12. – С. 90–94.

12. Программа Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года [Электронный ресурс]: [утв. распоряжением Правительства РФ от 30 июня 20110 г. №1101-р: ред. от 7 дек. 2011 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Паздникова Н. П., Шипицына С. Е. Стресс-тестирование в управлении бюджетными рисками региона // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 208–217.

Получено 20.06.15

A. E. Kulakova, Post-Graduate Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (e-mail:1304ank@rambler.ru)

N. S. Morozova, Post-Graduate Student, Lipetsk Branch of the Financial University (e-mail: NSMorozova@fa.ru)

N. N. Nesterov, Post-Graduate Student, Lipetsk Branch of the Financial University (e-mail: NNNesterova@fa.ru)

METHODICAL ASPECTS OF FORMATION OF FEDERAL POLICY FOR TERRITORIAL DEVELOPMENT

Systematization of existing methods to the definition of budget expenditures at the regional and municipal level within the framework of programme-oriented approach, which identified promising areas of theoretical developments to study problems.

***Key words**: budgetary expenditures, Federal policy, methodological tools.*

УДК 338

Б. Г. Протасевич, аспирант, ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (e-mail:slv_1970@mail.ru)

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОКИ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА» КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЭПА

Проведен анализ основных этапов становления и функционирования института кооперации в России, а также рассмотрены возможности адаптации отечественного опыта в рамках современных социально-экономических реалий.

***Ключевые слова**: кооперация, экономический ренессанс, новая экономическая политика.*

***

Затрагивая множество принципиальных экономических проблем, посвященных социальному взаимодействию различных слоев населения как фактора эффективного экономического развития, отечественная наука в контексте современных реалий особое внимание уделяет проблеме формирования и функционирования кооперативов как необходимого элемента многоукладной рыночной экономики.

Иными словами, кооперативная идея многоаспектна, и ее сущность, по меткому выражению А. В. Соболева, следовало бы рассматривать как объединение и солидарность слабых для приобретения большей силы, справедливое распределение выгод от совместной деятельности, взаимопомощь, коллективизм, союз лиц, связанных решением общих проблем, предпочтение человека деньгам, борьба за общество без эксплуатации и многое другое, вплоть до поисков утопии [1, с. 3].

Анализируя основные этапы становления кооперативного движения в Рос-

сии, следует обратить внимание на то, что основу его формирования составляли сохранение факторов натурального хозяйства, многоукладный характер. По сути, речь идет о том, что вся противоречивость и специфичность экономики России конца XIX – начала XX в. нашла свое отражение в форме, структурных и содержательных особенностях функционирования кооперативов.

Обращая внимание на специфический характер кооперативного движения в России, следует отметить, что в отличие от европейского опыта, предусматривающего возникновение кооперативов как элемента многоукладной экономики еще в начале XIX в., российская кооперация получила ощутимое развитие только во второй половине XIX в., а именно после отмены крепостного права.

В качестве подтверждения представляется возможным обратить внимание на статистические данные, содержащиеся в таблице и свидетельствующие о зримом росте количества кооперативов в период с середины XIX в. до периода октябрьских революционных событий.

Таким образом, стремясь подтвердить прогрессивную динамику роста кооперативов, отечественные исследователи ссылаются на то, что основной причиной означенного процесса явилась необходимость формирования своего рода противовеса тотальному господству капиталистических отношений и развития многоукладной экономики.

Иными словами, формирование и развитие кооперации представляло собой органический процесс, сопутствующий развитию рыночной экономики. Однако, принимая во внимание разнообразие форм экономического развития, необходимо указать на разнородность кооперативного движения. В этой связи следует обратить внимание на то, что непосредственно в России дооктябрьского периода для кооперативного движения существовала благодатная почва в качестве распространенных в русском обществе коллективистских принципов организации производства и распределения дохода.

Не случайно в трудах видного дореволюционного исследователя А. И. Чупрова указывалось на отечественную склонность к совокупному действию [2, с. 215]. Подобное положение объяснялось русской ментальностью как разноплановым явлением, имевшим, наряду с психологической и культурной, особую экономическую составляющую. В этой связи именно кооперация представляла собой социально-экономическое явление, отличавшееся в российских условиях особой жизнеспособностью и отвечавшее всем требованиям жизненного уклада.

Принимая во внимание исключительную актуальность означенной проблемы для начала XX в., принципиально отметить, что отечественная экономическая наука длительное время не имела единой признаваемой всеми формулы кооперации.

Кооперация в России в конце XIX – начале XX в.

Год	Потребительские кооперативы	Кредитные кооперативы	Сельскохозяйственные кооперативы
1867	5	–	–
1877	2	45	–
1897	64	16	3
1907	1048	956	6
1917	11500	–	160
1918	12000	–	–

Наиболее емкие определения кооператива даны М. И. Туган-Барановским и К. А. Пажитновым. Все остальные определения повторяют или развивают их [3].

В частности, М. И. Туган-Барановский определяет кооператив как хозяйственное предприятие. Он указывает, что «...кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно объединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, а доставление его сочленам, благодаря общему ведению хозяйства, каких-либо выгод иного рода» [4, с. 94].

По определению К. А. Пажитнова, «кооператив есть такое добровольное соединение нескольких лиц, которое имеет своей целью совместными усилиями бороться с эксплуатацией со стороны капитала и улучшить положение своих членов в процессе производства, обмена или распределения хозяйственных благ, т. е. как производителей, потребителей или продавцов рабочей силы» [3]. При этом в качестве основного отличия кооператива от иных видов предприятий приводилось стремление удовлетворить потребности члена кооператива в противовес приоритету прибыли.

Таким образом, с учетом основополагающих принципов функционирования кооператив представляет собой объединение равноправных участников на основе соответствующего договора для достижения хозяйственных целей.

Особого внимания в этой связи заслуживает анализ принципов кооперации, которые в основном сохранили свое значение и в настоящее время. В качестве определяющих принципов следует выделить:

– добровольное и открытое членство;

– демократический контроль членов;

– участие членов в экономической деятельности;

– автономность и независимость;

– образование, обучение и информация;

– сотрудничество кооперативов;

– забота об обществе [3, с. 57].

Примечательно, что применительно к кооперативам в странах Европы и Америки, характеризующихся развитым корпоративным движением, произошла определенная трансформация вышеозначенных принципов и, как следствие, изменение понятийного аппарата института кооперации в целом.

В этой связи следует учесть, что возможность сравнения кооперативного движения, развивавшегося в России, с системой кооперации зарубежных стран допускалась еще такими видными исследователями, как А. В. Чаянов, который в книге «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» определил два ярко выраженных варианта капиталистической трансформации сельского хозяйства в форме кооперации – американский и российский.

Таким образом, принципиальный характер, исходя из отечественных экономических реалий, имеет тот факт, что прямая рецепция зарубежного опыта на российскую экономическую действительность невозможна.

Вышеизложенные специфические особенности российской кооперации позволяют солидаризироваться с позициями отечественных исследователей, утверждавших, что история промышленного развития передовых стран Запада не может быть примером для России. Судьба нескольких стран не составляет всего содержания всемирной истории, а достижение некоторыми нациями путем применения определенных средств высоких степеней материального состояния не доказывает, что эти средства приложены всюду и что вне этих средств нет путей, ведущих к этой цели [6].

Итак, конец XIX – начало XX в. является периодом наиболее высокого уровня развития кооперации в России, не получившим дальнейшего органичного

развития и пережившим своего рода «экономический ренессанс» в период новой экономической политики.

Обращение к опыту кооперативного движения в период 20-х годов XX века в рамках Советского государства было опосредовано экономической нестабильностью, усилением административного гнета, идеологизацией всех сфер общественной жизни, в том числе и экономической.

Вышеозначенные процессы получили свое отражение, в частности, в практике нормативно-правового закрепления. Среди основных нормативно-правовых актов, регулирующих советскую систему кооперации, следует выделить декреты Совнаркома от 29 ноября 1920 г. и от 17 мая 1921 г.

В положениях данных актов было закреплено стремление Правительства РСФСР способствовать развитию кустарной и мелкой промышленности. Основными формами были призваны стать как частные предприятия, так и кооперативы. В качестве своего рода государственной поддержки выдвигались требования, в рамках которых необходимо было «избегать излишней регламентации и излишнего формализма, стесняющих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения» [7].

В дальнейшем, за 1921 г. были приняты несколько правительственных декретов, нацеленных на стимулирование сферы промышленных кооперативов. В соответствии с принятыми законодательными актами на государственном уровне промышленные кооперативы получали статус юридического лица, что позволяло использовать в производственном процессе наемный труд, а именно 20% от общего числа работников. Кроме того, был ограничен контроль над кооперативами, который во всех сферах осуществлялся народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции, что способствовало преодолению широко распространенных факторов неэффективности государственных учреждений в означенной сфере.

Наряду с указанными факторами, способствовавшими развитию кооперации, следует указать на то, что кооперативы получали доступ как к долгосрочным, так и к краткосрочным кредитам, выдачей которых ведал кооперативный отдел Наркомфина.

В качестве следующего этапа государственного регулирования кооперативного движения следует выделить принятие совместного декрета ВЦИК и Совнаркома от 26 мая 1921 г. Данный нормативно-правовой акт содержал нормы, в соответствии с которыми было предложено расширить рамки государственного регулирования, которые, по выражению законодателя, были «слишком узки».

Подобные действия преследовали серьезные экономические цели, а именно способствовали дальнейшему развитию самостоятельности крестьянства. При этом сферы деятельности данного самостоятельного кооперативного слоя должны были быть серьезно расширены. Например, наряду с увеличением посевных площадей члены кооператива должны осуществлять улучшение методов обработки земли, содействовать развитию кустарных промыслов и поощрять местный товарооборот и развитие кооперативов [7].

Иными словами, кооперация была призвана представлять собой определенный социально-экономический уклад, нацеленный на повышение уровня жизни населения. Именно кооперативы были призваны стать своего рода прообразом нового социального слоя, который придет на смену индустриальному капитализму. По меткому выражению исследователей начала XX в., это должен был быть строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, представляющий собой не что иное, как социализм.

В этой связи вызывает интерес точка зрения И. Л. Бубнова, в исследованиях

которого подчеркивается, что именно кооперация как экономический институт «исключает возможность диктата чьей-либо воли» [8, с. 17].

Истоки данных исследовательских позиций мы можем найти в трудах В. С. Садовского, который еще в 1868 г. в работе «О развитии рабочих ассоциаций как меры государственного благоустройства» отмечал, что кооперативное движение только тогда может быть прочно, когда оно подчиняется закону постепенности, если ему предшествует и сопровождает его та подготовка, выработка тех общих условий, без которых невозможно существование высших форм кооперации.

Актуальность означенной точки зрения находит свое отражение в современных исследованиях. Не случайно В. А. Марьяновский отмечал, что существование развитого товарного производства и денежного обращения – первое условие, необходимое для возникновения кооперации как массового движения трудящихся.

При этом в качестве другой социальной предпосылки развития кооперативного движения видится наличие в обществе соответствующих демократических свобод, обеспечивающих реальное право трудящихся на добровольные объединения с целью реализации своих экономических интересов [9].

Современные отечественные социально-экономические реалии опосредуют все более и более явно оформляющиеся потребности в возрождении кооперативов как архиважной институциональной составляющей современной экономики. Принципиальное значение в этой связи имеет тот факт, что функционирующие сегодня кооперативы, по сути, не могут отвечать современной экономической действительности, демонстрируя низкую эффективность, они довольно далеки от своих потенциальных возможностей. Население проявляет слабый интерес к этим организациям, а кооперативные идеи игнорируются, находясь на грани полной дискредитации [1].

Таким образом, дальнейшее развитие кооперативного движения показало необходимость использования отечественного опыта не в контексте простого заимствования, а в рамках возможной адаптации к современным социально-экономическим реалиям. Подобное положение дел может быть подтверждено, в частности, тем, что исторически в деятельности кооперации решались такие жизненно необходимые задачи, как преодоление нищеты и бедности, установление социальной справедливости, обеспечение трудовой занятости населения. Кооперация для реализации поставленных перед ней самой жизнью задач применяла такие меры, как предоставление разнообразных льгот членам кооперативного движения, оказание материальной помощи местным обществам, сбыт продукции через свои сбытоснабженческие кооперативы и др. [10]

В силу высказанных соображений целесообразно отметить, что по прошествии более ста лет истории кооперативного движения все еще остаются теоретические пробелы в анализе сущностно-понятийных особенностей данного явления, что, в свою очередь, препятствует современной реальной рецепции отечественного опыта в условиях переживающей трудный кризисный период российской экономики.

Подобное положение дел определенным образом отражается на формировании современной концепции развития кооперации и, несомненно, препятствует как разработке эффективного законодательства, так и осуществлению действенной государственной политики в сфере кооперации [11].

Список литературы

1. Соболев А. В. Развитие теории кооперации в исследованиях ученых русского зарубежья: автореф. … д-ра экон. наук: 08.00.01. – М., 2011. – 337 с.

2. Чупров А. И. Мелкая промышленность // Беседа. – 1871. – Кн. 5. – С. 215.

3. Худякова Е. В. Сущность кооперации как формы организации труда и производства [Электронный ресурс] // Кредитная кооперация Чувашии: сайт. – 2010. – URL: http://www.creditcoop.ru/finance/122-cooperation/812-cooperation-suschonst (дата обращения: 07.05.2015).

4. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989. – 496 с.

5. Космачева Н. М. Эволюция принципов кредитной кооперации в развитых странах // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2002. – №4. – С. 57–65.

6. Мамонтов В. Д. Дивергенция малого предпринимательства в современной экономике России: дис. … д-ра экон. наук: 08.00.01. – Тамбов, 2004. – 450 с.

7. О расширении прав крестьянских комитетов по улучшению сельскохозяйственного производства (селькомов): декрет ВЦИК и СНК от от 26 мая 1921 г. // Собр. указаний и распоряжений правительства. – 1921. – №57, ст. 364.

8. Бубнов И. Л. Концептуально-правовые аспекты формирования общенациональной системы кредитной кооперации // Сельский кредит. – 2000. – №11. – С. 13–18.

9. Первые кооперативы – история зарождения [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo-wmeste.ru/pervye-kooperativy-istoriya-zarozhdeniya (дата обращения: 07.05.2015).

10. Фарберова О. Е. История кооперативного движения в Центральном Черноземье: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2007.

11. Вертакова Ю. В., Широкова Л. В., Бедакова М. С. Тенденции развития бизнеса в России // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 6 (57). – С. 98–108.

Получено 18.07.15

B. G. Protasiewicz, Post-Graduate Student, Tambov State University after G. R. Derzhavin (e-mail:slv_1970@mail.ru)

EVOLUTIONARY SOURCES OF "THE ECONOMIC RENAISSANCE" OF THE COOPERATIVE MOVEMENT DURING IMPLEMENTATION OF THE NEW ECONOMIC POLICY

The analysis of the main stages of formation and functioning of institute of cooperation in Russia is carried out, and also possibilities of adaptation of domestic experience within modern social and economic realities are considered.

***Key words**: cooperation, economic renaissance, new economic policy.*

УДК 316.4

Е. Ю. Севцова, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: ekaterinasevcova@mail.ru)

КОНЦЕПЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

В статье рассмотрены ключевые концепции социокультурной динамики. Проанализирована социокультурная динамика как самостоятельная дефиниция. Выявлены основные проблемы различных типов культур в разрезе социокультурной динамики. Изложены основные положения теории Питирима Сорокина. Рассмотрены критические моменты при изучении социокультурной динамики и вариативность концепций по данной проблематике. Проклассифицированы базовые модели социокультурной динамики.

***Ключевые слова**: социокультурная динамика, этносоциальные процессы, социокультурная система.*

***

Изучение содержательных характеристик социокультурной динамики является достаточно актуальной темой, что подтверждается множеством полемик по данному вопросу. Разногласия связаны с наличием множества концепций, рас-

сматривающих социокультурные трансформации. В данной статье рассмотрено множество подходов к дефинициям социокультурной динамики.

Одним из популярных и теоретически обоснованных определений социокультурной динамики является определение П. Сорокина. Концепция социокультурной динамики ученого базируется на взаимосвязи концептов интегрированной культуры, ее типов и ее изменения, т. е. именно динамики: процессов, тенденций, флуктуаций, ритмов и темпов [1, с. 13].

Изучение общества в динамике является достаточно сложной задачей в связи с тем, что необходимо учитывать все критерии трансформации.

Проблемы социокультурной динамики затрагивают процессы изменчивости в культуре и обществе, их обусловленность, направленность, факторы, определяющие изменения в культуре, механизмы их реализации и т. д. Существует необходимость в разрешении вопросов, связанных с трактовкой сущностных характеристик социокультурной динамики, в связи с актуальностью данного исследования как на микро-, так и на макроуровне.

В последние два десятилетия участились исследования социологов в области социокультурной динамики на региональном уровне. Современный масштабный анализ социокультурной специфики России, особенностей национального характера ее носителей и динамики ценностно-мотивационного комплекса российского общества изложен в работах П. Е. Астафьева, В. С. Барулина, С. Ю. Барсуковой, О. А. Бороноева, С. И. Валянского, Н. Я. Веретенникова, В. В. Гаврилюк, С. В. Гриневой, А. В. Гудзенко, С. П. Заикина, М. С. Каган, Д. В. Калюжного, Д. С. Клементьева, А. П. Маркова, И. В. Мостовой, П. И. Смирнова, А. П. Скорика и др. Данные исследования направлены на выявление социально-этнических взаимоотношений в одной стране. Проводится анализ прогресса и регресса культурной динамики народов России. Авторы дают характеристики и региональные особенности социокультурных процессов, изучая их локальные проявления.

На основе социологических исследований, проведенных на нашей территории, были выявлены основные проблемы и свое видение ситуации развития социальной и культурной сферы страны. В связи с этим необходимо сказать, что для каждого региона, с учетом его специфики, необходим свой подход в рассмотрении концепции социокультурной динамики [2].

Социокультурная динамика складывается в результате действия целого ряда различных тенденций и процессов, следовательно, в рамках определенного исторического периода социокультурная динамика какой-либо страны или народа предстает сложным явлением, включающим в себя множество самых разнообразных трансформаций и разнонаправленных процессов [3].

Рассматривая социокультурный процесс, мы опираемся на работы П. А. Сорокина, посвященные социокультурной динамике. До ученого большинство теорий, посвященных данной тематике, имели линейный характер. В XVIII и XIX вв. множество ученых, философов, представителей общественных и гуманитарных наук опирались на линейные тенденции социокультурных явлений [4].

Уже к XX в. данные теории подверглись критике. В своей книге «Социокультурная динамика и эволюционизм» П. Сорокин отмечает некорректный подход линейных теорий к изучению трансформаций в обществе, созданные линейные модели не объясняют множественные процессы, происходящие в обществе. Для линейного развития общества должно быть соблюдено множество условий. Причины, по которым линейные теории считались неэффективными, следующие:

1) линейные теории далеко не универсальны и линейный тип изменения – только один из многих возможных;

2) для того чтобы линейное движение или изменение было возможно, должны быть соблюдены следующие условия: изменяющийся объект должен либо находиться в абсолютном вакууме, на него не должны внешние силы, либо действие этих сил на протяжении всего процесса изменения должны быть равномерными, равнозначными, чтобы они могли нейтрализовать друг друга в каждый момент времени и позволить изменяющемуся объекту двигаться в одном направлении [5].

В связи с этим теории социальной динамики линейного толка не продуктивны, многие ученые задумались над цикличностью социокультурных изменений.

Исследования таких процессов, как изоляция, контакт, взаимодействие, амальгамация, культивация, изобретение, имитация, адаптация, конфликт, отчуждение, дифференциация, интеграция, дезинтеграция, организация, дезорганизация, диффузия, конверсия, миграция, мобильность, метаболизм, в XX в. занимали значительное место в социологии. Изучение цикличных процессов было также важно, поскольку они касаются вопросов групповой динамики, возникновения общественных групп, их организация, мобильность членов данных групп. Изучением подобных трансформаций занимались следующие ученые: Г. Тард, Г. Зиммель, Л. фон Визе, Р. Е. Парк, Э. У. Берджесе, Е. А. Росс, Э. Богардус, К. Джини, П. Карли, П. Сорокин, а также авторы большинства учебников по социологии.

Основатель социологической школы П. А. Сорокин определил вектор развития своих учений – социокультурную динамику. На основе эмпирико-статистического изучения подсистем общей «социокультурной системы» ученым было выделено три суперсистемы, периодически сменяющие друг друга: идеациональная, идеалистическая и чувственная. Каждая из них имеет свои специфические характеристики, трактующие понимание реальности, природу потребностей, степень и способы их удовлетворения. Идеациональный тип культуры характеризуется всесторонней (т. е. существующая в науке, искусстве, философии, праве и даже в быту) ориентацией на трансцендентные ценности. В культуре чувственного типа, как правило, доминируют ценности материального и материалистического характера. В идеалистическом типе соединены ценности культур двух иных типов.

Также выделяют еще один тип культуры, в рамках которого ценности чувственного, идеационального и идеалистического типов сосуществуют, не образуя органической связи. Данный тип культуры характерен, как правило, для эпохи упадка. Сущность концепции социокультурной динамики, по Сорокину, заключается в том, что каждый из этих циклически сменяющих друг друга типов культуры имеет свои законы развития и пределы роста. Для того чтобы современное общество развивалось динамично и гармонично, следует учесть концепцию цикличности в развитии общества, при этом проецируя теоретически-прикладной подход Сорокина на трансформации, происходящие в социуме.

Теоретические исследования П. Сорокина базируются на идее интегрализма, где вектор развития социологического знания направлен в сторону создания обобщающей теории структуры и динамики, различных социокультурных систем, а противоречивое многообразие реально существующих социокультурных систем в перспективе будет трансформироваться в некий интегральный социокультурный строй. Интеграция всего гуманитарного знания в целостную систему, по Сорокину, должно стать апогеем в изучении данного вопроса.

Применение социокультурного подхода возможно к исследованию динамики

не только таких макросоциальных объектов, как человечество, локальные цивилизации, глобализация, но и более конкретных объектов: этносов, территориальных общностей, отдельных сфер или подсистем общественной жизни.

Социокультурная динамика характеризуется периодичностью, стадиальностью, направленностью, также имеет место быть устойчивый порядок взаимодействия компонентов. Ряд аспектов динамики культуры и общества имеют симметричные по структуре механизмы, отличающиеся вектором направленности. Динамика может быть интеграционной или дезинтеграционной, восходящей или нисходящей, эволюционной или революционной. При акцентировании функциональной стороны изменений следует сказать о динамике в разных сферах социокультурной активности, например, о динамике политической культуры, религиозной или художественной деятельности. Отмечается также динамика функциональных отношений, динамика коммуникативных отношений, взаимодействия культур и т. д. [6]

Основополагающими моделями социокультурной динамики являются:

– линейная модель (рассматривалась Вольтером, Даламбером, Дидро, Кондорсе, О. Контом, Г. Спенсером, Ф. Фукуямой, М. Фридменом, Дж. Робинсоном, Дж. М. Кейнсом);

– циклическая, волновая модели (выделяли Гераклит, Платон, Дж. Вико, А. Тойнби, Н. Данилевский, Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин, А. Тоффлер);

– очаговая модель (основана на теории культурных ареалов);

– спиралевидная модель (изучали Аристотель, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, В. И. Вернадский);

– ступенчатая модель (рассматривалась Л. Н. Гумилевым, О. Шпенглером);

– ризомная модель (основана на постмодернистской теории).

Современная трактовка указанных концепций сводится к синергетической модели социокультурной динамики [7].

Современный подход к социокультурной динамике диктует изучение трансформаций, происходящих в обществе в комплексе. Существует необходимость всеобщей гуманизации различных сфер жизни общества. С точки зрения футуристических парадигм для эффективного развития и выживаемости общества в социокультурных условиях требуется инновационная модернизация, которая по итогу должна привести к гомогенной среде для стирания стратификационных границ.

Таким образом, проблемы социокультурных процессов, независимо от их масштабности, цикличны. Большое количество ученых исследует социокультурную динамику, однако проводимых исследований, в частности в России, недостаточно, что требует дополнительно апробировать результаты социологических исследований в этой области. В связи с этим существует возможность прогнозирования трансформаций, происходящих в обществе. Разработка различных подходов и методов инновационных моделей общества в разрезе социокультурной динамики сводится не только к прогнозированию, но и к выявлению эффективности данных моделей, которые должны положительно влиять на развитие общества. Разработка методов исследования поможет привлечь внимание к острым проблемам общества. В связи с этим изучение социокультурной динамики, как это не парадоксально, имеет трансдисциплинарный характер.

Список литературы

1. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.

2. Севцова Е. Ю. Сущностные характеристики этносоциальных процессов // Теоретические и прикладные проблемы современной науки и образования: материалы Международной научно-практической конференции (Курск, 27–28 марта 2015 г.). – Курск, 2015. – Ч. I. – С. 206–209.

3. Ветрова О. А., Севцова Е. Ю. Этнические и политические предпосылки этносепаратизма в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – №2. – С. 309–313.

4. Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. – N. Y., 1937. – Vol. I, chap. 4.

5. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 372–392.

6. Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nsu.ru/rs/mw/link/Media:/27738/11.pdf (дата обращения: 18.03.2015).

7. Иванова Ю. В. Этнос – социокультурная динамика и традиции: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11. – М., 2000.

Получено 24.05.15

E. Y. Sevtsova, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail: ekaterinasevcova@mail.ru)

THE CONCEPT OF SOCIAL RESEARCH SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS

The article describes the key concepts of social and cultural dynamics. It analyzed the socio-cultural dynamics as a separate definition. The basic problems of different types of crops in the context of a socio-cultural dynamics. The basic tenets of the theory of Pitirim Sorokin. Considered critical moments in the study of social and cultural dynamics and variability concepts on this issue. Classified in terms of socio-cultural dynamics of the basic models.

***Key words**: socio-cultural dynamics, ethno-social processes, socio-cultural system*

УДК 316.354

Д. Ю. Баскакова, аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: dariabykova@mail.ru)

ДИАГНОСТИКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ НАПРАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье анализируются возможности социального программирования в молодежной политике. Анализ результатов проведенных исследований позволил сопоставить позиции субъекта и объекта управления касательно реализации направлений молодежной политики.

***Ключевые слова**: молодежная политика, социальная программа, субъект и объект управления, направления молодежной политики.*

***

Управление реализацией государственных программ осуществляется субъектом управления, который должен определиться с типом целевой ориентации социальных программ, характером их воздействий, выбрать объект управления, инструменты управленческого воздействия. Но успешность реализуемых социальных программ зависит и от объекта управления, а также особую значимость представляет взаимопонимание субъекта и объекта управления, единство в понимании целей и задач реализуемых программ.

В молодежной политике в качестве субъекта управления государственными программами выступают органы и ведомства, отвечающие за реализацию молодежной политики (федеральное агентство по делам молодежи, министерство спорта, туризма и молодежной политики, комитеты по делам молодежи и молодежной по-

литики в субъектах Федерации). В качестве объекта управления молодежной политикой выступает молодежь, при этом личность молодого человека необходимо рассматривать как субъект взаимодействия, культуры и действия на основе параметров социально значимого развития личности [1, с. 69].

О. А. Рожнов, изучая технологии управления в молодежной политике, подчеркивает, что «основой государственной молодежной политики должно стать социальное партнерство, стимулирование активности молодежи в различных сферах, выработка эффективных механизмов участия государства в процессах социализации, создания условий для самореализации и позитивного включения в жизнь общества» [2, с. 128]. Подобного мнения придерживаются Т. Е. Зерчанинова и Е. В. Позднякова, обращая внимание на проблематику, связанную с реализацией программ в молодежной политике: «пассивность молодежи в обсуждении молодежной политики и молодежных программ, недостаточный учет в программах интересов, потребностей, жизненных планов молодежи, низкий уровень информированности молодежи о целевых программах, низкий уровень охвата молодежи» [3, с. 25].

Таким образом, значимой управленческой задачей в молодежной политике в настоящее время должно стать привлечение молодежи к социальной активности, к контакту с государством, с последующим раскрытием потенциала молодежи, что имеет значимость как для субъекта, так и для объекта управления. В результате мониторинг эффективности реализуемых программ в молодежной политике необходимо проводить, учитывая цели, возможности и интересы как субъекта, так и объекта управления.

С целью выявления управленческих проблем реализации современной молодежной политики автор статьи провел 3 исследования и их комплексный анализ. Информационную базу составляют:

1) количественный опрос среди молодых людей (объем выборки 600 человек);

2) анализ документов (реализуемых комплексных целевых программ по молодежной политике на региональных уровнях) (объем выборки 30 региональных целевых программ);

3) экспертный опрос (эксперты, имеющие стаж работы и высокий уровень компетентности в сфере молодежной политики) (объем выборки 42 эксперта).

Приведем результаты трехстороннего анализа реализуемых направлений в молодежной политике.

Первоначально обратимся к анализу заинтересованности молодых людей к проявлению социальной активности в рамках молодежной политики. Прежде всего подчеркнем, что социальная активность подразумевается молодыми людьми в следующих качествах: как самореализация и саморазвитие (32%), деятельность в общественных организациях (27%), участие в молодежных программах (21%), организация мероприятий, проектов и программ (21%).

Обратимся к выявленным наиболее приоритетным для молодых людей направлениям в молодежной политике (рис. 1). Среди таковых фигурируют следующие (респондентам было предложено выбрать не более трех вариантов из восьми имеющихся или предложить свой вариант ответа): культурно-досуговое (53% опрошенных выбрали данный вариант); спортивно-оздоровительное (48%); учебно-познавательное (35%); информационно-коммуникативное (29%); социально-трудовое и научно-исследовательское (по 28%); общественно-политическое (15%); 2% респондентов не интересно ни одно из предложенных направлений, 1% затруднились с ответом.

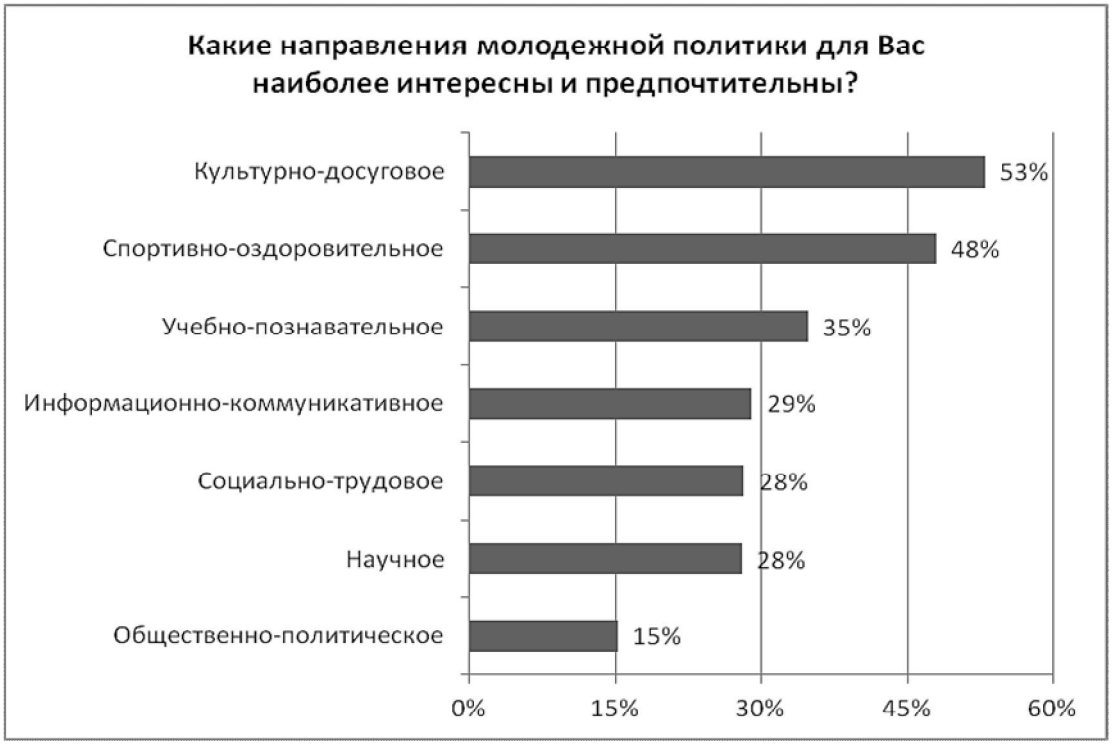


Рис. 1. Приоритетные направления молодежной политики

В результате приверженность какому-либо направлению молодежной политики наблюдается у 97% респондентов. Однако, оценивая уровень социальной активности молодежи, респонденты считают, что уровень социальной активности низкий в 33% случаев, что подразумевает отсутствие должных социальных условий, стимулирующих молодежь к проявлению своей социальной активности.

Обратимся к практике реализации молодежной политики, а именно представленности направлений молодежной политики в региональных целевых программах. Подчеркнем, что комплексные государственные программы выступают в качестве инструмента реализации управленческого воздействия. При этом под «комплексностью» социальных программ подразумевается «достижение высокой степени скоординированности и согласованности мероприятий по целям, ресурсам, срокам, исполнителям и ожидаемому эффекту» [4, с. 8].

В ходе анализа реализуемых программ выявлено, что около 50% заявленных в программах показателей относятся к оцениваемым направлениям молодежной политики. Существенную долю показателей, не вошедших в исследуемые направления, составляют показатели, оценивающие развитие патриотизма, а также общий охват молодежи проводимыми мероприятиями.

На рисунке 2 представлено распределение направлений молодежной политики в региональных программах, в которых значительное внимание уделяется вовлечению молодежи в социально-трудовую практику, раскрывающуюся как в участии в добровольческой деятельности, так и в содействии временной (через студенческие трудовые отряды) и постоянной занятости среди молодежи. Приблизительно равное значение уделяется общественно-политическому и культурно-досуговому направлениям. Только в пятой части изученных программ в качестве значимых показателей выделяются показатели информационно-коммуникативного и учебно-познавательного, научного направлений.

Рис. 2. Представленность направлений молодежной политики в региональных программах

В ходе экспертного опроса специалистам в сфере молодежной политики было предложено оценить меры, способные улучшить эффективность управленческой деятельности в сфере молодежной политики по направлениям. Оценки экспертов по поводу приоритетности мер для обеспечения эффективности управленческой деятельности сведены в «карте приоритетных мер» (табл).

На карте наиболее приоритетные меры обозначены светло-серым цветом, а наименее приоритетные – темно-серым. Основываясь на карте приоритетности мер в управленческой деятельности по различным направлениям, можно выделить наиболее и наименее приоритетные меры, с точки зрения группы экспертов, для молодежной политики в целом.

Карта приоритетности мер в управленческой деятельности по направлениям молодежной политики

Меры	Культурно-досуговое	Спортивно-оздоровительное	Учебно-познавательное и научное	Информационно-коммуникативное	Социально-трудовое	Общественно-политическое
Совершенствование научно-методической базы						
Регулирование нормативно-правовой базы						
Подготовка кадров						
Увеличение финансирования						
Поддержка добровольческих инициатив молодых людей						
Ужесточение контроля за осуществлением практической деятельности на местах						
Развитие межведомственного взаимодействия						

Наиболее приоритетными мерами (указаны в порядке их «универсальности», необходимости для различного рода направлений молодежной политики) являются: 1) подготовка кадров; 2) увеличение финансирования, поддержка добровольческих инициатив молодых людей; 3) нормативно-правовое регулирование.

В качестве наименее приоритетной меры эксперты выделяют ужесточение контроля за осуществлением практической деятельности на местах.

Проведем сопоставление заинтересованности молодых людей в реализации различного рода направлений и внимания к направлениям в региональных программах, осуществляемых в рамках молодежной политики (рис. 3). Обратим внимание, что такие направления молодежной политики, как учебно-познавательное и научное, рассматриваются далее в совокупности, и лица, указавшие оба направления, учитывались один раз, в связи с чем данные не соответствуют сумме процентов, указанных на рисунке 1, где в расчет бралась общая доля лиц, указавших выделенные направления в выборке.

Основываясь на опорных линиях, пространство на рисунке 3 разделено на 4 равных сектора. Обозначим особенности реализации каждого сектора.

Сектор 1 характеризуется высоким вниманием со стороны субъекта управления и низким интересом к проявлению социальной активности со стороны молодежи. По данному принципу реализуются социально-трудовое и общественно-политическое направления.

Сектор 3 характеризуется большим вниманием молодежи и низкой представленностью в программах молодежной политики. По данному принципу реализуются культурно-досуговое и учебно-познавательное и научное направления.

Сектор 4 характеризуется как низким интересом со стороны молодежи, так и низким вниманием со стороны субъекта управления молодежной политики. По данному принципу реализуются спортивно-оздоровительное и информационно-коммуникативное направления.

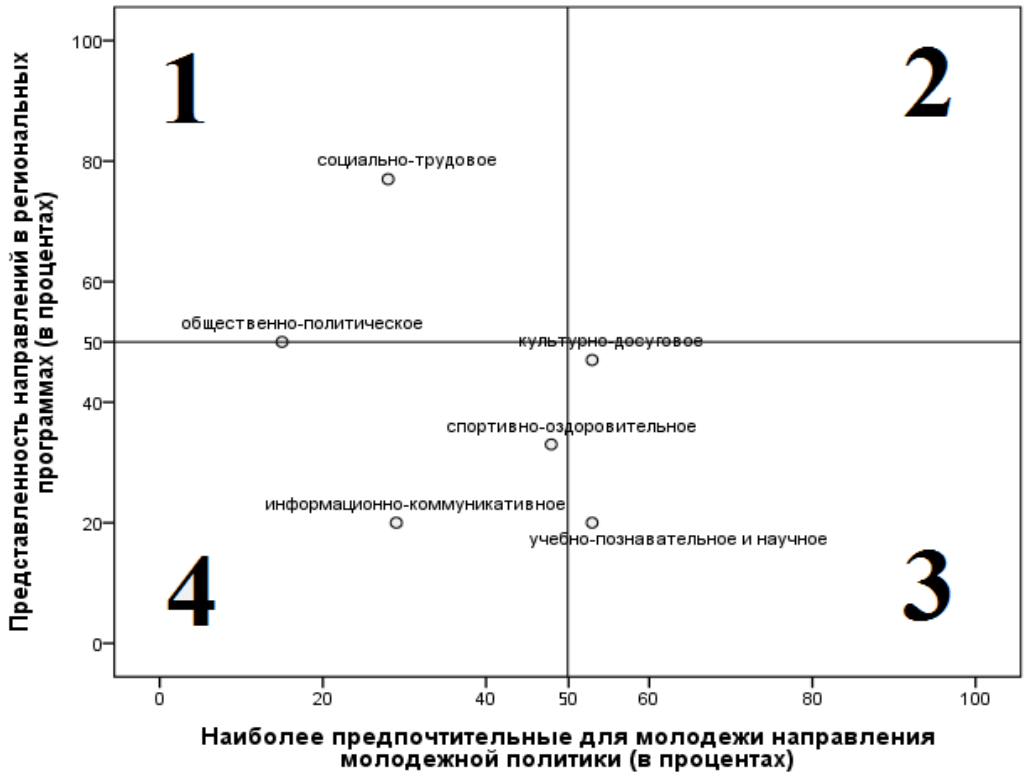


Рис. 3. Сопоставление предпочтительности направлений в молодежной политике со стороны субъекта и объекта управления

Подчеркнем, что ни одно направление не находится в секторе 2, которому свойственна высокая степень активности со стороны молодежи и высокая степень внимания в молодежных программах. Также отметим, что в 4 из 6 направлений наблюдаются диспропорции в интересах субъекта и объекта управления. Субъект управления в большей степени активизирует направления, в которых низкая активность объекта управления, и в то же время объект управления более заинтересован в тех направлениях, где низкая активность субъекта управления.

Возвращаясь к опросу экспертов (см. табл.), следует подчеркнуть, что касательно направлений, реализуемых в секторе 1 (с наибольшим вниманием со стороны субъекта управления) наблюдаются максимально схожие приоритетные мер для обеспечения управленческого процесса, в то время как в третьем и четвертом секторах взгляды на приоритетные меры касательно входящих в секторы направлений расходятся. В связи с этим следует предположить, что отсутствие заинтересованности субъекта управления в реализации данных направлений негативно влияет на выработку оптимальных управленческих практик для их реализации. Преодоление такого разрыва возможно при обращении к социокультурному подходу организации молодежной политики [5; 6]

Таким образом, выявлено несоответствие в значимости большинства направлений молодежной политики для субъекта и объекта управления. Деятельность субъекта управления максимально нацелена на направления, в которых интерес объекта управления минимален, тем самым потенциал молодых людей в предпочтительных для нее сферах раскрывается не полностью либо раскрывается вне рамок молодежной политики.

Список литературы

1. Быкова Д. Ю., Зотов В. В. Социокультурный подход к формированию молодежной политики инновационного общества // Вопросы культурологии. – 2011. – № 4. – С. 68–73.

2. Рожнов О. А. Социальное проектирование как технология управления молодежной политикой // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – №2. – С. 123–132.

3. Зерчанинова Т. Е., Позднякова Е. В. Социальное программирование как функция управления в сфере государственной молодежной политики // Социум и власть. – 2011. – №3. – С. 25–28.

4. Кочетов И. Л. Социальная политика на местном уровне: опыт программирования // Муниципальная академия. – 2012. – №2. – С. 8–11.

5. Баскакова Д. Ю., Зотов В. В. Личностно-ориентированная молодежная политика социального государства // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. – 2012. – № 9(1). – С. 59–70.

6. Баскакова Д. Ю., Зотов В. В., Боженкова Н. А. Значение личностной ориентации в рамках социокультурного подхода к молодежной политике // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 3-2 (42). – С. 245а-250.

Получено 02.07.15

D. Y. Baskakova, Post-Graduate Student, Southwest State University (Kursk)
(e-mail dariabykova@mail.ru)

DIAGNOSTICS OF ADMINISTRATIVE PROBLEMS IN REALIZATION OF THE DIRECTIONS IN YOUTH POLICY

In article possibilities of social programming in youth policy are analyzed. The analysis of results of the conducted researches allowed to compare positions of the subject and object of management concerning realization of the directions of youth policy.

***Key words**: youth policy, social program, subject and object of management, direction of youth policy.*

УДК 379.85

Г. Г. Теляк, аспирант, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права (e-mail: dekanat205@yandex.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ СФЕРЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Автор исследует теоретические аспекты формирования ресурсного потенциала сферы рекреации и туризма. В статье анализируются отчетные данные по развитию ресурсного потенциала туристско-рекреационной сферы Калининградской области. На их основе доказывается, что наличие ресурсного потенциала сферы туризма влияет на появление новых видов туризма в регионе.

***Ключевые слова**: ресурсный потенциал, сфера туризма, конкурентоспособность региона, управление ресурсным потенциалом, сфера рекреации и туризма.*

***

Эффективное развитие любой сферы деятельности должно базироваться на том потенциале, который был сформирован ранее под воздействием ряда факторов [1–4]. При этом следует учитывать, что для сферы туризма одним из важнейших факторов выступает природный ресурс, отличный для каждой отдельно взятой территории [5]. Это положение определяет зависимость развития отдельных видов туризма от природных ресурсов, характерных для определенной местности. Отметим в этой связи, что даже на территории одного региона природные особенности могут отличаться, что требует индивидуального подхода к поиску оптимальных мер для развития туризма местности.

С теоретической точки зрения важным представляется определить сущностные особенности формируемого на территории потенциала. Так, согласно [2], следует в обязательном порядке рассматривать ресурсный потенциал сферы туристско-рекреационных услуг, под которым следует понимать совокупность таких возможностей, как природные, историко-культурные, материально-технические, финансовые, трудовые и пр., использование которых на территории региона обеспечит условия для организации различного рода туристско-рекреационной деятельности, основная направленность которой сводится к восстановлению и улучшению состояния здоровья населения, а также развитию отрасли.

При этом отметим, что ресурсным потенциалом обладают все без исключения регионы, однако их уровень в этой сфере может существенно отличаться. Это определяется как исторически сложившимися условиями, так и имеющимися возможностями для его поддержки на должном уровне. Таким образом, дальнейшее эффективное развитие сферы туризма и рекреации будет определяться действенным управлением ресурсным потенциалом сферы туристско-рекреационных услуг. При этом речь идет, прежде всего, о региональном и местном уровнях управления. Принципы управления развитием сферы туризма и рекреации на федеральном уровне характеризуются определенной обобщенностью и отсутствием учета четко выраженной региональной специфики [2].

Г. А. Карпова [6] рассматривает проблему ресурсного обеспечения сферы туризма и рекреации несколько с иной стороны, и понятие «ресурсный потенциал сферы туристско-рекреационных услуг» как таковое не используется. В указанной работе находят свое отражение такие понятия, как туристско-рекреационный потенциал, туристский потенциал, ресурсный потенциал. При этом туристско-рекреационный потенциал не рассматривается в единой взаимосвязи с необходимостью дальнейшего роста и развития сферы туризма. Туристский потенциал определен как доступная и вероятная часть туристского предложения. Ресурс-

ный потенциал представлен как возможность использования всех видов ресурсов сферы туризма на трех уровнях: государства, региона, предприятия с целью оказания качественных туристских услуг населению. В этой связи наличие туристских ресурсов в конечном итоге становится определяющим фактором достижения высоких показателей социально-экономического развития региона.

Таким образом, достижение высоких показателей социально-экономического развития региона (например, Калининградской области) в целом и его сферы туризма и рекреации в частности будет зависеть от тех туристских ресурсов, которые не только располагаются на территории, но и эффективно используются. Следовательно, базируясь на оценке деятельности территории за предшествующий период, можно выявить туристско-рекреационный потенциал региона.

Так, согласно Докладу о результатах за 2014 год и основных направлениях деятельности на 2015–2018 годы Министерства по туризму Калининградской области [7], Калининградская область обладает следующими предпосылками для развития как территории в целом, так и сферы туризма в частности:

– благоприятные и разнообразные природно-ландшафтные условия;

– уникальные водные ресурсы;

– большое количество числа объектов историко-культурного наследия;

– уникальные условия для лечения и профилактики сердечно-сосудистых, онкологических и других заболеваний;

– богатое историко-культурное наследие;

– объекты всемирного наследия ЮНЕСКО;

– уникальные природные экосистемы;

– более 60 сельских гостевых домов и усадеб, имеющих круглогодичный график работы;

– единственный в мире центр по промышленной добыче и переработке янтаря;

– номерной фонд, который составляет 7820 номеров различной комфортности и конференц-залов, вместительностью до 250 человек.

В результате создаются условия для развития на территории Калининградской области таких видов туризма, как сельский, экологический, водный, включая спортивный, а также круизный. Таким образом, на территории Калининградской области формируются предпосылки для развития высокоэффективного и конкурентоспособного туристского комплекса (кластера), способного, с одной стороны, предоставлять широкие возможности для удовлетворения потребностей российских и иностранных граждан в туристских услугах, а с другой – обеспечивать значительный вклад в экономику области, что становится возможным за счет роста налоговых поступлений в бюджет, притока иностранной валюты, увеличения количества рабочих мест, сохранения и рационального использования культурно-исторического и природного наследия региона.

Отметим в этой связи, что согласно имеющимся официальным статистическим данным, в 2014 г. турпоток в Калининградскую область увеличился в три раза по сравнению с предыдущим годом. Ежегодно данные показатели показывают рост в среднем на 10–15%. Из 600 тыс. человек, посетивших с туристической целью Калининградскую область в 2014 г., 87% прибыли из других субъектов РФ, 13% – из стран СНГ и Евросоюза. При этом туристы из России отдают предпочтение лечебно-оздоровительному (48%) и культурно-познавательному туризму (28%). Иностранные туристы посещают Калининградскую область с целью культурно-познавательного (46%) и делового туризма (35%). Экологический туризм ещё не получил должного развития (7%). По-видимому, здесь имеются существенные резервы роста.

Таким образом, сформировавшийся в регионе туристско-рекреационный потенциал при соответствующем уровне управления создает благоприятные предпосылки для роста конкурентоспособности территории. Кроме того, значительное внимание уделяется будущим мероприятиям. Так, в частности, Министерством по туризму Калининградской области предполагается, что проведение на территории области матчей финальной части Чемпионата мира по футболу 2018 г. обеспечит существенный вклад в туристско-рекреационный потенциал региона. Для этого принимаются соответствующие меры. Так, уже за истекший период было построено и реконструировано более 20 средств размещения туристов, что существенно повлияло на развитие гостиничного фонда Калининградской области. Кроме того, в регионе реализуются мероприятия по совершенствованию системы турнавигации и информирования туристов.

Помимо установления информационных столбов-указателей, информационных щитов и информационных электронных терминалов был запущен Проект «ТурИнфоНет», который является логическим продолжением проекта «Поддержка развития общего рекреационного пространства в Макрорегионе», реализованного в рамках Европейской Программы Добрососедства 2004–2006, общая подготовка и координация которого будет обеспечена ГАУ КО «Региональный Информационный Центр Туризма» (ТИЦ), основанным в ходе реализации предыдущей программы. Проект подразумевает реализацию таких мер, как создание трансграничной IT-системы для сбора, обмена и распространения туристической информации; создание системы информирования туристов для обеспечения удобства пребывания в регионе; продвижение региона как единой туристической дестинации.

Таким образом, благоустройство территорий и объектов, имеющих туристическую привлекательность, является одной из системообразующих мер по обеспечению развития сферы туризма и рекреации Калининградской области. Эффективное использование имеющегося туристско-рекреационного потенциала региона позволит повысить уровень его конкурентоспособности как в текущем периоде времени, так и в стратегической перспективе.

Список литературы

1. Вертакова Ю. В., Мошкевич М. Л. Оценка инвестиционного потенциала городов // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. – № 4 (49). – С. 10–16.

2. Мысова О. С. Ресурсный потенциал как основа эффективного функционирования сферы туристско-рекреационных услуг [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.rusnauka.com/13_EISN_2009/ Economics/44599.doc.htm (дата обращения: 28.04.2015).

3. Попов А. И., Плотников В. А. Инновационно-креативный потенциал – основа наукоемкой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2011. – № 4. – С. 134–136.

4. Сигов В. И., Карпова Г. А., Сигова М. В. Расширенное воспроизводство трудового потенциала как основной критерий становления и развития экономики знаний // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2013. – № 5 (83). – С. 4–13.

5. Карпова Г. А., Хорева Л. В., Попова Т. Н. Рынок конгрессно-выставочных услуг: масштабы, тенденции, регулирование // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 6. – С. 76–83.

6. Карпова Г. А., Хорева Л. В. Экономика и управление туристской дея-

тельностью. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 268 с.

7. Доклад о результатах за 2014 год и основных направлениях деятельности на 2015–2018 годы Министерства по туризму Калининградской области [Электронный ресурс]. – URL: http://tourism.gov39.ru/docs/drond_2015.docx (дата обращения: 28.04.2015).

Получено 07.06.15

G. G. Telyak, Post-Graduate Student, St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law (e-mail: dekanat205@yandex.ru)

FORMATION OF RESOURCE POTENTIAL OF TOURISM AND RECREATIONAL SERVICES IN KALININGRAD REGION

The author examines the theoretical aspects of formation of the resource potential of the sphere of recreation and tourism. The article analyzes the reporting data for the development of the resource potential of the tourist and recreational sector of the Kaliningrad region. On this basis, it is proved that the presence of the resource potential of tourism affects the appearance of new types of tourism in the region.

***Key words**: resource potential, tourism industry, region's competitiveness, management of resource potential, scope of recreation and tourism.*

УДК 331.108

А. Л. Каллас, аспирант, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права (e-mail: dekanat205@yandex.ru)

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются различные концептуальные подходы к проектированию кадровой политики предприятий сферы услуг в условиях нестабильности социально-экономической ситуации. Обосновывается единство организационного и функционального подходов к проектированию.

***Ключевые слова**: проектирование кадровой политики, прогнозирование потребности, кадровый менеджмент, человеческие ресурсы, человеческий капитал, трудовой коллектив, персонал-технологии.*

***

Достаточно быстро меняющаяся внешняя среда [1; 2] заставляет современные предприятия сферы услуг постоянно адаптировать имеющийся ресурсный потенциал и переоценивать возможности, приспосабливаясь к слабо прогнозируемому спросу на услуги. Особенно актуальной эта проблема становится для ресторанно-гостиничного бизнеса, который зависим от курса валюты, цен на билеты, уровня оплаты труда, сложившейся клиентуры гостиницы или ресторана, стоимости арендуемых помещений и прочих факторов, предвидеть тенденции в движении которых практически невозможно [3; 4]. Одновременно возможности перераспределения и, тем более, сокращения ресурсного потенциала организаций сильно ограничены.

Практически единственный ресурс, которым менеджмент в состоянии управлять, – это человеческий потенциал предприятий [5; 6]. Манипулирование количеством, оплатой и квалификацией нанятого персонала на коротком промежутке времени может дать значительный экономический эффект, но в длительной перспективе в состоянии привести к слабо прогнозируемым последствиям. Отсюда особую актуальность приобретает проблема проектирования кадровой политики предприятий сферы услуг.

Следует отметить, что условия крайней нестабильности социально-экономической ситуации делают процесс проектирования непрерывным – остаться конкурентоспособным может только то предприятие, которое непрерывно отсле-

живает рыночную конъюнктуру и стремится прогнозировать изменения, а не следовать за ними. Если под кадровой политикой понимать систему осознанных и определенным образом сформулированных и скрепленных правил и норм, приводящих человеческий ресурс в соответствие с долговременной стратегией фирмы, то на концептуальном уровне возможны три подхода к проектированию на основе: прогнозирования потребности в персонале, прогнозирования человеческих ресурсов организации, прогнозирования используемого человеческого капитала.

Применение того или иного подхода зависит, в первую очередь, от экономического положения организации и того, какие цели преследует управленческая деятельность. К примеру, гостиничный бизнес Санкт-Петербурга, по данным Комитета по туризму, достаточно разнообразен – в городе действуют 375 гостиниц на 22 457 номеров. В это число, помимо отелей, входят и небольшие ведомственные гостиницы, общежития гостиничного типа при учебных заведениях и крупных предприятиях, причём в центральных районах города располагается около 92% номерного фонда. Это 137 объектов размещения на 15 тыс. номеров, при этом основа рынка – гостиницы среднего класса, их в Петербурге 49,6%. Доля гостиниц первого класса составляет 7,6%, экономического класса – 23%, не имеющих категории – 19,8%. Естественно, что экономические возможности и цели деятельности таких отелей, как «Англетер» и «Астория», контролируемых оператором Rocco Forte Hotels, имеющим в своем распоряжении 13 гостиничных комплексов в мире или таких отелей, как «Гельвеция» и «Амбассадор», принадлежащих известной сети Top International, объединяющей 250 гостиниц, совершенно отличны от экономических возможностей и целей деятельности небольших ведомственных гостиниц или общежитий, хотя и те и другие используют в своей деятельности наемный персонал и выстраивают кадровую политику.

Проектирование кадровой политики на основе категории «персонал организации» характеризует подход к управлению наемным трудом с административно-бюрократических позиций. Он вполне подходит для мини-отелей, не имеющих возможности содержать даже кадровика, в которых вся работа по «управлению персоналом» разделена между бухгалтером и администратором, выполняющих функции кадрового учета и непосредственного управления процессом обслуживания клиентов.

Проектирование кадровой политики на основе концепции «человеческие ресурсы» дает большую мобильность и способность динамично изменяться в зависимости от экономической и политической конъюнктуры, что особенно актуально для бизнеса, работающего в условиях слабой прогнозируемости принимаемых социально-экономических решений. Такой подход уже требует содержания HR-отдела с квалифицированным персоналом, владеющим технологиями найма, мотивации и оплаты труда, оценки имеющихся квалификации и компетенций. Использовать такой подход могут позволить себе гостиницы среднего класса.

Проектирование кадровой политики на основе концепции человеческого капитала предполагает расчет на длительную перспективу сотрудничества, необходимость вкладывать средства в развитие человеческого потенциала, социальную ответственность бизнеса. В этом коренное отличие данного подхода от ресурсного, который рассматривает наемных работников как средства и возможности, определяемые данным моментом существования организации и бизнеса. Следует отметить, что категория «человеческий капитал» предполагает чисто экономический подход к людям, работающим в организации: «Под человеческим капиталом понимается мера воплощен-

ной в человеке способности приносить доход. Он включает как врожденные (унаследованные) способности и таланты, физическую силу и здоровье, так и приобретенные в течение жизни знания, навыки и опыт» [7].

Подход к наемным работникам с позиций человеческого капитала предполагает расчет на длительную перспективу развития бизнеса и стратегическое планирование как минимум на пятилетний срок. Только в этом случае имеет смысл оценивать нанятый персонал как капитал организации и, тем более, вкладывать средства в его развитие. Такой подход требует содержания особого подразделения в организации с широко вертикально и горизонтально разветвленной системой функций управления и вовлеченности топ-менеджмента в технологии управления персоналом. На практике такой подход способны реализовать только крупные отели, контролируемые зарубежными операторами. К примеру, в отеле «Кемпински Мойка 22» департамент управления персоналом занимается наймом и увольнением сотрудников отеля, несет ответственность за все юридические и некоторые другие вопросы, за переподготовку и подготовку кадров. Сюда входит отдел кадров, отдел обучения персонала, служба безопасности, отдел мотивации и оплаты труда.

Нам представляется, что в сложившихся условиях целью управления наемным трудом выступает проектирование на предприятии адекватной целям и задачам бизнеса соответствующей службы, которая наряду с топ-менеджментом реализует кадровую политику, ориентированную на приоритетные задачи по использованию кадров для обеспечения конкурентоспособности. Таким образом, актуальна задача создания путем проектирования управленческой модели, которая позволит повысить эффективность управления человеческим потенциалом организации.

Система управления персоналом традиционно определяется как целостная система управления кадровым направлением деятельности предприятия, ориентированная на решение трех стратегических задач [8]: оперативное и полное удовлетворение потребностей предприятия в трудовых ресурсах необходимой специализации и уровня квалификации; формирование и поддержание комплекса организационно-экономических, а также социально-психологических условий, благоприятствующих наиболее эффективному исполнению работниками возложенных на них функций; обеспечение необходимого уровня взаимосвязи (точнее взаимоподдержки) между управлением персоналом и другими направлениями менеджмента организации.

Н. А. Горелов выделяет следующие основные этапы проектирования [9]: формирование образа будущего предприятия или его отдельного бизнес-процесса в системе значимых критериев; создание модели предприятия или его отдельного бизнес-процесса; разработка нового бизнес-процесса или корректировка существующего; внедрение перепроектированных процессов.

Основными субъектами кадрового менеджмента в организации являются HR-менеджеры, т. е. профессиональные наемные работники специального подразделения в организации, ориентированные на привлечение, профессиональное использование, развитие и активизацию человеческого фактора организации. По характеру деятельности кадрового менеджера это управленческая, проектно-технологическая, внедренческая деятельность на базе социально-экономи-ческих наук.

Объектом кадрового менеджмента является наемный персонал организации, который может быть представлен в качестве отдельных сотрудников, рабочих группы, социокультурных и иных общностей. С социально-экономических позиций наемный персонал представляет

собой сложную социотехническую систему – совокупность людей, объединенных организацией для производства товаров, работ или услуг. Эта сторона управления людьми находит выражение в категории «трудовой коллектив». С формальных позиций категория «трудовой коллектив» идентична категории «персонал», т. к. включает всех работников организации, участвующих в её деятельности на основе трудового договора.

Включение в анализ социального термина «коллектив» влечет за собой обращение к целому ряду социальных характеристик нанятого персонала, таких как пол, возраст, уровень образования и пр., которые образуют социальную структуру организации и не могут игнорироваться менеджментом при разработке стратегии управления. Не менее значимая сторона вопроса – это управление такими формами коллективности, как формальные и неформальные группы, команды, корпорации, мафиозные формы самоорганизации и пр. С этих позиций структура трудового коллектива – это определенные социально-экономические группы, представляющие собой объединения работников по общности образующего коллектив признака: единство целей, разделяемая система ценностей, степень участия в распределении полученной прибыли, общности профессии или квалификации, единство понимания, прав и обязанностей. В этом плане управление трудовыми коллективами сильно отличается от управления персоналом, т. к. требует иных, а именно социально-психологических компетенций менеджмента.

Кадровый менеджмент как процесс воздействия субъекта управления на управляемый объект осуществляется с помощью конкретных технологий управления или персонал-технологий. Выполнение принципов кадрового менеджмента возможно путем создания на предприятиях адекватной системы управления персоналом, в которой эффективно реализуется ее основная функция – разработанная менеджментом кадровая политика. Эта система, аккумулирующая в себе наиболее типичные принципы и технологии управления, определена не только сиюминутной экономической целесообразностью, но и вписана в более широкий контекст проектной деятельности.

Можно отметить, что весь путь эволюции подходов к проектированию структур управления можно разбить на «пять основных этапов: механический период (Ф. Тейлор, Г. Гантт, Ф. и Л. Гилбрет), рационалистический этап (М. Вебер, А. Файоль, Л. Урвик), гуманистический этап (Э. Мэйо, Ф. Ротлисберг, Ч. Барнард, Ф, Селзник, Д. МакГрегор, К. Анджирис и др.), органический этап (Т. Бернс и Д. Сталкер) и инновационный этап (П. Друкер, Т. Питерс, Р. Уотермен, И. Ансофф, У. Деминг)» [10].

Анализ деятельности предприятий свидетельствует о необходимости целенаправленного управления персоналом, что требует разработки предприятием обоснованной кадровой политики. Современный подход к проектированию связан с выделением этапов жизненного цикла человеческих ресурсов предприятия и соответствующих им технологий управления. К числу основных персонал-технологий Ю. П. Сурмин и Н. В. Туленков относят следующие: «…Прогнозирование потребности в кадрах, привлечение рабочей силы, профориентация, подбор персонала, адаптация и развитие персонала, управление движением кадров, мотивация и организация эффективной деятельности персонала, информационно-аналитическая работа» [11].

Согласно классификации персонал-технологий по принадлежности к «конкретным функциям кадрового менеджмента, выделяют: персонал-технологии, регулирующие количественные показатели персонала: технологии найма и увольнения; персонал-технологии, регулирующие качественные характеристики персонала организации: мотивирование и стимулирование, адаптации и развитие

персонала, оценка и продвижение» [12]. Данный процесс может быть представлен в виде последовательного развития по схеме: наем – адаптация – мотивация – оценка – увольнение.

Рассмотрим некоторые из представленных групп персонал-технологий более подробно. Прежде всего необходимо отметить, что любая работа в организации начинается с процедуры ее планирования. Планирование персонала является частью общей системы планирования организации, в рамках которой решается задача обеспечения организации рабочей силой необходимого количества и качества для выполнения стоящих перед ней задач. Основными целями проектирования человеческих ресурсов предприятия являются приведение их численности, качественного состава и структуры, затрат и режима воспроизводства во времени в соответствие с требованиями внешней среды.

Данные цели тесно связаны и должны быть направлены на реализацию целей более высокого уровня, вести к улучшению конечных показателей деятельности предприятия. Традиционно подход к нанимаемому персоналу как к ресурсу организации предполагает обращение к содержательным характеристикам данного ресурса. К последним чаще всего относят: психофизиологические характеристики работников, такие как возраст, пол, работоспособность, здоровье; квалификационные характеристики, в которые обычно включают уровень образования, знания, умения, навыки, профессиональный опыт, дополнительные компетенции; ценностно-мотивационные характеристики, такие как отношение к труду, место труда в системе ценностей работника, мотивирующая роль содержания и оплаты труда.

Поскольку основной структурой предприятия, обеспечивающей реализацию спроектированной кадровой политики, является функционирующая в той или иной форме служба управления персоналом, то проектирование, на наш взгляд, должно начинаться с организационного проекта самой кадровой службы. Такой проект должен включать организационный раздел, куда должна входить структура кадровой службы и документационное и информационное обеспечение ее работы, и функциональный раздел, включающий основные функции службы или применяемые ею персонал-технологии.

Результатом проектирования службы управления персоналом по предложенным направлениям становится проект нормативно-правового обеспечения службы управления персоналом, в котором находят отражение основные кадровые документы, регламентирующие работу системы управления персоналом предприятия: штатное расписание, положения об отделах и подразделениях, схема документооборота, правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда и премировании, коллективный договор, должностные инструкции, контракты сотрудников и т. п.

И организационная структура кадровой службы, и выполняемые ею функции на каждом предприятии будут зависеть от использованного на концептуальном уровне подхода к проектированию. Как мы уже отмечали, можно проектировать управление кадрами, можно проектировать управление человеческими ресурсами, можно проектировать управление человеческим капиталом. Спроектированная под потребности организации кадровая служба будет способна не только вырабатывать и реализовывать кадровую политику фирмы, в которой заложены целевая установка организации и основные задачи по использованию наемного персонала для достижения целей организации, но и доводить цели организации до каждого работника и, таким образом, обеспечивать понимание им связи между собственным благополучием и успешностью деятельности организации.

В заключение отметим, что проектирование эффективной кадровой политики

должно предшествовать изменениям внутренней и внешней среды организации, а не следовать за ними.

Список литературы

1. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Системный подход в оценке путей преодоления финансово-экономического кризиса // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – 2010. – № 3. – С. 213–224.

2. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. – 2014. – № 11 (109). – С. 38–47.

3. Карпова Г. А., Валеева Е. О. Развитие туризма как конкурентное преимущество территории (на примере субъектов СЗФО) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 1 (91). – С. 44–51.

4. Карпова Г. А., Хорева Л. В., Попова Т. Н. Рынок конгрессно-выставочных услуг: масштабы, тенденции, регулирование // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 6. – С. 76–83.

5. Сигов В. И., Карпова Г. А., Сигова М. В. Расширенное воспроизводство трудового потенциала как основной критерий становления и развития экономики знаний // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2013. – № 5 (83). – С. 4–13.

6. Антикризисное управление человеческими ресурсами / под ред. Н. А. Горелова. – СПб.: Питер, 2010. – 429 с.

7. Зайцева Т. В., Зуб А. Т. Управление персоналом. – М.: Инфра-М, 2006. – 336 с.

8. Dessler G. Human Resource Management. – Prentice Hall, 2012. – 718 p.

9. Экономика труда / под ред. Н. А. Горелова. – СПб.: Питер, 2007. – 704 с.

10. Хохлова Т. П. Эволюция методологии организационного проектирования: динамическое горизонтальное структурирование // Менеджмент в России и за рубежом. – 2006. – № 4. – С. 12–25.

11. Сурмин Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий. – Киев: МАУП, 2004. – 608 с.

12. Мелихов Ю. Е., Малуев П. А. Управление персоналом: портфель надежных технологий. – М.: Дашков и К, 2008. – 344 с.

Получено 07.06.15

A. L. Callas, Post-Graduate Student, St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law (e-mail: dekanat205@yandex.ru)

DESIGN PERSONNEL POLICY OF SERVICES IN CONDITIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC INSTABILITY

The article discusses the various conceptual approaches to the design of the personnel policy of service industries in fragile socio-economic situation. Substantiates the unity of organizational and functional approaches to design.

***Key words**: design personnel policy, forecasting needs, personnel management, human resources, human capital, labor collective, staff technology.*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в «Известиях ЮЗГУ» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– рекомендацию кафедры или научно-исследовательского отдела учреждения, в котором выполнена данная работа;

– разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа (обязательно для статей по техническим специальностям, по экономическим – по требованию редколлегии);

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

– электронный носитель (CD-диск).

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

7. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

8. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается краткая аннотация курсивом, отражающая краткое содержание статьи.

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **А.Л. Иванов**, канд. техн. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск) (e-mail: ivanov@gmail.com)
>
> **ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КАДРАМИ ГРАДООБРАЗУЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ**
>
> *В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.*
>
> **Ключевые слова:** агентное моделирование, градообразующее предприятие, событие.

9. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

10. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

Необходимо учитывать, что **полоса набора – 75 мм**. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. **Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!**

Все русские и греческие буквы (Ω, η, β, μ, ω, υ и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций (sin, cos, tg и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

11. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

12. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF,JPEG,PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы**.

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

13. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы. Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

14. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.: (4712) 50-48-19, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **http://www.swsu.ru/izvestiya/index.php**.